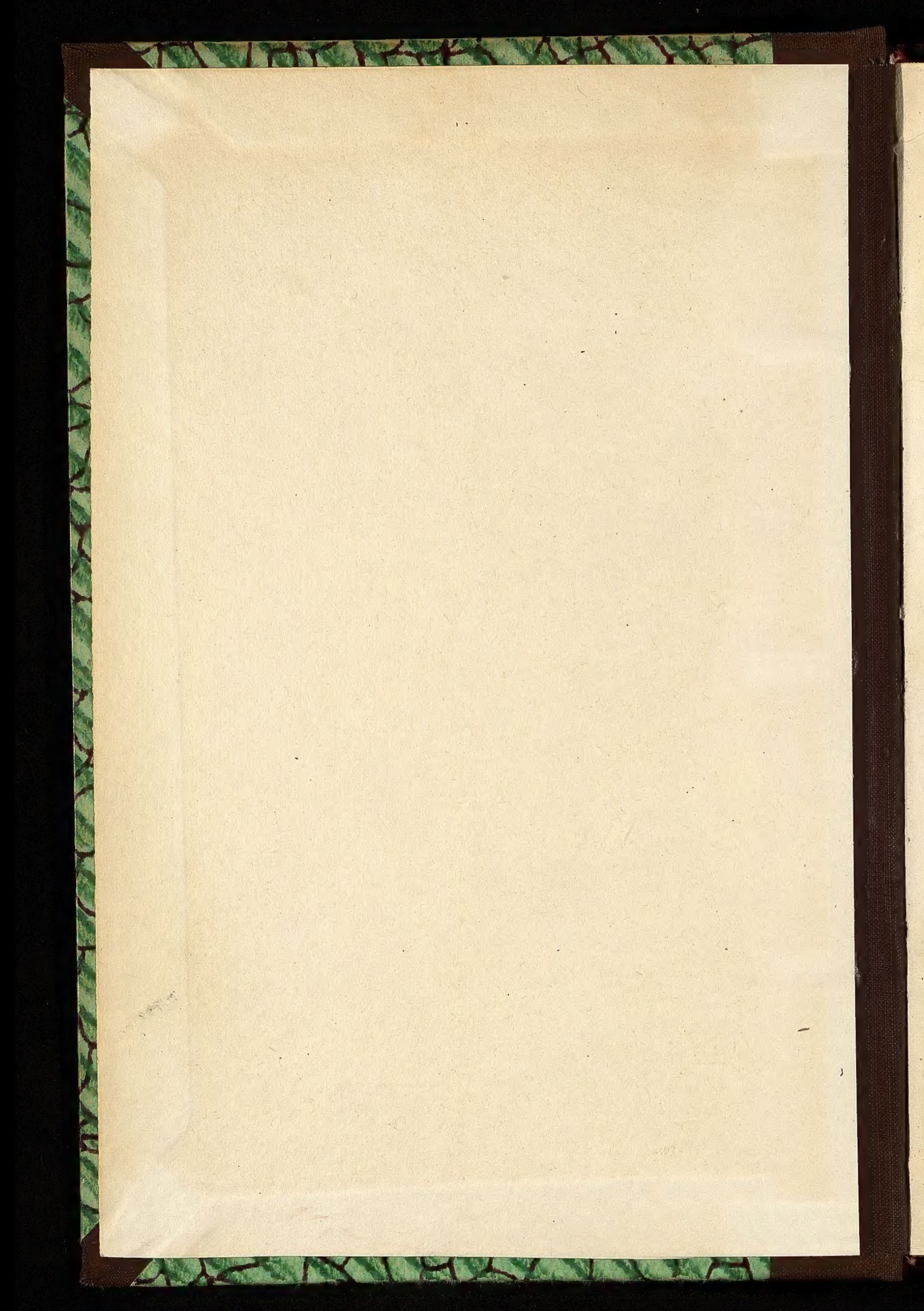
A2 3/98
т. 105



Просимъ, прежде всего, исправить:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
14	20 сн.	дѣти	дѣды
17	15 св.	стóлицы.	стóлицы, по словацки — въ нѣсколькихъ сёлахъ Унгварской стóлицы.
51	8 сн.	Szarvaszó ||рм.|рс.|	Szarvaszó ||рм.|рм.|
59	3 св.	и Эгрешъ	Шашваръ (Sásvár) и Эгрешъ
72	3 —	t. urb.	урб. вн.
167	14 —	Füzesériensis	Füzériensis
171	1 —	(*Nyír*), *Béltek*	(*Nyír*) *Béltek*
—	2 —	Timár	Timár, Újfalu
—	7 —	Viss	Thas, Viss
213	19 —	Certiz	Čertiz
233	1 сн.	Túskeszer	Tüskeszer
310	18 —	Baszily	Vaszily

Къ стр. 251, пр. 1 добавить: „Въ самой, впрочемъ, книжкѣ имя Беля нигдѣ не упомянуто“.

ПРЕДѢЛЫ

УГРОРУССКОЙ РѢЧИ

въ 1773 г.

ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ.

ПРЕДѢЛЫ УГРОРУССКОЙ РѢЧИ

въ 1773 г.

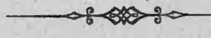
ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДАННЫМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

и

КАРТЫ.

А. ПЕТРОВЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1911.

2 экз.

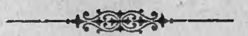
ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

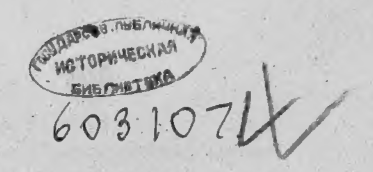
ЧАСТЬ CV.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1911.

Печатается по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. 23 августа 1911 года.

Деканъ *Э. Гриммъ.*



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отъ автора.

Въ 1891 г. нами были намѣчены главныя задачи изученія прошлаго угрорусской вѣтви русскаго народа:

„*Загадочная исторія его поселенія за Карпатами* тѣсно связана съ вопросомъ о родинѣ и постепенномъ географическомъ распространеніи всего русскаго племени. *Изученіе его просвѣщенія христіанской вѣрой и сохраненія у него православія* дало бы много важнаго для изслѣдователя судебъ православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгріи“ [1]).

Въ 1891—1893 гг., занятые, какъ подготовленіемъ къ лекціямъ на СПБ. Высшихъ Женскихъ Курсахъ, такъ и обработкой вывезенныхъ изъ заграничной командировки матеріаловъ для диссертаціи „Сборники формъ писемъ и грамотъ Генриха Итальянца изъ канцеляріи Отакара II Премысла, какъ историческій источникъ“, мы успѣли напечатать лишь нѣсколько несвязанныхъ между собой небольшихъ замѣтокъ о настоящемъ и прошломъ угроруссовъ [2]), въ весьма малой степени использовавъ сдѣланное нами во время восьмимѣсячнаго пребыванія въ Угріи въ 1890—91 гг. собраніе копій съ разнаго рода документовъ.

Слѣдующіе пять-шесть лѣтъ мы вынуждены были прервать всякую научную дѣятельность—кромѣ общихъ и спеціальныхъ лекцій по славяновѣдѣнію на Высшихъ Женскихъ Курсахъ [3]).

---

[1]) А. Петровъ, Матеріалы для исторіи угорской Руси, IV, стр. 17.

[2]) Старопечатныя церковныя книги въ Мукачевѣ и Унгварѣ, 1891 г.; Угрорусскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в., 1891 г.; Замѣтки по этнографіи и статистикѣ, 1892 г.; Памятники угрорусской письменности (по поводу Е. Сабова, Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ литературныхъ памятниковъ), 1893 г. Замѣтки эти перепечатаны въ IV выпускѣ нашихъ „Матеріаловъ для исторіи угорской Руси“, 1906 г.

[3]) При шести лекціяхъ на Курсахъ мы имѣли тогда тридцать недѣльныхъ уроковъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Лишь съ конца 1899 г. вновь получилась возможность вернуться къ наукѣ, но и то, первые годы, приходилось удѣлять угорской Руси не очень много времени: хотѣлось поскорѣе закончить изслѣдованіе о „Сборникахъ формъ Генриха Итальянца“. Этому изслѣдованію были уже посвящены долгія подготовительныя работы надъ обширнымъ печатнымъ и рукописнымъ матеріаломъ, провѣрка и пополненіе котораго отняли также не мало нашего досуга [1]).

При разрѣшеніи давно намѣченныхъ задачъ относительно угорской Руси мы признали болѣе цѣлесообразнымъ восходить не отъ неизвѣстной и темной древности къ позднѣйшимъ столѣтіямъ, а отъ болѣе близкаго къ намъ времени въ глубь вѣковъ. Эпоха императрицы и королевы Маріи Терезы, богатая важными для угорской Руси документами, и была выбрана точкой отправленія.

Остановившись на вспышкѣ православія въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII в., мы поставили изображеніе ея въ связь съ обслѣдованіемъ заключительнаго періода въ жизни православной угрорусской церкви съ половины XVII до половины XVIII в.—введеніе уніи и борьба ея съ православіемъ [2]).

Одновременно съ этой работой приготовленъ экскурсъ—разборъ грамоты князя Өеодора Коріатовича 1360 г. [3]): прежде, чѣмъ обратиться къ болѣе древней судьбѣ угрорусской церкви, необходимо было устранить этотъ подлогъ, породившій много легендъ и мѣшавшій правильному освѣщенію исторіи Мукачевской епархіи и вообще православной церкви въ Угріи.

Для выясненія границъ угрорусской рѣчи въ концѣ XVIII в. мы, въ 1907 г., разыскивали въ Государственномъ архивѣ въ Будапештѣ урбаріальные документы, значеніе которыхъ обнаружилось еще при первомъ знакомствѣ съ ними въ 1890 г. въ Унгварскомъ столичномъ архивѣ [4]). Найденный любопытный печатный текстъ угрорусскаго урбара и былъ, съ разнаго рода поясненіями и замѣчаніями, опубликованъ въ 1908 г. [5]).

---

[1]) „Сборники формъ писемъ и грамотъ Генриха Итальянца“ и т. д. вышло въ двухъ выпускахъ въ 1906 и 1907 гг.

[2]) „Старая вѣра“ и унія въ XVII—XVIII вв., I—II, 1905, 1906 г.

[3]) О подложности грамоты князя Өеодора Коріатовича 1360 г., 1906 г.

[4]) Матеріалы и т. д. IV, стр. 18.

[5]) Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Урбаръ и иные связанные съ крестьянской Маріи Терезы реформой документы, 1908 г.

Добравшись до оффиціальнаго экземпляра „Lexicon locorum populosorum“ 1773 г., мы сочли наиболѣе цѣлесообразнымъ въ основу изслѣдованія положить именно его данныя, иные же современные документы использовать для провѣрки и пополненія. Необходимо, конечно, было остановиться и на вопросахъ о возникновеніи, источникахъ и степени достовѣрности Лексикона.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію географическаго распространенія угроруссовъ въ предшествовавшія Лексикону времена, мы подвергли данныя конца XVIII в. сличенію съ позднѣйшими данными до начала XX в. для выясненія, насколько предѣлы угрорусской рѣчи потерпѣли измѣненія за послѣдніе сто тридцать лѣтъ. Этимъ путемъ достигалась также провѣрка Лексикона.

Бóльшая часть настоящаго изслѣдованія и посвящена таковому сличенію.

Изготовленіе изслѣдованія къ печати подвигалось довольно медленно, хотя общіе выводы уже выяснились. Замедленіе объясняется отчасти самымъ характеромъ этой, если можно такъ выразиться, мозаичной работы. Требовалось сравнить показанія разнообразныхъ источниковъ о большомъ количествѣ разноязычныхъ поселеній Угріи [1]), постоянно прибѣгая къ многократной самопровѣркѣ. Одно составленіе картъ и ихъ техническое выполненіе потребовало нѣсколькихъ мѣсяцевъ [2]).

Кромѣ того, мы хотѣли использовать не только тѣ документы, которые нами изучены въ 1907 г. и ранѣе, но и тѣ, которые въ 1907 г. были лишь намѣчены, что, отчасти, и сдѣлано при проѣздахъ черезъ Будапештъ въ 1908, 1909 гг., особенно же, во время командировки лѣтомъ 1910 г. Кромѣ поправокъ и дополненій въ самомъ изслѣдованіи, новые матеріалы дали намъ возможность въ VI главѣ обосновать давно сложившійся у насъ выводъ о судьбѣ части русскихъ поселеній ранѣе 1773 г. [3]).

[1]) Для бóльшей увѣренности, мы не ограничились поселеніями сомнительныхъ въ языковомъ отношеніи мѣстностей, но въ тѣхъ шести столицахъ, для которыхъ составлены нами особыя карты, сличили разнообразныя показанія о *всѣхъ* поселеніяхъ—болѣе 1.500. Конечно, бóльшая часть этого матеріала при окончательной обработкѣ была оставлена въ сторонѣ и не помѣщена въ изслѣдованіи.

[2]) См. предисловіе къ картамъ.

[3]) VI глава не исчерпываетъ, конечно, вопроса и является скорѣе этюдомъ. Необходимое дополненіе къ стр. 172—177 вносятъ стр. 303—305 въ приложеніи № 4: копія съ напечатаннаго на послѣднихъ страницахъ документа была доставлена намъ слишкомъ поздно.

Въ приложеніяхъ и экскурсахъ, съ одной стороны, сообщаемъ нѣкоторыя выдержки изъ рукописей, а также довольно рѣдкой книги Корабинскаго, могущія, какъ намъ казалось, представлять интересъ, а съ другой—даемъ свѣдѣнія о тѣхъ документахъ, на которые намъ приходилось ссылаться въ изслѣдованіи.

Выпуская въ свѣтъ изслѣдованіе, считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить нашу глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, благодаря поддержкѣ которыхъ стало возможнымъ появленіе этого труда.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ двукратнымъ назначеніемъ намъ стипендіи дало возможность, хотя бы на время, освободиться отъ значительной части учебныхъ занятій и вернуться къ научной дѣятельности, на которой, какъ намъ казалось, уже окончательно поставленъ крестъ. Безъ командировокъ отъ Отдѣленія за границу мы бы никогда не собрали необходимыхъ архивныхъ и иныхъ матеріаловъ. Страницы изданій Отдѣленія были всегда гостепріимно открыты для нашихъ работъ. Наконецъ, Отдѣленіе разрѣшило приложить къ изслѣдованію карты, изданныя на его-же счетъ. Нѣтъ нужды, конечно, распространяться и о томъ нравственномъ ободреніи, которое приносило намъ вниманіе Отдѣленія къ предмету нашихъ занятій.

Историко-филологическій факультетъ Имп. СПБ. Университета, удѣливъ мѣсто нашей работѣ въ своихъ Запискахъ и ассигновавъ нужныя для изданія средства, избавилъ насъ отъ задержки въ опубликованіи готовой уже работы, которая, иначе, оказалась бы, возможно, запоздалой.

Вѣскія рекомендаціи Венгерской Академіи Наукъ и Венгерскаго Историческаго Общества открывали всюду въ Угріи доступъ, Дирекціи Государственнаго Архива, Національнаго Музея и его Библіотеки всемѣрно облегчали изученія собраній ихъ хранилищъ.

Переходя къ отдѣльнымъ лицамъ, прежде всего слѣдуетъ высказать признательность нашему руководителю въ Университетѣ, а отчасти и послѣ него, В. И. Ламанскому, еще·

на студенческой скамьѣ внушившему намъ интересъ къ Угріи и угорской Руси и, вмѣстѣ съ незабвенными В. Г. Васильевскимъ и И. П. Минаевымъ, освоившему насъ съ пріемами научнаго изслѣдованія. А. А. Шахматовъ, шедшій всегда навстрѣчу нашимъ научнымъ предпріятіямъ, обнаруживалъ живое сочувствіе къ изученію угорской Руси, и къ нему мы обращались съ затруднявшими насъ вопросами и недоумѣніями. И. В. Ягичъ, во время нашихъ недолговременныхъ свиданій за границей, также проявлялъ большой интересъ къ нашимъ работамъ. Его лестныя рецензіи о нашей научной дѣятельности не мало поддерживали насъ на избранномъ пути [1]. А. И. Соболевскій часто давалъ намъ цѣнныя указанія. Э. А. Вольтеръ, съ присущей ему предупредительностью, создалъ самыя удобныя условія пользованія книгами Библіотеки.

Въ Угріи, къ кому бы мы ни обращались, всюду встрѣчали полное вниманіе и дѣятельную поддержку. Назовемъ имена тѣхъ лицъ, которымъ мы особенно обязаны:

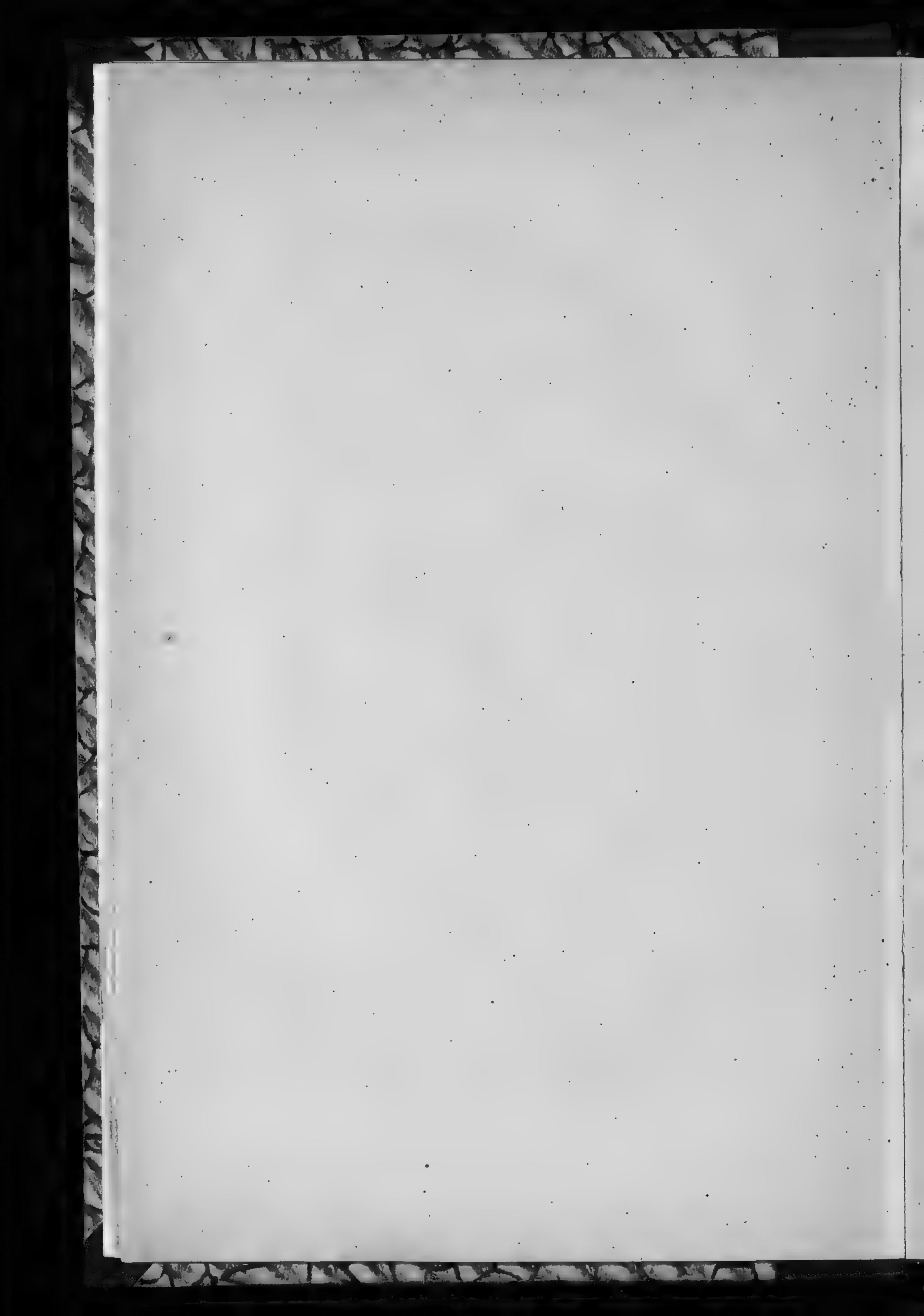
Въ Будапештѣ: въ Академіи Наукъ президентъ ея г. Берзевици и генеральный секретарь г. Гейнрихъ; въ Государственномъ архивѣ главный архиваръ г. Надь, архивары гг. Мароти, Петко, Таганьи; въ Національномъ Музеѣ директоръ его г. Салаи, директоръ библіотеки Музея г. Фейерпатаки, библіотекари гг. Альдаши и Мелихъ, кустосъ г. Стрипскій.

Въ Унгварѣ Его Преосвященство Мукачевскій епископъ Юлій (Фирцакъ), оо. каноники Паппъ и Фейеръ; въ Мукачевѣ археологъ и историкъ г. Легоцкій; въ Пресбургѣ препозитъ капитула о. Комлоши и проф. г. Годинка; въ Мараморошскомъ Сиготѣ археологъ и историкъ г. Михальи.

Не можемъ также безъ теплаго чувства вспомнить и о нашихъ будапештскихъ друзьяхъ, объ о. протоіереѣ Ѳ. Н. Кардасевичѣ съ семьей и объ о. іереѣ С. Я. Колумбовѣ, всегда съ полной готовностью облегчавшихъ жизнь русскаго на чужбинѣ.

---

[1]) Arch. slav. Phil. XVII и XXXII.



Списокъ сокращеній [1]).

Бр.	—	Брохъ: Broch, Studien von der slovakisch-klein-russischen Sprachgrenze.
В.	—	Великій,—ая,—ое.
вн.	—	вноски въ урбаръ.
Врх.	—	Верхній и т. д.
Вшн.	—	Вышній.
К.	—	Корабинскій: Korabinsky, Geographisch-historisches und Producten Lexicon von Ungarn.
к.	—	католики, католическій.
Кл.	—	Клима: Klíma, Rusko-slovenská hranice na východě Slovenska.
М.	—	Малый.
м.	—	мадьяры, мадьярскій.
Мат.	—	Матеріалы: А. Петровъ, Матеріалы для исторіи угорской Руси.
Н.	—	Новый.
н.	—	нѣмцы, нѣмецкій.
нар.	—	народность.
Нжн.	—	Нижній.
подп.	—	подписка крестьянъ.
рм.	—	румыны, румынскій.
рс.	—	русскіе. русскій.
С.	—	Сирмаи: Szirmay, Notitia politica, historica, topographica comitatus Ugochiensis; Notitia topographica, politica comitatus Zempléniensis.
сл.	—	словаки, словацкій.
срб.	—	сербы, сербскій.
ст.	—	сотакъ, сотацкій.
Ст.	—	Ставровскій: Ставровскій, Списокъ сёлъ Пряшевской епархіи (Гнатюк, Русини Пряшівської епархії і їх говори).

---

[1]) Сокращенія въ спискахъ мѣстныхъ названій и на картахъ см. ниже на своемъ мѣстѣ.

Ст. — Старый.
Т. — Томашівський: Томашівський, Етноґрафічна карта Угорської Руси.
т. — территорія [1]).
ун. — уніаты.
урб. — урбаръ.
Ф. — Феньешъ: Fényes, Magyarországnak mostani állapotja statistikai és geographiai tekintetben.
Ц. — Цамбель: Czambel, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov.
Ч. — Чёрнигъ: Czoernig, Ethnographische Karte der österreichischen Monarchie; Ethnographie der österreichischen Monarchie, I.
1900 г.— Оффиціальная перепись 1900 г.

---

l. t. — litterae testimoniales.
t. p. — tabella partialis.
t. u. [2]) — tabella universalis.

---

[1]) На картѣ Чёрнига: сл. рс. т.=словацко-русская территорія; м. т.=мадьярская территорія и т. п.
[2]) Кое-гдѣ, t. un.

I.

„Лексиконъ населенныхъ мѣстъ королевства Угріи“ и иные, близкіе къ нему по времени документы.

Еще въ 1891 г. мы обратили вниманіе на рукопись Національнаго Музея (Nemzeti Muzeum) въ Будапештѣ fol. lat. № 290: Conscriptio Regni Hungariae secundum loca, religionem et linguam, jussu Augustae Reginae 1772 facta, s. XVIII, pp. 254 [1]). Лѣтомъ 1907 г. въ Государственномъ архивѣ (Országos levéltár) въ Будапештѣ мы ознакомились съ ея оригиналомъ—оффиціальнымъ экземпляромъ, составленнымъ для Королевскаго Штатгальтерскаго Совѣта (Consilium Regium Locumtenentiale). Приносимъ чрезвычайную благодарность г. архивару, д-ру К. Таганьи, указавшему намъ его.

Рукопись—разныхъ почерковъ—in folio, въ кожаномъ переплетѣ. Передъ началомъ списка населённыхъ мѣстъ каждой стóлицы приклеены пергаментные язычки съ названіемъ стóлицы.

На листѣ 1a заглавіе: Lexicon universorum Regni Hungariae locorum populosorum una perhibens Primo: quaenam ex his pagi, quaeve oppida sint? Secundo: an et cujus religionis parochos et ludimagistros habeant? Tertio: quae principaliter in singulis lingua vigeat? Cum adjecto indice alphabetico et summario extractu tabellari erga Benignum Sacrae Suae Caesareae et Regio-Apostolicae Majestatis Mandatum Die 6-ta Martii anni 1772 emanatum. Ex eatenus submissis comitatuum informationibus

Per officium exactoratus Excelsi Consilii Locumtenentialis Regii humillime efformatum a. D. MDCCLXXIII.

Внизу страницы краснымъ карандашемъ: ad № 5213, 773.

---

[1]) Ее потомъ отмѣтилъ и И. П. Филевичъ, Отчетъ о заграничной командировкѣ на лѣтнее вакаціонное время въ 1895 г., стр. 9 (Варш. Унив. Извѣстія, 1896, № VIII).

Листъ 1б—пустой. Съ листа 2а начинается „Connotatio locorum populosorum“, занимающее 155 листовъ; страницы перенумерованы (1—310). Далѣе, на тридцать одномъ листѣ—алфавитный „Index Regni Hungariae locorum populosorum“, съ указаніемъ страницъ Connotationis: на первыхъ 26-ти листахъ мадьярско-латинскія, на послѣднихъ 5-ти—нѣмецкія названія. Послѣ Index'а вшита тетрадка въ 6 листовъ меньшаго формата: „Connotatio и т. д. comitatus Temessiensis“. За ней—еще 1 листъ; на 1-й страницѣ: „Extractus universorum locorum populosorum, parochorum item et ecclesiarum ministrorum, necnon ludimagistrorum, per Regnum Hungariae reperibilium“, на 2-й: „Liberae Regiaeque ac respective Montanae Regni Hungariae civitates“.

Connotatio даетъ перечень населённыхъ мѣстъ *собственно* Угріи [1]) по сто́лицамъ и дистриктамъ (въ алфавитномъ порядкѣ), а въ сто́лицахъ—по округамъ (processus) и доминіямъ [2]). Въ каждомъ отдѣлѣ населенныя мѣста расположены также въ алфавитномъ порядкѣ названій въ подрубрикѣ linguâ latinâ, не всегда, однако, строго выдержанномъ.

Текстъ раздѣленъ на рубрики:

Первая: Nomina locorum in linguâ: Latinâ, Hungaricâ, Germanicâ, Slavonicâ [3]). Названія послѣдовательно даны лишь въ первыхъ двухъ подрубрикахъ [4]). Въ третьей и четвертой—далеко не всегда [5]). Въ иныхъ сто́лицахъ вмѣсто linguâ Germanicâ, Slavonicâ стоитъ linguâ Ruthenicâ [6]), Valachicâ [6]) или Illyricâ, Croaticâ.

Вторая рубрика: Est pagus vel oppidum?

---

[1]) Безъ Трансильваніи, Баната, Военной Границы, Хорватіи и Славоніи.

[2]) Административное раздѣленіе сто́лицъ Угріи (а также, до извѣстной степени, и очертаніе границъ сто́лицъ) измѣнялось, и не одинъ разъ. На нашихъ картахъ мы не сочли возможнымъ (да это и не имѣло значенія для нашей цѣли) воспроизвести раздѣленіе сто́лицъ по Лексикону, главнымъ образомъ, по техническимъ соображеніямъ: сёла отдѣльныхъ доминій, по бо́льшей части, не составляютъ территоріальнаго цѣлаго, а разбросаны въ разныхъ частяхъ сто́лицы, и ихъ пришлось бы отмѣчать особыми условными знаками, что̀ безъ нужды испестрило бы карты. Границы округовъ проведены по атласу Гёрёга, съ котораго скопированы карты отдѣльныхъ сто́лицъ (см. предисловіе къ картамъ).

[3]) Т. е. словацкомъ.

[4]) Въ громадномъ большинствѣ названія, понятно, въ обѣихъ подрубрикахъ одни и тѣ же, т. е. мадьярскія. См. предисловіе къ картамъ.

[5]) Такъ, въ processus primus Спишской сто́лицы словацкихъ названій совсѣмъ нѣтъ.

[6]) Въ Мараморошской, напримѣръ, сто́лицѣ. Бо́льшею же частью русскія названія помѣщены въ подрубрикѣ linguâ Slavonicâ.

Третья рубрика: Habet parochum religionis? Въ отвѣтахъ: Catholicae, Graeci ritus uniti [1]), Graeci ritus non uniti [1]), Augustanae, Helveticae, Acatholicae.

Четвертая рубрика: Habet ludimagistrum? Въ отвѣтахъ указано ихъ число [2]).

Пятая рубрика: Principaliter in eodem viget lingua? По бо́льшей части указанъ одинъ господствующій языкъ: Hungarica, Germanica, Slavonica, Illyrica, Croatica, Ruthenica, Valachica, Polonica [3]), Vandalica [4]). Рѣже—два: Hungarica et Ruthenica, Hungarico-Ruthenica, Germanica et Ruthenica, Ruthenica-Slavonica, Slavo-Ruthenica [5]), Illyrica-Ruthenica, Slavonica-Germanica и т. п. Кое-гдѣ пятая рубрика осталась незаполненной [6]).

Extractus, въ которомъ подведены итоги данныхъ Лексикона, представляетъ—пока Лексиконъ еще не изслѣдованъ цѣликомъ—несомнѣнный интересъ, давая общую картину распредѣленія языковъ въ Угріи. Находимъ не лишнимъ напечатать его in extenso въ приложеніи [7]), здѣсь же ограничимся лишь нѣкоторыми замѣчаніями.

Поселенія, въ которыхъ употреблялись два языка, въ „Extractus“ сосчитаны въ рубрикахъ обоихъ [8]). Въ слѣдствіе

---

1) Чаще просто Graeci ritus.

2) Но не религія; учителя, обыкновенно, были въ тоже время и причетниками, и, слѣдовательно, принадлежность ихъ къ той или иной религіи опредѣляется третьей рубрикой.

3) 24 села въ Оравской сто́лицѣ, 3—въ Липтовской и 1—въ Торнянской. Въ 1787 г. польскихъ сёлъ указано въ Оравской ст. также 24, въ Липтовской—7, въ Торнянской—1 (Bidermann, Die ungarichen Ruthenen ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte, Innsbruck, I, 1862, II_1, 1867; II, стр. 82, пр. 3).

4) Т. е. словинскій—въ 22-хъ сёлахъ Саладской сто́лицы.

5) Терминъ Slavo-Ruthenica не вполнѣ ясенъ. Обозначаетъ ли онъ употребленіе населеніемъ *смѣшаннаго* словацко-русскаго языка или же словацкаго и русскаго? Думаемъ, что послѣднее толкованіе правильнѣе. По нашему мнѣнію, русскихъ отличали отъ словаковъ *не* на основаніи языка (см. ниже). Ср. также lingua Hungarico-Ruthenica: здѣсь, конечно, разумѣется не какая-то мадьярско-русская мѣшанина, а lingua Hungarica *et* Ruthenica.

6) Иногда съ помѣткой: „non informavit“.

7) Приложеніе № 1. Весьма важно было бы нанести на карту данныя Лексикона относительно *всей* Угріи.

8) Такъ, въ Угочской ст. всего 66 поселеній; изъ нихъ, по Лексикону: рус.—33, мад.—14, мад. рус.—13, рум.—6; русскій языкъ, слѣдовательно, употреблялся всего въ 46-ти пос., мадьярскій—въ 27. По Extr.—рус.—въ 45, мад.—въ 28. Въ Шаришской ст., по Лексикону, всего 369 поселеній, изъ нихъ рус.—137, слов.—213, слов. рус.—17, слов. нѣм.—1, мад.—1; такимъ образомъ, русскій языкъ употреблялся въ 154-хъ поселеніяхъ, словацкій—въ 231-мъ. По Extr.—почти тоже: русскій въ 154-хъ, словацкій—въ 233-хъ и т. д.

этого, цифры въ рубрикѣ „lingua“ въ стóлицахъ, гдѣ находились смѣшанныя поселенія, *больше*, чѣмъ поселеній было въ дѣйствительности [1]). Во всей Угріи въ рубрикѣ „lingua“ показано 8.926 поселеній, въ рубрикѣ же „habet loca №№“—всего 8.742, слѣдовательно, въ 184-хъ поселеніяхъ было разноязычное население безъ рѣшительнаго перевѣса какого-либо одного языка; языкомъ незначительныхъ меньшинствъ не интересовалось правительство.

Во всей Угріи, по Extractus, *мадьярскій* языкъ употреблялся въ 3.623-хъ поселеніяхъ (42,8%), *словацкій*—въ 2.629-ти (29,4%), *русскій*—въ 742-хъ (8,3%), *румынскій*—въ 671-мъ (7,5%), *нѣмецкій*—въ 663-хъ (7,4%), *хорватскій*—въ 396-ти (4,6%), *сербскій*—въ 152-хъ (1,7%), *польскій*—въ 28-ми (0,3%), *словинскій*—въ 22-хъ (0,2%) [2]).

Мы не провѣряли итоговъ Extractus. Ошибки при подсчетѣ, несомнѣнно, существуютъ. Напримѣръ, по Лексикону въ Бережской стóлицѣ 4 нѣмецкихъ и ни одного словацкаго [3]) села, по Extractus—5 нѣмецкихъ селъ и 1 словацкое. Въ Унгварской стóлицѣ русскихъ сёлъ 77, относительно 10-ти сёлъ (почти всѣ въ русской части стóлицы) господствующій языкъ не обозначенъ, въ Extractus — послѣднія причислены къ русскимъ, и получилась цифра 87.

Рукопись Національнаго Музея fol. lat. № 290—сокращенная копія съ Лексикона. Въ ней только три рубрики: Nomina locorum, Cujus religionis parochus, Quae lingua viget.

---

[1]) Въ Бачской ст., напримѣръ, по этой рубрикѣ Extractus—112 поселеній, въ дѣйствительности же—89, въ Сабольчской ст.—132, въ дѣйствительности—126 и т. д.

[2]) Въ 1787 г. *мадьярскій* языкъ употреблялся въ 3.668-ми поселеніяхъ (+45), разные *славянскіе*—въ 5.789-ти (+1820), *румынскій*—въ 1.024-хъ (+353), *нѣмецкій*—въ 921-мъ (+250) (Schwartner, Statistik d. Königreichs Ungarn, 1798, стр. 90). Разница, конечно, объясняется тѣмъ, что у Швартнера въ подсчетъ включены стóлицы Хорватіи и Славоніи и часть Трансильваніи.

По оффиціальной переписи 1880 г. въ тѣхъ же стóлицахъ Угріи, данныя о которыхъ занесены въ Лексиконъ, на все населеніе (въ тысячахъ) 10.336 лицъ, съ роднымъ *мадьярскимъ* языкомъ было 5.657 (54,7%), со *словацкимъ*—1.832 (17,7%), съ *нѣмецкимъ*—1.311 (12,7%) съ *румынскимъ*—683 (6,8%, съ *сербохорватскимъ*—378 (3,7%), съ *русскимъ*—352 (3,4%). *Поляки* причислены къ *словакамъ* (Czambel, Slovenská reč, стр. 64), *словинскій* языкъ разумѣется въ рубрикѣ „иные языки“. Цифровыя данныя взяты изъ Lang és Jekelfalussy, Magyarország népességi statisztikája, Budapest, 1884, стр. 108—114.

[3]) Употребляемъ здѣсь и впредь такое выраженіе вмѣсто болѣе точнаго: село, въ которомъ населеніе преимущественно употребляетъ *нѣмецкій*, *словацкій* языкъ.

Названія мѣстностей—лишь по мадьярски. Extractus отсутствуетъ.

Остановимся теперь на вопросѣ о возникновеніи Лексикона. *Въ печатныхъ трудахъ*, насколько, по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, *о Лексиконѣ нигдѣ не упоминается* [1]). Пришлось обратиться къ архивнымъ матеріаламъ.

Въ Государственномъ архивѣ намъ удалось разыскать нѣсколько оффиціальныхъ документовъ Штатгальтерскаго Совѣта 1769—1773 гг., а также годовые за 1771—1773 гг. отчеты Совѣта Императрицѣ и Королевѣ, составленные по протоколамъ его засѣданій [2]).

Мы знаемъ, что въ концѣ 60-хъ годовъ XVIII в. военными властями производилась перепись Угріи, оффиціальной цѣлью которой было собрать матеріалы для военно-топографической карты, но при этомъ заносились и иныя данныя, которыми правительство могло бы воспользоваться при проведеніи задуманной урбаріальной реформы [3]). Тѣмъ не менѣе, Угрія во многихъ отношеніяхъ оставалась для правительства чуть не terra incognita [4]).

---

[1]) Слова Бидермана (Die ungarischen Ruthenen): „Am längsten behaupteten sich die Magyaren hier (im Sároser Komitat) zu Tehány, wo noch bei der Nationalitäten-Beschreibung vom J. 1772 *welche* vorgefunden wurden" (II, 79. пр. 1) врядъ ли могутъ указывать на Лексиконъ. По Лексикону въ Téhany—principaliter viget lingua Hungarica, а не только „welche vorgefunden wurden". Ни въ перечнѣ использованныхъ Бидерманомъ рукописей (I, стр. XI—XVI), ни гдѣ либо въ текстѣ, о Лексиконѣ ничего нѣтъ. Не есть ли Nationalitäten-Beschreibung—анонимное Beschreibung des Königreichs Hungarn, Pressburg, 1772 (Havass, Magyar földrajzi könyvtár, Budapest, 1893, стр. 4)? Самой книги мы не видали.

[2]) Historica Rerum penes Consilium Regium Locumtenentiale decursu anni 1771 и т. д. pertractatarum Deductio, opera Em. Németh— —Protocollistae elaborata; сигн.—ad fasc. 49, № 250 и т. д. Это—толстые томы (около 300 стр.) въ большую 4°.

[3]) А. Петровъ, Матеріалы для исторіи угорской Руси (далѣе цитируемъ: Мат.). V. Первый печатный памятникъ угрорусскаго нарѣчія. Урбаръ и иные связанные съ крестьянской Маріи Терезы реформой документы. С.-ПБ. 1908, стр. 8—10.

[4]) И позже дворянство, опасаясь съ той или другой стороны покушеній на свои имущественныя и иныя права, считало нужнымъ хранить въ тайнѣ свѣдѣнія, какъ о своихъ владѣніяхъ, такъ и вообще о состояніи Угріи. См. напримѣръ, A. Szirmay, Notitia— —comitatus Ugochiensis a. 1805: „Citationes— —documentorum, tum compendii causa, tum ne litibus inter familias ansam praebeamus, exmittemus, velut hac ex ratione in Notitia quoque Comitatus Zemplén per Censuram nobis deletas" (стр. 68). Его же, Szathmár vármegye— —esmeréte, 1809 г.: „Дворянскія фамиліи нашего отечества не желаютъ показывать свои дипломы и грамоты, и лишь послѣ долгихъ просьбъ и переписки можно получить разрѣшеніе снять съ нихъ копіи". (предисловіе). Ср. также A. Fényes, Statistik d. Königreichs Ungarn:

Составленіе Лексикона (или, какъ его первоначально называли, „Generalis Cathalogus, Generalis Tabella") было вызвано практическими потребностями. У центральнаго правительства не имѣлось точныхъ свѣдѣній, къ какой епархіи или къ какой столицѣ относятся тѣ или другія населенныя мѣстности, вслѣдствіе чего, при обсужденіи подаваемыхъ населеніемъ жалобъ и просьбъ въ высшую инстанцію, особенно по церковнымъ дѣламъ, приходилось въ отдѣльныхъ случаяхъ прибѣгать къ затруднительнымъ и продолжительнымъ изысканіямъ [1]).

Первый мандатъ Императрицы и Королевы Штатгальтерскому Совѣту объ этомъ дѣлѣ помѣченъ 17-мъ ноября 1769 г. [2]), слѣдующій — 11-мъ мая 1771 г. [3]). Совѣтомъ была составлена и отпечатана форма опросныхъ листовъ [4]). Въ засѣданіи Совѣта 1-го іюля 1771 г. постановлено было разослать опросные листы всѣмъ епископамъ и Остригомскому Генеральному Викарію съ требованіемъ тщательнѣйшимъ образомъ заполнить должными отвѣтами рубрики листовъ и возможно скорѣе возвратить ихъ Совѣту [5]).

„Unsere besondere politische Lage war und ist auch gegenwärtig Ursache, dass die wichtigsten statistischen Daten einem tiefen Staatsgeheimnisse gleich bewahrt werden. Der Ungar macht seine Kräfte ungern bekannt, weil er nicht will, dass selbe durch seine Feinde gemessen werden.— —So ist jenes Heimlichthun dergestalt in unser Blut übergegangen, dass selbst in der gegenwärtigen Zeit derjenige mit fast unüberwindlichen Hindernissen Kämpfen muss, der nur ein leidliches Bild unseres Vaterlandes entwerfen will" (I, стр. III).

[1]) Cum non raro occidat incolas particularium possessionum in variis ocurrentiis et persaepe Religionis negotio instantias jam Suae Majestati Caesareo-Regiae Apostolicae, jam Consilio huic Locumtenentiali porrigere, quin tamen cuinam Comitatui aut Dioecesi locus talis ingremiatus sit, exprimant, quo vero Episcopum suum, cujus spirituali jurisdictioni subsunt, indicarent, id fere semper omittunt. Cum autem notitia utriusque Consilio huic Regio fine faciendorum in locis debitis dispositionibus perquam necessaria sit atque hucadusque non sine longioribus ac molestis percontationibus adipisci potuerit, ea propter (см. ниже) (Historica deductio за 1771 г. cap. I, § 4).

[2]) № 1294.

[3]) № 201.

[4]) Juxta adnexum formulare, secundum advolutum formulare (Hist. Ded. за 1771 г., cap. I, § 4). Объ этихъ опросныхъ листахъ см. ниже.

[5]) Ea propter omnibus Dioecesanis et Vicario Generali Strigoniensi ex Conssessu, die 1-a Julii celebrato, intimavit Consilium hoc Locumtenentiale Regium, quatenus cathalogum omnium locorum, intra ambitum Dioecesis suae existentium seu illa jurisdictioni ordinariae pareant, seu exempta sint, seu denique pure acatholica, proprium confessionis suae ministrum tenentia, servato alphabeti stricto ordine, secundum advolutum formulare ibique expressas rubricas, conficiant taliterque omni cum accuratione confectum consilio huic, quam fieri poterit, celerrime transmittant (ib.).

Далеко не всѣ епископы поспѣшили исполнить предписаніе, иные же исполнили, но не точно[1]) и не удовлетворительно; послѣднимъ опросные листы отосланы обратно для исправленія.

Въ 1771 г. дѣло дальше и не подвинулось, рѣшено было обождать, пока не будутъ получены „каталоги“ отъ всѣхъ епископовъ [2]).

Неаккуратность и медленность духовныхъ властей побудили правительство обратиться къ свѣтскому элементу, къ сто́лицамъ. При этомъ правительство расширило задачу. Оно пожелало воспользоваться случаемъ, чтобы собрать болѣе точныя свѣдѣнія о разновѣрномъ и разноязычномъ населеніи страны. Извѣстно, что къ вопросу о языкѣ населенія правительство въ то время относилось съ особымъ интересомъ [3]).

Просмотрѣвъ Historicam Deductionem за 1771 г., Императрица и Королева повелѣла Совѣту 13-го февраля [4]) и 6-го марта 1772 г. [5]) потребовать и отъ сто́лицъ такихъ же „каталоговъ“.

Подробныхъ инструкцій мы не нашли, но новый, расширенный планъ каталога изложенъ въ одобренномъ концептѣ мандата Императрицы и Королевы [6]). Въ немъ на поляхъ, со знакомъ ‖‾, находятся именно эти важныя дополненія [7]). Вотъ выдержки изъ него:— —ad dispositionem illam [8]), ut Dioecesani cathalogum omnium locorum, intra ambitum Dioecesis suae existentium submittant, Nos— —velle, ut dispositio haec ad omnes etiam Comitatus extendatur, *quo nullo absolute populato loco seu curiali seu portionali omisso*, ubi respectu hujus aut illius loci pro diversitate linguarum Latinae, Hungaricae, Germanicae et Slavicae diversa compellatio in usu esset, locus unusquisque in omnibus his linguis designetur, *addito in eo, an*

---

1) Ib. Такъ, Ягерскій епископъ прислалъ лишь перечень сто́лицъ, входящихъ въ его епархію (ib.).

2) Qui (присланный Нитрянскимъ епископомъ каталогъ)— —, donec a reliquis Dioecesanis pares cathalogi confecti et horsum submissi fuerint, ac dein ex omnibus Generalis Cathalogus confici possit, ad cumulum repositus est (ib.).

3) Мат. V, стр. 14—15 и прим.

4) № 742.

5) № 843. Этого мандата мы не видали. Содержаніе его передано въ докладѣ Совѣта 14-го сентября 1773 г. (ad № 843).

6) Ad № 843, безъ даты, очевидно, между 6-мъ и 23-мъ марта. На немъ подпись: exeat, revis. Vice—Canc.

7) Отмѣчаемъ ихъ курсивомъ.

8) Ссылка на Historica Deductio за 1771 г., cap. I, § 4.

oppidum vel pagus sit? et an cujusve religionis parochus in loco sit? ubi praeterea ludimagistri existant? et quae lingua principaliter vigeat? ubi dein hi etiam cathalogos submiserint, ex his a dioecesanis item acceptis— —tabella formetur.

23-го марта 1772 г. Совѣтомъ посланы были должныя распоряженія столицамъ [1].

Въ 1772 г. большая часть столицъ и епископовъ доставили Совѣту „каталоги", и было приступлено къ обработкѣ матеріала. Неприславшимъ отправлено предписаніе объ ускореніи. [2]

По винѣ ли Совѣта или по винѣ столицъ и епископовъ, дѣло подвигалось медленно, и 12-го марта 1773 г. Императрица и Королева настоятельно приказала поспѣшить съ окончаніемъ [3].

14-го сентября 1773 г. Лексиконъ былъ представленъ въ Штатгальтерскій Совѣтъ, одинъ экземпляръ поднесенъ Императрицѣ и Королевѣ, другой остался въ Совѣтѣ для руководства имъ въ будущемъ [4].

Многіе епископы, несмотря на частыя напоминанія, оказались крайне небрежными; иные вовсе не прислали ката-

---

[1]) Factis apud Regni Comitatus et Districtus— —sub 23-a Martii congruis dispositionibus (Hist. Ded. за 1772 г., введеніе). При этомъ, вѣроятно для ускоренія дѣла, столицамъ были разосланы заготовленные для епископовъ печатные опросные листы *безъ* рубрикъ о дополнительныхъ пунктахъ. Только такіе, заполненные столицами листы и имѣются на лицо въ архивѣ (см. ниже). Формы для дополнительныхъ свѣдѣній, несомнѣнно, были также выработаны, напечатаны и разосланы позднѣе. По порядку тогдашняго дѣлопроизводства, каждый актъ долженъ былъ быть составленъ по заранѣе предписанной формѣ (ср. Мат. V, стр. 12, пр. 1, 14—16, 19). Къ сожалѣнію, дополнительныхъ опросныхъ листовъ съ отвѣтами столицъ намъ не удалось найти въ архивѣ, хотя они были бы полезны для исправленія могшихъ вкрасться въ Лексиконъ ошибокъ или описокъ.

[2]) Complures jam Comitatus et Districtus, non secus et Dioecesani praeattactum Cathalogum jam submiserunt, et illisque Generalis Tabella in Officio Exactoratus elaboratur, restantes porro nonnulli adhuc Comitatus et Dioecesani ad celeriorem illius submissionem adhortati sunt (Hist. Ded. за 1772 г., введеніе).

[3]) Quoniam— —Sua Majestas— —ultra quoque efficaciter insisti ac— —Ordinationi Suae cum accuratissima (elaboratione?) ejusdem tabellae satisfieri die 12-o Martii anni currentis— —praecipere dignata sit (Hist. Ded. за 1773 г., cap. I, § 1).

[4]) Hinc humillime subjungitur: saepementionatam Tabellam seu potius Lexicon universorum Regni Hungariae locorum, una perhibentem (названія рубрикъ), per Officium Exactoratus——efformatum ac in consessu, die 14-a Septembris celebrato, exhibitum fuise, ex qua patet (общіе итоги). Cujusmodi Tabellae unum exemplar ——Suae Majestati Sacratissimae demisse representatum extitit, aliud vero pro futura directione penes Consilium hoc Locumtenentiale Regium asservatur (ib).

логовъ, иные прислали такъ плохо составленные, что ихъ возвратили для исправленія [1]), иные прислали гораздо позднѣе [2]). Такимъ образомъ, въ основу Лексикона легли только Comitatuum informationes [3]).

„Каталоги" столицъ и нѣкоторыхъ епархій имѣются на лицо въ архивѣ. Это—таблицы большаго формата, раздѣленныя на 22 рубрики съ печатными заголовками.

Рубрика 1-ая:

Locus hic latine appellatur modo infraposito.

Рубрика 2-ая:

Estne locus hic civitas, oppidum, pagus, praedium, castrum, fortalitium, promontorium, thermae, allodium, villa, diverticulum, vicus, papina vel. quid aliud?

Рубрика 3—15-ая (подъ общимъ заглавіемъ: Locus hic, in rubrica 1-ma expositus, quibus linguis infrapositis qualiter appellatur):

Hungaricâ, Germanicâ, Slavonicâ, Sclavonicâ, Dalmaticâ, Valachicâ, Vandalicâ, Illyricâ, Rascianicâ, Ruthenicâ, Polonicâ, Croaticâ, Svevicâ.

Рубрика 16-ая и 17-ая (Locus hic est in):

Comitatu vel districtu, separatas portas habente T (ali); Eujsdem comitatus vel districtus, separatas portas habentis, processu T.

Рубрики 18-ая и 19-ая: (Locus hic est in):

Dioecesi T. Ejusdem dioecesis districtu T.

Рубрика 20-ая:

Locus hic qua non exemptus subest (quantum ad catholicos) jurisdictioni in spiritualibus Archi—vel Episcopi Latini Ritus T.; vel qua exemptus subest jurisdictioni hujus vel illius T.

Рубрика 21-ая:

Locus hic (quantum ad Graeci Ritus catholicos) subest jurisdictioni episcopi Graeci Ritus T.

Рубрика 22-ая:

Locus hic (quantum ad Graeci Ritus non unitos) subest jurisdictioni Archi—vel Episcopi Graeci Ritus non uniti T.

---

[1]) Ib.

[2]) Ягерскій епископъ, напримѣръ, лишь въ 1781 г. (Orsz. lev.).

[3]) Возможно, впрочемъ, что кое-чѣмъ изъ отвѣтовъ епископовъ составители Лексикона и воспользовались. Конечно, это только предположеніе.

Во всѣхъ таблицахъ заполнены рубрики 1—3 и 17—20 [1]); изъ рубрикъ же 4—15 заполнены разныя рубрики въ разныхъ стóлицахъ. Такъ, въ Мараморошской столицѣ (№ 23)—рубрики 8-ая (Valachicâ) и 12-ая (Ruthenicâ); въ Бережской (№ 3)—рубрика 12-ая (Ruthenicâ); въ Шаришской (№ 30)—рубрика 5-ая (Slavonicâ) [2]); въ Спишской (№ 31)—рубрика 4-ая (Germanicâ) и 5-ая (Slavonicâ) и т. п.

Мѣстныя русскія названія въ таблицахъ вѣрнѣе переданы, чѣмъ въ Лексиконѣ; въ послѣднемъ они часто или искажены, или замѣнены мадьярскими; напримѣръ, въ таблицахъ: Medvegyutzi, Medvedzsa, Mukatsü, Oroszvegava, Petrova—въ Лексиконѣ: Medvedocz, Medveczy, Munkacs, Oroszvég, Petrove и т. п.

Таблицы, какъ отъ стóлицъ, такъ и отъ епархій, скрѣплены каждая печатями нѣсколькихъ стóличныхъ чиновниковъ и мѣстныхъ духовныхъ властей: ordinarius judlium, judlium, jurassor [3]); vice-archidiaconus Bereghiensis, Máramorosiensis, episcopi Munkácsiensis secretarius ecclesiasticus и т. д.

Вотъ, слѣдовательно, лица, дававшія отвѣты на запросъ правительства: стóличные чиновники—мѣстные дворяне-помѣщики и мѣстныя духовныя власти. И тѣ и другіе, конечно, должны были хорошо знать населеніе, если не всей стóлицы, то, по крайней мѣрѣ, каждый—населеніе того округа, въ которомъ онъ жилъ и которымъ управлялъ. Вѣроятнѣе всего, однако, не они прямо заполняли таблицы, а обычнымъ канцелярскимъ путемъ обращались за свѣдѣніями къ низшимъ чиновникамъ [4]) и приходскому духовенству и, получивъ отъ послѣднихъ донесенія, можетъ быть—кто подобросовѣстнѣе—провѣривъ ихъ, заносили данныя въ опросные листы.

Условія, при которыхъ возникъ Лексиконъ, даютъ воз-

---

[1]) Въ Спишской и Шаришской ст. не заполнена ни 21-ая, ни 22-ая, въ остальныхъ русскихъ стóлицахъ заполнена 21-ая, не заполнена 22-ая.

[2]) Въ processus Sirokaiensis—12-ая (Ruthenicâ) и 13-ая (Polonicâ).

[3]) Judlium—обычное въ мадьярской латыни сокращеніе judex nobilium—szolgabiró, Stuhlrichter, солгабировъ у угроруссовъ, выборный изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ стóличный чиновникъ, носитель полицейской власти въ округѣ (processus, járás) стóлицы, нѣчто въ родѣ нашего исправника старыхъ временъ. Его помощниками являются также выборные jurassores—jurati assessores, die Geschwornen, у угроруссовъ—присяжные сосѣдатели или просто присяжные, завѣдующіе частями округовъ (ср. Csaplovics, Gemälde von Ungern, Pest, 1829, II, стр. 178–179).

[4]) Въ доминіяхъ—къ ихъ управляющимъ.

можность a priori признать его показанія о территоріальномъ распространеніи различныхъ языковъ въ Угріи въ общемъ вполнѣ достовѣрными [1]).

Съ одной стороны, правительство требовало отъ мѣстныхъ органовъ доставленія свѣдѣній, соотвѣтствующихъ дѣйствительности [2]). Съ другой стороны, лица, сообщавшія эти данныя, будучи по своему положенію близки къ народу, достаточно были освѣдомлены, чтобы удовлетворить желанію правительства [3]). Отсутствіе въ то время обостренности національныхъ отношеній является, съ своей стороны, ручательствомъ, что свѣдѣнія давались bona fide, безъ намѣреннаго искаженія истины [4]).

Мѣстные дѣятели могли, конечно, безъ затрудненія опредѣлить, гдѣ говорятъ преимущественно по *мадьярски*, или по *румынски*, или по *русски*. Сомнѣнія возбуждали бы лишь мѣстности, въ которыхъ большинство населенія съ дѣтства владѣетъ двумя языками, но и тутъ помѣщики и духовенство должны были знать, къ какой народности причисляютъ себя сами bilingues [5]).

Но какимъ критеріемъ руководились они въ разграниченіи *русскихъ* и *словаковъ*?

---

[1]) Дальнѣйшее изслѣдованіе, надѣемся, фактически оправдаетъ положеніе.

[2]) Ср. Мат., V, стр. 12—15 и прим.

[3]) И въ прежнія времена, и теперь въ многоязычной, черезполосной въ языковомъ отношеніи Угріи вопросъ о языкѣ и народности того или другого ея уголка всегда представлялъ и представляетъ живой интересъ для обывателей. Намъ многократно приходилось убѣждаться, что лица самыхъ разнообразныхъ національностей, положенія и образованія—до простыхъ крестьянъ—хорошо знали, какой языкъ употребляется, и къ какой народности принадлежитъ населеніе мѣстностей, находившихся въ ихъ кругозорѣ (конечно, если при этомъ не было ошибочнаго смѣшенія народности съ религіей или какихъ-либо постороннихъ соображеній. Надо, сказать, впрочемъ, что такія постороннія соображенія мало имѣютъ вліянія на сужденія о языкѣ простого народа). См. ниже объ этнографическо-статистическихъ работахъ конца XIX и начала XX в.

[4]) Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ вполнѣ допустимы ошибки и неточности, особенно въ смѣшанныхъ сёлахъ, по небрежности ли или по какимъ-либо инымъ причинамъ. Лица, просматривавшія первоначальные отвѣты, могли ихъ не замѣтить и оставить неисправленными, и тогда, конечно, ошибки могли попасть и въ Лексиконъ. Наконецъ, надо считаться съ возможностью возникновенія описокъ, ошибокъ при перенесеніи данныхъ изъ опросныхъ листовъ въ Лексиконъ, хотя, конечно, при составленіи работы, которая будетъ поднесена Императрицѣ и Штатгальтерскому Совѣту, мы вправѣ предполагать у принимающихъ въ этомъ участіе высшую степень вниманія и аккуратности.

[5]) Возможность ошибокъ и произвола въ подобныхъ случаяхъ всегда слѣдуетъ имѣть въ виду. См. ниже о русскихъ и мадьярско-русскихъ сёлахъ Угочской и Бережской столицъ.

Полагаемъ, что при сравнительной близости угрорусскихъ и восточно-словацкихъ говоровъ, при существованіи говоровъ смѣшанныхъ и переходныхъ, при черезполосности поселеній, при наличности русско-словацкихъ селъ, недопустимо, чтобы въ XVIII в. дворяне и духовныя лица различали русскихъ отъ словаковъ на *основаніи данныхъ языка*—и въ послѣднія десятилѣтія XIX и XX вв. этотъ вопросъ, какъ извѣстно, возбуждалъ споры между учеными-спеціалистами.

И въ XIX в. и ранѣе весьма часто отождествляли „русскую" вѣру съ русской народностью: всѣхъ уніатовъ (ранѣе православныхъ) на русско-словацкой территоріи считали русскими, „руснаками", католиковъ же и лютеранъ—„словаками" [1]).

Врядъ ли, однако, можно предполагать, чтобы лица, доставлявшія матеріалъ для Лексикона, держались этого принципа. Какъ увидимъ ниже, въ очень многихъ сёлахъ, по Лексикону словацкихъ, и въ 40-хъ годахъ XIX в. и въ 1900 г. имѣлось—и часто весьма значительное—уніатское большинство, равно какъ и, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ, русскихъ, по Лексикону, сёлахъ, уніаты были въ меньшинствѣ [2]). Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ могла произойти—главнымъ образомъ, въ вслѣдствіе эмиграціи и иммиграціи—подобная перемѣна, но, въ общемъ, со второй половины XVIII в. массоваго передвиженія населенія не совершалось.

---

[1]) Ср. Bidermann, Die ungarischen Ruthenen, I, стр. 2; Мат. IV, стр. 2—10; Гнатюкъ, Словаки чи Русини? (Зап. Шевч. XLII, 1901, № 3, стр. 42, 46 и слѣд.); Томашівський, Етногр. карта Угорськ. Руси (Статьи по Славяновѣдѣнію, III, 1910, стр. 183, 187, 200) и т. д. См. также ниже о трудахъ Феньеша.

[2]) Печатныхъ схематизмовъ отъ XVIII в., къ сожалѣнію, не имѣется. Въ Унгварскомъ епархіальномъ архивѣ хранится много документовъ, соотвѣтствующихъ позднѣйшимъ схематизмамъ: conscriptiones animarum graeci ritus catholicorum, conscriptiones parochiarum et parochorum отъ 1747, 1781 и послѣдующихъ годовъ (въ отдѣлахъ архива: regulationis acta in genere, proventus in genere, cathalogi dioecesani, Agriensia), неизвѣстно только, находятся ли въ нихъ, какъ въ позднѣйшихъ схематизмахъ, свѣдѣнія о языкѣ населенія—въ кратковременное пребываніе въ 1907 г. въ Унгварѣ мы успѣли отмѣтить только сигнатуры. Изъ находящихся въ нашихъ рукахъ печатныхъ схематизмовъ Мукачевской епархіи первый относится къ 1814 г., Пряшевской—къ 1823 г. (послѣдняя возникла въ 1821 г.). Далеко не во всѣхъ, однако, схематизмахъ, особенно болѣе раннихъ, указано число душъ иныхъ исповѣданій, живущихъ въ уніатскихъ приходахъ. Необходимо, поэтому, обращаться къ схематизмамъ католическимъ и протестантскимъ за тѣ же годы, но ихъ достать почти невозможно. Пришлось остановиться на Географіи Феньеша (см. ниже), черпавшаго матеріалъ изъ схематизмовъ 30-хъ годовъ XIX в. Данныя Феньеша сопоставлены съ данными переписи 1900 г.

Чтобы рѣшить поставленный вопросъ, придется сдѣлать нѣкоторое отступленіе.

Въ тѣхъ полосахъ, гдѣ бокъ о бокъ живетъ разновѣрное и разноязычное населеніе, та или иная религія обычно въ народныхъ массахъ получаетъ свое названіе отъ имени народа, который является главнымъ ея представителемъ: такъ, у насъ лютеранская вѣра называется *нѣмецкой* или *чухонской*, въ Западномъ краѣ и въ Галичинѣ католическая вѣра есть вѣра *польская*, православная (resp. уніатская)—*русская*, въ Буковинѣ—православная вѣра—*волошская* [1]), въ Угріи—уніатская вѣра — *русская*, *orosz*, у сербовъ и болгаръ мусульманская вѣра—вѣра *турецкая* и т. п.

Въ слѣдствіе этого, и названіе *народности* употребляется для обозначенія *вѣры*, какъ самими исповѣдниками этой вѣры, такъ и сосѣдями—иновѣрцами. Такъ какъ въ простомъ народѣ религіозное сознаніе живѣе и яснѣе, чѣмъ національное, то очень и очень часто крестьянинъ на вопросъ: кто онъ? дастъ отвѣтъ въ смыслѣ вѣры: православный русскій въ Буковинѣ назоветъ себя *волохомъ*, бѣлорусъ или русскій галичанинъ католикъ—*полякомъ*, сербъ или болгаринъ мусульманинъ—*туркомъ* [2]) и т. д.

Такого рода обычные факты извѣстны намъ и по личному опыту и многократно засвидѣтельствованы въ литературѣ [3]).

---

[1]) Уніатская—*русская*; названіе занесено изъ Галичины: уніаты Буковины, по большей части, переселенцы оттуда.

[2]) Рѣже наоборотъ—названіе *религіи* переносится на *языкъ*: говорить по-*лютерански* (=по-фински—сами слышали), по-*католически* (Czambel, Slovenská reč, стр. 75, прим.).

[3]) Такъ, напримѣръ о. Наумовичъ, говоря о галицкой Руси (Славянскій сборникъ, I, 1875), замѣчаетъ: „Полякъ и католикъ, Русинъ и уніятъ—были тогда (въ половинѣ XIX в.) синонимы, и до сихъ поръ еще не только въ устахъ простого народа, но даже и въ разговорахъ интеллигенціи между народностію и народнымъ церковнымъ обрядомъ не дѣлается различія“ (стр. 33. Гнатюк, правда, это отрицаетъ: Словаки чи Русини? стр. 68, пр.). По Шемберѣ, Mnoho li jest Čechů, Moravanů a Slováků a kde obývají? (Čas. Česk. Musea, L, 1876): „До настоящаго времени (въ Угріи) русская народность опредѣлялась лишь вѣрой; простой народъ зоветъ каждаго уніата, не обращая вниманія на языкъ, *Руснакомъ* или *Русиномъ* (стр. 665—666). То же подтверждаетъ и о. Мишикъ, Akej viery sú Slováci (Slov. Pohl'., XV, 1895): „Уніатовъ въ сѣверовосточныхъ краяхъ Угріи простые словаки, между которыми они живутъ, считаютъ *Руснаками*—, да и не только словаки, но и нѣмцы и мадьяры называютъ ихъ Ruthenen, Rusnaken, ruthének или oroszok стр. 625—626). О. Мишикъ, католическій священникъ въ Спишской ст., прекрасный знатокъ мѣстныхъ отношеній (Škultéty, Slov. Pohl'. ib., стр. 574, пр.; Гнатюк, Op. cit., стр. 56).

Поэтому въ 1891 г. мы и высказались, что „на угорской Руси народомъ сознается только различіе религій, а не различіе языковъ, и что, слѣдовательно, словакъ-уніатъ называетъ себя самъ и называемъ другими: „русскій, руснакъ, orosz [1])“.

Въ настоящее время признаемъ наше утвержденіе слишкомъ категоричнымъ и одностороннимъ, нуждающимся въ существенной поправкѣ.

Названіе народности въ смыслѣ вѣроисповѣданія служитъ, обыкновенно, *для внѣшняго*, такъ сказать, *употребленія*, въ сношеніяхъ съ чужими, которымъ народъ признаетъ нужнымъ опредѣлить самую существенную, по его понятію, черту, отличающую одну часть населенія отъ другой—*вѣру*.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что народъ не понимаетъ различія языковъ и народностей. Напротивъ того, ухо простаго человѣка весьма чутко подмѣчаетъ въ рѣчи другихъ лицъ особенности, чуждыя его собственному говору; отсюда насмѣшливыя клички: сотаки, цеперяки, лемки (м. б. и бойки), бандовцы, пуливаковцы, отсюда шутливыя фразы: „strč prst skrz krk“, „чей ты молодечъ? Зубцовскій купечъ“ и т. п. [2]). Съ другой стороны, въ народѣ прочно держится память о томъ, кѣмъ себя считали отцы и дѣти.

Такимъ образомъ, сами *про себя* и для себя, мѣстные жители—крестьяне, торговцы, помѣщики, чиновники, духовенство—въ общемъ хорошо знаютъ, на какомъ языкѣ говорятъ въ томъ или иномъ селѣ, мѣстечкѣ, городѣ, къ какой народности причисляютъ себя обыватели того или другого уголка. Постороннему лицу можетъ удасться получить отъ крестьянъ отвѣты именно въ этомъ смыслѣ, но далеко не сразу, часто послѣ долгихъ распросовъ.

Проф. Брохъ, Aus der ungarischen Slavenwelt, Arch. Slav. Phil., XXI, 1899): „Названіе „Русинъ, Руснакъ“ и „Словакъ“, по ихъ употребленію въ сѣверо-восточной Угріи,——обозначаютъ скорѣе вѣроисповѣданіе, чѣмъ народность“ (стр. 59). Цамбель, Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov: „*Rusnak* и *Rusňak*—такъ называютъ словаки староѣровъ (=уніатовъ) вообще, т. е. и словаковъ и сосѣднихъ русскихъ; и послѣдніе, если они старовѣры, такъ сами себя называютъ передъ людьми, чуждыми имъ по вѣрѣ“ (стр. 586). См. также Томашівський, Угорськи Русини в сьвітлі мад. урядової статистики (стр. 32, пр. 2).

[1]) Мат. IV, стр. 2.

[2]) Ср. Брохъ, Нарѣчіе Убли, стр. 51, пр. 2, стр. 52, пр. 2, стр. 75.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ Угріи народъ употребляетъ названіе „словакъ“ „руснакъ“ не только для обозначенія вѣры, но и для обозначенія языка и народности.

Угроруссы зовутъ и сами себя и называемы словаками; „руснаки“ (и „русняки“) [1]), языкъ свой „русскимъ“ [2]).

Сосѣди угроруссовъ, словаки, говорящіе восточно-словацкимъ діалектомъ, называютъ себя „словяками“, языкъ свой „словенскимъ“, „словяками“ зовутъ ихъ и угроруссы, чаще, повидимому, однако, пользующіеся заимствованнымъ у мадьяръ (tót, tótok) терминомъ: „тотинъ, тоты, товтинъ, товты“ [3]).

Всѣми изслѣдователями признанъ фактъ постепеннаго проникновенія восточно-словацкаго элемента въ угрорусскіе говоры, постепеннаго ихъ ословаченія—преимущественно, конечно, въ русскихъ островахъ, въ русскихъ выступахъ и въ сёлахъ на русско-словацкой границѣ. Такіе руснаки съ ословаченнымъ, но и у позднѣйшихъ поколѣній удерживающимъ нѣкоторыя русскія фонетическія явленія [4]) говоромъ, сохранивъ свою вѣру, долго еще называютъ себя „руснаками“ [5]),

---

[1]) Czambel, Op. cit. стр. 586.

[2]) Mišík, Op. cit., стр. 566—567; Broch, Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östl. Ungarn (Videnskabsselskabets Skrifter, II, hist. fil. Kl., 1897, № 5, стр. 12) и Угрорусское нарѣчіе села Убли (Изслѣдованія по рус. языку, II, 1899г., стр. 73), Гнатюк, Op. cit, стр. 8, 34 и т.д., Верхратский, Знадоби для пізнаня угорсько-руських говорів (Зап. Шевч., XL, 1901, стр. 3—4). См. также наши Мат. IV, стр. 39, 45—46.

Употребляется ли угроруссами названіе „Русинъ, Русины“—не вполнѣ ясно. Въ письмѣ одного русскаго изъ Бачки сказано, что русскіе тамошніе называютъ себя Руснаками, рѣже Русинами (Op. cit, стр. 29) „ой Русіно“—стоитъ въ одной пѣснѣ (Гнатюк, Руські оселї в Бачці (Зап. Шевч., XXII, 1898, № 3, стр. 41). Корреспонденты изъ Бачки Львовской „Просьвіти“ часто употребляютъ это названіе (Гнатюк, Словаки чи Русини, passim,) но это все лица, читавшія украинскія изданія изъ Галичины. Верхратский не упоминаетъ, чтобы сами угроруссы называли себя „русинъ, русины“, Мишикъ же и Цамбель рѣшительно это отвергаютъ: Мишикъ: „Pospolity l'ud slovenský nepozná žiadnych Rusínov, ale len Rusnákov“ (Op. cit. стр. 566); Цамбель: „Uhorskí Rusi menujú seba bez výnimky a naveky Ruskými pokial' sú medzi sebou alebo s takými lúd'mi, ku ktorým majú jakú-takú dôveru; svoj jazyk *ruským. Nikdy seba nemenujú Rusínmi, ani svoi jazyk rusínskym* (Op. cit., стр. 76, прим.)

[3]) Вѣрнѣе: тоўтинъ, тоўты; у Броха: Toutin (Studien, стр. 12), Tôuty (нарѣчіе Убли, стр. 73). См. цитаты въ предыдущемъ примѣчаніи, а также Broch, Studien (стр. 14) и Weitere Studien и т. д. (Vidensk. Skrif. II, 1899, № 1, стр. 5), Гнатюк, Русини пряшівськоï епархіï (Зап. Шевч. XXXV, стр. 12, 14), Czambel (Op. cit, стр. 146, 148, 590).

[4]) См. труды проф. Броха и Цамбеля; подробнѣе см. ниже, въ началѣ V главы.

[5]) Czambel, Op. cit., стр. 146, 148, Томашівський, Етногр. карта угорс. Руси, стр. 204, Pastrnek, Rusini slovenského jazyka, стр. 72. Руснаки—не въ смыслѣ лишь вѣроисповѣдномъ, какъ думаютъ Цамбель

особенно если попадаютъ въ иноязычную, не словацкую среду [1]). Оставаясь же среди словаковъ, руснаки въ послѣдствіи, говоря тѣмъ же языкомъ, что ихъ сосѣди „словяки“, начинаютъ и себя называть „словяками“, вѣру же свою по прежнему именуютъ „русской“ [2]).

Вернемся теперь къ Лексикону.

Лица, собиравшія матеріалъ для „каталоговъ“, лёгшихъ въ основаніе Лексикона, были, какъ мѣстные дѣятели, несомнѣнно знакомы съ тѣмъ, какъ тогда себя называло и чѣмъ себя считало населеніе того или иного села, и этимъ-то руководились въ своихъ отвѣтахъ. Такимъ образомъ, въ данныхъ Лексикона отразилось, если можно такъ выразиться, безсознательное *національное самоопредѣленіе—о національномъ самосознаніи*, въ современномъ смыслѣ слова, конечно, и думать не приходится [3]).

Если наши соображенія правильны, то показанія Лексикона пріобрѣтаютъ особую цѣнность.

Кромѣ „каталоговъ“ столицъ, въ распоряженіи Штатгальтерскаго Совѣта находились еще списки населенныхъ мѣстъ отдѣльныхъ столицъ, съ указаніемъ, какой языкъ преимущественно употребляется въ каждомъ изъ нихъ, списки, составленные королевскими комиссарами in re urbariali, а также иные урбаріальные документы [4]).

Означенныхъ списковъ населенныхъ мѣстъ намъ не удалось найти, остальные же документы, по скольку остатки ихъ сохранились въ Государственномъ архивѣ [5]), привлечены нами для провѣрки Лексикона.

Документы, составлявшіеся по требованію правительства на народныхъ языкахъ, лишь въ сравнительно маломъ коли-

---

(стр. 76, прим.) и Томашівський (Op. cit., стр. 204), но и въ смыслѣ народности. Языкъ лишь одна, но не единственная примѣта народности (Ср. Broch, Aus d. ung. Slavenwelt, A. sl. Phil. XXI, 1899, стр. 57), Гнатюк Словаки чи Русини? стр. 38, Pastrnek, Op. cit.

[1]) Какъ, напр., въ Керестурѣ и Куцурѣ, Бачъ-Бодрогской столицы (см. вышеупомянутыя статьи Гнатюка и Томашівськаго, Op. cit., стр. 204).

[2]) См. ссылки стр. 15, пр. 2, а также Broch, Weitere Studien, стр. 5.

[3]) Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, въ сёлахъ, гдѣ „principaliter viget lingua slavo-ruthenica“, часть населенія считала себя „словяками“, часть „руснаками“.

[4]) Мат. V, стр. 13, 15—21.

[5]) Пополнить недостающее, хотя бы отчасти, можетъ обслѣдованіе провинціальныхъ, преимущественно столичныхъ архивовъ—это—дѣло, конечно, мѣстныхъ ученыхъ.

чествѣ имѣются въ Государственномъ архивѣ въ оригиналахъ, по бо́льшей же части, согласно инструкціямъ[1]), въ латинскомъ переводѣ, а также и въ мадьярскомъ.

Таковы:

1) Присяга крестьянъ—по-русски лишь въ нѣсколькихъ сёлахъ Мараморошской и въ 90 (приблизительно) сёлахъ Бережской сто́лицы[2]).

2) Девять опросныхъ пунктовъ[3])—по-русски въ 80-ти (приблизительно) сёлахъ Бережской сто́лицы, по-словацки—въ нѣсколькихъ (въ томъ числѣ и русскихъ) сёлахъ Унгварской. Отъ Земплинской и Шаришской—нѣтъ ни одного экземпляра, хотя бы по-латыни или по-мадьярски.

3) Отвѣты крестьянъ на опросные пункты[3])—по-русски въ 160-ти (приблизительно) сёлахъ Бережской и въ 1-мъ селѣ (Велятинъ) Угочской сто́лицы.

4) Печатные урбары и вноски въ нихъ—по-русски лишь въ нѣсколькихъ сёлахъ Мараморошской сто́лицы. Въ Унгварской и Земплинской русскимъ сёламъ выдавались словацкіе урбары. Отъ Бережской и Шаришской ни одного экземпляра, хотя бы по-латыни или по-мадьярски не сохранилось.

5) Подписки крестьянъ о неимѣніи жалобъ на помѣщиковъ—по-русски въ 32-хъ сёлахъ Мараморошской сто́лицы[4]).

Иного рода урбаріальные документы на латинскомъ или мадьярскомъ языкахъ даютъ намъ косвенныя или прямыя указанія на народность крестьянъ отдѣльныхъ поселеній:

1) Tabellae urbariales[5]), прилагавшіяся къ урбару каждаго села и содержащія точное опредѣленіе, какъ надѣловъ крестьянъ, такъ и ихъ платежей и повинностей, находятся въ наибо́льшей сохранности, какъ имѣвшія важное значеніе и въ послѣдующее время. Ихъ нѣтъ лишь для части сёлъ Мараморошской и для всѣхъ сёлъ Шаришской сто́лицы.

Таблицы даютъ намъ имена и фамиліи (прозвища) крестьянъ[6]), что—при соблюденіи, конечно, крайней осторож-

[1]) Мат. V, стр. 13 и 15 прим.

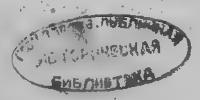
[2]) Замѣтимъ, что текстъ русскаго перевода коротенькой присяги не вездѣ одинъ и тотъ же.

[3]) Образцы изданы въ Мат. V, прил. № 2.

[4]) Напечатаны въ Мат. V, прил. № 4. Обращаемъ на всѣ эти русскіе тексты вниманіе лицъ, интересующихся угрорусскими говорами. Слѣдовало бы тексты собрать и подвергнуть изслѣдованію.

[5]) Въ нѣкоторыхъ таблицахъ сёлъ Мараморошской и Бережской ст. рубрики напечатаны на русскомъ языкѣ. Образчикъ см. Мат. V, стр. 72—73.

[6]) Мат. V, стр. 19—20 и прил. № 3.



ности — можетъ служить точкой опоры для сужденія объ ихъ народности.

2) Litterae testimoniales [1]), т. е. протоколы урбаріальныхъ депутатовъ, составлявшіеся по одной, заранѣе выработанной и напечатанной формѣ [2]).

Въ §§ 15 — 17 пятой главы сообщается, какой языкъ является *роднымъ, общеупотребительнымъ* (vernacula, ordinaria) у крестьянъ и помѣщиковъ, и на какомъ языкѣ или на какихъ языкахъ вручены тѣмъ и другимъ печатные урбары и заполнены пробѣлы текста [3]). Такіе протоколы сохранились для нѣкоторыхъ сёлъ Мараморошской и почти всѣхъ сёлъ Бережской и Угочской стóлицъ.

Какъ увидимъ ниже, депутаты весьма добросовѣстно исполняли инструкціи правительства, вручая крестьянамъ урбаръ на ихъ родномъ языкѣ, иногда же, если крестьяне владѣли двумя языками, то, для вящшей вразумительности (pro uberiori intelligentia), и на обоихъ. Относительно сёлъ съ двуязычнымъ населеніемъ могли быть, однако, случаи, что депутаты (иногда родомъ изъ болѣе отдаленной части стóлицы) сочли роднымъ языкомъ крестьянъ не тотъ, который таковымъ считали крестьяне. Кромѣ того, при многократномъ переписываніи одной и той же формы, со внесеніемъ лишь нѣкоторыхъ варіацій, естественно, возможны были чисто механическія описки [4]).

3) Tabellae, anteurbarialem statum ex conscriptionibus et ad 9. puncta interrogatoria elicitis colonorum fassionibus erutum exhibentes [5]). Во 2-ой ихъ рубрикѣ: „conditio et natio colonorum“ указана народность крестьянъ.

---

[1]) Ib., стр. 15.

[2]) Ib. стр. 12, пр. 3. Вотъ ихъ начало: Infrascripti recognoscimus, quod posteaquam nos ad implementum Benignae Resolutionis Caesareo — Regiae (тогда-то) emanatae et ad peragendam in conformitate Benignae Instructionis, pro Exequentibus elargitae nobisque in impresso traditae, Instructionis executionem realemque fundorum excisionem et urbarialis Regulationis introductionem ex Generali Congregatione (такой-то стóлицы, тамъ-то, тогда-то) celebrata exmissi fuissemus, (тогда-то, въ такое-то село) praevia tam Dominis terrestribus, quam et incolis notificatione data venientes, processimus sequentibus, Nimirum: Ad cap. I § 1 и т. д.

[3]) Мат. V, стр. 18, пр. 5.

[4]) Имѣя, напримѣръ, передъ глазами litterae testimoniales о румынскомъ селѣ, депутаты, при составленіи протокола о русскомъ селѣ, могли вмѣсто „lingua vernacula ruthenica“ механически написать „lingua vernacula valachica“ и т. п.

[5]) Мат. V, стр. 17, пр.

Налицо въ архивѣ одна общая таблица (tabella universalis) для Шаришской столицы, двѣ tabellae partiales для обоихъ округовъ Угочской столицы [1]) и tabellae partiales для казенныхъ доминій Bocskó и Huszt и округовъ Сиготскаго, Верхняго и Косовскаго Мараморошской столицы.

Въ общей таблицѣ Шаришской столицы встрѣчается много противорѣчій съ данными Лексикона, и послѣднимъ мы рѣшительно должны отдать предпочтеніе. Опредѣленіе языка населенія было одной изъ главныхъ задачъ Лексикона, для составителей же таблицъ на первый планъ выдвигалось изображеніе соціально-экономическаго положенія крестьянъ, вопросъ о языкѣ ихъ имѣлъ служебное значеніе. Особенно маловажнымъ являлся этотъ вопросъ для русско-словацкихъ столицъ, Унгварской, Земплинской и Шаришской, гдѣ, дѣйствительно, словацкій языкъ (и именно восточно-словацкій діалектъ) былъ, болѣе или менѣе, понятенъ и русскимъ [2]) и гдѣ, какъ мы видѣли, и fassiones для русскихъ сёлъ составлялись по-словацки, урбары вручались словацкіе, и вноски въ нихъ дѣлались также по-словацки [3]).

Таблицы Мараморошской и Угочской столицъ, гдѣ приходилось имѣть дѣло съ сёлами на румынско-русской и мадьярско-русской территоріи, не расходятся существенно съ Лексикономъ.

---

[1]) Кромѣ того, для Угочской ст. сохранилась пачка листковъ: „acta urbarialia“, на основаніи которыхъ, повидимому, и составлены tabellae. Въ „acta urbarialia“ находится также рубрика: „Conditio et natio colonorum“.

[2]) См. Mišík, Akej viery sú Slováci (Slov. Pohľ, XV, 1895, стр. 567), Гнатюк, Русини Пряшівської епархії (стр. 15) и письмо одного студента Крижевецкой семинаріи, родомъ изъ Бачъ-Керестура (Гнатюк, Словаки чи Русини, стр. 28—29), а также Broch, Weitere Studien и т. д. (стр. 58, 87). По Цамбелю (Slovenská reč) на восточно-словацкой территоріи всѣ русскіе одинаково знаютъ и по словацки (стр. 101).

[3]) Кромѣ этихъ общихъ соображеній, замѣтимъ, что относительно многихъ сёлъ показанія таблицы расходятся не только съ показаніями Лексикона, но и съ прочими достовѣрными данными. Такъ: а) слѣдующія сёла по Лексикону—русскія, по таблицѣ—словацкія: A'brahányfalva, Balázsvágás, Csarnó, Csircs, Czernina, Dobroszlava, Gerált, Gerlachó. Gyurkó, Hradiszka, Jakoris, Janó, Jesztreb, Kijó, Klemberg, Krizse, Kruzslyó, Kvacsán, Lacsnó, Livó, Lubócz, Lukó, Miklósvágás, Obrucsnó, Officina vitrea (= Sztebnik Hutta), Olejnok, Orló, Orosz-Peklin, Orosz-Volya, A. Piszana, Pusztamező, Rencsissó, Soom, Sós-Ujfalu, Stelbach, Sztarina, Várgony, Veneczia, Zavadka, Zsettek—всего 41; б) сёла по Лексикону словацкія, по таблицѣ—русскія: Dubina, Duplin, Hazslin, Hrabócz, Komarócz, Polyakócz, Tissinecz—всего 7; в) сёла по Лексикону Slavo-ruthenica, по таблицѣ — словацкія: Boglyárka, Boksa, Décső, Henig, Kozsány, Kökény, Lenartó, Litinye, Malczó, Ressó—всего 10; г) сёла, въ Лексиконѣ Slavo-ruthenica, по таблицѣ—русскія: Belovezsa, Kerekrét, Kurova, Mesztiszko, Radoma, Szorocsin—всего 6.

II.

Позднѣйшія этнографическо-статистическія работы.

Нанеся данныя Лексикона на карты, мы поставили себѣ дальнѣйшей задачей прослѣдить, какъ измѣнялись границы русской рѣчи въ послѣдующее время. Для этого мы воспользовались матеріаломъ, находящимся какъ въ оффиціальвыхъ изданіяхъ, такъ и въ трудахъ частныхъ лицъ.

Остановимся сначала на первыхъ.

Несмотря на противодѣйствіе и протесты дворянства, по указу императора Іосифа II отъ 16-го августа 1784 г., была произведена перепись Угріи, закончившаяся лѣтомъ 1785 г.[1]). Для провѣрки ея результатовъ, переписи были повторены въ 1786 и 1787 гг.[2]).

Объ этой Іосифовской переписи очень мало извѣстно. По смерти Іосифа II всѣ его распоряженія, касающіяся Угріи, были отмѣнены, документы, относившіеся къ переписи, тщательно уничтожались [3]). По словамъ д-ра Тирринга, директора Будапештскаго городского статистическаго бюро, занимавшагося ею спеціально, онъ, несмотря на всѣ поиски, не нашелъ ни одного экземпляра опросныхъ листовъ (Conscriptions-Bogen).

Знаемъ только, что свѣдѣнія о языкѣ или народности *отдѣльныхъ лицъ* не сообщались [4]), но, повидимому, относи-

---

[1]) Marczali, Magyarország története II. József korában. Budapest, II, 1884, стр. 369—383.

[2]) Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Budapest, 1877, стр. 268—269.

[3]) Lang és Jekelfalussy, Magyarország népességi statisztikája, Budapest, 1884, стр. 45. Ср. слова Гукливской лѣтописи: „Угорска земля всѣ его декрета, *много полезнѣ прощавъ*, попалила, нумеры изъ хижъ постѣсовала, книги мѣрялскѣ попалила“ (Мат. IV, стр. 37). Кое-что, можетъ быть, хранится въ архивахъ подъ спудомъ.

[4]) Hunfalvy, l. c.

тельно каждаго *поселенія* отмѣчалась господствующая въ немъ народность [1]). По крайней мѣрѣ, въ старыхъ статистическихъ трудахъ, сообщающихъ въ самомъ общемъ видѣ итоги Іосифовской переписи, указывается количество поселеній той или иной народности въ разныхъ столицахъ [2]).

Послѣдующія переписи съ 1805 г., ведшіяся по весьма несовершенной программѣ, тоже не касались вопроса о языкѣ и народности населенія [3]).

Въ гораздо болѣе исправной общей переписи Австріи въ 1851 г. была отведена особая рубрика для народности, но результаты не оправдали ожиданій, и при переписи 1857 г. эта рубрика была исключена [4]). Сообщенные въ печати Дирекціей административной статистики [5]) данныя о народности по переписямъ 1851 и 1857 гг. явились результатомъ комбинацій матеріала, доставленнаго переписями, съ полученнымъ изъ иныхъ источниковъ [6]). Къ тому же, опубликованы были только общія цифры; то же, что касалось детальнаго опредѣленія народности каждаго отдѣльнаго поселенія, осталось неизданнымъ, между тѣмъ только такія детальныя данныя и имѣютъ значеніе для нашей задачи.

Такимъ образомъ, до половины XIX в. переписи намъ ничего не даютъ.

Послѣ установленія въ 1867 г. дуализма, въ 1869—70 гг. была произведена перепись Угріи по новой программѣ, выработанной венгерскими статистиками, но въ ней рубрики о языкѣ также не было [7]). Статистическое бюро, во главѣ ко-

---

[1]) Въ виду этого Бидерманъ (Ungarische Ruthenen) говоритъ о „Nationalitäten-Conscription“ 1787 г. (II, стр. 71, стр. 79, пр. 2, стр. 82, пр. 3).

[2]) Grellmann, Statistische Aufklärungen, 1787 (Bidermann, Op. cit. I, стр. 5, пр. 1); Schwartner, Statistik d. Kön. Ungarn, 1-ое изд. 1798, 2-ое, расширенное, 1809—11 гг. (онъ ссылается неопредѣленно на какой-то „eine authentische Liste“, 1-ое изд. стр. 90); Fényes, Statistik d. Kön. Ungarn, 1843—1844 и др.

Возможно, впрочемъ, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ комбинаціей данныхъ переписи съ какими-либо иными, какъ это было при обработкѣ матеріаловъ переписей 1851, 1857 и 1870 гг. (см. ниже).

[3]) Fényes, Statistik, I, стр. 37; Lang és Jekelfalussy, l. c.

[4]) Schwicker, Statistik d. Kön. Ungarn, Stuttgart, 1877, стр. 75; Lang és Jekelfalussy, Op. cit., стр. 46.

[5]) Подъ руководствомъ сначала Чёрнига, потомъ Фикера.

[6]) Czoernig, Ethnographie d. öster. Monarchie, I, 1857, стр. VI—VII; Томашівський, Op. cit., стр. 182.

[7]) Lang és Jekelfalussy, Op. cit., стр. 47—50; по словамъ Швикера, сдѣлано было это по политическимъ соображеніямъ (Op. cit., стр. 76).

тораго стоялъ Келети, само опредѣлило народность каждаго отдѣльнаго поселенія, основываясь, главнымъ образомъ, на данныхъ министерства народнаго просвѣщенія о языкѣ дѣтей, посѣщавшихъ начальныя школы [1]). Общіе итоги сообщены въ трудахъ Келети [2]), въ подробностяхъ—въ „Лексиконѣ мѣстностей королевства Угріи" [3]).

Лишь при переписи 1880 г. въ опросные листы включена рубрика: „mi az anyanyelve"? [4]) (какой материнскій языкъ?) и она удержана и въ послѣдующихъ переписяхъ, регулярно производившихся черезъ каждыя 10 лѣтъ—1880, 1890 и 1900 гг.

Результаты переписи 1880 г. помѣщены въ позднѣйшихъ изданіяхъ вышеупомянутаго Лексикона, а переписей 1890 и 1900 гг.—въ особыхъ изданіяхъ венгерскаго статистическаго бюро, образцово, можно сказать, выполненныхъ [5]).

Къ сожалѣнію, именно въ вопросѣ о языкѣ населенія данныя этихъ переписей не вполнѣ надежны. Ихъ можно и должно принимать къ свѣдѣнію, но опираться на нихъ было бы опасно [6]). Для разграниченія же одной славянской народности отъ другой, напримѣръ, русскихъ отъ словаковъ, онѣ и совсѣмъ не пригодны [7]).

---

[1]) Hunfalvy, Op. cit. стр. 271; Škultéty, примѣчаніе къ статьѣ Мишика: Akej viery sú Slováci (Slov. Pohl'., XV, 1895, стр. 575).

[2]) Keleti, Die Bevölkerung in den Ländern der St.-Stefanskrone и Hazánk és népe, оба въ 1871 г.

[3]) A magyar Korona helységnévtára, Budapest, 1873.

[4]) Lang és Jekelfalussy, Op. cit., стр. 51.

[5]) На мадьярскомъ и нѣмецкомъ языкахъ подъ общимъ заглавіемъ: Magyar statisztikai közlemények—Ungarische statistische Mittheilungen. Для насъ важны: Új folyam—Neue Folge, тт. I—III: A magyar szent korona országainak az 1891 év elején végrehajtott népszámlálás eredményei—Ergebnisse der in den Ländern der heil. ung. Krone am Anfang d. Jahres 1891 durchgeführten Volkszählung, I rész—I Theil, A'ltalános népleirás—Allgemeine Demographie и Új sorozat—Neue Serie, тт. I—II—A magyar szent korona országainak 1900 évi népszámlálása—Volkszählung in der Ländern der ung. heil. Krone im Jahre 1900. I rész—I Theil: A népesség általános leirása községenkint—Allgemeine Beschreibung der Bevölkerung, nach Gemeinden. Мы пользовались означенными изданіями въ Будапештѣ. Когда при обработкѣ матеріаловъ явилась необходимость въ провѣркѣ и дополненіи нашихъ выписокъ, оказалось, что въ С.-Петербургѣ этихъ книгъ нѣтъ, а пріобрѣсти въ Будапештѣ даже и у антикваровъ невозможно—все распродано. Такимъ образомъ, пришлось въ этихъ случаяхъ ограничиться цифрами, сообщенными у Томашïвськаго (Op. cit.).

[6]) Объ этомъ много писано въ разныхъ славянскихъ и не-славянскихъ изданіяхъ. Ср. напр. статьи г. Томашïвського: Угорські Русини в сьвітлї мадярської урядової статистики (Зап. Шевч. LXI, 1903), Причинки до пізнання етноґрафічної теріторії Угорської Руси (Зап. Шевч. LXII, 1905) и пояснительная записка къ этногр. картѣ угорской Руси.

[7]) Послѣднее признается и самими венгерскими статистиками (Lang és Jekelfalussy, Op. cit., стр. 142). См. также замѣчанія о. Мишика, Akej-

Заслуженной репутаціей пользуются изданія Императорско-королевской. Дирекціи административной статистики [1]), во главѣ которой съ 1841 г. стоялъ К. Чёрнигъ [2]).

Въ 1841 г. было приступлено къ собиранію матеріаловъ для этнографической карты [3]). Работа велась въ высшей степени добросовѣстно.

Для австрійскихъ земель свѣдѣнія доставлялись мѣстной администраціей по составленнымъ Дирекціей формамъ и инструкціямъ, для Угріи же, по тогдашнимъ политическимъ условіямъ, первоначально ограничились лишь использованіемъ церковныхъ схематизмовъ. Полученные результаты были нанесены краской на 306 картъ. Относительно всѣхъ, казавшихся сомнительными пунктовъ, особенно же этнографическихъ островов, мѣстностей со смѣшаннымъ населеніемъ, а также поселеній, лежащихъ на этнографическихъ границахъ, производилась тщательная, иногда многократная провѣрка, въ случаѣ нужды посылались эксперты спеціалисты. На все это потребовалось 7 лѣтъ.

Въ 1848 г. была на 9-ти листахъ составлена предварительная *Этнографическая карта*, на тщательную ревизію которой ушло еще 7 лѣтъ. Съ 1850 г. стало возможнымъ и

---

viery sú Slováci (Slov. Pohl., XV, 1895, стр. 571) и Národopisné pomery na území Spiša (ib., XXIII. 1903, стр. 418), особенно же Цамбеля, Slovenská reč, стр. 57, пр. 1, стр. 61, пр. 2, стр. 64, 79. Понятно, что и карты, основанныя на этихъ данныхъ, отражаютъ ихъ недостатки, таковы: Le-Monnier, Sprachenkarte v. Oesterreich-Ungarn, Wien. 1888; Balogh, A népfajok Magyarországon czimű dolgozat térképmellékletei, Budapest, 1902; Niederle, Národopisná mapa uherských Slováků, Praha, 1903, 2-ое изданіе, безъ измѣненій, подъ названіемъ Uherští Slováci, 1906 г. и др. Нидерле. послѣ долгой полемики, отказался отъ своей точки зрѣнія (Národopisný Věstník; 1907, II) и переиздалъ карты столицъ Спишской, Шаришской, Земплинской и Унгварской, отмѣтивъ на нихъ данныя Цамбеля. Въ своемъ „Обозрѣніи современнаго славянства“ (Энциклопедія слав. филологіи, вып. 2, 1909 г.) русско-словацкую границу г. Нидерле проводитъ по Цамбелю и Томашівському (стр. 14—15).

[1]). Преобразована изъ прежняго Императорско-королевскаго статистическаго Бюро.

[2]) K. v. Czoernig, Ethnographische Karte der österreichischen Monarchie, Wien, 1855 и Ethnographie der österreichischen Monarchie, herausgegeben durch die K. K. Direction der administrativen Statistik, Wien, I, 1857, II—III, 1855.

[3]) Между прочимъ, Шафарикъ передалъ Чёрнигу свои подготовительныя для „Слав. Народописи“ картографическія работы (Ethnographie, I, Vorrede, стр. VI).

Все дальнѣйшее заимствуемъ изъ того же предисловія и изъ доклада Чёрнига Вѣнской Академіи Наукъ: Üeber die Ethnographie Oesterreichs (Sitz.-Ber. d. Wien. Ak. phil. hist. Cl. XXV, s. 277—307).

въ Угріи получать данныя административнымъ путемъ, привлечены были результаты переписи 1851 г., обращались съ распросами къ провинціаламъ, наплывъ которыхъ въ Вѣну въ началѣ 50-хъ годовъ особенно усилился. Наконецъ, къ 1855 г. карта была окончательно изготовлена, еще разъ провѣрена и, такъ какъ все оказалось въ порядкѣ, то въ теченіе этого года и напечатана.

Помимо добросовѣстности, работа Чёрнига отличается безпристрастіемъ. Задавшись цѣлью составить не Sprachen Karte, a Ethnographische Karte, Чёрнигъ обращалъ вниманіе не на обиходный языкъ [1]) населенія, а именно на народность: такъ, многія мѣстности Чехіи и Моравіи, населеніе которыхъ по народности чешское, но употребляетъ преимущественно нѣмецкій языкъ, на предварительной картѣ были означены нѣмецко-чешскими, на окончательной же—лишь чешскими. Въ Банатѣ, Войводинѣ и Истріи, съ ихъ пестрымъ этнографическимъ составомъ, особыя комиссіи и знающія мѣстные языки лица посѣщали для изслѣдованія всѣ поселенія. Тщательно отмѣчались и народности, составлявшія меньшинство въ той или другой мѣстности. Всякое меньшинство (не менѣе $^1/_5$ всего населенія) показано, или на картѣ условными красками, или въ текстѣ „Этнографіи [2])“.

Конечно, въ такомъ трудномъ дѣлѣ возможны тѣ или другія ошибки, но, въ общемъ, данныя Чёрнига должны считаться первоклассньшъ матеріаломъ [3]). Замѣтимъ только, что въ смѣшанныхъ, русско-словацкихъ частяхъ столицъ Шаришской, Земплинской и Унгварской сложность картографическаго обозначенія красками часто дѣлаетъ затруднительнымъ опредѣленіе народности поселеній, особенно тѣхъ, которыя не помѣщены на картѣ [4]).

Обратимся теперь къ трудамъ частныхъ лицъ. Въ нихъ, конечно, должно ожидать бо́льшаго количества ошибокъ и неточностей. Частныя лица, съ одной стороны, не обладаютъ

---

[1]) Umgangs-Sprache, какъ это и доселѣ принято при переписяхъ въ Цислейтаніи.

[2]) I_1 Allgemeine Ethnographie, стр. 23—74. II и III томы, обработанные сначала Гейфлеромъ (Häufler), а потомъ Фейлемъ (Feil) имѣютъ особое значеніе для исторической этнографіи Угріи.

[3]) Ср. Томашівський, Етнографічна територія Угор. Руси (Зап. Шевч., LXVII, 1903) и поясненія къ его картѣ.

[4]) Ср. Klima, Ruskoslovenská hranice na východě Slovenska (Slov. Přehl, IX, 1906—1907, стр. 120).

такими средствами для собиранія и провѣрки свѣдѣній, съ другой — не несутъ на себѣ такой нравственной отвѣтственности, какъ правительственныя учрежденія, обязанныя поступать sine ira et studio. Болѣе значенія имѣютъ показанія частныхъ лицъ относительно тѣхъ частей страны, съ которыми они лично были знакомы или же относительно которыхъ они получали свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей.

Опредѣленіе народности отдѣльныхъ поселеній *всей* Угріи мы имѣемъ въ сочиненіяхъ Корабинскаго и Феньеша [1]), столицъ Земплинской, Сатмарской и Угочской — А. Сирмаи.

J. Korabinsky [2]), Geographisch-historisches und Producten Lexicon von Ungarn, mit einer Postkarte, Pressburg, 1786 (6+14+858+28, in 8°).

Содержаніе Лексикона чрезвычайно разнообразно: географическое положеніе каждаго поселенія, народность обывателей, имѣющіеся храмы разныхъ вѣроисповѣданій, количество и качество земли, фамиліи землевладѣльцевъ, свѣдѣнія о естественныхъ произведеніяхъ, торговлѣ и промышленности, черты нравовъ и обычаевъ [3]), краткое изложеніе исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, описаніе разныхъ достопримѣчательностей и т. п. Въ концѣ — два указателя мѣстныхъ названій:

---

[1]) Надь (Nagy), Notitiae politiko-geographico-statisticae incl. Regni Hungariae partiumque adnexarum (Budae I—II, 1828—1829 г.) даетъ лишь число душъ разныхъ вѣроисповѣданій въ каждомъ поселеніи (часто вм. Romano-catholici и Graeco-catholici просто Catholici). Народность у него не указана. Лексиконъ Горнянскаго (Hornyánsky, Geographisches Lexicon d. Kön. Ungarn u. d. Serb. Woiwodschaft mit d. Temescher Banate. Pest, 1857) должно оставить въ сторонѣ: относительно народности Горнянскій повторяетъ Феньеша, да и то со многими ошибками. Остальные статистическіе труды имѣютъ еще менѣе значенія.

[2]) Іоаннъ Матвѣй Корабинскій родился въ 1740 г. въ Пряшевѣ, окончивъ евангелическій лицей въ Пресбургѣ, сдѣлался картографомъ по профессіи, велъ книжную торговлю, много путешествовалъ по Угріи, собирая матеріалы для своихъ работъ, и поддерживалъ для той же цѣли обширную корреспонденцію (Szinnyei, Magyar írók és élete). Кромѣ того, онъ пользовался различными старыми и новыми трудами — какими именно, онъ не указываетъ (предисловіе). Кромѣ этого Лексикона, Корабинскимъ еще составлены и изданы: Geographisches Lexicon von Croatien, Dalmatien и Slavonien, Wien, безъ года; то же по-мадьярски, 1789; Neue und vollständige Beschreibung d. Königreichs Ungarn, Wien, 1804; Atlas Regni Hungariae portatilis, Pressburg, 1804—60 лл., 20×13 сант. (Havass, Magyar földrajzi könyvtár, Budapest, 1893). Карты выполнены хотя мелко, но весьма отчетливо, на нѣкоторыхъ имѣются списки мѣстныхъ названій по-русски, румынски, словацки и т. д. Экземпляръ атласа есть въ Славянскомъ отдѣлѣ I отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ, сигн. Петр. 130.

[3]) Въ приложеніи № 2 печатаемъ выдержку о бытѣ сербовъ (подъ Marientheresienstadt).

первый—на нѣмецкомъ языкѣ, второй—на словацкомъ, сербохорватскомъ и румынскомъ. Названія, даже и мадьярскія, переданы нѣмецкимъ правописаніемъ [1]) и часто весьма искажены. Къ Лексикону приложена карта Угріи, 40×34 сант. [2]).

Опредѣленіе народности и религіи населенія, не имѣвшее для Корабинскаго особаго значенія, во многихъ случаяхъ, очевидно, ошибочно [3]), но, въ виду сравнительной древности Лексикона, мы сочли не лишнимъ включить и его данныя въ таблицы.

Гораздо болѣе имѣютъ значенія сочиненія Феньеша:

Fényes E. [4]), Magyarországnak s a hozzá kapcsolt tartományoknak mostani állapotja statistikai és geographiai tekintetben. (Нынѣшнее состояніе Угріи и partium adnexarum въ статистическомъ и географическомъ отношеніи [5]), I—VI [6]),

[1]) Лексиконъ предназначенъ для иностранцевъ, купцовъ и ученыхъ, которыхъ Корабинскій хотѣлъ побудить къ посѣщенію Угріи, раскрывъ ея богатства и разсѣявъ сложившіяся противъ нея предубѣжденія (посвященіе).

[2]) Составлена на основаніи перечисленныхъ въ предисловіи печатныхъ и рукописныхъ картъ.

[3]) Такъ, напримѣръ, слѣдующія, въ концѣ XVIII в. несомнѣнно русскія сёла названы румынскими: Kusnyicza, Lipcse, Lipcse-Polyána, Roszuska, Rusz-Polyána—Мараморошской стóлицы, К. и N. Almás—Бережской. Многія сёла разныхъ стóлицъ на чисто-русской территоріи, у него—мадьярскія. Весьма часто при русскихъ и словацкихъ уніатскихъ сёлахъ поставленъ знакъ ⧺ = griechisch-nicht-unirte Kirche. Въ анонимномъ „Topographische Beschreibung der Unger Gespannschaft“ (Ungrisches Magazin, Pressburg, 1787) въ 8-ми сёлахъ (изъ числа тѣхъ же, что и у Корабинскаго) указана: griechische-nicht-unirte Pfarre (IV, стр. 318—338). Свѣдѣнія взяты, очевидно, изъ Лексикона Корабинскаго.

[4]) Алексѣй Феньешъ, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ Бигарской стóлицы, родился въ селѣ Csokaj (или Csohaj) въ 1807 году. По окончаніи евангелическаго лицея въ Пресбургѣ, въ 1828 г. сдалъ экзаменъ на адвоката и уже съ этого времени началъ странствовать по Угріи, изучая ее въ экономическомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніи. Приступивъ къ печатанію Географіи, въ 1836 г. переселился въ Будапештъ, примкнулъ къ радикальной партіи и принялъ живое участіе въ литературной, общественной и политической жизни. Съ 1843 г. дѣятельно работалъ въ ученыхъ обществахъ по экономическимъ и статистическимъ вопросамъ, выбранъ былъ членомъ корреспондентомъ, а потомъ и ординарнымъ академикомъ Венгерской Академіи Наукъ. Въ 1848 г. завѣдывалъ статистическимъ отдѣленіемъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. † въ 1876 г.

Феньешъ написалъ рядъ большихъ трудовъ и мелкихъ статей по сельскому хозяйству, торговлѣ и промышленности, главнымъ же образомъ по статистикѣ. Важнѣйшіе (бóльшею частью по-мадьярски): Статистика Угріи, I — III, 1842; Statistik d. Kön. Ungarn, I—II, 1843 — 1844; Описаніе Угріи, I — II, 1847; Описаніе турецкаго государства, 1854; Описаніе Австріи, 1857, второе изданіе—1867. Въ рукописи—населеніе Угріи и Трансильваніи въ 1857 г. (Szinnyei, Magyar írók).

[5]) Цитируемъ далѣе—„Географія“.

[6]) Части I—III вышли вторымъ исправленнымъ изданіемъ въ 1841—1844 гг., которымъ мы и пользовались.

Pest, 1836—1840. „Географія“ охватываетъ, кромѣ собственно Угріи, Хорватію и Славонію, Военную Границу и часть Трансильваніи.

Fényes E., Magyarország geographiai szótára (Географическій словарь Угріи [1]), I—IV, Pest, 1851.

Въ Географіи, послѣ общаго описанія каждой столицы, Феньешъ, по округамъ, перечисляетъ населённыя ея мѣстности [2]), сообщая о нихъ свѣдѣнія такого же разнороднаго характера, какъ и Корабинскій въ своемъ Лексиконѣ. Вездѣ указано число исповѣдниковъ той или иной религіи, а также народность населенія [3]).

Ни въ Географіи, ни въ Словарѣ Феньешъ не упоминаетъ, откуда онъ почерпалъ два послѣдніе разряда данныхъ. Изъ его Статистики [4]) видно, однако, что главнымъ источникомъ для него служили римско-католическіе печатные схематизмы, въ которыхъ при каждой парохіи отмѣчено, на какомъ языкѣ или языкахъ совершается богослуженіе (дополнительное) или произносятся проповѣди [5]), а также число душъ римо-католиковъ, а во многихъ—и число душъ иновѣрцевъ [6]). Для провѣрки и пополненія Феньешъ обращался къ схематизмамъ

---

[1]) Въ тѣсномъ смыслѣ.

Относительно народности и религіи данныя Географіи и Словаря по бо́льшей части тождественны, за нѣкоторыми, иногда интересными, исключеніями: см. Томашівський, Причинки до пізнання етноґрафічної ґеріторії Угорської Руси тепер і давнїйше (Зап. Шевч. LXVII, 1905, № 2, стр. 13—14). Мы, понятно, пользовались преимущественно Географіей, расположенной въ болѣе удобной системѣ.

[2]) По алфавиту мадьярскихъ названій. Помѣщены и иноязычныя, далеко не всегда въ правильной формѣ.

[3]) Безъ цифръ: „русско-мадьярское, мадьярско-русское, мадьярско-румынско-русское“ и т. д. „село“. Народности названы въ порядкѣ ихъ численности.

[4]) Statistik d. Kön. Ungarn.

[5]) Op. cit. I, стр. 36—38. Ср. Томашівський, Етноґр. теріторія (стр. 16). Это не вполнѣ точно. Судя по выраженію схематизмовъ Мукачевской епархіи 30-хъ, 40-хъ годовъ относительно нѣкоторыхъ селъ Мараморошской ст.: „lingua Ruthenica, Valachica apud nonullos“, слѣдуетъ думать, что въ схематизмахъ обозначенъ именно языкъ паствы, на которомъ, конечно, и произносились проповѣди. Впрочемъ, показанія о языкѣ играли для составителей схематизмовъ второстепенную роль и по бо́льшей части механически перепечатывались изъ года въ годъ. Въ нашемъ распоряженіи находятся какъ разъ экземпляры схематизмовъ 30—60 годовъ съ поправками и дополненіями епископской канцеляріи для новыхъ ихъ выпусковъ. О другихъ затрудненіяхъ при пользованіи схематизмами см. Томашівський, Op. cit. стр. 16—17.

[6]) Statistik, I, стр. 36—38.

иныхъ вѣроисповѣданій, въ томъ числѣ и къ схематизмамъ уніатскихъ епархій, Мукачевской и Пряшевской [1]).

Кромѣ схематизмовъ, въ распоряженіи Феньеша находился матеріалъ, какъ собранный имъ лично на мѣстѣ, такъ и полученный отъ мѣстныхъ дѣятелей [2]), на основаніи котораго онъ вносилъ различныя дополненія, измѣненія и поправки [3]).

Освѣдомленность Феньеша, въ связи съ его необычайнымъ трудолюбіемъ, заставляетъ серьезно считаться съ его данными [4]), но, прибавимъ, *только относительно разграниченія русскихъ отъ мадьяръ и румынъ, но ни въ какомъ случаѣ словаковъ отъ русскихъ.* Уніатовъ—*мадьяръ* и *румынъ* Феньешъ отдѣляетъ отъ русскихъ [5]), всѣхъ же *словаковъ*-уніатовъ считаетъ *русскими* [6]).

---

[1]) Op. cit., стр. 38, 43—46, 62—63. Мы не имѣли нужды провѣрять показанія Феньеша, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣтили явныя ошибки. Такъ, по Географіи и Словарю въ селахъ Podprócs (Спишской ст.), Peticse и Turczócz (Земплинской ст.) нѣтъ ни одного уніата, по схематизму же Мукачевской епархіи 1814 г. въ 1-мъ—36 уніатовъ, во 2-мъ 42, въ 3-мъ — 2, по схематизмамъ Пряшевской епархіи 1823 г.—71,30,5, 1839 г.—80, 41, 10. По Феньешу въ Vlacsa (Земпл. ст.) изъ 38 христіанъ—ни одного уніата, по схематизму 1839 г.—ихъ 124, что составитъ, принимая въ счетъ цифру Феньеша (38+124=162)—76,4%. Въ Csörgő (Земпл. ст.), по Феньешу, ни одного уніата, по схематизму Мукачевской епархіи 1837 г. — 243. Въ Lasztócz (той же ст.), по Феньешу уніатовъ—30, по схематизму того же года—348 и т. п. Очевидно, схематизмы этихъ епархій не были Феньешемъ использованы систематически.

[2]) Ср. Географія, I т. второго изданія, предисловіе, стр. IV.

[3]) Statistik, I, стр. 38—39. Ср. въ Географіи: „уніаты Сабольчской столицы—бывшіе русскіе и румыны, но они причислены къ мадьярамъ, такъ какъ лучше говорятъ по мадьярски, чѣмъ на ихъ родномъ языкѣ“ (IV, стр. 214); Ér-Kenéz (Сабольч. ст.)—„жители были румыны, но говорятъ лучше по мадьярски“ (ib. стр. 251); Szarvas (Бекеш. ст.),—„словацкое, начинающее омадьяриваться село“ (ib. стр. 19). Въ Словарѣ: Ér-Selénd (Бигар. ст.)—„жители уніаты, по происхожденію русскіе, но совершенно омадьярились и лишь старики знаютъ русскій языкъ“ (IV, стр. 20). См. также Томашівський, Op. cit., стр. 13—14.

[4]) Приговоръ Швикера (Statistik d. Kön. Ungarn.): „Die — — Arbeiten d. ungar. Statistikers A. Fényes heute nicht einmal historischen Werth besitzen“ (Vorwort, стр. VII) считаемъ черезчуръ строгимъ.

[5]) Такъ, въ Земплинской ст., по Феньешу, уніатовъ 97.156, русскихъ 88.918 (Географія, III, стр. 391); въ мадьярско-русскихъ ея округахъ: Гедьяльскомъ—уніатовъ 5.294, русскихъ 1.350 (ib. стр. 396), При-Бодрогскомъ—уніатовъ 5.309, русскихъ 1.616 (ib., стр. 411). Въ Сиготскомъ округѣ Мараморошской ст. уніатовъ 38.183, русскихъ 29.042, румынъ 9.141 (Op. cit., IV, стр. 198). Въ Сатмарской ст. уніатовъ 94.955, русскихъ 4.364 (ib. стр. 266). Въ Угочской—уніатовъ 27.238, русскихъ 16.552 (ib. 412) и т. д.

[6]) Въ русско-словацкомъ Уйгельскомъ округѣ Земплинской ст. уніатовъ и русскихъ 23.487 (Op. cit. III, стр. 428). Въ Абауйварской ст. уніатовъ и русскихъ 14.772 (ib., стр. 10); въ Спишской—уніатовъ и русскихъ 23.362 (ib. стр. 296); въ Торнянской—уніатовъ и русскихъ 1.193 (ib. стр. 338); въ Шаришской—уніатовъ и русскихъ 59.338 (ib., стр. 240) и т. д.

А. Сирмаи [1]) принадлежатъ:

A. Szirmay, Notitia topographica, politica inclyti comitatus Zempléniensis, a. 1797 (издалъ Н. Ковачичъ, Budae, 1803, 10+485 стр.).

— Notitia politica, historica, topographica inclıti comitatus

---

[1]) Сирмаи—старинный дворянскій родъ, многочисленныя вѣтви котораго (многія приняли другіе предикаты по своимъ помѣстьямъ) владѣли землями въ сто́лицахъ Боршодской, Земплинской, Сатмарской и Угочской, играли дѣятельную роль въ жизни этихъ сто́лицъ и въ разное время занимали видные посты въ мѣстной администраціи (см. сочиненія А. Сирмаи passim и особенно Notitia comitatus Ugochiensis, стр. 107—114).

Антонъ Сирмаи изъ небогатой Угочской линіи, родители котораго были собственниками небольшихъ помѣстій въ Земплинской и Угочской сто́лицахъ, родился въ 1747 г. въ Пряшевѣ, гдѣ и оставался въ домѣ бабушки до 7-ми лѣтъ. Съ дѣтства роднымъ его языкомъ было (восточно) словацкое нарѣчіе, на которомъ говорили и въ его семьѣ (A. Szirmay, Hungaria in parabolis, Budae, 1804, 2-ое изд., 1807, стр. 148), какъ это обычно у мадьярскаго дворянства на словацкой почвѣ (Czambel, Slovenská reč, стр. 182—183). Какъ видно изъ его трудовъ, онъ вполнѣ владѣлъ словацкимъ языкомъ, зналъ до извѣстной степени различіе славянскихъ нарѣчій (Hungaria in parabolis, стр. 36, 49, 56, 124), кое-гдѣ приводитъ фразы и на угрорусскомъ говорѣ (Szathmár vármegye, II, стр. 333).

Послѣ 7-ми лѣтъ родители взяли его къ себѣ въ Шаторалья-Уйгель, между прочимъ, для лучшаго усвоенія имъ мадьярскаго языка (Szinnyei, Magyar írók).

По окончаніи въ 1764 г. королевской академіи въ Кошицахъ, А. Сирмаи долгое время занималъ общественныя должности въ Земплинской сто́лицѣ, а затѣмъ въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ 1797 г. вышелъ въ отставку и отдался обработкѣ матеріаловъ, собиравшихся имъ въ теченіе 30-ти лѣтъ (Szathmár vármegye, I, предисловіе, стр. V). † въ 1812 г. (Szinnyei, Op. cit.).

Иные труды его:

Печатные: Notitia historica comitatus Zempléniensis, a. 1797 (изд. Ковачичъ, Budae, 1804, 8+371 стр., съ картой); Notitia historica, politica, oeconomica montium et locorum viniferorum comitatus Zempléniensis (Cassoviae, 1798, 207 стр.) — извлеченіе изъ двухъ его Notitiae.

Рукописные: Historia comitatus Zempléniensis. Pars generalis, supremorum comitum res gestas a. 1214—1714 complectens, diplomatice deducta; Historia seditionis Horaianae a. 1786; Historia domestica familiae Szirmay usque a. 1811; Fragmenta historiae secretae sui temporis, a. 1811, (у Митрофанова, Политическая дѣятельность Іосифа II, СПБ. 1907, стр. 53—54—подъ названіемъ „Historia arcana“). Въ 1898 г. въ библіотекѣ одного изъ его потомковъ найдены: Collectiones de Hungaria partibusque adnexis — — collectae a. 1782 (Adalékok Zemplén-vármegye történetéhez, IV, 1898, стр. 31).

Сочиненія Сирмаи имѣютъ немаловажное историческое значеніе. По своему семейному и служебному положенію Сирмаи, кромѣ богатаго семейнаго архива, могъ широко пользоваться и пользовался малодоступными вообще семейными и общественными архивами (въ томъ числѣ и архивами конвентовъ и капитуловъ, замѣнявшихъ публичные нотаріаты— loca credibilia, hiteles levéltárok). Во многихъ случаяхъ, однако, цитаты изъ документовъ были или имъ самимъ опущены, какъ ради краткости, такъ и въ виду неудовольствія дворянства на опубликованіе касающихся ихъ земельныхъ владѣній документовъ, или вычеркнуты по послѣдней причинѣ цензурой (Notitia com. Ugochiensis, стр. 68, Szathmár vármegye, предисловіе). См. также выше, стр. 5 пр. 4.

Ugochiensis, a. 1805 (изд. Н. Ковачичъ, Pestini, 1805, XV + 202 стр.).

— Szathmár vármegye' fekvése, történetei és polgári esmeréte (Топографическое, историческое и политическое описаніе Сатмарской сто́лицы), I (XII + 258 стр.), II (391 стр.), Budán, 1809—1810.

А. Сирмаи, помѣщикъ Земплинской и Угочской сто́лицъ, находившійся въ родственныхъ связяхъ со многими дворянскими семействами какъ этихъ сто́лицъ, такъ и Сатмарской, много лѣтъ занимавшій общественныя должности въ Земплинской сто́лицѣ, былъ, несомнѣнно, хорошо ознакомленъ съ современными ему условіями жизни этихъ частей Угріи, въ томъ числѣ и съ вопросомъ о языкѣ населенія — тѣмъ болѣе, что онъ съ дѣтства владѣлъ и словацкимъ языкомъ. Хотя его преимущественно интересовала исторія сто́лицъ, т. е., собственно, исторія ихъ дворянскихъ фамилій [1]), но онъ сообщаетъ также свѣдѣнія о народности и религіи простого народа [2]).

Не всѣ сочиненія Сирмаи даютъ для нашей цѣли одинаковый матеріалъ.

Наибольшее значеніе имѣетъ Описаніе Угочской сто́лицы, гдѣ почти при каждомъ селѣ указана народность крестьянъ: Rutheni, рѣже Russi, Hungari, Valachi, Saxones.

Въ Описаніи Земплинской сто́лицы Сирмаи болѣе подробно останавливается на южной ея части, гдѣ преимущественно сосредоточивалась жизнь мадьярскаго дворянства, и гораздо короче говоритъ о сѣверныхъ, русско-словацкихъ округахъ [3]). Въ южной части онъ *отдѣльно* опредѣляетъ народность каждаго села, въ сѣверной же это сдѣлано *вообще*,

---

[1]) Comitatus, vármegye (угрорусск. „вармедя"), сто́лица — не только территорія, но и совокупность дворянскихъ фамилій — universitas nobilium.

[2]) Сирмаи пользовался также рукописями знаменитаго Матвѣя Беля. Такъ, M. Bél, „Notitia com. Zempliniensis ex autographo describi procurata sumptibus et usibus A. Szirmay de Szirma a. 1793", рукопись fol. lat. № 274 въ Nemzeti Museum. Кое-что взято Сирмаемъ изъ Беля почти дословно: Сирмаи: Abara *colonos linguae Hungaricae ita tenaces* habet, *ut aliam nec discere, nec loqui velint*; Бель: „Abara *colonia Hungarica* et *ita* morum *linguaeque suae tenaces, ut neque discere velit alienam, neque,* si calleret, *loqui*.

[3]) На 179 сёлъ (города и мѣстечки исключены нами изъ подсчета) округовъ Токайскаго, Уйгельскаго, Земплинскаго и дистрикта Михалёвскаго отведено 93 страницы, на 248 сёлъ прочихъ округовъ — только 30 стр.

при началѣ перечня сёлъ того или другого округа или дистрикта [1]). Къ тому же Сирмаи, очевидно, не ставилъ своей задачей отдѣлить русскихъ отъ словаковъ: вездѣ въ сѣверныхъ округахъ у него лишь—coloni Slavi, coloniae Slavicae. Отмѣчается имъ только разница вѣроисповѣданія: Slavi Romano-catholici, Slavi Graeco-catholici.

Slavi у Сирмаи, несомнѣнно, значитъ не только *словаки* но и *славяне* вообще [2]). Этимъ объясняется кажущееся противорѣчіе: въ Описаніи почти во всѣхъ сёлахъ русско-словацкой территоріи coloni Slavi, въ концѣ же: „*Numerosae*— — in hoc comitatu *Russicae nationis* cultura ad provehendam huius felicitatem multum conduceret" [3]).

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ принимать во вниманіе показанія Сирмаи только относительно южной части Земплинской столицы.

Описаніе Сатмарской столицы въ нужномъ для насъ отношеніи обработано такъ же тщательно, какъ и описаніе Угочской: за нѣкоторыми исключеніями вездѣ при отдѣльныхъ поселеніяхъ указана народность и религія обывателей. Но въ этомъ, написанномъ по мадьярски Описаніи, встрѣчается иного рода затрудненіе. Въ латинскихъ сочиненіяхъ Сирмаи „Ruthenus (Russus)" не употребляется въ смыслѣ „человѣка русской вѣры", т. е. уніата [4]). Уніаты, у Сирмаи: graeco-catholici, graeci ritus uniti, graeci ritus [5])—этотъ терминъ въ XVIII в. былъ наиболѣе обыченъ въ тогдашнемъ латинскомъ языкѣ Угріи. По-мадьярски же, въ литературномъ языкѣ до второй половины XIX в. почти исключительно, а въ народномъ и доселѣ исключительно, православная (resp. уніатская) вѣра называется „старой вѣрой"—„ó-hit", „греческой вѣрой"

---

[1]) Processus Sztropkoviensis, totus coloniis Slavicis insessus" (стр. 333); „districtus Homonnensis, coloniis pariter Slavicis" (стр. 354); districtus Sztakcsinensis, coloniis Slavicis Graeco—catholicis insessus" (стр. 382) и т. д.

[2]) Sequuntur pagi ditionis Stropkoviensis omnes *Slavici, Russici*, religionis catholicae, utriusque ritus (стр. 351); Districtus— —Homonnensis, coloniis *Slavicis*, in quo primum locum obtinet oppidum Homonna— —. *A Russis* conditum esse nominis vox innuit. Humenne enim idem significat, quod area horrealis (стр. 354); Valaskócz (districtus Homonnensis) lingua *Russica* significat opilionum coloniam (стр 360).

[3]) Стр. 404.

[4]) См. выше: Slavi Graeco-catholici.

[5]) Хотя, очевидно, всѣхъ русскихъ онъ считаетъ уніатами, почему часто и не прибавляетъ graeco-catholici. Такъ, въ описаніи Угочской ст. часто: „Rutheni, suo templo gaudentes, Rutheni parochum suae religionis habent" и т. п.

„görög-hit“, на югѣ Угріи иногда „волошской вѣрой“— „oláh-hit“, чаще же всего, по отношенію къ русскимъ, словакамъ и мадьярамъ—„русской вѣрой“, „orosz-hit“; „oroszok“— значитъ одинаково и „русскіе“, и „уніаты“ [1]).

Въ такомъ двойномъ значеніи „orosz, oroszok“ является и у Сирмаи. Такимъ образомъ, „orosz“ въ смыслѣ народности въ Описаніи Сатмарской стóлицы можно вполнѣ опредѣленно понимать лишь тогда, когда Сирмаи прямо называетъ село „русскимъ, мадьярско-русскимъ, мадьярско-румынско-русскимъ“ и т. п. [2]). Гдѣ же стоитъ у него: „lakóssai Oroszok“ (жители—русскіе), „lakóssai eggyesült Oroszok“ (жители — соединенные русскіе) всегда должно быть крайне осторожнымъ.

Иногда по контексту ясно, что „Oroszok“ значитъ— „уніаты“ [3]). Въ остальныхъ же случаяхъ всегда возможны и неизбѣжны сомнѣнія [4]).

Для конца XIX и начала XX в. мы обратились къ работамъ изслѣдователей, какъ лично посѣщавшихъ тѣ или иныя части Угорщины для изученія говоровъ или для собиранія памятниковъ народнаго творчества, такъ и опиравшихся

[1]) Во всѣхъ этихъ случаяхъ для обозначенія уніатской вѣры въ литературномъ языкѣ обыкновенно добавляется „egyesült=соединенная“. Въ настоящее время все чаще и чаще входитъ въ употребленіе, по примѣру оффиціальной нѣмецкой терминологіи Цислейтаніи, греко-латинскій терминъ „ruthén“—der Ruthene — русскій; уніатъ же—„görög-katholikus“, griechisch-katolisch.

[2]) Русскія сёла: Derzs, Nyír-Vasvári; русско-словацкое: Császári; мадьярско-русскія: Berend, Fábiánháza, Gebe, Hodász; русско-румынское: Aranyos (пропущено у Томашівськаго, Этногр. карта, стр. 214, пр. 2); мадьярско-румынско-русское: Porcsalma; мадьярско-румынско-нѣмецкое: Józsefháza. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и Rozsály: „жители мадьяры, русскіе и словаки“.

[3]) Kántor-Jánosi „мадьярское село, жители реформаты и соединенные русскіе“; K. Mada „мадьярское село, жители реформаты и отчасти русскіе“; Papos „жители католики, реформаты и русскіе“; Sárköz-Ujlak „жители мадьяры, реформаты и соединенные русскіе“ (у Томашівськаго, ib. неправильно: „мадьярско-русское село“). Въ такомъ же значеніи слѣдуетъ понимать „Oroszok“ относительно: N. Ar, Bagos, Istvándi, Jármi, Milota, Nyír-Megyes, Parasznya, Tisza-Becs-

[4]) Kak „жители русскіе, ходятъ въ церковь въ Udvari“; N. Károly „жители католики, реформаты, лютеране, русскіе, румыны, евреи“; Lugos „жители русскіе, церковь ихъ построена изъ дерева, есть также у нихъ и священникъ“; Mérk „жители мадьяры-реформаты, нѣмцы-католики, у русскихъ есть церковь“; Penészlek „жители русскіе, церковь ихъ недавно заново выстроена изъ кирпича, имѣется у нихъ священникъ“; Sár „жители русскіе, у нихъ прекрасная каменная церковь“. Въ дальнѣйшихъ цитатахъ такія показанія Сирмаи отмѣчаемъ вопросительнымъ знакомъ: Sár (?).

на показанія мѣстныхъ уроженцевъ, которые, не будучи учеными филологами или этнографами, хорошо были освѣдомлены о языкѣ и самоопредѣленіи народа. Какъ увидимъ ниже, показанія всѣхъ этихъ лицъ, въ общемъ, почти совпадаютъ, даже относительно наиболѣе труднаго вопроса—разграниченія русскихъ отъ словаковъ.

Работы эти въ хронологическомъ порядкѣ—слѣдующія:

1) Наши „Замѣтки по этнографіи и статистикѣ угорской Руси“ [1]). Въ нихъ очерчена граница распространенія русской рѣчи на основаніи указаній четырехъ духовныхъ лицъ Мукачевской епархіи и одного свѣтскаго—Пряшевской [2]). Указанія эти въ подробностяхъ были въ 1890 г. нанесены нами на карту Угріи [3]).

2) Проф. О. Брохъ, изъ устъ мѣстныхъ жителей подробно изучившій говоры селъ Убля [4]), Дубравка и Фалькушовцы [5]) Земплинской столицы и Корумля [6])—Унгварской, отъ нихъ же собралъ данныя о языкахъ, употребляющихся въ селахъ, ближайшихъ къ Унгвару [7]), составивъ для прилегающихъ частей обѣихъ столицъ особую карту [8]).

3) В. Гнатюкъ напечаталъ списокъ [9]) сёлъ Пряшевской епархіи съ обозначеніемъ языка или языковъ ихъ обывателей, составленный по его просьбѣ покойнымъ о. Ю. Ставровскимъ [10]), священникомъ одного изъ русскихъ сёлъ Зем-

---

[1]) Докладъ въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Имп. Географическаго Общества 19-го ноября 1891 г., напечатанный въ Ж. М. Н. Пр., 1892, № 2, стр. 439—458; переизданъ въ Мат. IV, стр. 1—18.

[2]) Мат. IV, стр. 3, 5—7. Ср. Klíma, Ruskoslovenská hranice na východè Slovenska (Slov. Přehled, IX, 1906—1907): („Náše ruskoslovenská hranice) souhlasí nejvíce s hranicí, zjištěnou Petrovem u jeho Zamětkach po Uh. Rusi“ (стр. 114); „Mnohem určitěji (Czörniga) stanovil hranici Petrov, s nímž i hranice, námi stanovená, velice souhlasí“ (стр. 120). Томашівський, Op. cit.: „Його (Петрова) словацько-руська межа близько сходить ся з нашою“ (стр. 200, пр. 1).

[3]) Изданіе Вѣнскаго военно-географическаго Института въ 1858 г.

[4]) Zum kleinrussischen in Ungarn (Arch. sl. Phil., XVII, 1895, стр. 321—416 и XIX, 1897, стр. 1—21). Въ переработанномъ видѣ напечатано по-русски: „Угрорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата) (Изслѣдованія по русск. языку, II, 1900, стр. 1—117).

[5]) Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn (Videnskabsselskabets Skrifter, Kristiania, II, 1897, № 5, стр. 1—76).

[6]) Weitere Studien v. d. slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze (ib. 1899, № 1, стр. 1—104). Ср. также „Aus der ungarischen Slavenwelt“ (Arch. sl. Phil., XXI, 1899, стр. 49—61).

[7]) Studien, стр. 9—12.

[8]) Ib.

[9]) Русини Пряшівськоі епархіі і іх говори (Зап. Шевч. XXXV, 1900, № 2, стр. 31—47).

[10]) Старый угрорусскій дѣятель и писатель (подъ псевдонимомъ Попрадова).

плинской стóлицы. Г. Гнатюкъ признаетъ возможность тѣхъ или иныхъ ошибокъ въ спискѣ, но справедливо считаетъ его весьма важной исходной точкой для дальнѣйшихъ, болѣе обстоятельныхъ изысканій [1]). Показанія о. Ю. Ставровскаго, въ бóльшей ихъ части, въ послѣдствіи подтвердились [2]).

4) Изслѣдованія покойнаго Цамбеля (S. Czambel), главнымъ же образомъ, его Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov [3]), заслуживаютъ особаго вниманія [4]). Авторъ, родомъ словакъ, видный венгерскій чиновникъ, много лѣтъ посѣщалъ село за селомъ стóлицы Абауйварскую, Спишскую, Шаришскую, Земплинскую, Унгварскую и отчасти Бережскую для изученія народныхъ говоровъ и записыванія текстовъ на нихъ. О тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не приходилось ему самому побывать, онъ собиралъ свѣдѣнія у хорошо ознакомленныхъ съ ними лицъ [5]), подвергалъ эти свѣдѣнія многократному контролю, а въ случаѣ явныхъ противорѣчій старался посѣтить спорныя сёла. При опредѣленіи народности онъ руководствовался исключительно языкомъ населенія, но *не* религіей [6]) и—относительно словацко-русской межи—*не* данными оффиціальной переписи [7]).

5) Почти одновременно съ книгой Цамбеля появилась статья Климы: Klíma, Ruskoslovenská hranice na východě Slovenska [8]). Клима лично ознакомился съ русско-словацкой границей въ Шаришской стóлицѣ, обращался за письменными сообщеніями къ мѣстнымъ дѣятелямъ и изучилъ литературу предмета [9]). Независимо отъ Цамбеля, онъ пришелъ къ тѣмъ же почти, какъ и Цамбель, результатамъ. Но его

---

1) Op. cit., стр. 31.

2) Czambel, Slovenská reč, стр. 77—78; Томашівський, Етноґр. карта, стр. 200.

3) Turčianský Sv. Martin, 1906, стр. 1—624.

4) См. Pastrnek, (Arch. sl. Phil., XXVI, 1904, стр. 290 и сл.); Niederle, Nová data k východní slovenské hranici v Uhrách (Národop. Věstník, II, 1907, стр. 1—3); его же, Обозрѣніе современнаго Славянства (Энциклопедія слав. филологіи, вып. 2, 1909, стр. 14); Томашівський, Op. cit. (стр. 181, 185, 200—201). Оговоримся, что мы не касаемся теоріи Цамбеля о югославянскомъ происхожденіи словаковъ. Врядъ ли она когда-либо будетъ признана научно-обоснованной.

5) Все его громадное собраніе рукописныхъ матеріаловъ хранится въ библіотекѣ (Народнаго) „Дома“ въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ.

6) Op. cit., стр. 57, 77—79.

7) См. выше, стр. 22, пр. 7.

8) Въ ноябрьскомъ и декабрьскомъ выпускѣ 1906 г. журнала Slovanský Přehled, стр. 60—63, 112—121.

9) Стр. 62.

показанія имѣютъ значеніе только для границы сплошной словацкой территоріи, которую онъ проводитъ по самымъ крайнимъ на востокѣ и сѣверѣ словацкимъ сёламъ съ католическимъ и лютеранскимъ большинствомъ [1]. Внутри ея уніаты—всѣ, по его мнѣнію, русскаго происхожденія [2])—настолько, де, ословачились, что ихъ слѣдуетъ прямо причислить къ словакамъ; уніатовъ же внѣ ея, гдѣ они живутъ сплошными массами, онъ считаетъ по языку еще русскими, хотя бы они сами называли себя „словяками“ [3]. Пріемъ, очевидно, слишкомъ механическій и неправильный.

6) Подготовляя наши карты, отпечатанныя въ началѣ 1909 г., мы, въ то же время, заносили на карточки, а съ нихъ въ особыя таблицы необходимыя для сличенія съ Лексикономъ данныя изъ вышепоименованныхъ трудовъ. Черновая работа была окончена къ осени того же года и общіе выводы были изложены нами въ докладѣ Отдѣленію русскаго языка и словесности 11-го октября 1909 г. [4]. Около того же времени намъ удалось получить корректурные листы пояснительной статьи г. С. Томашівськаго къ его „Етноґрафічна карта Угорської Руси“ [5]. Возможность пользоваться его статьей и картой значительно облегчила намъ кропотливую провѣрку собраннаго матеріала о каждомъ отдѣльномъ селѣ и позволила сильно сократить цитаты и ссылки [6].

Иниціатива составленія этнографической карты принадлежала В. Гнатюку, который и принялся за это дѣло, но, по его болѣзни, пришлось взять на себя трудъ г. Томашівському, который и закончилъ его еще въ 1904 г. [7]. Изготовленіе карты шло, однако, крайне медленно, такъ что въ 1907 г. автору оказалось возможнымъ еще разъ провѣрить свои выводы, а также внести нѣкоторыя поправки и дополненія на основаніи книги Цамбеля, хотя, по словамъ г. Томашівськаго, „праця С. Цамбеля переважно подтвердила результаты моїх власних розслїдів“ [8]. Лишь весной

---

[1]) Стр. 114.
[2]) Стр. 61.
[3]) Стр. 114.
[4]) Протоколъ засѣданій CCXCII.
[5]) Экземпляръ карты былъ уже ранѣе въ нашихъ рукахъ.
[6]) Такъ, мы опустили подробную библіографію.
[7]) Op. cit., стр. 180. См. также Томашївський, Угорські Русини въ сьвітлї мадярської урядової статистики (Зап. Шевч., LVI, 1903, № 3, стр. 2).
[8]) Стр. 181.

1910 г. вышелъ въ свѣтъ 3-й выпускъ „Статей по славяновѣдѣнію“, въ которомъ помѣщена карта и статья Томашівськаго.

Для разъясненія этнографическихъ отношеній на русско-румынской и русско-мадьярской территоріи г. Томашівський по необходимости долженъ былъ опереться на оффиціальныя переписи 1880, 1890 и 1900 гг., подвергая тщательному сличенію ихъ данныя, внося поправки на основаніи какъ карты и Этнографіи Чёрнига, такъ и сообщеній В. Гнатюка [1], много странствовавшаго по Угріи [2]; гдѣ нужно, привлекалъ къ сравненію и иные матеріалы [3]. Вездѣ отмѣчены поселенія, относительно которыхъ данныя оффиціальныхъ переписей казались ему въ бо́льшей или меньшей степени не соотвѣтствующими дѣйствительности. Во 2-ой части — „Перегляд громад головної руської теріторії“ по сто́лицамъ и ихъ округамъ въ алфавитномъ порядкѣ поселеній; поселенія, въ которыхъ, по свѣдѣніямъ г. Томашівськаго, число русскихъ значительно больше, чѣмъ по оффиціальной переписи 1900 г., отмѣчены * [4]), поселенія же, гдѣ, оффиціально, русскіе въ меньшинствѣ, а, по Томашівському, „громада переважно руська“ — ** [4]).

Разграниченіе русскихъ отъ словаковъ, какъ неоднократно справедливо замѣчаетъ авторъ [5]) — задача чрезвычайно трудная, могущая быть окончательно разрѣшенной лишь научной экспедиціей, которая бы на мѣстѣ изучила не только языкъ, но и вѣру, и самосознаніе (сьвідомість) населенія [6]. Вмѣстѣ съ этимъ необходимо соединить и историческое изслѣдованіе русской и инородной колонизаціи Угріи [7]).

Для посильнаго разрѣшенія этой задачи, кромѣ вышеуказанныхъ данныхъ, авторъ воспользовался спискомъ о. Ставровскаго, языковыми матеріалами, собранными Гнатюкомъ и Верхратскимъ, монографіей Цамбеля и „автопсіей“ [8]).

---

[1]) Op. cit., стр. 213; см. также „Русини въ сьвітлі уряд. статистики“, стр. 2, 24—26.
[2]) Етнографічний Збірник, III, 1897, стр. IX; XXV, 1909, стр. III—XV.
[3]) Етн. карта, passim.
[4]) Тоже и относительно поселеній на русско-словацкой территоріи.
[5]) Стр. 199—201.
[6]) Стр. 221. Такая же экспедиція, несомнѣнно, необходима и для русско-румынско-мадьярской территоріи (стр. 222).
[7]) Стр. 204, 221—222.
[8]) Стр. 201—202.

Исполненная красками на двухъ листахъ карта довольно большого масштаба [1]) чрезвычайно облегчаетъ оріентированіе.

Крайне важно, что и въ текстѣ и на картѣ отмѣчены словацкія и мадьярскія поселенія съ *уніатскимъ* большинствомъ. Извѣстное, давно уже высказывавшееся мнѣніе, что теперешніе словаки и мадьяры-уніаты суть потомки ословачившихся и омадьярившихся русскихъ, имѣетъ за себя весьма многое, но требуетъ историческаго обоснованія [2]).

Какъ статья, такъ и карта г. Томашівськаго являются въ высшей степени добросовѣстнымъ и цѣннымъ трудомъ [3]). Авторъ понимаетъ, что въ послѣдствіи должны быть и будутъ внесены частныя поправки, въ общемъ же его слова совершенно справедливы: „Вона (карта) повинна стати вихідною точкою для дальших студій над руським Закарпатєм“ [4]).

Въ разныхъ мѣстахъ статьи разбросаны многія сообщенія и соображенія о весьма важныхъ историческихъ фактахъ, къ сожалѣнію, часто безъ указанія источниковъ.

Въ таблицахъ второй части помѣщены данныя статистики 1900 г. о языкѣ и религіи населенія отдѣльныхъ мѣстностей, и вычисленъ % [5]) лицъ, признавшихъ русскій языкъ своимъ роднымъ.

Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи процентныя цифры русскихъ будутъ совершенно иныя, чѣмъ у Томашівськаго, а также у Балога [6]) и Нидерле [7]). Считаемъ болѣе удобнымъ теперь же дать необходимыя разъясненія.

---

[1]) 1 : 300.000.

[2]) Исторія православія въ Угріи ждетъ еще своего историка, первая задача котораго—изъять изъ употребленія сомнительные документы и фантастическія соображенія, окутывающія ея прошлое. Одинъ такой документъ, давшій основаніе разнымъ легендамъ—грамота князя Өеодора Коріатовича 1360 года,—надѣемся, благодаря намъ, устраненъ (Мат. III, 1906).

Удостоенная Венгерской Академіей Наукъ преміей Ипольи громадная работа г. А. Годинки „Исторія Мукачевской уніатской епархіи“ (A Munkácsi görög-katholikus püspokség története, Budapest, 1910, VIII + 856 стр.) далеко не имѣетъ рѣшающаго значенія. О ней предполагаемъ въ послѣдствіи высказаться подробнѣе.

[3]) Относительно формъ мѣстныхъ названій могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя возраженія, но объ этомъ ниже. Авторъ самъ сожалѣетъ, что уже поздно было исправить по Цамбелю многія ошибки (стр. 181).

[4]) Стр. 179.

[5]) Не безъ ошибокъ, иногда крупныхъ, неизбѣжныхъ, впрочемъ, при массѣ цифровыхъ выкладокъ. Нѣкоторыя ошибки исправлены въ спискѣ опечатокъ.

[6]) A népfajok Magyarországon.

[7]) Národopisná mapa.

У означенныхъ авторовъ % той или иной народности вычисленъ сравнительно съ *общимъ* числомъ *жителей* каждой мѣстности, у насъ же % русскихъ (и уніатовъ) — сравнительно съ *общимъ* числомъ *только христіанъ*.

Дѣло въ томъ, что въ оффиціальныхъ переписяхъ Угріи въ рубрикахъ родного, „материнскаго языка“ (anyanyelv), нигдѣ мы не встрѣчаемъ языка *еврейскаго*. Евреи, какъ извѣстно [1]), называютъ въ Угріи своимъ роднымъ языкомъ, по бо́льшей части, или *нѣмецкій* [2]) или—особенно въ последнее время—*мадьярскій*, рѣже— *словацкій*, еще рѣже—*русскій* [3]).

Увеличивая, такимъ образомъ, *на бумагѣ* количество преимущественно *нѣмцевъ* и *мадьяръ*, евреи, сплоченные религіей, общими экономическими интересами и вѣковой привычкой къ солидарности, *на дѣлѣ* остаются *евреями*, не забываютъ своего жаргона, не ассимилируются съ окружающими народностями [4]) и сами ихъ не ассимилируютъ. Не занимаясь земледѣліемъ и вообще добывающей промышленностью, евреи не имѣютъ своей сплошной національной территоріи, а живутъ какъ бы колоніями, стягиваясь въ большемъ количествѣ въ ту или другую мѣстность въ зависимости отъ экономическихъ условій ея жизни.

Въ виду этого, вычисленіе % какой-либо народности по отношенію къ общему числу всѣхъ жителей, *безъ выдѣленія евреевъ* [5]), даетъ совершенно фальшивую картину распредѣленія сосѣднихъ, другъ на друга въ теченіе многихъ вѣковъ взаимно-вліяющихъ христіанскихъ народностей [6]).

---

[1]) Ср. Czambel, Slovenská reč, стр. 59; Томашівский, Угорські Русини в сьвітлї мад. уряд. статистики, стр. 31 и Етноґр. карта, стр. 190, пр. 3.

[2]) Преимущественно недавніе выходцы изъ Галичины.

[3]) По переписи 1900 г. евреевъ съ роднымъ *русскимъ* языкомъ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ сёлахъ русской части Мараморошской ст. Такъ, напримѣръ, въ Врх. Апшѣ на все число *христіанъ*—уніатовъ 98,9%, а *русскихъ—110,6%*, въ Вшн. Рунѣ—уніатовъ 91,4%, *русскихъ—102,2%*.

[4]) За рѣдкими исключеніями, да и то при условіи перемѣны вѣры.

[5]) Число послѣднихъ показано въ рубрикѣ религіи—izraelita.

[6]) Примѣровъ можно привести безчисленное множество. Ограничимся лишь двумя изъ Верховины Мараморошской ст. по переписи 1900 г.:

Въ Нжн. Колочавѣ (A. Kalocsa), по Томашівському, русскихъ 89,5%, въ Майданкѣ (Nász-Holyatin)—62,4%, *разница въ 27,1%*; послѣдняя является болѣе, чѣмъ на одну треть нѣмецкой. На самомъ же дѣлѣ: въ Нжн. Колочавѣ *всего* жителей *2.724*, изъ нихъ—*русскихъ* по языку—*2.438*, нѣмцевъ—255; исключивъ изъ общаго числа жителей 243 *евреевъ*, получимъ число *христіанъ—2.481*, *русскихъ* слѣдовательно, *99,1%*. Въ

Вычисленіе % народностей по тому принципу, котораго держался г. Томашівський и др., особенно искажаетъ дѣйствительность тогда, когда приходится обращаться къ цифровымъ даннымъ *разныхъ годовъ*, такъ какъ число евреевъ *увеличивается во много разъ больше*, чѣмъ христіанъ, и не только путемъ естественнаго *размноженія*, но—и, пожалуй, и въ прошломъ и теперь еще больше—*иммиграціей*, распространяющейся *далеко не равномѣрно* по отдѣльнымъ районамъ и по отдѣльнымъ поселеніямъ каждаго района.

Въ концѣ XVIII в. количество евреевъ въ Угріи было, сравнительно, ничтожно [1]. Въ XIX в. оно неуклонно и послѣдовательно *увеличивается*, много опережая приростъ всего населенія. Приведемъ цифры (округляя ихъ) относительно собственно Угріи (съ Военной Границей, но безъ Трансильваніи, Хорватіи и Славоніи):

Годы	Все населеніе	евреи	%
1785—1787 [2]	7.900.000	75.000	0,95
1805 [3]	8.700.000	128.000	1,47
1840 [4]	11.367.000	242.000	2,14
1880 [5]	11.645.000	595.000	5,11
1900 [6]	14.312.000	772.000	5,39

Майданкѣ *всего—2.333, русскихъ—1.454*, нѣмцевъ—813, мадьяръ—58, иныхъ народностей—8; за исключеніемъ *796*-ти *евреевъ*, остается *христіанъ 1.537, русскихъ*—94,6%. Такимъ образомъ, оба села почти одинаково русскія (*разница лишь въ 4,5*%), только евреи, почему либо, находятъ для себя болѣе выгоднымъ проживать именно въ Майданкѣ (въ Нжн. Колочавѣ ихъ 9%, въ Майданкѣ—37%).

Въ Нжн. Студеномъ (A. Hidegpatak), по Томашівському, русскихъ—84,3%, въ Торунѣ (Toronya)—67,6%—*разница въ 16,7*%. Въ дѣйствительности: въ Нжн. Студеномъ всего 1.146 жителей,—русскихъ *966*, нѣмцевъ — 174, мадьяръ — 6; *евреевъ — 174, христіанъ*, значитъ, *972, русскихъ—99,4*%; въ Торунѣ *всего 1.034, русскихъ 699*, нѣмцевъ 314, мадьяръ 21; *исключивъ 315 евреевъ*, получимъ христіанъ 719, *русскихъ—97,2*% (разница въ 2,2%). Евреевъ въ 1-мъ селѣ 15,2%, во 2-мъ 30,4%.

[1]) Но и въ первой половинѣ XVIII в. М. Бель жалуется на еврейскую иммиграцію изъ Галичины: „Hac praecipue aetate magna copia (Judaeorum genus) subinde ex Polonia, ejus regni veste indutum, huc adventat et variis quaestibus non sine miserae plebis dispendio in omnibus oppidis, passim et vicis convalescit“ (Notitia comitatus Zempléniensis).

[2]) Комбинируемъ цифры Феньеша въ его Statistik, I.

[3]) Schwartner, Op. cit., 2-ое изд. I, стр. 112, 144.

[4]) Феньешъ, Географія.

[5]) Lang és Jekelfalussy, стр. 156—163.

[6]) Перепись.

Особенно быстро возрастало количество евреевъ въ сосѣднихъ съ Галичиной словацкихъ и русскихъ стóлицахъ:

„Wahr ist es, dass nach Ungarn jährlich auch fremde, besonders polnische Juden, in bedeutender Zahl einwanderten, und die *nördlichen* Comitate — — so zu sagen *überfluthen*“ [1]). Въ 1785 г. въ Оравской стóлицѣ было 115 евреевъ, въ 1840 г. уже въ 20 разъ больше — 2.338 [2]).

Ср. заявленія на сеймахъ депутатовъ Унгварской стóлицы въ 1802 г.: „schon jeder 15-te Mensch ein Jude seyn soll“ и Бережской въ 1808 г.: „cum in illis praeprimis comitatibus, qui cum Poloniae Regno collimitanei sunt, *omnem fere angulum inundaverint numerosae Judaeorum familiae*“ [3]).

Въ статьѣ C. R. „Marmaroscher Gespannschaft“ [4]): „*Einst kannte man hier gar nicht, was ein Jude sei*, bis sie sich auch hier, jedoch *in geringer Zahl*, ansiedelten, und endlich seit einigen Jaren *ihre Anzahl sich ausserordentlich vermehrte*“ [5]).

Нижеслѣдующія таблицы ясно показываютъ процессъ несоразмѣрнаго, сравнительно съ христіанами, возрастанія еврейства въ 7-ми восточныхъ стóлицахъ. У Бидермана сообщены цифровыя данныя относительно общаго числа населенія стóлицъ Земплинской, Мараморошской, Унгварской и Шаришской отъ 1787 г., Бережской (вмѣстѣ съ Угочской) — отъ 1777 г. [6]) и число евреевъ — отъ 1783 г. [7]) Цифры конца 30-хъ годовъ беремъ изъ Феньеша [8]), а 1900 г. — изъ переписи.

Въ 1783 — 1787 гг.

Стóлицы	всего	евреевъ	%
Спишская	?	353	?
Шаришская	142.112	1.576	1,11
Земплинская . . .	209.861	4.074	1,94

[1]) Fényes, Statistik, I, стр. 94.
[2]) L. c.
[3]) Schwartner, op. cit., стр. 148—149.
[4]) Vaterländ. Blätter, J. 1819, №№ 49—59 (Csaplovics, Archiv d. Kön. Ungern, Wien. 1821, II, стр. 401).
[5]) См. также Fényes, Географія, IV, стр. 401.
[6]) Die ungar. Ruthenen, I, стр. 5, пр. 2.
[7]) Op. cit., I, стр. 131.
[8]) Op. cit.

Мараморошская . .	86.118	1.769	2,05
Унгварская	58.137	1.460	2,51
Бережская	47.750	1.336	2,90
Итого [1]) . .	541.978	10.215	1,88

В ъ т р и д ц а т ы х ъ г о д а х ъ XIX в.

Стóлицы	всего	евреевъ	%
Спишская . . .	180.083	1.405	0,77
Бережская . . .	109.632	3.362	3,07
Угочская	41.455	1.419	3,42
Шаришская . .	182.817	6.550	3,58
Мараморошская	154.461	7.650	4,95
Земплинская . .	274.685	14.619	5,32
Унгварская . .	105.584	5.627	5,33
Итого	1.048.717	40.632	3,87

В ъ 1900 г о д у.

Стóлицы	всего	евреевъ	%
Спишская . . .	172.091	7.234	4,20
Шаришская . .	174.470	12.262	7,03
Земплинская . .	327.993	31.533	9,61
Унгварская . .	153.266	16.776	10,94
Угочская	83.316	10.566	12,68
Бережская . .	208.589	29.052	13,93
Мараморошская .	309.598	56.006	18,09
Итого	1.429.323	163.429	11,44

Такимъ образомъ, въ шести сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ стóлицахъ отъ 1787 г. до конца 30-хъ годовъ XIX в. число христіанъ увеличилось въ 2 раза, евреевъ въ 4 раза, за послѣднія 60 лѣтъ христіанъ — менѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза, евреевъ опять таки въ 4 раза. Въ концѣ XVIII в. % евре-

1) Безъ Спишской ст.

евъ[1]) было отъ 1,11% до 2,9%, въ 30-хъ годахъ—отъ 3,07% до 5,33%, въ 1900 г.—отъ 7,03% до 18,09%.

Въ то время, какъ во всей Угріи съ конца XVIII в. до 1900 г. % евреевъ съ 0,95% дошелъ до 5,39%, въ словацко-русскихъ столицахъ съ 1,88% до 11,44%.

Возьмемъ еще конкретный примѣръ изъ Мараморошской столицы. По Феньешу, въ селѣ Кривое (Rusz-Kirva) уніатовъ (почти всѣ русскіе) 100%, въ с. Русcково (Ruszkova) уніатовъ (почти всѣ русскіе) 98,85%—разница на 1,15%. Въ 1900 году, по Томашівському, русскихъ въ Кривомъ—84,67%, въ Руссковѣ—56,08%—разница на 28,59%. Такимъ образомъ, въ обоихъ сёлахъ % русскаго населенія убавился и весьма неравномѣрно: особенно пошла на убыль русская народность въ Руссковѣ. На самомъ же дѣлѣ, за 60 лѣтъ приростъ русскаго населенія былъ почти одинаковъ—въ 1,9—1,75 разъ. По Феньешу, въ Кривомъ уніатовъ—698, въ 1900 году русскихъ — 1.349; въ Руссковѣ, по Феньешу, уніатовъ — 774, въ 1900 г. русскихъ — 1.352. Мнимая же разница въ %% произошла отъ гораздо большаго прироста евреевъ. За 60 лѣтъ количество ихъ въ Кривомъ увеличилось въ 9 разъ, въ Руссковѣ — больше, чѣмъ въ 10. У Феньеша въ 1-мъ — 25 евреевъ, во 2-мъ 96; въ 1900 г. въ 1-мъ—229, во 2-мъ—1.004.

Лишь тогда, слѣдовательно, когда мы вычислимъ % русскихъ по отношенію не къ *общему числу жителей*, а только къ числу *христіанъ*, выяснится подлинный ходъ національнаго процесса: по отношенію къ христіанамъ, въ Кривомъ—русскихъ 98,90%, въ Руссковѣ — 96,23% — разница не на 28,59%, а только на 2,67%.

Надѣемся, что нашъ modus procedendi достаточно оправданъ.

Разсмотрѣніе предѣловъ русской рѣчи гораздо цѣлесообразнѣе начать съ востока. Обладая относительно русско-ру-

[1]) Кромѣ Спишской ст.

мынской и русско-мадьярской границы болѣе обильнымъ и болѣе надёжнымъ матеріаломъ, мы, при такомъ расположеніи частей изслѣдованія, имѣемъ возможность сначала опредѣлить степень достовѣрности показаній Лексикона *вообще*, а это, въ случаѣ благопріятнаго результата, позволитъ намъ съ бóльшей увѣренностью полагаться на его показанія и относительно русско-словацкой пограничной черты.

III.

Русско-румынская и русско-мадьярская граница.

Русско-румынская граница проходить по стóлицѣ Мараморошской и части Угочской до села Бочкова (Bocskó), русско-мадьярская —отъ Бочкова по Угочской, Бережской и части Унгварской до Унгвара.

1. Мараморошская стóлица.

Отъ горы Стога [1]) граница русской рѣчи идетъ по водораздѣлу [2]) бассейновъ рѣкъ Бѣлой Тисы и Вышовы, совпадая, такимъ образомъ, съ границей округовъ Сиготскаго (III) и Верхняго [3]) (V). Пересѣкши р. Вышову, недалеко

---

[1]) На Галицкой границѣ.

[2]) Главныя вершины: Гробъ и Попъ Иванъ.

[3]) Ни въ Лексиконѣ, ни въ иныхъ рукописныхъ и печатныхъ памятникахъ XVIII в. не указано ни одного поселенія по р. Бѣлой Тисѣ. На картѣ г. Томашівьскаго находимъ: Бребоя, Луги, Біла Тиса, Квасний, Вовчий, Видреска и Ростоки. Бребоя, Видреска и Ростоки, вѣроятно, новѣйшія поселенія: до 80-хъ годовъ XIX в. ихъ нѣтъ въ схематизмахъ.

Богданъ (=Біла Тиса) существовалъ уже въ концѣ XVIII: Bogdán, parochia nova, a. 1794 erecta, matricam habet ab a. 1786 (схем. 1856 г.). Въ 1814 г. въ немъ было 220 уніатовъ (схем. 1814 г.). Ранѣе Bogdán назывался Superior Akna Rahó (Tabella super dotatione gr. r. cath. parochorum et aedituorum——14-a Septem. a. 1801): in districtu Sylvanali Akna-Rahoiensi: Superior Akna-Rahó seu Bogdán (Neoregistrata, fasc. 1815, № 117 въ Orsz. lev). Возможно, что онъ основанъ не задолго до 1778 г.; на это указывается Puncta concertationis 1778 г. между епископомъ Андреемъ Бачинскимъ и вице-президентомъ Королевской угорской Камеры о средствахъ къ обезпеченію клира: Akna-Rahó Superior——; hic nulla provisio parochiae hactenus fuerat, cum tamen populum supra 150 *hospites*, ad *regulatam coloniam proxime contrahendos*, numeraret, ideo“ и т. д. (ib.). Въ болѣе раннихъ документахъ мы его не встрѣчали ни подъ тѣмъ, ни подъ другимъ названіемъ.

отъ впаденія ея въ Тису, пограничная черта захватываетъ слѣдующія русскія сёла: Вышняя Руна (F. Róna), Лугъ (Lonka), Бочковъ (Bocskó), Крачуново (Karácsonfalva), Миково (Veresmart), Верхняя Апша (F. Apsa), Грушово (Körtvélyes), Тересва (Taraczköz), Ремета (Remete), Бедевля (Bedő), Буштино (Bustyaháza), Салдобошъ (Száldobos), Сокирница (Szeklencze) и поворачиваетъ, перейдя р. Тису, на юго-западъ къ Велятину (Veléthe) въ Угочской столицѣ.

Къ этой пограничной чертѣ примыкаютъ нѣмецко-русскій Коштиль (Rónaszék) и мадьярско-русскій Сиготъ (Sziget).

Граница русской рѣчи въ 1773 г. существенно отличается отъ нынѣшней только относительно сёлъ по долинѣ р. Русковой [1]: Рускова Поляна [2] (Rusz-Polyána), Кривое [3] (Rusz-Kirva) и Русково (Ruszkova) [4].

Кривое мы должны оставить въ сторонѣ. По всей вѣроятности, это—новое поселеніе, возникшее не ранѣе конца XVIII в. Оно не упомянуто ни въ Лексиконѣ, ни въ иныхъ современныхъ ему памятникахъ, ни въ грамотахъ XIV—XV вв. [5]), ни въ conscriptiones dicales XVI—XVII вв. [6]), ни въ conscriptiones 1715 и 1720 гг. [6]), ни у М. Беля [7]), ни въ Лексиконѣ Корабинскаго [8]). 1-ый разъ встрѣ-

---

Остальныя села упоминаются въ началѣ XIX в.: Luchi (у Корабинскаго), Luchý (въ двухъ мѣстахъ у Липскаго), Lichi (у Гёрёга), Luhy cum ecclesia, 259 anim. gr. cath. (схем. 1814 г.); Kvaszni (у Липскаго и Гёрёга), Volcsy (у Липскаго), Volcsi (у Гёрёга), Vóvcsi, 393 anim. gr. cath. (схем, 1814 г.). Дѣйствительно ли всѣ эти поселенія возникли послѣ 1773 г., или же они (или часть ихъ) случайно пропущены въ Лексиконѣ, рѣшить не беремся. Вообще объ этомъ см. ниже.

1) „Руськова ріка“.

2) Теперь и въ народѣ въ употребленіи болѣе краткая, совпадающая съ мадьярской форма,—Рус-Поляна. Въ документахъ съ XIV в. наиболѣе часто Ruszkova Polyána.

3) Или Кривый.

4) Въ 1900 г. указано еще значительное число русскихъ (42,6%) въ румынскомъ Petrova, составляющимъ одну общину съ сёлами Красное и Быстрое. По Томашівському, русскіе живутъ именно въ двухъ послѣднихъ (стр. 192, пр. 7). Полагаемъ, что эти сёла возникли лишь въ XIX в.: F. Bisztra мы нашли 1-й разъ въ схематизмѣ 1816 г., Krásznâ въ схематизмѣ 1859 г.

5) Mihályi, Máramarosi diplomák a XIV és XV száz. M. Sziget, 1900 (X+674 стр.).

6) O conscriptiones скажемъ ниже въ приложеніи.

7) M. Bél, Historia comitatus Maramorosienis.

8) Kirva во всѣхъ ихъ—N. и K. Kirva въ Сиготскомъ округѣ.

чаемъ его на картахъ Корабинскаго (Krive), Липскаго и Гёрёга (Kirva).

Рускова Поляна и Русково, напротивъ, поселенія старыя, существовавшія уже въ концѣ XIV в. и съ этихъ поръ непрерывно упоминаемыя [1]).

У М. Беля Рускова нѣтъ, Рускова же Поляна:

---

[1]) Rwzpolyana, Rwzkopolyana, Rwzkowa Palonÿa, Rwzkowa Pojana, Polyan: 1373 г. (Mihályi, стр. 234, пр.), 1411 г. (ib. стр. 167—169, 175), 1418 г. (стр. 224) и далѣе въ conscriptiones. Possessio Orozviz, Orozfalu, Orozfalva, Rwzkowa: 1373 г. (ib. стр. 66), 1390 г. (ib. стр. 98), 1401 г. (стр. 122), 1418 г. (стр. 224), 1473 г. (стр. 518), 1483 г. (стр. 548), 1487 г. (стр. 588) и далѣе въ conscriptiones. „Рускова рѣка"—въ 1353 г.: ad caput cuiusdam fluvÿ Orozviz (Mihályi, стр. 32).

Опираясь на названія этихъ сёлъ и рѣки Русковой, обыкновенно думаютъ, что съ конца XIV в. долина р. Русковой была заселена *русскими* и являлась крайней границей сплошной русской территоріи (Ср. Mihályi, Op. cit., стр. 67 и Томашівський, Op. cit. стр., 193, пр. 2). Принимая, однако, во вниманіе топографическія условія, врядъ ли можно эти сёла считать *окраиной* русской территоріи. Отъ русскихъ сёлъ бассейна Бѣлой Тисы долина р. Русковой отдѣлена трудно проходимымъ горнымъ хребтомъ, а по удобному пути—долиной р. Вышовы—между Русковой Поляной—Русковомъ и остальными русскими сёлами столицы лежатъ издавна румынскія сёла Петрова и Леордина.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, эти русскія сёла слѣдуетъ скорѣе разсматривать, какъ русскій островъ на румынской территоріи.

Возможно, конечно, что уже въ концѣ или въ половинѣ (см. выше Orozviz въ 1353 г.) XIV в. долина рѣки Русковой была заселена русскими. Но дѣлать такой выводъ только на основаніи названій сёлъ и рѣки было бы слишкомъ неосторожно. Форма названій указываетъ не на русскихъ, а на нѣкоего Руско, основателя поселеній (мадьярская форма Orozviz, Oroz falu не можетъ имѣть рѣшающаго значенія—въ ней отраженъ лишь корень слова), какъ Крайниково отъ крайникъ (въ смыслѣ должности или прозвища), Миково отъ имени Мико (рум. Михаилъ), Шандрово отъ имени Sándor (мад. Александръ) и т. п. Ср. А. И. Соболевскій, Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи (Живая Старина, т. III, 1893 г.): „Названія на —ово (рѣже на —овъ и —ова) въ родѣ Чудиново — —Ляхово, Ляшково, — — Поляково—происходятъ отъ личныхъ собственныхъ именъ и прозвищъ. Старая Русь употребляла въ качествѣ личныхъ именъ и прозвищъ самыя разнообразныя этнографическія названія" (стр. 438).

Этотъ Руско могъ быть русскимъ, но могъ быть и румыномъ—фамиліи отъ корня Рус весьма обычны у румынъ Угріи и Трансильваніи (см., напр., фамиліи духовныхъ лицъ въ схематизмахъ румынскихъ епархій: Schematismus и т. д. dioec. Szamosujvâriensis a. 1886 и Siematismulu— —alu archi diec. Alb' a-Julieisî Fagarasiului, a. 1890). Извѣстно, что румыны въ прошломъ распространялись гораздо далѣе на сѣверъ.

Ср. объ этомъ M. Bél, Compendium: Bereg— —in tractu montoso Rutheni et quidam Valachi (стр. 133).

Замѣтимъ также, что и теперь, и въ XVI—XIX вв. у русскихъ гораздо рѣже встрѣчаются фамиліи отъ корня Рус, и при томъ онѣ, насколько по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, производятся не прямо отъ корня, а при посредствѣ суффиксовъ: нак, няк, ин: Руснакъ, Руснякъ, Русинъ, Русинко, Русинчакъ и т. п.

„vicus, a Ruthenis cultus“. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XVIII в. Русскову Поляну, а можетъ быть и Руссково, слѣдуетъ считать занятыми русскими, но, понятно, съ бо́льшей или меньшей примѣсью румынъ [1]). Съ Феньеша вездѣ оба села показаны русскими, въ 1900 г. въ Руссковомъ—русскихъ 96,2%, въ Русской Полянѣ—98,6%; число румынъ ничтожно: въ 1-мъ—14, во 2-мъ—27.

Тѣмъ не менѣе, мы должны признать *вполнѣ достовѣрнымъ* свидѣтельство Лексикона о *преобладаніи* въ нихъ *румынъ, румынскаго языка* въ третьей четверти XVIII в. Иные, современные Лексикону документы его опредѣленно подтверждаютъ [2]):

Названіе.	л.	t. р.	ур. вн.	подп.	к.	ф.	ч.
Русскова Поляна . .	рм.	рм.	м. [3])	м. [3])	рм.	рс.	рс.
Руссково	рм.	рм.	рм.	м. [3])	—	рс.	рс.

Относительно Русскова мы имѣетъ еще ясное свидѣтельство въ litterae testimoniales [3]):

„— — Dominis terrestribus, nonnullis Hungaricam, plerisque autem Valachicam linguam callentibus, urbarium utriusque idiomatis — — communicavimus, incolis vero, *linguae* pariter *Valachicae gnaris*, hoc *ipsorum vernacula lingua* impressum urbarium medio hujatis cantoris per extensum perlegimus et explanavimus“ [4]).

Но, какъ это обычно на пограничной полосѣ, рядомъ съ большинствомъ *румынскимъ*, должно было существовать болѣе

---

[1]) Въ приложеніи печатаемъ имена крестьянъ.
[2]) Для бо́льшей наглядности и здѣсь, и далѣе сопоставляемъ данныя разныхъ источниковъ въ таблицахъ.
[3]) О значеніи мадьярскаго языка документовъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, см. выше стр. 17.
[3]) Для Русской Поляны ихъ не сохранилось.
[4]) Мат. V, стр. 18, пр. 5.

или менѣе значительное меньшинство *русское*, владѣвшее, кромѣ родного языка, въ той или другой степени и языкомъ румынскимъ. Такъ и наоборотъ, большинство вполнѣ или отчасти должно было знать и языкъ меньшинства, какъ это всегда и бываетъ въ смѣшанныхъ поселеніяхъ: многіе, если не всѣ, говорятъ съ дѣтства на двухъ, а часто и болѣе, языкахъ [1]). Особенно должно было быть распространено знаніе русскаго языка среди румынъ, которыхъ съ русскими сближало единство вѣры, церковной іерархіи, а во многихъ мѣстахъ и употребленіе церковнославянскаго языка при богослуженіи [2]).

Очевидно, подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ намъ мѣстныхъ условій рождаемости и смертности, эмиграціи и иммиграціи [3]), русскій языкъ и русская народность постепенно къ 30-мъ годамъ XIX в. возымѣли преобладаніе надъ румынскими, а потомъ почти и вытѣснили ихъ.

Перейдемъ теперь къ другимъ поселеніямъ, относительно которыхъ послѣдующія данныя такъ или иначе не совпадаютъ съ показаніями Лексикона.

---

[1]) Ср. Broch, Weitere Studien: „Was den Gebrauch der Sprachen in diesen (gemischten) Gegenden betrifft, so begreift man ohne weiteres, dass gewisse Variationen vorhanden sein müssen. Die Sprachen sind entweder hauptsächlich auf verschiedene Individuen vertheilt, somit die eine oder die andere zahlreicher vertreten; oder es ist daneben so,—und dies ist ganz gewöhnlich—dass dieselbe Person zwei Sprachen beherrscht (стр. 10); Гнатюк, Етнографічні матеріяли з Угорьскої Руси (Етн. Збір, т. XXV, 1909): „Значна їх (русскихъ въ Банати) частина говорить найменше двома мовами, але є багато таких, що говорять зо всїм плавно трьома или чотирма мовами“ (стр. XV).

[2]) Фактъ общеизвѣстный. Въ епархіальной библіотекѣ въ Унгварѣ, бо́льшая часть рукописей которой собрана епископомъ Андреемъ Бачинскимъ въ 1783 г. изъ различныхъ сельскихъ русскихъ и румынскихъ церквей, главнымъ образомъ изъ Мараморошской сто́лицы (см. рукописный каталогъ библіотеки 1824 г.), мы нашли изъ рукописей богослужебнаго содержанія десять румынскихъ и шесть церковно-славянскихъ (преимущественно XVII в.); приписки на послѣднихъ свидѣтельствуютъ, что онѣ употреблялись въ румынскихъ церквахъ, а нѣкоторыя были и переписаны румынами: октоихъ № 4, минея праздничная № 60, служебники №№ 74 и 118, тріодь постная № 90 и апостолъ (какъ помнится, апракосъ) № 107.

[3]) Можетъ быть, при участіи помѣщичьей власти, какъ въ Верхней Апшѣ (см. ниже).

Названія.	л.	t. р.	подп.	к.	ф.	ч.	1900 г. рс.	1900 г. ун.
Коштиль . .	н. рс.	—	—	н. рс.	рс. м. н. рм.	м. рс. рм.	0,3%	44,1%
Кобылецкая Поляна . .	рс.	рс.	рс.	—	рс. н.	рс. м.	44,1%	47,7%
Миково . .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс. м.[1]	41,1%	64,4%
Густъ . .	м.	н. рс.	—	—	рс. м.	рс. м. н.	60,2%	74,4%
Тячово . .	м.	м.	—	м.	м. рс.	рс. м.	30,7%	44,2%
Вышково .	м.	м. н. рс.	—	м.	м. рс.	рс. м.	18,0%	28,2%
Долгополе .	м.	м. рс.	—	м.	м. рс.	м. рс.	16,2%	37,3%
Сиготъ . .	м. рс.	м. рс.	—	м. рс.	м. рс. рм. н.	рм. м.	6,3%	41,4%

Коштиль (Kónaszék). Въ Лексиконѣ, послѣ нѣмецкаго языка, указанъ еще русскій. Русскій элементъ отмѣченъ до Чёрнига включительно, нѣмецкій—до 1869 г. [2]).

Уже съ 1880 г. Коштиль, по оффиціальнымъ переписямъ, чисто мадьярскій [3]). Въ 1900 г. въ немъ изъ 1.536 жителей—1.513 мадьяръ (евреевъ—7). Мадьяризація Коштиля, кромѣ другихъ причинъ, объясняется приливомъ мадьярскихъ чиновниковъ и рабочихъ въ его знаменитыя соляныя копи [4]).

Кобылецкая Поляна (Kabala-Polyána). Въ 1900 г. русскіе составляли меньшинство, хотя довольно значительное [5]). По Томашівському, въ этомъ селѣ *издавна* мадьяр-

[1]) Въ Этнографіи (т. I_1; стр. 52); на картѣ Veresmart мадьярско-русскій.

[2]) Томашівський, стр. 192.

[3]) Томашівський, Етнографична територія Угорьскої Руси (Зап. Шевч., LXVII, 1905, № 2, стр. 12). Если довѣрять схематизмамъ, русскій языкъ держался дольше: въ схематизмахъ до 1885 г. стоитъ—Kónaszék, lingua ruthenica, въ 1888 и 1891 гг.—lingua ruthenica et hungarica, лишь съ 1899 г. только—lingua hungarica.

[4]) Fényes, Географія, IV, стр. 202. По Бидерману, притокъ русскихъ рабочихъ относится ко времени завѣдыванія копями нѣмецкой администраціи въ 1712—1743 г. и въ 1785—1794 гг.; когда же управленіе досталось мадьярамъ, русскіе, и вообще не особенно охотно шедшіе на эту работу, были постепенно вытѣснены (I, стр. 119—121).

[5]) Русскихъ 694, мадьяръ 825, нѣмцевъ 215 (евреевъ 205).

ская колонія, но и до 1869 г. русскіе были въ большинствѣ. „Мадьярско-нїмецький елемент звязаний із промисловим характером села“ [1]). Въ рецензіи на наши карты г. Томашівський, напротивъ, называетъ мадьярскую колонію *недавнею* [2]). Послѣднее, конечно, правильнѣе. Еще у Феньеша село лишь русско-нѣмецкое.

Миково (Veresmart)—и въ 1900 г. русскіе имѣютъ относительное большинство [3]).

Изъ городовъ, по Лексикону, только въ Сиготѣ (Sziget) отмѣченъ, какъ второй языкъ—русскій, въ остальныхъ же—только мадьярскій. Преобладаніе мадьярскаго языка въ городахъ совершенно правдоподобно и понятно. Но несомнѣнно также, что въ нихъ употреблялся и русскій языкъ, была представлена и русская народность—преимущественно въ низшихъ слояхъ населенія. Это ясно и само по себѣ, это подтверждаютъ и tabellae partiales, въ которыя занесены свѣдѣнія именно объ этихъ низшихъ податныхъ слояхъ. Въ tabellae partiales, кромѣ Тячова, вездѣ послѣ „coloni Hungari“, стоитъ „coloni Rutheni“, а въ Густѣ—только: „coloni Saxones et Rutheni“.

Въ Густѣ и теперь русскіе въ большинствѣ и, хотя населеніе говоритъ и по-русски и по-мадьярски, но преобладаетъ русскій языкъ [4])—Густъ отовсюду окруженъ русскими сёлами [5]). Въ остальныхъ имѣютъ перевѣсъ мадьяры, но русское то большинство, то меньшинство отмѣчено до Чёрнига включительно [6]). По Томашівському, въ Вышковѣ [7])

---

[1]) Стр. 190 и пр. 5. Здѣсь—доменныя печи и желѣзодѣлательные заводы (Fényes, Географія, IV, стр. 201). Ср. Bidermann, I, стр. 53.

[2]) Зап. Шевч., LXXXIX, 1909, стр. 207.

[3]) Всего 643, изъ нихъ русскихъ—230, мадьяръ—207, румынъ—108, нѣмцевъ—97 (евреевъ—84).

[4]) Томашівський, стр. 196, пр. 2.

[5]) По Бидерману, Густъ и Вышково, отчасти Тячово и Долгополе, бывшія нѣкогда нѣмецкими, теперь (т. е. въ 1867 г.) имѣютъ или большинство, или значительное количество русскихъ (II, стр. 75). М. Бель: „Huszt — — cives et majori ex parte nobiles possessionati, partim sunt secuti religionem Reformatam, partim Rutheni, suo ritu sacra facientes“. Rutheni—вѣроятно въ вѣроисповѣдномъ смыслѣ=уніаты. Такимъ образомъ, по Белю въ Густѣ были и дворяне-уніаты, вѣроятно, омадьяренные русскіе или румыны. Ср. Compendium Hungariae geographicum: „Huszt — — cives Hungaros habet et Ruthenos“ (Bidermann, II, стр. 74, пр. 2)

[6]) У послѣдняго—кромѣ Сигота.

[7]) Приведемъ, кстати, слова М. Беля: „Visk — Saxonicum oppidum, cujus incolae germanicum idioma corruptum — — ex Hungaris contagione — — loquantur; Hosszúmező, nobilium sedes — — Hungari hi fere omnes sunt“ (Op. cit.).

и Тячовѣ „руська мова загально знана й ужи-вана“ [1]).

Такимъ образомъ, относительно Мараморошской столицы показанія Лексикона подтверждаются и должны быть признаны вполнѣ соотвѣтствовавшими тогдашней дѣйствительности. Происшедшее въ послѣдствіи омадьяреніе смѣшанныхъ, лежащихъ на окраинѣ Коштиля и Сигота, усиленіе мадьяризма въ прилегающемъ къ Сиготу Миковѣ и въ промышленной Кобылецкой Полянѣ совершенно естественны. Въ общемъ же, граница сплошной русской территоріи и теперь та же, что была въ 1773 г.; только сёла въ долинѣ р. Русской стали русскими вмѣсто румынскихъ.

Отмѣтимъ еще одно: вездѣ въ русскихъ, мадьярско-русскихъ и мадьярскихъ поселеніяхъ количество уніатовъ превышаетъ количество русскихъ и кое-гдѣ весьма значительно— Коштиль и Сиготъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ несущественныхъ противорѣчіяхъ между различными данными:

Названія.	л.	t. p.	подп.	к.	ф.	ч.	1900 г.
Врх. Апша	рс.	рс.	рс.	рс.	рм.	рм.	рс.
A. Apsa	рм.	рс.	рс.	рм.	рм. рс.	рм.	рм.
Szaplоncza	рм.	рс.	рм.	рм.	рм.	рм.	рм.
Szarvaszó	рс.	рм.	рс.	рм.	рм.	рм.	рм.
Ремета [2])	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рм.	рс.

Верхняя Апша (F. Apsa), въ концѣ XVIII в. *русская*, съ 1869 г. до настоящаго времени—*тоже* [3]). У Феньеша и Чёрнига она *румынская*. Такимъ образомъ, русское въ

[1]) Op. cit., стр. 191, пр. 3 и 4.
[2]) Включили въ таблицу въ виду показанія М. Беля.
[3]) Томашівський, стр. 192.

1773 г. село къ концу 30-хъ годовъ XIX в. орумынилось, а въ 1855—1869 г. опять обрусѣло. Томашівський, обратившій вниманіе на такое обрусѣніе румынскаго села, хотя и признаетъ полную объективность и достовѣрность Чёрнига и нѣкоторую достовѣрность Феньеша [1]), тѣмъ не менѣе замѣчаетъ: „в дійсности єсть причини сумніватися що до такої переміни“ [2]). Какія именно причины, онъ не указываетъ. Вѣроятнѣе, однако, что въ Верхней Апшѣ имѣется налицо такой же процессъ перехода преобладанія отъ одной народности къ другой, о которомъ мы говорили выше по поводу сёлъ Русскова Поляна и Русково. По устному сообщенію почтеннаго Мараморошскаго историка г. І. Михальи [3]), Верхняя Апша была въ XIX в. [4]) румынскимъ селомъ, но, въ виду ея малолюдства, помѣщикъ, (кажется, Pogany), перевелъ туда значительное количество крестьянъ изъ своихъ русскихъ сёлъ той же столицы. Понятно, что румыны, которые, конечно, и ранѣе въ той или другой мѣрѣ знали русскій языкъ, очутившись въ меньшинствѣ, скоро совершенно обрусѣли.

A. Apsa (по румынски Apsi'a de diosu), вездѣ отмѣченная, какъ румынская, въ tabella partialis—русская, подписка крестьянъ—тоже на русскомъ языкѣ. Послѣднее объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ 1781 г. румынская Нижняя Апша составляла одну общину съ русской Верхней Апшей [5]), подписка для обѣихъ была одна и та же, и писалъ ее тотъ же Слачковичъ, отъ котораго исходятъ подписки русскихъ сёлъ Дубовое (Dombó) и Ганичи (Ganya) [6]). Румыны Нижней Апши, знавшіе, конечно, болѣе или менѣе порусски, могли удовлетвориться понятнымъ для нихъ русскимъ текстомъ. Въ „coloni Rutheni“ tabellae partialis видимъ просто ошибку.

---

[1]) Op. cit., стр. 182, 183.

[2]) Op. cit., стр. 192, пр. 5.

[3]) При свиданіи лѣтомъ 1910 г. въ Будапештѣ.

[4]) Къ сожалѣнію, мы не догадались получить отъ г. Михальи точныя даты.

[5]) Investigatio urbarialis possessionis $\frac{\text{Alsó}}{\text{Felső}}$ Apsa. Средняя Апша (Közep-Apsa, Apsia de Midilocu) была особой общиной, подписка крестьянъ румынская.

[6]) Мат. V, стр. 129—130.

Такая же, конечно, ошибка сдѣлана въ ней и относительно румынскаго Szaplonсza (по румынски Sapinti'a).

Почему для румынскаго Szarvaszó (Saraseu) русская подписка? Вѣроятно, случайно не нашлось знающихъ румынскую грамоту лицъ, и составленіе подписки было поручено владѣвшему русской грамотой Стану (можетъ быть, родомъ румыну), перу котораго принадлежитъ подписка крестьянъ русскаго Крачунова (Karácsonfalva.) [1]).

Ремета (Remete), по М. Белю [2]), „habitatur ab aliquot Valachis", вездѣ же въ послѣдствіи оно является русскимъ. Если показаніе Беля справедливо, то эти *нѣсколько* румынъ были потомъ ассимилированы русскими новосёлами.

Внутри русской территоріи на картѣ Томашівського помѣщены нѣмецкіе острова Німецька Мокра (Deutsch-Német Mokra) и Устчорне (Königsfeld, Királymező) и на краю ея, какъ мадьярскій выступъ, Kerekhegy. Въ Лексиконѣ ихъ нѣтъ.

Нѣмецкія сёла—позднѣйшаго происхожденія. Deutsch-Mokra основана въ 1775 г. [3]), Königsfeld, вѣроятно, еще позднѣе. Его нѣтъ ни у Корабинскаго [4]), ни на картахъ Липскаго и Гёрёга. Мы нашли его первый разъ въ схематизмѣ 1821 г.

Мадьярское село Kerekhegy, жители котораго, однако, по Томашівському говорятъ и по-мадьярски и по-русски [5])—поселеніе старое. По Михальи, оно ранѣе называлось Малымъ Тячовомъ—Kis Techeu [6]) и упоминается въ 1389 и 1415 гг. [7]).

Возможно, что Kerekhegy, по недосмотру, пропущено въ Лексиконѣ, но не исключено и предположеніе, что оно не

---

[1]) Мат. V, стр. 129.
[2]) Op. cit.
[3]) Czoernig, Ethnographie, III, стр. 272.
[4]) Въ Лексиконѣ и въ атласѣ.
[5]) „Мадярськість звязана з сім, що тутъ есть копальня і купелї (стр. 190, пр. 4). Копальня—соляныя копи. Такъ ли это? По Бидерману, здѣшнія соляныя копи заброшены гораздо ранѣе 1855 г. (I, стр. 119, пр. 1 и стр. 52.). Въ схематизмѣ 1899 г.: Kerekhegy—salis fodina deserta. Въ 1905 г. соляныя копи въ Мараморошской столицѣ по оффиціальнымъ даннымъ (Ung. statist. Jahrbuch, J. 1907) существовали лишь въ Akna-Sugatag, Akna-Szlatina и Rónaszék (стр. 132 и сл.).
[6]) Mihályi, Op. cit. стр. 94, пр. 1.
[7]) Op. cit., стр. 89, 90, 200.

существовало непрерывно до начала XIX в. [1]), а въ XVIII в. или даже ранѣе [2]) пришло въ запустѣніе и потомъ вновь заселилось: ни Kerekhegy, ни K. Tecső не упоминается въ матеріалахъ XVIII в. до Лексикона Корабинскаго включительно.

Въ заключеніе перечислимъ русскія села на русской территоріи, отсутствующія въ Лексиконѣ, но помѣщенныя въ первомъ по времени послѣ Лексикона трудѣ, сообщающемъ о народности жителей каждаго поселенія, въ „Географіи" Феньеша [3]).

Многія изъ нихъ могли быть пропущены по винѣ составителей Лексикона или по винѣ лицъ, доставлявшихъ для него матеріалъ, иныя же, какъ и Kerekhegy, потому, что во время собиранія свѣдѣній для Лексикона старыя поселенія стояли впустѣ [4]) и вновь были заселены позднѣе; иныя же впервые и возникли въ послѣдующее время. При этомъ будемъ отмѣчать, насколько намъ это извѣстно, когда и гдѣ упоминается каждое поселеніе.

а) Поселенія, упоминающіяся въ XVIII в. и ранѣе.

Верховинскій (I) округъ.

Oblyázka (Облазки)—имѣется на лицо „tabella urbarialis (a. 1774) rivi Oblyázka, ad capitalem possessionem Kelecsény spectantis".

Pilipecz (Пилипецъ): „parochia antiqua" [5]).

Podobovecz (Подобовецъ): „ecclesia lignea, a. 1785 posita"; Budobovecz-pataka въ „conscriptio bonorum

---

[1]) Находится на картахъ Корабинскаго (Kerek Salzgruben) Линскаго и Гёрёга и затѣмъ упоминается непрерывно.

[2]) Kerekhegy, K. Techeu нѣтъ въ conscriptio dicalis 1553 г. а также, сколько намъ помнится, и въ позднѣйшихъ conscriptiones XVI—XVII вв.

[3]) За исключеніемъ болѣе мелкихъ поселеній въ рубрикахъ Феньеша: „népes puszták, népes telekek": о народности ихъ жителей Феньешъ часто не даетъ свѣдѣній.

[4]) Ср. напримѣръ въ conscriptio a. 1715. Мараморошской столицы: „Pagi—Borkuth et Nagypatak, totaliter desolati, conscribi non potuerunt; Rókamező —— unus pop et rusticus residet". О такомъ запустѣніи поселеній—временно или навсегда—будемъ говорить ниже.

[5]) Схем. 1821 г.

[5]) Схем. 1843 г.

M. Teleky successorum in comitatu Maramor. a. 1703" [1]).

Rosztoka (Ростока): „ecclesia lignea, a. 1759 aedificata" [2]): Rosztoka-pataka въ той же conscriptio 1703 г.

Toronya (Торунъ): Turunpatak—conscriptio 1646 г. [3]).

Нижній (II) округъ.

Baranya (Huszt) (Боронява): „обитель Боронявска—начася р. ≠ аѱѕі" [4]).

Kőszeg: „locus curialis Kottzeg" [5]); есть подписка 1781 г.

Monostor (Монастырецъ): „Монастырь при Горінчу, откуда и село оное называется Монастырецъ" [6]); упоминается въ conscriptiones dicales 1555 г. [7]) и 1600—1605 г. [8]).

Urmező (Урмезёво) существовало еще въ 1389 г. [9]); имѣется подписка 1781 г.

Сиготскій (III) округъ.

Krasznisora (Краснишора) и Teresely-pataka (Терешуль) основаны около 1760 г. [10]).

Изъ всѣхъ ихъ въ conscriptiones ann. 1715 et 1720 находится лишь Urmező, въ лексиконѣ Корабинскаго—Rosztoka и Urmező, на картахъ Корабинскаго, Липскаго и Гёрёга—всѣ.

---

[1]) Urbaria et conscriptiones, fasc. XXVIII, № 13 (Orsz. lev.).

[2]) Схем. 1839 г.

[3]) Kőszegy, Lipscey Zs. orosz telepesei Mármarosban (Magyar gazdaságtörténelmi szemle, I, 1894, стр. 331—343)—по оригиналу въ limbus Государственнаго архива.

[4]) Conscriptio monasteriorum Marmaticorum (Мат. I, стр. 15 и пр. 3).

[5]) Tabella partialis.

[6]) Приписка иной рукой (послѣ 1750 г.) на conscriptio monasteriorum Marmaticorum (оригиналъ у насъ); ср. схем. 1816 г.: Monastirecz, 1/4 мили отъ Herincse, 279 anim. gr. cath.

[7]) T. XXI.

[8]) T. LXIII.

[9]) Mihályi, Op. cit., стр. 93 и далѣе.

[10]) Bidermann, Op. cit., II., стр. 67, пр. 1.

б) позднѣйшія, по всей вѣроятности, поселенія.

Верховинскій (I) округъ.

Verchovina-Bisztra (Быстрый) и Majdanka (Nász-Holyatin) (Майданъ).

Нижній (II) округъ.

A. Bisztra (Нижнее Быстрое).

Сиготскій (III) округъ.

Pudplesa (Подплеша) и Fekete-Tisza (Чорная Тиса).

На картахъ Корабинскаго, Липскаго и Гёрёга нѣтъ A. Bisztra, Pudplesa и Fekete-Tisza, въ схематизмахъ 1814 и 1816 гг. имѣются всѣ.

2. Угочская сто́лица.

Сплошную русскую территорію ограничиваютъ слѣдующія русскія села: Велятинъ (Veléte), Хижи (K. Tarna), Бочковъ (Bocskó), Чорната (Csarnatő)[1], Киригаза, (Királyháza), Малая Копаня (K. Kupány), Эгрешъ (Egres), Оновъ (Ilonok-Újfalu) и Кумнята (Komjáth); дальнѣйшее пограничное русское село—Ремета (Remete) въ Бережской сто́лицѣ.

Къ русской территоріи примыкаетъ тонкій, извилистый выступъ русскихъ селъ:

Сасфалово (Szászfalu), Гетеня (Hetény), Шашваръ (Sásvár), Фаркашфальва (Farkasfalva), Чума (Csoma), Батаръ (Batár), Чедрегъ (Csedregh) и Кекенюшъ (Kökényesd).

На сѣверъ и на югъ отъ выступа лежатъ смѣшанныя, мадьярско-русскія полосы:

На сѣверѣ: Текегаза (Tekeháza), Великій Севлюшъ (N. Szőllős), Ардовецъ (Szőllős-Vég-Ardó), Сирма (Szirma), Фанчиково (Fancsika), Матьфальва (Mátyfalva), Вуйгель (Tisza-Újhely), Вуйловъ (Tisza-Újlak) и Бикиня

---

[1]) У М. Беля, Notitia comitatus Ugocsensis: „Csarnafő, id est amniculi Csarna caput".

(Beökény); на югѣ: Ардовъ (Fekete-Ardó) и Чепа (Csepe).

Русскія поселенія: Комлошъ (Komlós) и Карачфалва (Karácsfalva), мадьярско-русскія: Шаланки (Salánk) и Туръ-Теребешъ (Túr-Terebes) расположены болѣе уединенно, скорѣе въ видѣ острововъ, среди смѣшанныхъ и иноязычныхъ селъ.

Прежде чѣмъ приступить къ сличенію показаній Лексикона съ позднѣйшими данными, остановимся на современныхъ ему документахъ: tabella universalis и litterae testimoniales, которые даютъ возможность какъ провѣрить Лексиконъ, такъ и внести нѣкоторыя поправки и дополненія.

Прежде всего, tabella universalis указываетъ на вполнѣ естественное и правдоподобное явленіе—присутствіе мадьярскаго элемента въ тѣхъ селахъ, гдѣ по Лексикону господствуетъ русскій языкъ: въ селахъ Карачфальва (Karácsfalva), Великая Копаня (Veresmart), Малая Копаня (K. Kupány), Онокъ (Illonok Újfalu), Рокосовъ (Rakasz), Великая Чингава (N. Csongova), Малая Чингава (K. Csongova), Верхній Шардъ (F. Sárad), Нижній Шардъ (A. Sárad,) Шашваръ (Sásvár), Эгрешъ (Egres)—„coloni Hungari et Rutheni". По litterae testimoniales во всѣхъ ихъ „lingua vernacula, ordinaria—Ruthenica".

Точно также вполнѣ правдоподобно присутствіе русскихъ въ Halmi (coloni Hungari et Rutheni), гдѣ, по Лексикону, господствуетъ мадьярскій языкъ и по litterae testimoniales—„lingua Hungarica loci incolis vernacula".

Всѣ смѣшанныя, мадьярско-русскія поселенія Лексикона такими же показаны и въ tabella universalis; въ Туръ-Теребешѣ (Túr-Terebes), по ней, кромѣ мадьяръ и русскихъ, живутъ еще нѣмцы (Suevi). По litterae testimoniales [1]), въ бóльшей ихъ части урбаріальные комиссары признали роднымъ языкомъ—языкъ русскій: Чепа (Csepe), Фанчиково (Fancsika), Матьфальва (Mátyfalva), Сирма (Szirma), Ардовецъ (Szőllős-Vég-Ardó), Текегаза (Tekeháza) и даже Туръ-Теребешъ (Túr-Terebes), но одновременно отмѣтили знаніе населеніемъ одинаково и мадьярскаго языка.

---

[1]) Для Ардова (Fekete-Ardó) ихъ не сохранилось.

почему и были вручены крестьянамъ урбары на обоихъ языкахъ: „Licet in possessione hac omnes incolae linguam etiam Ungaricam intelligerent ac ideo iisdem Ungaricum urbarium cum inscriptionibus Ungaricis habeant——extraditum, ex quo attamen ordinaria [1]) ipsorum lingua esset Ruthenica, hinc pro uberiori intelligentia ipsis Ruthenici quoque idiomatis urbarium cum factis intra vacua quidem spatia Ruthenicis, in fine autem Ungaricis inscriptionibus extradedimus“.

У жителей В. Севлюша (N. Szőllős) преобладало употребленіе мадьярскаго языка, почему имъ выданъ только мадьярскій урбаръ [2]).

Въ мадьярско-русскихъ же сёлахъ Бикиня (Beökény), Шаланки (Salánk), Вуйгель (Tisza-Újhely) и Вуйлокъ (Tisza-Újlak), по мнѣнію комиссаровъ, роднымъ языкомъ является языкъ мадьярскій [3]).

Весьма важно и опять таки должно быть признано вполнѣ соотвѣтствовавшимъ дѣйствительности указаніе комиссаровъ, что и въ большинствѣ русскихъ сёлъ, гдѣ природнымъ языкомъ, по ихъ опредѣленію, былъ русскій, населеніе, такъ же какъ и въ мадьярско-русскихъ сёлахъ, одинаково владѣло и языкомъ мадьярскимъ. Въ litterae testimoniales дословно повторена вышеприведенная при мадьярско-русскихъ сёлахъ часть протокола и при слѣдующихъ русскихъ [4]): Батаръ (Batár), Бочковъ (Bocskó) [5]), Веряца (Verécze), Гетеня (Hetény) Гребля (F. Karaszló), Зарѣчье (A. Karaszló), Карачфальфа (Karácsfalva), Кекенюшъ (Kökényesd). Киригаза (Királyháza), Малая Копаня (K. Kupány), Раковецъ (Rákócz), Рокосовъ (Rakasz), Сасфалово (Szászfalu), Фаркашфальва (Farkasfalva), Чедрегъ (Csedreg), Ве-

---

[1]) Въ иныхъ vernacula.

[2]) Siquidem vero incolis oppidi hujus lingua Hungarica usitatissima foret, iisdem Hungaricum urbarium extradederim.

[3]) О возможности разногласій и противорѣчій въ показаніяхъ относительно смѣшаннаго двуязычнаго населенія см. выше, стр. 17.

[4]) См. въ приложеніи имена крестьянъ.

[5]) По Лексикону въ Бочковѣ господствуетъ русскій языкъ, litterae testimoniales это подтверждаютъ, tabella universalis указываетъ еще на румынскій элементъ: „coloni Valachi et Rutheni“, но, очевидно, румыны были въ меньшинствѣ и, такъ какъ они, наравнѣ съ русскими, понимали мадьярскій языкъ (знаніе его въ румынскихъ сёлахъ Batarcs, K. Gércze и N. Gércze не отмѣчено), то получили только мадьярскій и русскій урбары.

ликая Чингава (N. Csongova), Малая Чингава (K. Csongova), Вышній Шардъ (F. Sárad), Нижній Шардъ (A. Sárad), и Эгрешъ (Egres).

Только въ весьма немногихъ русскихъ сёлахъ населеніе не владѣло мадьярскимъ языкомъ: Велятинъ (Veléthe), Влахово (Ölyves)[1], Новоселица (Sós-Ujfalu), Великая Копаня (Veresmárt)[2], Кривое[3] (Kirva), Хижи (K. Tarna), Чорната (Csarnatő) и Чума (Csoma). Изъ нихъ только одно село Чума выдвинуто далеко въ смѣшанной области, Хижи лежитъ на самой иноязычной границѣ, остальныя же расположены дальше отъ нея, вглубь русской территоріи.

Такимъ образомъ, tabella universalis и litterae testimoniales или подтверждаютъ показанія Лексикона,[4]) или же вполнѣ правдоподобно ихъ дополняютъ и разъясняютъ.

Только нѣсколько случаевъ могутъ казаться сомнительными:

Въ Комлошѣ (Komlós) и по Лексикону, и по littera testimonialis господствующій, родной языкъ—русскій, крестьянамъ былъ врученъ только русскій урбаръ, въ tabella же universalis—„coloni Valachi". Полагаемъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ошибкой, вѣрнѣе же съ пропускомъ со стороны составителей таблицы: вмѣсто „Valachi et Rutheni" они помѣстили только „Valachi". Если это такъ, то присутствіе румынъ въ отовсюду окруженномъ румынскими сёлами Комлошѣ вполнѣ вѣроятно, но, въ виду показаній первыхъ двухъ

---

[1]) По tab. univ. въ немъ—„coloni Hungari"; считаемъ это просто ошибкой—въ acta urbarialia о „natio colonorum" ничего не сказано.

[2]) Въ немъ, по tab. univ. живутъ и мадьяры, но, очевидно, русскіе, составлявшіе большинство, не освоились съ мадьярскимъ языкомъ, почему и получили только русскій урбаръ.

[3]) Въ немъ одномъ только сохранились fassiones colonorum на русскомъ языкѣ. Приведемъ для характеристики говора выдержку изъ нихъ: „Ad. § I: Urbarii ne ye, ý ne bulo nikda; ad § II: Kontractusa ne ye ý ne bulo; ад § III: Panu (такому-то) sluzime cerež lȳto odin misacz okrem toho dayeme sýst zolotich uhorskich u odkuplennic panscin ÿ zimnoý, yarnoy y ossinnoȳ. Napos (=inquilinus, отъ мадьярск. *nap* (=день), собственно поденщикъ) alý dwanatzet dngu sluzit piso, a bulsy nič ne daje, odtyamky nasey (=a memoria sua) tak sluzime — —; ad § IV. Ys Kostela czarskoho (=Regiis salis fodinis), kotory sisty mil od nas stogi, tko woly ymage, wusbuw sulnuw kereskedovati sia muze" и т. д. Означеніи буквъ см. Мат. V, стр. 118, пр.

[4]) Также и относительно неупомянутыхъ нами чисто—мадьярскихъ и чисто—румынскихъ поселеній.

документовъ, румынъ слѣдуетъ считать меньшинствомъ населенія.

Въ мадьярскомъ, по Лексикону, селѣ Gödényháza (Гудя) по littera testimonialis родной языкъ—русскій, но эти русскіе знали одинаково и по мадьярски, почему и получили урбары на обоихъ языкахъ [1]). Весьма возможно, что въ немъ, расположенномъ среди русскихъ и мадьярско-русскихъ сёлъ, дѣйствительно жило смѣшанное, двуязычное населеніе, тѣмъ болѣе, что и въ послѣдствіи отмѣчается въ немъ русскій элементъ:

Названіе.	л.	l. t.	к.	с.	ф.		ч.	1900 г.	
					нар.	ун.		рс.	ун.
Gödén yháza.	м.	рс.	м.	м.рс.[2])	м.	39,1%	м. рс.	9,4%	44,6%

Гораздо менѣе кажутся вѣроятными противорѣчащія Лексикону показанія относительно сёлъ Forgolány, Péterfalva и Tivadar. Они лежатъ на чисто мадьярской территоріи (правда, на окраинѣ), и по Лексикону, и по позднѣйшимъ даннымъ всегда являются мадьярскими, въ tabella же universalis въ нихъ—„coloni Rutheni", по litterae testimoniales въ Péterfalva и въ Tivadar [3]) родной языкъ крестьянъ—русскій, а въ послѣднемъ—они даже не знаютъ по-мадьярски, и поэтому имъ переданъ былъ только русскій урбаръ.

Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ ошибкой въ послѣднихъ двухъ документахъ, или же въ этихъ сёлахъ жило, дѣйствительно, двуязычное населеніе, рѣшить, конечно, нѣтъ возможности.

Въ такомъ же положеніи мы находимся относительно Szárazpatak, N. Tarna и Turcz. По Лексикону, tabella universalis и по остальнымъ даннымъ, это—*румынскія* сёла, въ litterae же testimoniales всѣхъ трехъ сёлъ стоитъ: „veluti lingua *Ruthenica* loci incolis vernacula, inscriptiones intra vacua spatia *Ruthenicae* factae

[1]) Въ tabella universalis Gödényháza пропущена.
[2]) Реформаты и уніаты.
[3]) Для Forgolány litterae testimoniales не сохранились.

habentur“. Неужели возможно допустить повторенiе одной и той же описки [1]) трижды?! [2]).

Обратимся теперь къ даннымъ послѣдующаго времени.

а) Граница сплошной русской територiи.

Названiя.	л.	t. un	l. t.	к.	с.	ф.	ч.	1900 г. рс.
Велятинъ .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс. т.	98,0%
Хижи . .	рс.	рс.	рс.	рм. рс.	рм.	рм.	рм.	[3]) 78,1%
Бочковъ .	рс.	рм. рс.	рс.	рс.	рм.	рм.	рм.	[4]) 1,7%
Чорната .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс. т.	89,1%
**Киригаза [5])	рс.	рс.	рс.	—	м. рс. [6])	рс. м. [7])	рс. т.	[8]) 57,7%
Копаня М. .	рс.	м. рс.	рс.	рс.	—	рс.	рс. т.	98,2%
Эгрешъ . .	рс.	м. рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	97,4%
Онокъ . .	рс.	м. рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс. т.	98,9%
Кумнята .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс. т.	98,9%

[1]) См. выше стр. 18, пр. 4.

[2]) Приведемъ—не дѣлая, однако, никакихъ выводовъ—выдержку изъ М. Беля, считающаго румынскими сёлами въ Угочской стóлицѣ лишь Batarcs, K. и N. Gércze и Sós-Ujfalu (послѣднее, по всѣмъ другимъ даннымъ, русское), но не Szárazpatak, N. Tarna и Turcz: „Hodie Hungari potissimum, post hos Russi et Valachi regione potiuntur.—Rutheni quidem Roxolanorum seu Russorum sunt reliquiae, sed Valachos recentiori aetate a principibus Transilvaniae——huc deductos et in tribus vicis, Batarcs, Sós-Ujfalu, N. et K. Gércze collocatos accepimus“. Сирмаи (Notitia comitatus Ugochiensis), выписавъ буквально изъ М. Беля: „Hodie Hungari——sunt reliquiae“, добавляетъ: „Valachos ad N. et K. Tarna, Bocskó, Szárazpatak, Komlós, Batarcs, Túrcz, N. et K. Gércz partim Drágfiorum majores origine Valachi, parlim Waywodae et principes Transylvaniae, cum his partibus imperitarent, deduxerunt“ (стр. 8). Основывается ли здѣсь Сирмаи на документахъ или къ перечисляемымъ у Беля сёламъ онъ просто добавилъ остальныя, занятыя въ его время румынами, рѣшить, конечно, невозможно. Ни цитатъ, ни ссылокъ въ данномъ мѣстѣ у Сирмаи нѣтъ.

[3]) Румынъ 17, 2%.

[4]) Румынъ 94, 1%.

[5]) ** и *—по Томашiвському, см. выше, стр. 36.

[6]) Католики и унiаты.

[7]) Унiатовъ 80,2%.

[8]) Унiатовъ 63,7%.

Кромѣ Бочкова, всѣ пограничныя сёла остались и доселѣ русскими.

Наименьшій % русскихъ въ **Киригазѣ, по Томашівському—село преимущественно русское; у Сирмаи, однако, отмѣчено мадьярское большинство, у Феньеша—меньшинство.

Въ Хижахъ, лежащихъ на русско-румынской границѣ, происходила смѣна преобладанія народностей. Уже у Корабинскаго большинство въ немъ румынское, къ 1805 г.[1]) село сдѣлалось румынскимъ и оставалось имъ до 1869 г. Къ 1880 г. вновь взяла верхъ русская народность, и русское значительное большинство сохранилось и въ 1890 и въ 1900 гг.[2]).

Бочковъ ко времени Сирмаи орумынился и остался таковымъ и донынѣ, всѣ же данныя XVIII в. подтверждаютъ показаніе Лексикона. Румынское, отмѣченное въ tabella universalis меньшинство[3]) легко могло одержать верхъ надъ русскими въ селѣ, далеко выдвинутомъ впередъ и окруженномъ иноязычными сёлами: румынскими N. Tarna и Szárazpatak и мадьярскимъ Gödényháza. Изъ русскихъ сёлъ ближе всего къ нему Хижи, само на нѣсколько десятковъ лѣтъ ставшее румынскимъ.

б) *Русскій выступъ.*

Болѣе близкія къ русской территоріи, сосѣдящія не съ чисто мадьярскими, а съ мадьярско-русскими сёлами, Сасфалово (Szászfalu), Гетеня (Hetény), Чума (Csoma) и Шашваръ (Sásvár) и донынѣ остались съ русскимъ, болѣе или менѣе значительнымъ большинствомъ.

---

[1]) По Сирман.
[2]) Томашівський, Op. cit., стр. 194, пр. 2.
[3]) См. выше, стр. 59—60.

Названія.	л.	t. un.	l. t.	к.	с.
Сасфалово	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.
Гетеня	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.
Чума	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.
Шашваръ . . .	рс.	м. рс.	рс.	рс.	рс.

Названія.	ф.		ч.	1900 г.	
	нар.	ун.		рс.	ун.
Сасфалово . . .	рс.	95,8%	рс. т.	95,9%	97,1%
Гетеня	рс.	100%	рс.	60,1%	78,3%
Чума	рс.	100%	рс.	55,5%	85,3%
Шашваръ	рс.	100%	рс.	88,2%	90,5%

Болѣе отдаленныя, почти отовсюду окруженныя чисто мадьярскими селами * Батаръ, Чедрегъ и Кекенюшъ, а также Фаркашфальва, отдѣленное отъ русскаго Шашваръ р. Тисой и сосѣдящее съ мадьярскими и мадьярско-русскими сёлами—омадьярились.

Названія.	л.	t. un.	l. t.	к.	с.
*Батаръ . . .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс. (ун.)
Чедрегъ	рс.	рс.	рс.	рс.	рс. (ун.)
Кекенюшъ . . .	рс.	рс.	рс.	рс.	м.(к.),рс. (ун.)
Фаркашфальва .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.

Названія.	Ф.		Ч.	1900 г.	
	нар.	ун.		рс.	ун.
*Батаръ . . .	рс.	94%	рс. т.	3,4%	77,3%
Чедрегъ	рс.	91,1%	рс.	0%	85,4%
Кекенюшъ . . .	рс. м.	72,1%	м. рс. т.	0%	70,3%
Фаркашфальва .	рс.	80,3%	рс.	0%	57,8%

Батаръ, Чедрегъ и Фаркашфальва не только у Чёрнига, но и въ 1869 г. являются еще русскими [1]), такъ что ихъ мадьяризація совершилась лишь въ послѣднія десятилѣтія XIX в. Ранѣе этотъ процессъ начался въ Кекенюшѣ, но и въ 1869 г. въ немъ отмѣчено русское меньшинство [2]). Г. Томашівський, однако, сомнѣвается въ полной ихъ мадьяризаціи и помѣщаетъ ихъ въ рубрику „найбільше непевні громади" [3]).

в) Мадьярско-русскія полосы.

Въ трехъ сёлахъ и понынѣ сохранилась русская народность и даже составляетъ большинство населенія: Сирма (Szirma), Ардовецъ (Szőllős-Vég-Ardó) и **Матьфальва (Mátyfalva):

Названія.	л.	t. un.	l. t.	к.	с.
Сирма	м. рс.	м. рс.	рс.	м. рс.	м. рс. [4])
Ардовецъ . . .	м. рс.	м. рс.	рс.	—	рс. м. [5])
** Матьфальва .	м. рс.	м. рс.	рс.	м.	м. рс. [6])

[1]) Томашівський, Op. cit., стр. 194, пр. 2.
[2]) Ib.
[3]) Op. cit. стр. 194. Въ рецензіи на наши карты (Зап. Шевч. LXXXIX. 1909) относительно Батара, Чедрега и Кекенюша г. Томашівський замѣчаетъ: „іще до сього дня удержала ся тамъ руська мова" (стр. 207).
[4]) Hungari, pauci Rutheni.
[5]) Rutheni, pauci Hungari.
[6]) Католики, уніаты, реформаты.

Названія.	Ф.		ч.	1900 г.	
	нар.	уп.		рс.	ун.
Сирма	м. рс.	68,5%	м. рс. т.	87,1%	87,4%
Ардовецъ . . .	рс. м.	90,4%	м. рс. т.	78,9%	81,9%
**Матьфальва . .	м. рс.	57,3%	м. рс. т.	2,1%	60,0%

Въ пяти, граничащихъ съ русскими сёлами, сёлахъ и по оффиціальной переписи еще осталось болѣе или менѣе значительное русское меньшинство: *Текегаза (Tekeháza), *В. Өевлюшъ (N. Szöllős), Вуйгель (Tisza-Újhely), *Фанчиково (Fancsika) и *Ардовъ (Fekete-Ardó):

Названія.	л.	t. u.	l. t.	к.	с.
*Текегаза . . .	м. рс.	м. рс.	рс.	м.	м. рс.
*В. Севлюшъ . .	м. рс.	м. рс.	м.	м. рс.	—
Вуйгель	м. рс.	м. рс.	м.	м. рс.	м. рс.
*Фанчиково . .	м. рс.	м. рс.	рс.	м. рс.	м.
*Ардовъ . . .	м. рс.	м. рс.	—	м. рс.	м. рс.

Названія.	Ф.		ч.	1900 г.	
	нар.	ун.		рс.	ун.
*Текегаза . . .	м. рс.	53,5%	м. рс. т.	39,9%	50,8%
*В. Севлюшъ . .	м. рс.	59,0%	м. рс. т.	29,5%	58,9%
Вуйгель	м. рс.	58,9%	м. рс. т.	17,9%	67,7%
*Фанчиково . .	м. рс.	64,2%	м. рс. т.	16,6%	63,9%
*Ардовъ	м. рс.	51,9%	м. рс. т.	9,4%	47,4%

*Текегаза и *Фанчиково, по Томашівському, „найбільше непевни громади“ [1]); въ нихъ русское меньшинство указано еще въ 1890 г. [2]). Въ *В. Севлюшѣ, какъ мы видѣли, употреблялся, очевидно, и русскій языкъ [3]); по М. Белю, бóльшая часть низшихъ классовъ населенія—русскіе [4]). Томашівський тоже склоняется къ тому, чтобы признать въ немъ хотя бы относительное русское большинство: „по правдї, воно у більшости (хочби релятивнїй) руське, а тілько жиди збільшають число мадярівъ“ [5]).

Въ остальныхъ трехъ сёлахъ Бикиня (Beökény), *Чепа (Csepe) и Вуйлокъ (Tisza-Újlak) русскій языкъ вполнѣ или почти вполнѣ вытѣсненъ мадьярскимъ:

Названія.	л.	t. u.	l. t.	к.	с.
Бикиня	м. рс.	м. рс.	м.	м. рс.	м. рс.
*Чепа	м. рс.	м. рс.	рс.	м. рс.	м. рс.
Вуйлокъ . . .	м. рс.	м. рс.	м.	м.	м. рс. [6])

Названія.	ф.		ч.	1900 г.	
	нар.	ун.		рс.	ун.
Бикиня	м.	53,9%	м. рс. т.	2,1%	53,2%
*Чепа	м. рс.	61,0%	м. рс. т.	0,0%	70,0%
Вуйлокъ	м. рс.	29,2%	м. рс.	0,8%	23,9%

[1]) L. c.
[2]) L. c.
[3]) Lingua hungarica *usitatissima* (l. t.).
[4]) Quod ad ipsum oppidum adtinet, laxum est hodieque, sed castro — — et *incolis Hungaris diminutum. Plerique* enim *inhabitatorum Rutheni sunt* suis institutis viventes, licet, si religionem spectes, romane-catholicis nostra a hac aetate reduniti. Horum labor agricolatione potissimum constat; pauciores numero artibus sellulariis dediti sunt atque hi quoque ad eum modum, ut domesticas opificii operas cum his, quae ruri fiunt, contemperent. Sunt etiam, qui merces——per fora circumjectae regionis deferentes, quaestum faciant.
[5]) Op. cit., стр. 194. По переписи 1900 г. всего жителей *5750*, изъ нихъ—мадьяръ 4.034, русскихъ 1320, нѣмцевъ 378, иныхъ 18. Если даже всѣ евреи (1.282) заявили своимъ роднымъ языкомъ мадьярскій, то, за исключеніемъ ихъ, останется мадьяръ *2752*, т. е. почти вдвое болѣе, чѣмъ русскихъ.
[6]) Кромѣ того, еще нѣмцы и армяне „recentiori aetate“ (стр. 8).

Какъ бы то ни было, и относительно ихъ разныя данныя подтверждаютъ отмѣченное Лексикономъ присутствіе русскихъ. Въ Вуйлокѣ русское меньшинство указано еще въ 1869 г. [1])

г) Болѣе уединенно лежащія поселенія.

Въ Туръ-Теребешѣ (Túr-Terebes) русскій элементъ вездѣ отмѣченъ до Чёрнига и даже послѣ него въ переписяхъ 1869 и 1880 гг. [2]), въ Шаланкахъ (Salánk)—до Чёрнига (кромѣ litterae testimoniales и Феньеша), *Карачфальва (Karácsfalva) же и у Чёрнига, и въ 1869 г. [3]) является русскимъ, въ 1880 г. указано русское меньшинство [4]):

Названія.	л.	t. u.	l. t.	к.	с.
Туръ-Теребешъ .	м. рс.	м. рс. н.	рс.	м. н.	м. рс. н.
Шаланки . . .	м. рс.	м. рс.	м.	м. рс.	м. рс.
*Карачфальва .	рс.	м. рс.	рс.	рс.	рс.

Названія.	ф.		ч.	1900 г.	
	нар.	ун.		рс.	ун.
Туръ-Теребешъ .	м. рс. н.	26,1%	м. рс. н.	0%	21,9%
Шаланки . . .	м.	31,0%	м. рс.	1,4%	36,9%
*Карачфальва .	рс.	95,6%	рс.	0%	93,1%

[1]) Томашівський, Етноґр. територія, стр. 12.
[2]) Томашівський, l. c.
[3]) Ib. Въ текстѣ къ Етн. картѣ г. Томашівськпй относитъ его къ сомнительно-мадьярскимъ сёламъ, на картѣ же Карачфальва помѣщено на русской территоріи.
[4]) Томашивський, Етногр. територія, l. c.

Менѣе всего подтверждается показаніе Лексикона о Комлошѣ (Komlós), но, какъ мы говорили раньше, въ немъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго:

Названіе.	л.	t. u.	l. t.	к.	с.	ф.	ч.	1900 г.
Комлошъ	рс.	рм.	рс.	рс.	рм.	рм.	рм.	рм.

Итакъ, относительно Угочской сто́лицы, матеріалъ, доставленный Лексикономъ, въ бо́льшей или меньшей степени слѣдуетъ считать подтвержденнымъ, какъ современными ему, такъ и позднѣйшими данными. Граница сплошной русской территоріи осталась къ 1900 г. такой же, какой была и въ 1773 г., за исключеніемъ вполнѣ объяснимаго орумыненія Бочкова и Комлоша. Усиленіе въ пограничныхъ русскихъ сёлахъ мадьярскаго элемента само собой должно было произойти.

Утрата русской народности въ сёлахъ русскихъ и мадьярско-русскихъ, вдающихся въ мадьярскую (и отчасти румынскую) территорію—явленіе естественное и неизбѣжное.

Уже во время печатанія настоящей работы мы получили отъ д-ра Г. Стрипскаго [1]) оттискъ его рецензіи (по-мадьярски) на Этнографическую карту Томашівськаго [2]). Г. Стрипскій посѣщалъ не разъ, какъ Угочскую, такъ и иныя сто́лицы на Дольней землѣ. Онъ вполнѣ признаетъ, что во многихъ поселеніяхъ Угочской сто́лицы было прежде вполнѣ или отчасти русское населеніе. Изъ упомянутыхъ въ Лексиконѣ русскихъ и мадьярско-русскихъ поселеній, по его мнѣнію: 1) осталися вполнѣ русскими Сирма и Шамваръ; 2) остались русскими, но жители хорошо говорятъ и по-мадьярски въ поселеніяхъ: Ардово, Ардовецъ, Веряца, Новоселица, Сасфалово, ВеликійСевлюшъ, Чорната и Эгрешъ; 3) населеніе поль-

[1]) См. о немъ ниже передъ „Спискомъ поселеній“.

[2]) M. Nemzeti Múzeum Néprajzi osztályának Értesitője, 1910, № 3-4, стр. 264-270.

зуется одинаково и русскимъ и мадьярскимъ языкомъ въ сёлахъ Батаръ, Карачфальва, Текегаза, Фанчиково и Чепа; 4) омадьярились за послѣдніе двадцать лѣтъ Вуйгель, Кекенюшъ, Матьфальва и Чедрегъ; 5) омадьярились также, но еще въ большей степени, Бивиня, Вуйловъ, Гетеня, Киригаза и Шаланки. Остальныя у него не упомянуты.

Нѣкоторыя противорѣчія между показаніями Томашівськаго и Стрипскаго не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ, да и то, относительно сёлъ съ двуязычнымъ населеніемъ, всегда возможны ошибки.

Въ тѣхъ 16-ти поселеніяхъ, которыя въ 1773 г. были вполнѣ или отчасти русскими, а въ настоящее время сильно или совсѣмъ омадьярились, находимъ и въ 30-хъ годахъ XIX в., и въ 1900 г. значительное количество уніатовъ, а именно: по Феньешу и переписи 1900 г.: отъ 75% до 100%—Батаръ, Карачфальфа и Чедрегъ [1]; отъ 50% до 75%—Бикиня, Вуйгель, Кекенюшъ, Матьфальва, Великій Севлюшъ, Текегаза, Фанчиково и Чепа [2]; отъ 20% до 50%—Вуйловъ, Туръ-Теребешъ, Шаланки [3]).

На картѣ Томашівськаго имѣется еще русское село Hömlöcz—оно основано лишь въ 50-хъ годахъ XIX в. [4]).

3. Бережская столица.

Пограничныя русскія сёла: Ремета (Remete), Шаркадь (Sárkad), Макарьево (Makaria), Барбово (Bárthára), Пистрялово (Pisztraháza), Фогарашъ (Fogaras), Лалово (N. Leányfalva), Станово (Sztánfalva), Дѣлокъ (Pappfalva), Буковинка (Bukovinka), Кендерешово (Kendereske), Куштановица (Kustánfalva) [5]), Подгоряны (Podhering), Росвигово (Oroszvég). Подгородъ (Várallja),

---

1) У Феньеша еще Фаркашфальва.
2) У Феньеша—Ардовъ, по переписи—Фаркашфальва.
3) По переписи—Ардовъ.
4) Op. cit., стр. 195.
5) Такой порядокъ на картѣ Гёрега; у Липскаго и на послѣдующихъ картахъ сёла расположены иначе: сначала Куштановица, потомъ Кендерешово.

Горонда (Gorond), Страбичово (Sztrabicsó), Лучки (N. Lucska), Черленово (Cserlenó), и Зняцово (Ignécz).

Всѣ эти сёла и теперь русскія, съ преобладающимъ русскимъ большинствомъ свыше 80%.

Меньшій % русскихъ въ селахъ *Подгородъ—51,8%, Барбово—57%, Росвигово — 62,2% и Лалово —72,8%. Это обстоятельство объясняется притокомъ нѣмецкихъ колонистовъ въ XVIII в.

Подгородъ (по-нѣмецки Kroatendorf), впрочемъ, и возникъ (не ранѣе 1711 г.) изъ поселенія подъ крѣпостью нѣмецкихъ и хорватскихъ солдатъ; ихъ нѣмецкіе и онѣмеченные потомки составляютъ доселѣ почти половину населенія; русскіе—позднѣйшіе поселенцы [1]).

Барбово и Лалово, старинныя русскія сёла, значичительно запустѣли въ первой половинѣ XVIII в. Въ нихъ въ 1763 и 1775 гг. были введены графомъ Шёнборномъ [2]) чешскіе и нѣмецкіе колонисты [3]).

Росвигово—пригородъ разноплеменнаго Мукачева, въ которомъ и въ 1773 г. господствовалъ и теперь господствуетъ мадьярскій языкъ [4])—естественно постоянно пополнялся иноязычными элементами города.

На русской территоріи у Томашівськаго находятся пять нѣмецкихъ и одно словацкое поселеніе—все это новыя колоніи, основанныя семьею графовъ Шёнборнъ.

Нѣмецкія: Старые Кленовцы (Friedrichsdorf, Frigyesfalva) возникло въ 1807 г. [5]); Драчина (Tövisfalva)—между 1827—1837 гг.[6]), Синякъ (Kék-bércz)—въ 1837 г.[7]), Новое село (Erwinsdorf, Ervinfalva, Szuszkó-Újfalu) — въ 1856 г.[8]) и Дубы (Dubi)—въ 1861 г.[9]).

---

[1]) Lehoczky, Bereg vármegye monographiája. Ungvárott, 1882, III, стр. 775—776.

[2]) Въ 1726 г. графу Лотарю Францу Шёнборну, Майнцскому архіепископу, были Карломъ VI пожалованы конфискованныя Ракоціевскія владѣнія (Lehoczky, Német telepitések, M. gazd. tört. Szemle, V, 1895, стр. 256.

[3]) Lehoczky, Monographiája, III, стр. 56 и 383.

[4]) Въ 1900 г. въ Мукачевѣ русскихъ—1604 (20,4%), мадьяръ—8.827, нѣмцевъ 3.820. Такимъ образомъ, всего мадьяръ и нѣмцевъ 12.647; по исключеніи 6.567 евреевъ, число настоящихъ мадьяръ и нѣмцевъ будетъ 6.080.

[5]) Lehoczky, Op. cit., стр. 255.

[6]) Ib., стр. 770—771.

[7]) Ib. стр. 734—735.

[8]) Ib., стр. 748.

[9]) Ib., стр. 243.

Словацкое село—Новые Кленовцы (Üj-Klenócz)—въ 1827 г.[1]).

По преимуществу тѣмъ же гр. Шёнборнамъ обязаны своимъ происхожденіемъ сёла нѣмецкаго острова, прилегающаго съ юга къ Мукачеву. Бо́льшая часть сёлъ существовала ранѣе XVIII в. и была населена русскими, но въ первой половинѣ XVIII столѣтія эти русскія сёла вполнѣ или отчасти запустѣли и были тогда заполнены новыми, преимущественно нѣмецкими колонистами. Таковы [2]):

Berezinka (Березинка) заселена нѣмцами въ 1730 г., но упоминается еще въ концѣ XVI в.; въ началѣ XVIII в. называется K. Leányfalva [3]).

Kocsova (Deutsch,-Német Kocsova) заселена нѣмцами въ 1728 г., подъ именемъ Korcsova (Корчава) существовало въ XVII в. [4]).

Pósaháza (Monforczorg [5]), Павшинъ) колонизовалось нѣмцами съ 1750 г.; Pósaháza упоминается еще въ XV в. [6]).

Ober (Felsö)-Schönborn (Коропецъ) заселено нѣмцами въ 1730 г., Koropecz существовалъ въ XIV в. [7]).

Unter (Alsó) - Schönborn (Német-Ujfalu, Новое село)—въ 1732 г.; въ XV в. назывaлось K. Falu, K. Ujfalu, въ XVI в.—Munkács-Ujfalu [8]).

Sophiendorf (Zsófiafalva) основано въ 1804 г. [9]).

Várpalanka (Паланки) населено потомками нѣмецкихъ солдатъ, составлявшихъ въ XVIII в., послѣ прекращенія Ракоціевскаго возстанія, гарнизонъ Мукачевской крѣпости [10]).

---

[1]) Ib., стр. 362.

[2]) Въ Лексиконѣ нѣтъ Berezinka и Sophiendorf.

[3]) Lehoczky, Op. cit., стр. 154.

[4]) Ib. стр. 365.

[5]) Искаженное Mönfortsorge, по имени графини Маріи Терезы Шёнборнъ, урожденной гр. Montefort, матери гр. Эрвина Шёнборна.

[6]) Ib., стр. 661—663.

[7]) Ib. стр. 690—691.

[8]) Ib., стр. 688—690.

[9]) Ib., стр. 808.

[10]) Ib., стр. 776. Вообще о нѣмецкой колонизаціи въ Бережской ст. см. также обстоятельную, основанную на архивныхъ документахъ статью того же почтеннѣйшаго, болѣе, чѣмъ восьмидесятилѣтняго старца, неутомимаго труженика, мѣстнаго историка и археолога, г. Өедора Легоцкаго: Német telepitések Beregvármegyében (Magyar gazdaságtörténelmi szemle, II, 1895, стр, 249—285).

На западъ отъ Мукачева въ русской части столицы лежитъ мадьярское село Ракошинъ (Rákos):

Названіе.	л.	t.urb.	к.	ф.		ч.	1900 г.	
				нар.	ун.		рс.	ун.
Ракошинъ	м.	м.	м.	м. рс.	48,5%	м. рс.	39,3%	40,2%

Русское меньшинство, указанное Феньешемъ и Чёрнигомъ, сохранилось и въ 1900 г., и, по словамъ Томашівськаго, всѣ жители говорятъ и по-русски [1]). Такъ было, вѣроятно, и въ 1773 г. Хотя всѣ урбаріальные документы, относящіеся къ Ракошину — мадьярскіе, хотя въ litterae testimoniales роднымъ языкомъ жителей названъ только мадьярскій, но въ общемъ перечнѣ документовъ (elenchus conscriptionis urbarialis) помѣчено: „formula juramenti Ruthenico idiomate descripta"; налицо русскаго текста нѣтъ.

О русскихъ сёлахъ на мадьярской территоріи Квасово (Kovaszó), Чума (Csoma) и Гомокъ (Homok) скажемъ ниже.

Слѣдующія русскія сёла, помѣщенныя у Феньеша, отсутствуютъ въ Лексиконѣ [2]):

I.

Мукачевскій округъ.

N. Belebele (Белебово), „Bellibefalva" въ conscriptio dicalis 1576 г.[3]); упоминается и въ XVII в.[4]).

Klastromálja (Подмонастырь) — имѣются современные Лексикону урбаріальные документы.

---

[1]) Етногр. карта, стр. 197, пр. 3.
[2]) См. выше, стр. 54 замѣчанія о таковыхъ сёлахъ Мараморошской столицы.
[3]) T. VII.
[4]) Lehoczky, Op. cit., стр. 58.

Obláz [1]) (Облазъ)—„Obláz, nova possessio“ въ conscriptio dicalis 1570 г.[2]); упоминается въ XVII в.[3]).

II.

Косинскій (Kászonyensis) округъ.

Klyucsarka (Ключарки)— подъ именемъ A. Lucska и K. Lucska существовало въ XV—XVII вв.[4]); имѣются урбаріальные документы.

Skuratócz (Шкуратовцы)—имѣются урбаріальные документы.

III.

Верхній округъ.

Komlós (Комлушъ)—существовало уже въ XV в.[5]).

Pálfalva (Воловица)—упоминается въ XVII в.[6]).

Ни одного изъ этихъ сёлъ нѣтъ въ conscriptiones 1715 и 1720 гг., въ Лексиконѣ Корабинскаго находится лишь Komlós, на картахъ же Корабинскаго, Липскаго и Гёрёга—всѣ [7]).

Novoszelicza (Новоселица) [8]) встрѣтилась намъ въ первый разъ лишь въ схематизмѣ 1814 г.

4. Унгварская стóлица.

Проведеніе въ Унгварской стóлицѣ русско-мадьярской границы по даннымъ Лексикона нѣсколько затруднительно оттого, что три пограничныхъ села—Дубровка (Dubróka), Баранинцы (Baranya) и Часловцы (Császlócz)—помѣщены въ Лексиконѣ безъ опредѣленія господствующаго въ нихъ языка.

---

[1]) У Феньеша—Abláz.

[2]) T. VI.

[3]) Lehoczky, Op., cit., III, стр. 639.

[4]) Ib., стр. 363—364.

[5]) ib., стр. 367.

[6]) Ib., стр. 643.

[7]) На всѣхъ картахъ общая ошибка: вмѣсто Pálfalva (около Falucska) напечатано Pappfalva.

[8]) Около Iloncza (Ильница).

Дубровка, окруженная русскими сёлами и удаленная отъ мадьярскихъ N. Dobrony, K. и N. Gejöcz и Helmecz, и теперь русская [1]), таковой всегда считалась въ XIX в. и, конечно, русской была и въ 1773 г.[2]).

Два остальныхъ села болѣе сомнительны:

Названія	К.	Ф. нар.	Ф. ун.	Ч.	1869 г.[3])
Баранинцы . .	рс.	рс. м.	55,1%	м. рс. т.	м. рс.
*Часловцы .	рс.	рс. сл.	50,1%	м. рс. т.	рс. сл.

Названія	1880 г.[3])	1890 г.[3])	Бр. [4])	1900 г. рс.	1900 г. ун.
Баранинцы .	рс. м.	рс. м.	рс. м.	58,1%	73,4%
*Часловцы .	м.	м.	м.	4,0%	44,9%

Изъ таблицы видно, что и теперь, и ранѣе въ Баранинцахъ сильнѣе, чѣмъ въ Часловцахъ представленъ русскій элементъ. Такъ какъ въ 1774 г. крестьянамъ перваго села былъ врученъ *словацкій* урбаръ [5]), то мы, думаемъ, не ошибемся, если сочтемъ его въ 1773 г. русскимъ, хотя, конечно, съ бо́льшей или меньшей примѣсью мадьяръ. По урбаріальной таблицѣ въ Баранинцахъ преобладаютъ у крестьянъ славянскія фамиліи, въ Часловцахъ же болѣе мадьярскихъ [6]). Осторожнѣе будетъ, поэтому, не включать Часловцы въ число русскихъ сёлъ, хотя, несомнѣнно, жили тамъ и русскіе.

[1]) Въ 1900 г. русскихъ 94,9%.
[2]) Урбаріальные документы 1772 г., правда, мадьярскіе.
[3]) Томашівський, Op. cit., стр. 202, пр. 2.
[4]) Broch, Studien, карта.
[5]) Копія у насъ.
[6]) См. приложеніе.

Тогда пограничная черта пройдетъ черезъ слѣдующія русскія сёла: Дубровка (Dubróka), Комаровцы (Orosz-Komorócz), Долгое (Hosszúmező), Баранинцы (Baranya), Корытняны (Kereknye)[1], Дравцы (Darócz), Минай (Minaj) и Радванка (Radváncz). Послѣ мадьярскаго Унгвара[2] начинается уже русско-словацкая граница.

Изъ этихъ селъ Дубровка, Комаровцы, Корытняны и Дравцы—и донынѣ русскія[3]), относительно же Долгаго, Миная и Радванки показанія расходятся:

Названія.	л.	к.	ф. нар.	ф. уп.	ч.	Бр.	1900 г. рс.	1900 г. ун.
Долгое	рс.	рс.	рс. м.	78,2%	рс.	м.	14,4%	70,1%
*Минай	рс.	м.	м. рс.	42,2%	м. рс. т.	м.	1,1%	51,8%
*Радванка	рс.	рс.	рс. м. сл.	38,5%	м. рс. т.	рс.	27,9%	60,6%

Въ Долгомъ, почти окруженномъ мадьярскими сёлами, естественно русскій элементъ долженъ былъ понести бóльшія утраты, но и до Чёрнига включительно онъ преобладаетъ; русское меньшинство отмѣчено въ переписи 1869 г.; въ 1890 г. это меньшинство превращается въ словацкое, а въ 1900 г. вновь становится русскимъ (!)[4]).

Радванка въ 1900 г. и по переписи имѣетъ довольно значительное русское меньшинство, по Томашівському

---

[1]) По Гёрёгу; правильнѣе наоборотъ: Корытняны, Баранинцы.

[2]) По Лексикону, въ Унгварѣ господствуетъ мадьярскій языкъ, въ настоящее время населеніе смѣшанное, но перевѣсъ имѣютъ мадьяры (Томашівський, Op. cit., стр. 201). Всего въ Унгварѣ 14.723 жителя, изъ нихъ русскихъ—500, нѣмцевъ—1.071, словаковъ—1.223, иныхъ—298, мадьяръ—11.631; евреевъ 4.560, христіанъ 10.163; русскіе, слѣдовательно, составляютъ 4,9% христіанъ.

[3]) Меньше всего русскихъ въ Корытнянахъ — 77% (по Броху, Slovakisch-kleinruss. Studien, стр. 11, населеніе говоритъ и по-русски и по-мадьярски) и въ Дравцахъ — 80,5% (по картѣ Броха — ibidem— Дравцы на самой русско-мадьярской границѣ).

[4]) Томашівський, Op. cit., стр. 202, пр. 2.

число русскихъ должно быть на дѣлѣ большимъ [1]), и тогда, вѣроятно, русское меньшинство стало бы относительнымъ большинствомъ. Русскихъ и словаковъ по переписи болѣе, чѣмъ христіанъ иныхъ народностей: русскихъ 235, словаковъ 258, всего 493, что составляетъ 58,2% христіанъ. Часть русскихъ отнесена, несомнѣнно, къ мадьярамъ и словакамъ [2]).

Только относительно Миная показаніе Лексикона стоитъ болѣе одиноко, но ничего нѣтъ удивительнаго въ омадьяреніи пограничнаго, да еще близкаго къ мадьярскому Унгвару, бывшаго прежде русскимъ села. Уніатовъ и у Феньеша весьма значительное количество, а въ 1900 г. они составляли болѣе половины христіанскаго населенія.

Если судить по фамиліямъ крестьянъ въ урбаріальныхъ таблицахъ, во всѣхъ этихъ трехъ сёлахъ въ концѣ XVIII в. преобладало не мадьярское, а славянское (resp. русское) населеніе.

На словацко-мадьярской межѣ находится, по Лексикону, русское село Лекартъ (Lakárt):

Названіе.	л.	к.	ч.	Бр.	ц.	т.
Лекартъ	рс.	рс.	сл. рс. т.	сл.	сл.	сл.

Оно только у Корабинскаго названо также русскимъ, у Чёрнига помѣщено на смѣшанной, словацко-русской территоріи, по всѣмъ же позднѣйшимъ даннымъ оно словацкое, и это ословаченіе одиноко лежащаго русскаго поселенія нисколько ни удивительно. По Феньешу въ немъ 63,8% уніатовъ.

У Феньеша находятся еще русскія села: въ Середнянскомъ (III) округѣ—Hegyfark (Гедьфаркъ) и Hluboka (Глубокое), въ Унгварскомъ (IV)—Lekiczár (Лекицары),

---

1) Op. cit., стр. 201, пр. 5. По Броху—Радванка русская.

2) При нашемъ посѣщеніи въ 1890 г. Радванка совершенно не произвела впечатлѣнія мадьярскаго села. Ср. Czambel, Op. cit.: „Za Ungvárom už niet — — obcí slovenských. V Radvánke — — popísaní Slováci popísaní sú za Slovákov vylučne na zaklade svojho r. - k. náboženstva“ (стр. 77).

Lumsor (Лумшоръ) и Zabrogy (Забродь). Насколько намъ помнится, въ документахъ XVI—XVII вв. мы, какъ будто, этихъ сёлъ не встрѣчали. Въ conscriptio 1715 г. нѣтъ изъ нихъ ни одного, 1720 г.—только Zabrogy. Для Унгварской сто́лицы сохранились урбары около 200-хъ сёлъ, но среди ихъ нѣтъ также ни одного для означенныхъ сёлъ, равно какъ нѣтъ ихъ и въ Лексиконѣ Корабинскаго. На картахъ его имѣется лишь Rekiczna (=Lekiczár), Lumsor и Zabrochia (=Zabrogy), у Липскаго и Гёрёга— всѣ, кромѣ Hegyfark, въ схематизмѣ 1814 г.—всѣ.

Подведемъ теперь итоги сравненія показаній Лексикона относительно русско-румынской и русско-мадьярской границы съ иными использованными нами данными.

1) Показанія Лексикона, насколько возможно было провѣрить, въ бо́льшей или меньшей степени подтвердились. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти показанія стоятъ нѣсколько уединенно, въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, и они могутъ быть признаны вполнѣ отражающими тогдашнія этнографическія отношенія юговосточныхъ сто́лицъ Угріи.

Такимъ образомъ, наши апріорныя соображенія о достовѣрности матеріала, представляемаго Лексикономъ, надѣемся, должны быть признаны фактически оправданными.

2) Граница сплошной русской территоріи осталась въ теченіе послѣднихъ 130-ти лѣтъ почти неизмѣнной, только въ различныхъ поселеніяхъ расширилось употребленіе мадьярскаго языка, не вытѣснившаго, однако, русскаго [1]). Потери

[1]) Мадьярское вліяніе сказалось также въ проникновеніи мадьярскихъ словъ въ русскую рѣчь. Русскіе говоры многихъ окраинныхъ сёлъ часто только этимологически остались русскими—въ словарномъ отношеніи они на 3/4, если не болѣе, омадьярены. Ср. Верхратскій, Знадоби: „В місцевостях, де Руснаки живуть спорадично межи Мадярами, язик перших, иноді переповнений мадярскими виразами, представляє невідрадну мішку язикову, в котрій нераз лише накінчики в склоненях і спряганях руські, сами же слова мадярскі“ (Зап. Шевч., XXVII, 1899, стр. 6). Приводимъ нѣсколько фразъ на такихъ говорахъ, сообщенныхъ намъ д-ромъ Г. Стрипскимъ. Нѣкоторыя, быть можетъ, сочинены народомъ ради насмѣшливой характеристики говора, бо́льшая же часть взята изъ обыденной рѣчи:

Изъ Угочской ст.: „Кондаш (м. kondás = d. Schweinhirt) олдолваш (м. oldalvást = seitwärts), а свіні на орсагу́ (м. ország-út = d. Landstrasse)

на окраинахъ, гдѣ и въ XVIII в. жило смѣшанное двуязычное населеніе, совершенно естественны.

Кое-гдѣ—какъ въ долинѣ р. Русской—этнографическій процессъ окончился въ пользу русской народности.

3) Утраты, понесенныя русскимъ языкомъ въ удаленныхъ отъ основной русской территоріи выступахъ и островахъ, преимущественно въ смѣшанныхъ, мадьярско-русскихъ поселеніяхъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ условіямъ жизни національностей въ Угріи. Особенно быстрымъ темпомъ должна была идти мадьяризація въ послѣднія десятилѣтія [1]).

4) Значительное количество уніатовъ, весьма часто и уніатское большинство, находится, за рѣдкими исключеніями, именно въ тѣхъ поселеніяхъ, въ которыхъ, по Лексикону, въ той или иной степени употреблялся русскій языкъ, и это обстоятельство, конечно, должно быть признано сильнымъ аргументомъ въ пользу мнѣнія, что нынѣшніе мадьяры -

---

сийелóм" = свинарь съ боку, а свинѣ на дорогѣ разсѣянно; „прóшу перешийталовáти (м. sétálni = spazieren) на наш мулачáґ (м. mulatság = d. Unterhaltung)" = прошу придти на нашу забаву: „відяз (м. vigyázni = Acht geben), бо міндяр (м. mindjárt = sogleich) ти амíнь" = внимай, бо тотчасъ тебѣ аминь; „ишó ў керекваґашом (м. kerékvágás = d. Radgeleise)": „гадкýй, бо чікüў (м. csikó = d. Füllen) тя рýгне (м. rúgni = stossen)" = гадкуй, бо лошук тебя копнет; изъ Вышкова (Мараморошской ст.): „кешéрвешна твоя прáца (м. keserves munka = sauere Arbeit);" „валтýје ся ідеў (változik az idö)" = мѣняется погода; „кáртяли ся и мулатловáли" = играли въ карты и забавлялись. Изъ Мукачова: „панъ годнодь (м. hadnagy = командиръ) тя побüнтетлýе (м. büntetni = bestrafen)". Изъ Шелестова (Бережской ст.): „Боў им у вáреши (м. város — городъ), кербáч (м. korbács = d. Pleite) купúў у бóўті (м. bolt — склепъ, лавка)".

[1]) Приведемъ слова проф. Броха (Slovakisch—kleinrussische Studien), рельефно характеризующія національный процессъ въ Угріи: „Man kann die Wirkungen einer Assimilation beobachten, die sich theils auf höhere materielle und geistige Kultur stützt, theils aber auch durch einen modernen Staatsgedanken hervorgerufen und beschleunigt wird, der darauf ausgeht, verschiedene Bestandtheile in eine einheitliche Nation umzugiessen. — — Wie lösende sprengende Keile in alte geradegewachsene, leichtgespaltene Stämme, dringen daher die materiellen Kulturforschritte der Magyaren, ihre Bahnen und Fabrikanlagen, ihre Exploitirung der natürlichen Reichthümer der Gegend, in die alten Stammverhältnisse hinein. — — Die Veränderung kann keinen nennenswerthen Widerstand begegnen in kleinen Stämmen ohne eigentliche nationale Kultur, ohne nationalen Zusammenhang, ja beinahe ohne Spur von nationalen Bewusstsein" (стр. 3—4).

уніаты [1])—потомки омадьярившихся русскихъ, кое-гдѣ на югѣ и румынъ [2]).

[1]) А также, какъ увидимъ ниже, и словаки-уніаты.

[2]) Объ этомъ см. выше, стр. 37. Напомнимъ, однако, высказанное выше предостереженіе, что рискованно современныя религіозныя отношенія безъ оговорокъ переносить и на прошлыя времена. Какъ въ національной, такъ и въ религіозной сферѣ въ XIX в. въ Угріи наблюдались измѣненія. Во многихъ поселеніяхъ даже съ 30-хъ годовъ число уніатовъ уменьшилось, въ другихъ (но эти случаи рѣже)—увеличилось. Полагаемъ, что болѣе рѣзкія колебанія слѣдуетъ считать результатомъ не столько перемѣны вѣры, сколько передвиженія населенія. Приведемъ нѣкоторые примѣры:

1) Уменьшеніе % уніатовъ.

Унгварская столица (всѣ села III, Собранскаго округа).

Названія.	Ф.	1900 г.
Гнойне (Hanajna)	60,8%	50,7%
Завадка (Zavadka)	54,9%	25,4%
Страйняны (Sztrajnán)	100,0%	45,5%
Янковцы (Jenke)	51,4%	33,3%
Ястребье (Jesztreb)	93,7%	50,3%

Земплинская столица.

Названія.	Ф.	1900 г.
Керестуръ (Szécs-Keresztúr, III)	59,6%	40,6%
Пакостовъ (Pakasztó, V)	59,3%	42,9%
Полянка Товарн. (Tavarna Polyánka, V)	68,8%	15,1%
Шамудовцы (Sámogy, IV)	59,5%	42,9%

2) Увеличеніе % уніатовъ.

Мы выше (стр. 28, пр. 1.) указывали на ошибки у Феньеша, часто не принимавшаго въ расчетъ уніатскіе схематизмы. Возможно, что во многихъ сёлахъ увеличеніе % уніатовъ лишь мнимое. Надо это всегда имѣть въ виду (ошибокъ Феньеша въ обратную сторону предположить нельзя). Для Ластовецъ (Lasztócz, Земпл. ст., III), въ которомъ по Феньешу лишь 4,9% уніатовъ, мы взяли цифру уніатовъ изъ Мукачевскаго схематизма 1837 г.

Унгварская стóлица.

Названiе.	ф.	1900 г.
Карчава (Karcsava, I) . . .	28,4%	58,5%

Земплинская стóлица.

Названiя.	ф.	1900 г.
Ластовцы (Lasztócz, III) . . .	37,2%	49,9%
Borsi (II)	30,4%	58,0%

Въ общемъ, число унiатовъ скорѣе идетъ на убыль.

IV.

Русскіе и смѣшанные острова на неславянской территоріи.

Если близкія къ русской территоріи, составляющія ея непосредственное продолженіе, русскія и смѣшанныя сёла Угочской сто́лицы болѣе или менѣе омадьярились, то тѣмъ естественнѣе исчезновеніе русской народности въ отдаленныхъ отъ русской территоріи островахъ. Русскіе, усвоивъ по необходимости языкъ сосѣдей, со смѣной выроставшихъ въ иноязычной обстановкѣ поколѣній, должны были постепенно забывать родной языкъ, остававшійся въ удѣлъ старикамъ, по вымираніи которыхъ сохранялось у людей только воспоминаніе, что, де, вотъ наши отцы и дѣды говорили порусски [1]).

Русскія и смѣшанныя сёла разбросаны по угорской Дольней землѣ, то по одиночкѣ, то группами, отъ двухъ до пяти, въ сто́лицахъ Бережской, Земплинской, Сатмарской, Сабольчской, Бигарской, Торнянской и Бачъ-Бодрогской.

1. Бережская сто́лица.

Въ южной, мадьярской части сто́лицы, по Лексикону, находились три русскихъ села: Квасово (Kovaszó), Гомокъ (Homok) и Чума (Csoma).

---

[1]) См. часто цитировавшіяся работы Гнатюка и Цамбеля.

Названія.	л.	l. t.	к.	ф нар.	ф ун	ч.	1900 г. рс.	1900 г. ун.
Квасово	рс.	м.	рс.	рс. м.	79,9%	рс.	82,5%	94,0%
**Гомокъ	рс.	м.	—	рс.	93,6%	рс.	0%	91,4%
*Чума	рс.	м.	рс.	рс.	97,6%	рс.	0%	72,6%

Квасово и донынѣ осталось русскимъ. По М. Белю: „Kovaszó, Kovászovo — incolis Ruthenis, a quibus inhabitatur." Гомокъ, по переписи 1900 г. — чисто мадьярское село, въ 1869 г. — преимущественно мадьярское, въ 1880 г. — чисто мадьярское, въ 1890 г. — съ русскимъ большинствомъ [1]), Томашівськии причисляетъ его къ русскимъ [2]). Какъ бы то ни было, и у Чёрнига оно — русское [3]).

Чума и по переписи 1900 г, и начиная съ 1869 г. — мадьярское село, по Томашівському, въ немъ находится нѣкоторое количество русскихъ. У М. Беля: „Csoma, colonia Ruthenorum". До Чёрнига включительно оно также считается русскимъ.

По litterae testimoniales, однако, во всѣхъ трехъ сёлахъ: „lingua hungarica loci incolis vernacula", въ концѣ краткаго отчета о процессѣ conscriptionis urbarialis (1772 г.) относительно Чумы отмѣчено: „lingua hungarica incolis loci nativa et usuata" [4]). Какъ примирить эти противорѣчія см. выше наши замѣчанія о „litterae testimoniales" [5]).

Судя по фамиліямъ крестьянъ, въ Квасовѣ и русскіе и мадьяры были одинаково представлены; въ Гомокѣ и Чумѣ — мадьяры преобладали [6]).

Уніатовъ, и по Феньешу, и по переписи 1900 г., значительное большинство.

Уніатское большинство находится теперь еще въ селѣ Яношіево (Makkos Jánosi). Въ немъ, по Томашівському, уже въ 1748 г. была уніатская церковь [7]):

---

1) Томашівськии, Op. cit., стр. 198, пр. 3.
2) Op. cit., стр. 198.
3) У М. Беля ничего нѣтъ о народности.
4) Хотя печатныя рубрики урбаріальной таблицы для Чумы — русскія
5) Стр. 18.
6) См. приложеніе.
7) Op. cit., стр. 199, пр. 1.

Названіе.	л.	к.	ф. нар.	ф. ун.	ч.	1900 г. рс.	1900 г. ун.
Яношіево	м.	м.	м. рс.	54,8%	м. рс.	2,9%	73,5%

Русское меньшинство, указанное у Феньеша и Чёрнига, въ 1773 г. говорило, очевидно, преимущественно по мадьярски.

2. Земплинская сто́лица.

Въ южной, мадьярской части сто́лицы, въ Островномъ или Прибодрогскомъ (processus Insulanus, Bodrogközi járás) округѣ по р. Тисѣ, на границѣ Сабольчьской сто́лицы, имѣлся островъ изъ трехъ русскихъ: Добра (K. Dobra) Дамоцъ (Dámócz), Чеке (Cséke) и двухъ мадьярско-русскихъ сёлъ: Бель (Bély) и Агардъ (Agárd). Кромѣ того, два русскихъ села лежатъ отдѣльно среди мадьярскихъ: Поляна (Polyán) около Лелеса и Сердагель (Szerdahely) — на лѣвомъ берегу р. Бодрога. Въ Уйгельскомъ округѣ, ближе къ этнографической словацкой границѣ, находится русское село Кашовъ (Kásó), почти со всѣхъ сторонъ окруженное мадьярскими сёлами:

Названія.	л.	к.	с.	ф. нар.	ф. ун.	ч.	1900 г. ун.
Добра . .	рс.	рс.	м.	м. рс.	96,3%	рс.	81,6%
Дамоцъ . .	рс.	рс.	м.	м. рс.	84,1%	м. рс. т.	69,3%
Чеке . . .	рс.	сл.	м.	м.	82,4%	м. рс.	67,1%
Бель . . .	м. рс.	м.	м.	м. рс.	51,5%	м. рс. т.	42,1%
Агардъ . .	м. рс.	м. рс.	м.	м.	49,4%	м. рс. т.	40,3%
Поляна	рс.	рс.	м.	м. рс.	52,9%	рс. м.	50,3%
Сердагель	рс.	рс.	м.	м. рс.	41,2%	м. рс. т.	41,2%
Кашовъ . .	рс.	рс.	—	рс. сл.	78,1%	м. рс. т.	68,6%

Уже въ 1797 г. Сирмаи считаетъ всѣ эти сёла мадьярскими [1]), что, конечно, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ знанія и употребленія русскимъ большинствомъ мадьярскаго языка. Съ 1773 г. до 1797 г., т. е. въ 24 года, должно было, несомнѣнно, вырости новое поколѣніе, которое должно было говорить преимущественно по-мадьярски. М. Бель совершенно опредѣленно указываетъ на русскую народность сёлъ: Чеке, Бель и Поляна; Агардъ и Сердагель у него мадьярско-русскія, въ остальныхъ, по его словамъ, населеніе пришлое и смѣшанное, причемъ относительно Кашова подчеркнуто незначительное количество мадьяръ [2]). Въ первой половинѣ XIX в. не всѣ еще потомки русскихъ поселенцевъ забыли русскій языкъ, какъ это видно изъ Феньеша [3]) и Чёрнига. У послѣдняго Добра даже чисто русское, въ Полянѣ —русское большинство. Теперь всѣ сёла—мадьярскія [4]).

На русскій, въ прошломъ, характеръ этихъ сёлъ указываетъ и ихъ вѣроисповѣданіе: въ четырехъ изъ нихъ и въ 1900 г. уніатовъ болѣе 60%, въ одномъ болѣе 50%, въ остальныхъ—меньшинство, но значительное. Во время Феньеша число уніатовъ было еще больше: въ 4-хъ сёлахъ—болѣе 70%, въ двухъ—болѣе 50%. Въ концѣ XVIII в., по Сирмаи, сёла Добра, Дамоцъ, Чеке, Агардъ и Поляна показаны прямо уніатскими, лишь въ селахъ Бель и Сердагель „catholici diversi ritus,“ причемъ въ послѣднемъ, очевидно, уніаты составляли сравнительно болѣе старое, коренное населеніе: „incolae Catholici utriusque ritus, Graecis templo et parocho gaudentibus, Latinis ad N. Kövesd affiliatis [5])“.

По частному сообщенію д-ра Стрипскаго, село Токайскаго (Submontanus) округа Ардовъ (Szöllös-Vég-Ardó) въ настоящее время—русское [6]); оффиціально—оно мадьярское съ уніатскимъ большинствомъ:

---

[1]) Кашовъ у него пропущено.
[2]) См. ниже VI главу.
[3]) Кашовъ—у него русско-словацкій; возможно, что эти словаки, на самомъ дѣлѣ—русскіе римско-католическаго вѣроисповѣданія.
[4]) По Климѣ, Кашовъ—словацкій.
[5]) Op. cit. стр. 294.
[6]) „Се одиноке руське село: купіті, лишіті, а не: купіц, зохабіц“.

Названіе.	л.	к.	с.	ф нар.	ф ун.	ч.
Ардовъ . .	м.	м.	м. [1]	рс. м.	67,4%	сл.

Иныхъ данныхъ о немъ не имѣется въ нашемъ распоряженіи.

Г. Томашівський считаетъ еще Комлошку (Komlóska) [2]) русскимъ селомъ. Въ спискѣ о. Ю. Ставровскаго — тоже. По Лексикону, оно — словацкое:

Названіе.	л.	к.	ф нар.	ф ун.	ч.	1900 г. рс.	1900 г. ун.
Комлошка [3]).	сл.	м.(?) [4])	рс. [5])	94,1%	рс.	11,9%	96,9%

Вопросъ о Комлошкѣ весьма неясенъ; по оффиціальнымъ переписямъ въ 1869 г. она была русской, въ 1880 г. — словацкой, въ 1890 г. — опять русской, въ 1900 г. — преимущественно мадьярской [6]).

Въ томъ же Токайскомъ округѣ имѣлось въ 1773 г. чешское село Kak. Это поселеніе старое, запустѣвшее въ турецкое время: по М. Белю: „Locus desolatus — a Turcarum temporibus". О поселеніи въ немъ чеховъ-акатоликовъ и о замѣщеніи ихъ потомъ мадьярами католиками сообщаетъ

[1]) Colonos hungaros graeco-catholicae religioni addictos habet (стр. 222).

[2]) Въ XVIII в. она была причислена на Абауйварской столицѣ.

[3]) Бель о народности жителей Комлошки ничего не говоритъ, но даетъ любопытную этимологизацію: „Komolóska - vocabulum ipsum exititatem ipsam prodit", сближая названіе, очевидно, со словомъ комолый. Къ мадьярскому komoly=ernst, ernsthaft названія Комлошъ, Комлошка, понятно, не имѣютъ никакого отношенія. Оба они происходятъ отъ мадьярскаго komló (отъ слав. хмѣль) = der Hopfen; komlós = der Hopfengarten; Komlós - Keresztes въ Шаришской ст. — по словацки Chmel'ov.

[4]) У Корабинскаго какая то путаница: „Komlosch, ein ungr. Dorf im Abaujwarer Kom., I. M. v. Tölkebánya"; „Komloschka, Komarjani ein schlow. Dorf im Scharoscher Kom. 1 M. v. Tölkebánya S. So. u. 1/2 M. v. Füresz N. Nw. † (=griechischunirte Kirche).

[5]) Т. е. уніатское село.

[6]) Томашівський, Op. cit., стр. 206, пр. 7.

А. Сирмаи[1]: „Kak—pagus, olim Kok—. Fuit locus ab anno 1560. bellis civilibus desertus[2]). Anno 1750 coloniis ex Bohemia per loci herum G. Sisáry deductis insessus, sed quia Hussitarum sectam, in Hungaria non receptam, adductae coloniae profitebantur, carcere et verberibus ad amplectenda catholica sacra adactae, maxima in parte dilapsae sunt. Nunc inhabitatur a catholicis, iisque Hungaris". И это недолгое пребываніе Чеховъ въ Kak, совпавшее съ временемъ составленія Лексикона, отмѣчено въ немъ. Въ XIX в. и доселѣ Kak— село мадьярское.

3) Сатмарская, Сабольчская и Бигарская стóлицы.

Въ нихъ находятся слѣдующіе острова: 1) На сѣверъ отъ Сатмаръ-Немети (Szatmár-Némethi), русскія сёла Шаръ (Sár) и Великія Пелешке (N. Peleske)[3]); 2) русскія Держъ (Derzs) Часари (Nyír-Császári), Вашвари (Nyír-Vasvári)[3]) и Пилишъ (Pilis)[4]); 3) русское с. Пенислекъ (Peniszlek)[3]), къ которому примыкаютъ 4) мадьярско-русское Бельтекъ[4]) (Nyír-Béltek), 5) русское Лугошъ[5]) (Nyír-Lugos) и 6) мадьярско-русское Ачадъ[6]) (Nyír-Acsád).

Со второй русской группой сосѣдятъ 7) мадьярско-русскія Дюлай (Gyulay) и Марія Почъ (Mária Pócs)[7]).

Отдѣльно лежатъ 8) мадьярско-русское О-Пальи[8]) (Ó-Pályi), 9) русскія Кенезъ[9]) (Ér-Kenéz)[9]) и Шелендъ[10]) (Ér-Selénd).

На западъ отъ города N. Kalló—10) русское Гудяй[11]) (Hugyaj).

---

[1]) Notitia topographica, стр. 226—227.
[2]) 1560 вѣрнѣе всего опечатка вм. 1650.
[3]) Сатмарская стóлица.
[4]) Сабольчская стóлица.
[5]) Сатмарской, теперь Сабольчской стóлицы.
[6]) Бигарской, теперь Сабольчской стóлицы.
[7]) Сабольчской стóлицы.
[8]) На сѣверо-западѣ Сатмарской стóлицы; во время Лексикона оно принадлежало къ Сабольчской стóлицѣ.
[9]) Сабольчской, теперь Бигарской стóлицы.
[10]) Бигарской стóлицы.
[11]) Сабольчской стóлицы.

Въ настоящее время, за исключеніемъ, можетъ быть, Пенислека, всѣ они—мадьярскія, кое-гдѣ только встрѣчаются горсточки русскихъ [1]).

Выдѣлимъ сначала сёла, относительно которыхъ показанія Лексикона подтверждаются до Чёрнига включительно:

Названія	л.	к.	с.	ф. нар.	ф. ун.	ч.	1900 г. уп.
Шаръ . . .	рс.	рс.	рс (?). [2])	рс.	91,1⁰/₀	рс.	84,4⁰/₀
Держъ . . .	рс.	рс.	рс. (ун.)	рс.	91,9⁰/₀	рс.	54,6⁰/₀
Часари . . .	рс.	рс.	рс. сл (ун.)	рс.	96,8⁰/₀	рс.	76,5⁰/₀
Вашвари . .	рс.	рс.	рс (кат. ун.)	м. рс.	82,2⁰/₀	рс.	83,5⁰/₀
О—Пальи .	м. рс.	м.	—	м. рс.	64,7⁰/₀	м. рс.	62,9⁰/₀

Только въ Вашвари, по Феньешу, мадьяры въ большинствѣ, у Чёрнига оно опять русское. По переписямъ лишь въ Держъ въ 1869 г. присутствовало русское меньшинство, въ 1880 г. исчезнувшее, остальныя уже съ 1869 г. считаются мадьярскими [3]). По нашимъ свѣдѣніямъ отъ 1890 г. въ Вашвари и Часари нѣсколько стариковъ еще помнили тогда русскій языкъ [4]).

Вопреки Корабинскому и Феньешу, къ этой же категоріи относимъ и Пилишъ:

Названіе.	л.	к.	ф. нар.	ф. ун.	ч.	1900 г. уп.
Пилишъ	рс.	м.	м.	67,1⁰/₀	рс.	85,6⁰/₀

---

[1]) Томашівськиӣ, Op. cit., стр. 213—216.
[2]) См. выше, стр. 32, пг. 4.
[3]) Въ Вашвари въ 1880 г.—румынское меньшинство. См. Томашівськиӣ, Op. cit., стр. 214, пр. 2.
[4]) Мат. IV, стр. 10.

По Series locorum portalium [1]). 1720 г., Пилишъ — чисто русское село. По М. Белю, Пилишъ незадолго до 1724 г. былъ заселенъ новыми и притомъ немногочисленными русскими колонистами [1]). У Чёрнига и въ переписи 1880 г. Пилишъ является еще русскимъ [2]).

Какъ ни авторитетны, вообще, показанія Чёрнига, но, относительно Пенислека, мы вправѣ отнестись къ Чёрнигу съ сомнѣніемъ и склонны видѣть здѣсь просто ошибку:

Названіе.	л.	к.	с.	ф.		ч.	1900 г.
				нар.	ун.		ун.
Пенислекъ . .	рс.	рс.	рс(?).	рс.	97,3%	рм.	92,4%

Пенислекъ лежитъ *не* на румынской территоріи, хотя и довольно близко къ ней. Ни до Чёрнига, ни послѣ него въ переписяхъ [3]) не указано присутствіе въ немъ румынъ.

Во всякомъ случаѣ, если отстранить показаніе Чёрнига, Пенислекъ очень долго удерживалъ свой русскій характеръ. Въ 1900 г. Пенислекъ по переписи чисто мадьярскій, по нашимъ даннымъ въ 1890 г. въ немъ, какъ въ Вашвари и Часари, старики знали еще по-русски, Гнатюкъ же, посѣтившій Пенислекъ въ 1903 г., нашелъ его даже вполнѣ русскимъ [4]). По Стрипскому [5]), Пенислекъ также населенъ русскими, хорошо, однако, говорящими и по мадьярски.

Въ остальныхъ сёлахъ процессъ мадьяризаціи, очевидно, раньше начался и раньше закончился.

---

[1]) См. ниже, въ главѣ VI.

[2]) Томашівський, Op. cit., стр. 215.

[3]) Въ 1869 г. и 1880 гг. онъ мадьярско-русскій, въ 1890 г. – русско-мадьярскій (Томашівський, Op. cit., стр. 214, пр. 2).

[4]) Томашівський, Op. cit., стр. 213. Надо замѣтить, впрочемъ, что г. Гнатюкъ пріѣхалъ въ Пенислекъ больной, не могъ найти себѣ тамъ пріюта и принужденъ былъ поскорѣе покинуть село (см. его собственныя слова въ Етногр. Збірн. XXV, 1909, стр. XI) Врядъ ли въ столь короткое время возможно было хорошо освѣдомиться о народности обывателей.

[5]) См. выше.

Долѣе держалась русская народность въ сёлахъ Шелендъ, Лугошъ, Бельтекъ и Марія Почъ:

Названія.	л.	к.	с.	ф.		ч.	1900 г.
				нар.	ун.		ун.
Шелендъ .	рс.	рм. рс	—	рм. [1]	96,3%	рс. рм.	83,4%
Лугошъ . .	рс.	рс.	рс(?).	м. сл.	54%	м. рс.	52,4%
Бельтекъ .	м. рс.	м.	—	м.	67,8%	м. рс.	63,6%
Марія Почъ	м. рс.	м.	—	м.	78%	м. рс. т.	72,5%

Шелендъ, по переписямъ,—мадьярское село, по словамъ Гнатюка, лично его посѣтившаго, преобладаютъ въ немъ румыны, старыя поколѣнія хотя отчасти говорили по-русски, потомки же ихъ орумынились [2]). По Географіи Феньеша—это румынское село, по Словарю же—мадьярское, при этомъ въ Словарѣ отмѣчено: „жители—уніаты, по происхожденію русскіе, но уже только старые люди знаютъ этотъ языкъ". Показаніе Лексикона, такимъ образомъ, имъ вполнѣ подтверждается. У Чёрнига русскіе составляютъ даже большинство, румыны—меньшинство. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ, рѣшить, конечно, невозможно. Въ Лугошѣ, русскомъ (?) у Сирмаи, у Феньеша отмѣчено словацкое [3]) меньшинство, у Чёрнига русское. Въ 1890 г. старое поколѣніе знало по-русски [4]), по Томашівському „русский язик ще не зовсім загинув у них" [5]).

У Чёрнига въ Бельтекѣ—русское меньшинство. По Series locorum 1720 г., Бельтекъ—чисто русское село. Марія Почъ расположена на мадьярско-русской территоріи. По Series, оно—русское село. Въ обоихъ въ 1890 г. часть старыхъ людей говорили еще по-русски [6]).

[1]) Въ Словарѣ, однако, Шелендъ—мадьярскій.
[2]) Етногр. Збірн., XXV, стр. XII.
[3]) Русское—католическое?
[4]) Мат. IV, l. c.
[5]) Op. cit., стр. 215.
[6]) Мат. IV, l. c.

Въ остальныхъ пяти сёлахъ уже въ началѣ XIX в. взялъ верхъ мадьярскій (кое-гдѣ—румынскій) элементъ, точно такъ же, какъ во многихъ сёлахъ на Дольней землѣ, бывшихъ въ первой половинѣ XVIII в. русскими, этотъ процессъ завершился уже ко времени составленія Лексикона: въ немъ они—мадьярскія [1]):

Названія.	л.	к.	с.	ф. нар.	ф. ун.	ч.	1900 г. ун.
Пелешке .	рс.	м.	м. (ун.)	м.	68,5%	м.	74,0%
Кенезъ . .	рс.	рс.	—	м.	94,6%	рм.	90,6%
Гудяй . .	рс.	м.	—	м.	73,6%	м. рс. т.	62,5%
Ачадъ . .	м. рс.	рс. м.	—	м.	61,7%	м. рс. т.	65,0%
Дюлай . .	м. рс.	м.	—	м.	46,7%	м. рс. т.	49,9%

Въ В. Пелешке Феньешъ [2]) указываетъ, однако, еще присутствіе русскихъ: „В. Пелешке—мадьярское село, есть немного омадьяривающихся словаковъ и русскихъ".

Кенезъ теперь румынскій [3]), Феньешъ считаетъ его мадьярскимъ, но эти мадьяры, по его словамъ, омадьяренные румыны: „жители были прежде румынами, но лучше и больше говорятъ по-мадьярски" [4]). Мы готовы смотрѣть на это замѣчаніе Феньеша скорѣе какъ на какую-либо ошибку или недоразумѣніе, иначе пришлось бы допустить слишкомъ многократную перемѣну народности [5]): въ 1773 г.—русскіе, затѣмъ румыны, во время Феньеша мадьяры, а къ половины XIX в. вновь румыны.

Мадьярско-русское село Ачадъ, нынѣ по переписи мадьярское, а по г. Гнатюку, бывшему въ немъ, румынское, по словамъ послѣдняго, состоитъ въ значительной сте-

[1]) См. ниже главу VI.
[2]) Въ Словарѣ.
[3]) Въ 1900 г. румынъ 82,4%.
[4]) Словарь.
[5]) Особенно, если показаніе Лексикона справедливо.

пени изъ орумыненныхъ русскихъ: „значна частина Русинів зденаціоналїзувала ся, особливо молодіж, яка говорить уже виключно по румуньски, бо по руськи говорити вважаєть ся „стидом“ [1]).

Уніатовъ во всѣхъ [2]) разсмотрѣнныхъ сёлахъ значительное большинство: въ 1900 г. болѣе 75% въ 7-ми, отъ 50% до 75%—въ 8-ми, менѣе 50%—въ одномъ; у Феньеша—болѣе 75% въ 8-ми, отъ 50% до 75%—въ 7-ми, менѣе 50%—въ одномъ [3]). По Сирмаи, лишь въ Вашвари наряду съ уніатами живутъ и католики; въ остальныхъ—только уніаты.

4) Торнянская сто́лица.

Въ восточной части сто́лицы, въ Верхнемъ округѣ [4]), почти на границѣ Абауйварской сто́лицы, въ двухъ сёлахъ „viget lingua ruthenica et slavonica“: Гачава (Falucska, ранѣе Bagnerhay, Bognárvágás) и Хо́рватикъ [5]) (Horváthi):

Названія.	Л.	К.	Ф.		Ч.	1900 г.	
			пар.	ун.		пар.	ун.
Гачава	рс. сл.	рс.	рс.	98,6%	рс.	сл.	89,3%
Хорватикъ	рс. сл.	рс.	рс. м.	62,8%	рс. [6])	м.	59,2%

Присутствіе русскихъ въ обоихъ подтверждается до Чёрнига включительно, въ настоящее время въ Гачавѣ оффиціально словацкое большинство, по Гнатюку „деякі старші

[1]) Етногр. Зб., XXV, стр. X.

[2]) Кромѣ Дюлай—уніаты здѣсь въ меньшинствѣ, но довольно значительномъ-46,7%—49,9%.

[3]) Наиболѣе рѣзкое измѣненіе вѣроисповѣдныхъ отношеній за послѣдніе 60 лѣтъ произошло въ селахъ Держъ и Пилишъ: въ первомъ количество уніатовъ съ 91,9% пало до 54,6%, во второмъ съ 67,1% возросло до 86,5%.

[4]) По Гёрёгу.

[5]) У Гнатюка, Русини Пряш. епархії Горвацік (стр. 46), у Чёрнига—Horvaczik.

[6]) Или русско-мадьярское.

люди говорять дещо ще по руснацьки"[1]), Хорватикъ же — мадьярское, по Гнатюку — словацко-мадьярское.

Гачава, какъ показываетъ ея прежнее названіе, употреблявшееся еще въ XVIII в.[2]), первоначально была нѣмецкимъ поселеніемъ[3]). Оно, съ перерывами, упоминается въ conscriptiones dicales въ XVI и XVII вв., Хорватикъ же возникъ лишь около 1696 г.: „Haec possessio noviter incoli coepit, habet terram sterilem"[4]). Славянскій элементъ, судя по именамъ крестьянъ, былъ въ нихъ уже въ концѣ XVII, въ началѣ XVIII в.[5]), русскіе, какъ утверждаетъ Бидерманъ, безъ указанія, однако, источника, поселились въ Гачавѣ около 1730 г., а потомъ проникли въ Хорватикъ[6]).

Въ обоихъ — уніатское большинство.

Иныя словацкія и мадьярскія сёла съ уніатскимъ нынѣ большинствомъ перечислены г. Томашівськимъ[7]).

5) Бачъ-Бодрогская столица.

Въ Среднемъ и Нижнемъ ея округахъ[8]), на сѣверо-западъ отъ Новаго Сада находятся русское село Керестуръ[9]) (Bács-Keresztúr, ранѣе N. Keresztúr) и сербско-русское Куцура[10]) (Kuczura).

Въ началѣ XVIII в. оба села были чисто-сербскими, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ имена крестьянъ въ переписяхъ 1715 и 1720 гг.[11]). Неизвѣстно, когда именно сербы вполнѣ или отчасти покинули эти сёла и куда удалились. Возможно, что это было связано съ подавленіемъ возстанія Пера Сегединца въ 1736 г.[12]), вѣроятнѣе же, съ выселеніемъ сербовъ въ Россію въ 1751—1753 гг. подъ начальствомъ

---

1) Op. cit., стр. 44.
2) См. Лексиконъ Корабинскаго.
3) Bidermann, Op. cit., I, стр. 11.
4) Conscr. dic. т. XLVI.
5) См. приложеніе.
6) Op. cit. I, стр. 70, пр. 1.
7) Етн. карта, стр. 216, пр. 3.
8) По Гёрёгу.
9) Или Кирестуръ.
10) Или Коцура, Коцуръ.
11) См. приложеніе. Урбаріальныхъ документовъ начала 70-хъ годовъ XVIII в., къ сожалѣнію, не сохранилось.
12) Переводъ С. Павловича книги Пико, Les Serbes de Hongrie, Срби у Угарскоj, Н. Сад, 1882, стр. 121—122.

сначала Хорвата и Тёкёли, потомъ Шевича и Прерадовича [1]).

Болѣе выясненъ вопросъ о времени русской колонизаціи, хотя далеко еще не достаточно.

По народнымъ преданіямъ обывателей Керестура, предки ихъ пришли сюда въ половинѣ XVIII в., сначала изъ Земплинской сто́лицы, а потомъ изъ Макова (Makó) [2]). Документальныя данныя это вполнѣ подтверждаютъ [3]).

Керестуръ былъ почти совершенно оставленъ сербами. Въ 1744 г. въ „пусту“ [4]) Керестуръ пришли первые русскіе колонисты изъ Земплинской сто́лицы и изъ Макова [5]). По другимъ даннымъ, Керестуръ колонизованъ въ 1748 г. [6]).

Хорватъ, основываясь на документахъ сто́личнаго архива, сообщаетъ, что поселеніе русскихъ относится къ 1751 г. [7]). Всѣ эти показанія, вѣроятно, одинаково справедливы. Керестуръ, какъ у Куцуру, наполнили новосёлы не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ, именно, 1744—1751 г. Въ 1763 г. въ Керестурѣ, „новомъ поселеніи“, уже находилось большое число русскихъ - уніатовъ [8]).

Куцура—и въ Лексиконѣ сербско-русская—хотя и опустѣла, но не всѣ сербы изъ нея выселились. Еще въ 1756 г. въ ней была сербская православная парохія, къ которой принадлежало 65 домовъ [9]). Заселеніе ея русскими (и мадьярскими) колонистами изъ Боршодской (къ нимъ могли при-

---

1) Op. cit., стр. 138—139.

2) Гнатюк, Руськи оселї въ Бачцї, стр. 5—6. Маковъ въ Чанадской ст. Присутствіе русскихъ въ мадьярскомъ Маковѣ отмѣчено Феньешемъ въ его Географіи: „Среди уніатовъ (10,2%) есть русскіе и румыны, говорящіе между собою этими языками“ (IV, стр. 147).

3) Bács-Bodrogh vármegye egyetemes monografiája“ (Общая монографія Бачъ-Бодрогской сто́лицы), Zombor, 1896. Выдержки переведены Šk въ его статьѣ „Odkial' sú „ruskí“ obyvatel'a báčskeho Keresztúra a Kocura?“ (Slov. Pohl'., XIX, 1899, стр. 555—557).

4) Puszta, praedium, какъ бы хуторъ, безъ постояннаго населенія или весьма малолюдный.

5) Bács-Bodrog monografiája, II, стр. 406.

6) Op. cit., II, стр. 198.

7) Horváth J., Bácska népesedése a török hodoltság után (Заселеніе Бачки послѣ турецкаго господства) въ A Bács-Bodrog megye történelmi társulat évkönyve (Ежегодникъ Бачъ-Бодрогскаго историческаго общества), Zombor, XXI, 1905, стр. 7.

8) Im J. 1763 — — die neue: Possesion Keresztúr fand (Hofkammerrath) Cothmann von unirten Ruthenen zahlreich bewohnt“ (Czoernig, Ethnographie, III, стр. 13).

9) Dudás, Szerb parochiák въ „A-Bács-Bodrog megye évkönyve“, VII, 1891, стр. 28.

мкнуть выходцы и изъ иныхъ мѣстностей) столицы первый разъ произошло въ 1765 г., вторично въ 1767 г., а, можетъ быть, и въ 1768 г. [1]).

Оставляя въ сторонѣ чисто лингвистическій вопросъ о языкѣ, которымъ теперь говорятъ Бачванскіе русскіе, и которымъ говорили ихъ предки въ XVIII в., мы не можемъ считать ихъ иначе, какъ русскими, какъ и сами они всегда себя считали и считаютъ, и каковыми они являются во всѣхъ показаніяхъ:

Названія.	л. [2])	Ф.		ч.	1900 г.	
		нар.	ун.		рс.	ун.
Керестуръ .	рс.	рс.	96,8%	срб. н.	94,7%	97%
Куцура . .	срб. рс.	рс. м. н.	75,3%	рс. н. м.	58,4%	59,1%

Куцура у Чёрнига—село съ преобладающимъ русскимъ населеніемъ [3]), въ Керестурѣ русскихъ совсѣмъ нѣтъ (!). Это тѣмъ страннѣе, что въ III т. Этнографіи упомянуто, что въ первой четверти XIX в. въ Бачкѣ было *два* русскихъ села [4]), какія именно, не сказано, но очевидно— Куцура и Керестуръ.

Въ послѣдствіи Куцура была совершенно оставлена сербами. „Тамошніе (с. Куцуры) сербове доразъ по пришествіи русиновъ, уляснувшеся отъ уніи, почали жилища своя опускати на толико, что 1776 года жадного серба ту уже не было, токмо русины съ мало мадьярами" [5]). Въ 1900 г. въ Куцурѣ на все населеніе *4090* душъ: русскихъ—2387, нѣм-

[1]) Bács—Bodrog monografiája, l. c.

[2]) У Корабинскаго Керестура нѣтъ, о народности населенія Куцуры ничего не сказано.

[3]) Etnographie; „In der Wojwodschaft liegt in der Bačka eine nicht unbeteutende Colonie ruthenische zu Kucura ——, in welcher aber auch noch deutsche u. magyarische Leute vernehmbar worden" (I, стр. 53).

[4]) III, стр. 147.

[5]) Вѣстникъ для русиновъ Австрійской державы, 1852, № 44 (цитата у Францева, Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси, 1901, стр. 45).

цевъ—1131, мадьяръ—528, *сербовъ—32*, словаковъ—11, иныхъ—1; уніатовъ—2400, православныхъ—14 [1]).

Такимъ образомъ, и относительно русскихъ острововъ на неславянской территоріи:

1) Показанія Лексикона такъ или иначе подтверждаются.

2) Потери, понесенныя русской народностью совершенно естественны.

3) Во всѣхъ почти сёлахъ, гдѣ жили русскіе, встрѣчаемъ значительное количество уніатовъ.

---

[1]) Въ Керестурѣ — всего 5098 душъ, изъ нихъ: русскихъ — 4826, мадьяръ—160, нѣмцевъ —70, словаковъ 6, сербовъ—6, хорватовъ—4, иныхъ—21; уніатовъ—4863, евреевъ—74.

V.

Русско-словацкая граница, русскіе, словацкіе и смѣшанные острова на русско-словацкой территоріи.

Несмотря на то, что пробудившійся интересъ къ угорской Руси вообще и къ русско-словацкой территоріи въ особенности вызвалъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ довольно значительную научную литературу [1]), весьма и весьма многое далеко еще не можетъ быть признано вполнѣ разъясненнымъ.

Прежде всего необходимо детальное ознакомленіе съ многочисленными угрорусскими и восточно-словацкими говорами отдѣльныхъ поселеній [2]). Какъ извѣстно, между угрорусскимъ и восточно-словацкимъ діалектомъ нѣтъ рѣзко очерченной границы [3]). Долговременное черезполосное сожитіе двухъ близ-

---

1) Францевъ, Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси (Рус. Филол. Вѣстникъ, XLV, 1900), Томашівський, Етн. карта угорськ. Руси.

2) Брохъ, Нарѣчіе Убли: „Объ угрорусскомъ языкѣ той мѣстности и группы, къ которымъ принадлежитъ и Убльскій говоръ, нужно сказать, что онъ распадается на весьма много нарѣчій и говоровъ, чуть ли не столько же, сколько встрѣчается сёлъ“ (стр. 70). Это справедливо и относительно всей территоріи. Гнатюк, Русини Пряш. епархії: „Крім тих двох головних говорів (чисто—руснацький и чисто—словенський—шаришський) є в Пряшівській епархії ще цілий ряд иньших, що почавши від чистого руснацького змінюють ся крок за кроком втягаючи в себе що раз більше чужих елементів, а затрачуючи свої власні, аж стают в кінци подібними,—бодай на вид—більше на словацькі говори, ніж на руські“ (стр. 48). См. также иные труды Гнатюка, Верхратскаго и Цамбеля.

3) Broch, Studien: „Wie zu erwarten war, lassen sich die Grenzen zwischen je zwei Dialecten oder Sprachen der beschriebenen Gegend nicht durch eine einfache Linie darstellen.— —Man bekommt— —Gegenden, wo in denselben Dörfern zwei Sprachen neben einander gesprochen werden, d. h. Mischgebiete.— —Man wird also ausser reinen— —Gebieten auch die gemischten vorfinden, gemischt magyarisch und slovakisch (cotakisch), gemischt slovakisch (cotakisch) und kleinrussisch, gemischt kleinrussisch und magyarisch“ (стр. 9—10). Томашівський, Етн. карта: „Оба сусїдні

кихъ славянскихъ народностей должно было привести и привело къ возникновенію говоровъ переходныхъ, говоровъ, въ той или иной степени, какъ „механически“, такъ и „химически“, смѣшанныхъ [1]).

Затѣмъ стоитъ на очереди разрѣшеніе исторической задачи: какой именно діалектъ составлялъ первоначальную основу того или иного говора, и подъ какимъ именно вліяніемъ выработались современныя особенности говора.

Во-первыхъ, слѣдуетъ прибѣгнуть къ тщательному физіологическому изученію звуковъ [2]), произношеніе которыхъ, какъ зависящее отъ физическаго устройства [3]) и положенія органовъ артикуляціи [4]), и при смѣнѣ поколѣній, иногда долгое время даетъ возможность распознать діалектъ, которымъ первоначально говорили предки лицъ, употребляющихъ въ настоящее время данный говоръ [5]).

племена стикають ся зі собою без рішучої межі, але на великім просторі мішають ся обі народности, витворюючи навить тим способом перехідну язикову полосу“ (стр. 199—200). Одинокимъ остается заявленіе проф. Пастрнка по поводу изданныхъ Гнатюкомъ (Етн. мат., I) русскихъ текстовъ изъ села Збой Земплинской т.: Jest zajisté velice pozoru hodno, že ruská řeč lidová v nejbližším sousedství slovenském tak ostře se odlišuje, že nemožno dosud mluviti o žadnem nářečí přechodném“ (Listy filol., XXV, 1898, стр. 154). Но дѣло то въ томъ, что Збой лежитъ совсѣмъ не на границѣ словацкой территоріи, а далеко отъ нея, на границѣ Галичины.

1) Broch, Op. cit.: „Um ein Bild anzuwenden, könnte man vorweg sagen: während die früher erwähnten Mischungen (см. предш. прим.) nur „mechanis h“ sind, stehen wir bei dem Sotakischen von einer „chemischen“ Mischung“ (стр. 11).

2) Какъ это мы имѣемъ въ изслѣдованіяхъ проф. Броха.

3) Hirt, Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur (Strassburg, 1905), правда, это отрицаетъ: „Die Vermutung, dass in den Sprachorganen verschiedener Menschenrassen oder Völker Unterschiede bestehen, die notwendig zu verschiedener Aussprache führen müssten, hat sich noch nicht bewahrheitet und wird sich wahrscheinlich auch nie als richtig erweisen lassen“ (I, стр. 7).

4) Брохъ, Нарѣчіе Убли: „Параллельность этихъ особенныхъ оттѣнковъ гласныхъ, по моему, даетъ право заключать *объ особенномъ положеніи въ Угрорусскомъ нарѣчіи языка* (Zungenlage) при артикуляціи извѣстныхъ гласныхъ, по крайней мѣрѣ въ бо́льшихъ частяхъ нарѣчія, а вѣроятно (и) по всему его пространству.— —*Особенное, болѣе низкое (напряженное) положеніе языка, свойственное въ Угрорусскомъ, по крайней мѣрѣ въ бо́льшихъ частяхъ его извѣстнымъ гласнымъ вообще*, въ Убльскомъ говорѣ существуетъ только въ ударяемыхъ слогахъ.— —(Этотъ послѣдній принципъ) Убльскаго говора— —считаю я новоразвитымъ, а при томъ не безвѣроятно, что его слѣдуетъ относить насчетъ вліянія Словацкаго“ (стр. 72—73). См. также его Weitere Studien, стр. 89 и 101.

5) Czambel, Slovenská reč: „Rusi, ktorí sa poslovenčujú, nie razom prijmú všetky známky slovenčiny.— —V gen. zámen a pridavných m.—*oho* usilujú sa vyslovovat'—*eho*, čo sa im dosť ťažko darí, lebo miesto *e* v—*eho* počuť neisté artikulovanie zvuku na všetkých možných stupňoch medzi *o* i

Во-вторыхъ, необходимо обратиться къ письменнымъ памятникамъ прошлаго времени, отражающимъ черты народ-

---

е.— —Usilujú sa hovorit' v lokáli: *s paňu*, ale to im tiež ide t'ažko" (стр 131). „Skumatel' všade zistí, že obce ruské a pol'ské ešte dlho po úplnom zoslovenčení zachovajú v svojom hláskosloví stopy svojej pôvodnej výslovnosti rúskej alebo pol'skej (слѣдуютъ примѣры). Rusa i Poliaka, ktorý sa naučil po východnoslovensky, môžeš poznat' pri jednotlivých, v pospolitosti zriedka obichajúcich slovách, aj v tret'om aj v dalšom pokolení" (стр. 29). Broch, Weitere Studien: „Wenn man das ω des Korumlya-Dialekts entrundet, so bekommt man das dem Ugrorussischen eigenthümliche Y: öffnen wir die Lippen des Korumlya-Sotaken, so entpuppt sich geradezu der Rusnake" (стр. 83). „Sehr wahrscheinlich hat ein grosser Theil der jetzt „ostslovakisch" Redenden einst ugrorussisch gesprochen. Auch ist es nicht unwahrscheinlich, dass eine genaue sprachliche Untersuchung uns sichere Merkmale an die Hand geben dürfte, wie weit über jetzige ostslovakische Sprachgrenze hinaus der ursprünglich russisch redende Slavenstamm in Ungarn ausgebreitet war" (стр. 103—104). Ср. Записки о. А. Духновича 1861 г.: „Русинъ на Угорщинѣ— —сущій между сотаками сей часъ цокаетъ, однакожъ сей часъ *продается черезъ народное и ему природное ц*, и такъ отъ чужихъ прото высмѣваемъ бываетъ" (Свѣнцицкій, Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси, Львовъ, 1909, стр. 119). См. также И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Резья и Резьяне: „Мною изслѣдована группа Крайно-Словенскихъ говоровъ, развившихся въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ прежде, болѣе или менѣе 50—60 л. назадъ, жили исключительно нѣмцы, теперь же сыновья и внуки этихъ нѣмцевъ— —говорятъ исключительно по Крайно-Словенски. Но теперешніе Крайно-Словенскіе говоры, свойственные этимъ ославянившимся нѣмцамъ, не смотря на весь свой славянскій строй и составъ, *въ высокой степени отражаютъ въ себѣ особенности южно-нѣмецкой фонетики.*— —Языкъ ославянившихся нѣмцевъ— —дѣлаетъ впечатлѣніе славянскаго языка въ устахъ нѣмцевъ" (Слав. Сборникъ, III, 1876, стр. 335). См. о томъ же говорѣ статью его же „О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ" (Ж. М. Н. Пр., 1901, IX): „Слышанный на извѣстномъ разстояніи, этотъ говоръ производилъ впечатлѣніе говора нѣмецкаго—до такой степени кажется нѣмецкою его фонетика" (стр. 20). Pastrnek, рецензія на Weitere Studien проф. Броха (Listy filol., XXVI, 1899): „(Havířské) obce (okolí Kremnického) byly namnoze založeny německými kolonisty a jsou dnes částečně poslovenštěny. První dojem nářečí těchto Slováků— —je ten, jakoby mluvili svým původnim nářečím německým, pro toho, kdo zná jen spisovnou řeč německou, bezmala nesrozumitelným. Tak protahují a zvláštním spůsobem akcentují tito někdejší Němcisvou nynější řeč slovenskou" (стр. 304). См. также Hirt, Die Indogermanen, I, стр. 123. Гнатюкъ (Русини Пряш. епархії, Руські оселї въ Бачці, Словаки чи Русини?) считаетъ „Словяковъ" (т. е. употребляющихъ восточно-словацкіе, болѣе или менѣе смѣшанные съ русскими элементами говоры)—русскими. Одно изъ его доказательствъ—невозможность и для „Словяковъ" и для „Руснаковъ" произнести словацкіе гласные l и r (странно, что имъ упущено изъ виду еще общее языку тѣхъ и другихъ отсутствіе долготы гласныхъ).

Коренная ошибка Гнатюка—смѣшеніе вопроса о *современномъ языкѣ* „Словяковъ" съ вопросами объ ихъ *народности* и объ ихъ *происхожденіи.* Мнѣніе его, что *всѣ* „Словяки" русскаго происхожденія представляется г. Томашівському весьма рискованнымъ (Русини в сьвітлї мад. уряд. статистики, стр. 24, пр. 4), Цамбель (Op. cit.) признаетъ мнѣніе Гнатюка справедливымъ *только* относительно „словяковъ"—*уніатовъ*: „Je to, pravda, náhl'ad svojou podstatou neoprávnený, nakol'ko sa pot'ahuje na veškerenstvo obyvatel'ov východnoslovenského územia užšieho, ale čo sa tyče gr.-katolickej čiastky obyvatel'stva tóho územia—ospravedlnený" (стр. 179; ср. также стр. 146). Но, если это такъ, тогда невольно являются вопросы: 1) всегда ли „словяки"—католики и лютеране *нынѣ*—были таковыми и *въ*

ныхъ говоровъ, какъ это намѣчено Цамбелемъ, разсмотрѣвшимъ языкъ одной грамоты XV в. изъ сѣверной части Шаришской столицы [1]. Къ сожалѣнію, еще очень мало сдѣлано для собиранія подобныхъ памятниковъ [2].

Но одно лингвистическое изслѣдованіе не можетъ имѣть окончательнаго, рѣшающаго значенія. Оно должно быть соединено съ детальнымъ ознакомленіемъ съ мѣстной исторіей, которое выяснитъ, какая народность первоначально занимала тѣ или другія поселенія, какія измѣненія—и часто многократно—вносила позднѣйшая эмиграція и иммиграція. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить и на смѣну вѣроисповѣданій, о чёмъ, конечно, распространяться нечего.

Отчасти кое-что сдѣлано или хоть указано на необходимость такого рода изученія въ трудахъ Бидермана, Мишика, Цамбеля, Томашівськаго [3] и др.

Но и всего этого недостаточно для разрѣшенія вопроса о словацко-русской границѣ. Языкъ, составляя одинъ изъ главныхъ признаковъ народности, не можетъ быть, однако, единственнымъ критеріемъ [4]. Должно принимать въ расчетъ и антропологическій типъ, и народный бытъ въ его разнообразныхъ проявленіяхъ, и вѣроисповѣданіе, и, наконецъ, народное самоопредѣленіе.

„Для рѣшенія неясныхъ и неизслѣдованныхъ важныхъ историко-этнологическихъ вопросовъ о сѣверо-западной части первоначальной области угорской Руси— —объ архитектурномъ

прошлыя столѣтія? Не была ли хоть часть ихъ уніатами, а ранѣе православными (т. е., по Цамбелю—русскими)? Тотъ же самый вопросъ, но наоборотъ, возникаетъ относительно предковъ нынѣшнихъ „словяковъ“—уніатовъ). 2) Если „словяки“—католики и лютеране—по происхожденію *словаки*, а „словяки“—уніаты—*русскіе*, то неужели разница въ *происхожденіи* не отразилась нисколько на ихъ *рѣчи*. Думаемъ, что спеціалистамъ слѣдуетъ до нѣкоторой степени остановиться на этихъ вопросахъ.

[1]) Op. cit, стр. 180—181.

[2]) См. Мат. IV, стр. 46—48.

[3]) Ср. Томашівський, Етн. карта: „Без історичного прослїдження руської і словацької колонїзації та релїгійних обставин у минувшинї—трудно говорити про докладне розмежованнє Русинів і Словаків“ (стр. 200 см. также ib., стр. 222).

[4]) Ср. Broch, Aus d. ungar. Slavenwelt: „Man muss sich in den Gegenden, von denen wir reden, immer klar vor Augen halten, dass die Sprache mit der eigentlichen Nationalität nicht zu verwechseln ist“ (стр. 57). См. также Hirt, Die Indogermanen: „Die Sprache ist, das brauchen wir kaum noch weiter auszuführen, wir stehen damit aber im striktesten Gegensatz zu den Anschaungen vor dreissig, vierzig Jahren, nicht für eine Rasse charakteristisch und ebensowenig wenig für ein Volk“ (I, стр. 9). См. выше, стр. 13—16.

типѣ старѣйшихъ въ ней церквей и пр., о постройкахъ и жилищахъ угроруссовъ съ ихъ домашнею обстановкою, о народныхъ костюмахъ, вышивкахъ и узорахъ, наконецъ о вліяніяхъ на угроруссовъ, сверхъ словаковъ, еще чеховъ и нѣмцевъ, румынъ, половцевъ (куманъ) и мадьяръ—нужно избрать болѣе сложный и болѣе научный путь, чѣмъ былъ предложенъ Шафарикомъ и Нидерле. Этотъ путь былъ недавно отчасти намѣченъ венгерскимъ ученымъ г. Цамбелемъ и еще раньше Н. И. Надеждинымъ и много лѣтъ спустя послѣ него А. Л. Петровымъ, въ Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ" [1]).

Безъ спеціальнаго научнаго изученія на мѣстѣ, съ одной стороны, и безъ архивныхъ разысканій—съ другой, сложныя этнографическія отношенія сѣверо-восточныхъ столицъ Угріи не могутъ быть вполнѣ правильно освѣщены. „В тій цїли треба передусїм перевести докладну критику дотеперішнїх праць і жерел, а заразомъ узятись до безпосередного збирання матеріялів *підчас систематично ведених наукових екскурсій*" [2]).

Тѣмъ не менѣе, и въ настоящее уже время можно считать окончательно разъясненной одну сторону дѣла, а именно: въ какомъ направленіи развивался и развивается русско-словацкій національный процессъ. Въ виду важности ея для нашей цѣли, считаемъ нелишнимъ привести in extenso заявленія компетентныхъ въ означенномъ вопросѣ лицъ.

Еще въ 1891 г. мы говорили: „Въ массахъ простого словацкаго народа живетъ безсознательное упорство въ удержаніи національности. Такое упорство, въ соединеніи съ подвижностью словаковъ, съ ихъ способностью къ колонизаціи, плодовитостью и энергіей, дѣлаетъ словаковъ опасными для сосѣднихъ народовъ. И это давно уже замѣчено. Въ XVIII в. М. Бель въ своемъ: „Notitia comitatus Zempliniensis" пишетъ: „Quemadmodum deficiunt Hungari, ita Slavi proficiunt, etsi non tam opibus, quam colonia. Vix unum vicum videas sine Slavis" [3]).

---

[1]) А. С. Будиловичъ, Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ угорской Руси (Жив. Старина, XIII, 1903, стр. 275).

[2]) Томашівський, Русини в світлї мад. уряд. статистики, стр. 2.

[3]) Въ томъ же сочиненіи М. Бель такъ говоритъ объ ословаченіи мадьяръ: „Dici——nequit, quantopere natio Hungarica deficiat. Nam vel migrant, sedibus Slavis relictis, antequam aequum rehabeant, quem eis dederant olim

Фейеръ, въ мадьярскомъ переводѣ словаря Гюбнера, подъ словомъ Magyarország [3]), восклицаетъ: „Горе мадьярскому или нѣмецкому селу, гдѣ когда-нибудь поселятся словаки, ибо они совершенно вытѣснятъ оттуда другія народности". Чапловичъ, признавая вѣрность этихъ словъ Фейера, прибавляетъ: „Со дня на день увеличивается число словаковъ, ибо мадьяры, равно какъ и нѣмцы, русскіе, сербы, охотно усвояютъ себѣ языкъ словацкій" [1]).

Цѣлый рядъ авторовъ подтверждаетъ фактъ распространенія словацкаго языка и народности въ ущербъ русской.

Такъ, Бидерманъ считаетъ словаковъ Земплинской и Шаришской столицы ословаченными русскими или какими-то ближайшими къ нимъ славянами. Ословаченіе ихъ онъ приписываетъ, однако, не столько словацкой колонизаціи съ запада, что представлялось бы самымъ естественнымъ, сколько сожитію съ чехами-гуситами; съ этимъ, конечно, согласиться нельзя: „Мнѣ думается, что такъ называемые словаки Земплинской и Шаришской столицъ, за исключеніемъ доказанно переселившихся сюда изъ Словачины, имѣютъ съ настоящими словаками общаго лишь отблескъ (Abglanz) чехизма, обусловленный продолжительной совмѣстной жизнью ихъ предковъ съ чешскими гуситами.——До проникновенія чешской стихіи и соединеннаго съ этимъ отпаденія отъ православія жившіе на Топлѣ и Ондавѣ славяне—насколько они сами не были русскими—все же стояли ближе къ послѣднимъ, какъ своимъ сосѣдямъ и ближайшимъ родичамъ. Поэтому-то я и говорю въ 1-й части [2])

---

pro eisdem, vel si manent et cohabitant, non propagantur. Quum aliis ternam quaternamque et senam prolem videas, Hungaris vix singula binaque est. Eadem quoque societate Slavorum non in mores eorum modo, sed linguam transit, majoribusque sensim morientibus ipsa paulatim in Slavos degenerat. Sed et seniores qui sunt, olim linguae ejus ignari, nunc Slavice ita multi sermocinantur, tamquam Slavi nati esse viderentur. Neque aliud retinent a sua gente, quam quod et ipsi adhuc linguam illius callent et vestitu pari incedunt, quamvis et hunc sensim commutent cum moribus, quos noviter induunt, nullum jam discrimen inter Hungaros et Slavos dispicias, sive connubia spectes, sive consuetudines alias, quamquam illi semper heroico quodam et facilioris vitae desiderio spirituque elatiore distingui ab his nitantur".

[1]) Мат. IV, стр. 8—9.

[2]) „Die Slovakisirten Ruthenen (столицъ Земплинской, Шаришской Спишской) bilden den Uebergang zu den Slovaken. Sie sind ein Gemisch einheimischer und zugewanderter Slaven und haben dort, wo sie mit den Magyaren zusammengrenzen, auch von diesen manches in sich aufgenommen. Doch überwiegt noch in ihnen das ruthenische Element" (I, стр. 91).

объ ословаченныхъ русскихъ, а не объ обрусѣвшихъ словакахъ“ [1]).

Даже у русскихъ галичанъ наблюдается склонность подражать словакамъ и считать все словацкое чѣмъ-то высшимъ. Такъ, Головацкій [2]) замѣчаетъ о галицкихъ лемкахъ: „Лемко не роднится съ мазуромъ, не перенимаетъ отъ него ничего, ни платья, ни обычаевъ. Напротивъ того, онъ охотно сообщается со словаками, легко привыкаетъ къ словацкой рѣчи, любитъ иногда похвастать знаніемъ словацкаго нарѣчія, которое даже считаетъ чѣмъ то лучшимъ и высшимъ своего родного. Побывавъ на заработкахъ или въ услуженіи за Бескидомъ, парни и дѣвки перенимаютъ словацкую рѣчь и часто перемѣняютъ свои имена: Настка, Феня, Парася — на словацкія: Анница, Катица или Марця“ [3]).

„Тѣмъ сильнѣе должно быть словацкое вліяніе на угорской Руси при непосредственномъ сношеніи и перекрещиваніи угроруссовъ и словаковъ. Процессъ распространенія словацкой народности въ ущербъ мадьярамъ задерживается теперь искусственными мѣрами. Русско-словацкія отношенія предоставлены своему естественному теченію“ [4]).

„V najnovších časoch jednotliví skúmatelia vystihli skutočnosť, že na tomto (východnoslovenskom) území všetky iné

---

[1]) II, стр. 81—82. А. С. Будиловичъ, въ статьѣ „Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ угорской Руси“, даетъ такой отзывъ о трудѣ Бидермана: „Это—очень солидное сочиненіе; замѣчанія Бидермана заслуживаютъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что они явились результатомъ очень детальнаго изученія угрорусской исторіи, въ изложеніи разныхъ моментовъ которой имѣется у него подробная мотивировка приведеннаго заключенія“ (стр. 273 и 274).

[2]) Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, I, 1878, стр. 743.

[3]) Любопытно наблюденіе о. Митика (Akej viery sú Slováci): „Nemám síce v rukách výkazy úradnej štatistiky, no môžem uisťovať z mnohoročnej zkusenosti, že pomerne dosť vysoký percent slovenských dievčat a vdov vydáva sa za ruských pholkov a kočišov, s ktorymi sa v službe oboznámily. Deti z takého manželstva pošlé su potom obyčajne gr.-kat. náboženstva, ako otec, a keď tento osadí sa vo svojom rodisku, kde sú vo väčšine Rusí, „obruseju“. — — To samé, lenže, pravda, v menšej miere platí o Slovákoch; lebo i títo assimilujú si Rusov cestou manželských sňatkov tam, kde niet ruskej cerkvi a školy, ačkol'vek se pomerne vel'mi málo čel'ade slovenskej, ktorá by u Rusov hl'adala službu a zamestnanie. Len vel'mi zriedka stáva sa, že by si mládenec slovenský pojal za ženu Rusku“ (Slov. Pohl', XV, 1895, стр. 571).

[4]) Мат. IV. стр. 9. Ср. Broch, Studien: „Man kann ausgezeichnete Skizzen von den wogenden, auflösenden Bewegung entlang einer Völkergrenze gewinnen, wo keine Staatsmacht im Hintergrunde steht, wo also die relativ höhere Kultur das entscheidende Gewicht in der Wageschale werden muss (Slovaken—Kleinrussen)“ (стр. 3). Объ этой „высшей культурѣ“ скажемъ въ дальнѣйшемъ.

národnosti, čo do reči, premáha vo vrstvách l'udu reč slovenská" [1]). „Stačí nam vedet' uplatňujúcu sa na tomto území skutočnost', že Poliaci, Rusi u Nemci východnoslovenského územia učia sa usilovne po východnoslovensky, nie z lásky k slovenskej reči, ani nie preto, že by ona mala dajaké výsady, ale zo životnej potreby" [2]).

Угроруссы предпочитаютъ словацкую рѣчь русской, считаютъ первую какъ бы высшей, „файнѣйшей", господской.

„Что вліяніе словацкаго на сосѣднія угро-русскія нарѣчія сильно, это легко понятно тому, кто посѣтилъ эти мѣстности. Безъ сомнѣнія, словаки вообще въ культурномъ отношеніи пошли нѣсколько дальше угроруссовъ, при томъ ихъ племя, можетъ быть, подъ вліяніемъ культуры, вообще болѣе энергично. Вслѣдствіе безсознательнаго убѣжденія въ этомъ и появилось у угроруссовъ понятіе, что говорить по-словацки или же вмѣшивать словацкія формы и выраженія въ свою рѣчь есть признакъ утонченности и образованности. По словамъ какъ Репай'я [3]), такъ и священниковъ, особенно склонны говорить по словацки возвращающіеся изъ военной службы. Но и у простаго, работающаго въ селѣ крестьянина замѣчается эта склонность, несмотря на сопротивленіе сельскихъ традицій" [4]).

„Zwar dringt die Co-Sprache bisweilen mit einzelnen jungen Individuen ein; sowohl die, die ihre Militärpflicht abgeleistet, wie diejenigen, die in Amerika gearbeitet haben und von dort zurückkehren, sprechen gewöhnlich eine Zeitlang die Co-Sprache; sie vergessen sie aber meistentheils wieder und kommen auf die „alte" Sprache zurück; noch ist also das Sonderleben der Sprache kräftig genug um sich zu behaupten. Aber „die Co-Sprache wird kommen", meinte Herr Monics; „denn sie (die Cotaken) sind zahlreicher und deshalb lachen sie diejenigen, die anders sprechen, aus". Es ist somit ein Gefühl der Schwäche, wodurch das Aufgeben der eigenen Sprache bedingt wird. Die kulturelle Ueberlegenheit der westlichen Nachbarn ist bei den Leuten anerkannt, und die theilweise oder völlige Aufgabe

---

[1]) Czambel, Op. cit., стр. 20.

[2]) Ib., стр. 61.

[3]) Изъ с. Убли Земплинской ст., рѣчь котораго и была предметомъ изученія проф. Броха.

[4]) Брохъ, Нарѣчіе Убли, стр. 73—74.

der angeborenen Sprache ist wie eine naturgemässe Entwickelung, der niemand Widerstand leistet“ [1]).

„Vznikol u pospolitého ludu názor, že je reč slovenská—reč panská, v srovnaní s pol'skou alebo s ruskou vznešenejšia, „fajnejšia“, aby sa vyslovil ich vlastným výrazom“ [2]).

Ограничимся этими цитатами [3]).

Сознаніе своей относительной слабости видно и изъ того, что русскіе (и поляки) стыдятся своего языка, охотно выдають себя за словаковъ [4]), точно также, какъ и исповѣдники „русской“ вѣры, уніаты, свое привѣтствіе „Слава Исусу Христу“ замѣняютъ католическимъ: „Pochvalen Iežiš Kristus“ [5]).

Причины такого перевѣса словацкой рѣчи наиболѣе обстоятельно выяснены Цамбелемъ [6]): „Z čoho sa počal výboj (slovenskej reči)? Ja sa nazdávam, že sa počal zo zemopisného položenia. Slováci východnoslovenského územia užšieho bývali tak, že sa od prirody stali prostredkovatel'mi medzi Poliakmi a Rusmi (medzi západom a východom územia), medzi Poliakmi a Mad'armi, jako aj medzi Rusmi a Mad'armi (medzi polnocou a poludním územia) [7]). Okrem toho slovenčina vyznamenávala sa tým, že v celých horných Uhrách mala silné úzadie. Po-

---

1) Broch, Weitere Studien, стр. 102—103.

2) Czambel, Op. cit., стр. 183.

3) См. Mišík, Akej viery sú Slováci (Slov. Pohl'. XV, 1895, стр. 566, 568, 570, 574, 624, 627); Ešte dakol'ko slovk „Národopisnej mappe uhorských Slovákov“ (Ib., XXIII, 1903, стр. 479); Pastrnek, рецензія на Гнатюка, Етноґр. материяли (Listy filolog., XXV, 1898, стр. 154—155); Z nejvychodnějších nářečí uherskoslovenských (Národop. Sborník, III, 1898, стр. 65); Rusíni jazyka slovenského (Статьи по славяновѣдѣнію, II, 1906, стр. 68, 73); Czambel, Slovenská reč (стр. 87, 121, 131, 147, 180, 182—185); Томашівський, Русини въ сьвітлї мад. уряд. статистики (Зап. Шевч. LVI, 1903, стр. 13, 30, 32); Етн. карта (стр. 201, пр. 1, 202 и пр. 3, 204, 207) и т. д.

4) Czambel, Slovenská reč: „Len Poliaci a Rusi sa hanbia za svoju reč“ (стр. 129); „Uhorský Rus — — rád bere na seba aj plášt' slovenskej národnosti, t. j. nejedon Rus povie: ja Sloviak“ (стр. 77, пр.): „V dedinách Poliaci alebo Rusi (radi sa dávajú popisat') za Slovákov“ (стр. 57); „Obyvatelia (ruskych obcí) vel'a raz sami stoja o to, aby boli popisaní za Slovákov“ (стр. 75). То же самое замѣчается и на Дольней землѣ среди румынъ. Гнатюкъ, говоря о селѣ Nyír-Acsád, Сабольчской ст. (Етноґр. материяли з Угорськоі Руси) замѣчаетъ: „Значна частина Русинів зденаціоналїзувала ся, особливо молодїж, яка говорить уже виключно по румынськи, бо по руськи говорити вважаеть ся стидомъ“ (Етноґр. Збірник, XXV, 1909, стр. X).

5) Czambel, Op. cit., стр. 146.

6) Op. cit., стр. 182—185.

7) Ср. также Op. cit: „Okolnosti za sto a sto rokov utvorily sa tak na východnoslovenskom území širšom, že vychodná reč slovenská stala sa prostredkovacou medzi živúcim tam rôznorodym obyvatel'stvom“ (стр. 61).

liak alebo Rus východoslovenského územia, naučiac sa po slovensky, ziskal si tedy spôsobnost' potýkat' sa po celom území východoslovenskom, ba aj po celom hornom Uhorsku. Pred 500 rokmi a dávnejšie, k d' nebolo železníc, bola to ohromná výhoda. Ale vedenie slovenčiny po istú mieru poskytovalo výpomoc aj pomedzi Mad'arov, lebo slovenských osadníkov našli ste všade.... a hlavne pomedzi Mad'arov.

Oporami východoslovenského výboja rečového sú:

1) Láska panskej vrstvy ku slovenčine, jakej nemá ani ku pol'štine ani k ruštine. Že sa ta láska vyvinula, to je pravdepodobne zasluhou tej zemopisnej okolnosti, o ktorej je reč v predchádzájúcom §-e, a ktorá poist'uje slovenčine prednost' pred pol'skou a ruskou rečou v Uhorsku. Teraz nám nech postačí vedet, že sme dosial' oprávnení hovorit o láske panskej vrstvy ku východnej slovenčine [1]. Páni, i statkárske rodiny, radi rozprávajú po slovensky „po našim", „a mi tótnyelvünkön". Anekdoty sa rozprávajú temer výlučne po slovensky, aj političné (слѣдуютъ примѣры). Páni východoslovenskeho územia nielen že radi vyprávajú po slovensky, ale aj veršujú [2]. Páni východoslovenského územia dosial' neprestáli vynášat reč slovenskú nad reč pol'sku a ruskú. S Poliakmi a s Rusmi rozprávajú výlučne po slovensky, lebo v rodinách, v ktorých chcú, aby deti vedely aj po slovansky, berú k det'om len Slovenky, nikdy nie Pol'ku alebo Rusku. Z tejto vyvýšenosti slovenskej reči panskými rodmi zpomedzi slovanských reči opisovaného územia, vznikol u pospolitého l'udu názor, že je reč slovenská—reč panská— —.

Добавимъ, что въ XVIII в. словацкій языкъ даже правительствомъ считался какъ бы оффиціальнымъ четвертымъ языкомъ послѣ латинскаго, мадьярскаго и нѣмецкаго [3]).

3) Spoločenské predsudky. Na celom užšom území východnoslovenskej reči vysmievajú sa z l'udi, ktorí, hovoriac po slovansky, nehovoria tak, ako miestní alebo okolití Slováci (примѣры). Tento zjav je všeobecny a šírí sa shora. V prvom rade sú to páni a počitajúci sa k nim, ktorí vysmievajú

---

[1]) Cp. Szirmay, Hungaria in parabolis, стр. 85—86, гдѣ авторъ въ стихахъ перечисляетъ дворянскія фамиліи словацкаго происхожденія (болѣе 100) и заканчиваетъ перечень словами: „tito vseci dobre Vedga po szlovenszky".

[2]) См. подобныя стихотворенія въ Slovenské Pohl'ady разныхъ годовъ.

[3]) См. выше о возникновеніи Лексикона и наши Мат. V.

Poliakov a Rusov východnoslovenského územia, vidiac v nich „Slovákov“ a nevediac im odpustit’, že nerozprávajú po slovensky jako druhí l’udia. Vysmevami neušetria ani kňazov a učitel’ov ruských (примѣры). „Rusnaka“ naveky vysmejú v meste, hoc by sa jakokol’vek zachoval. Tým si vysvetlúj, že sa Poliaci a Rusi hanbia za svoju rec, a že sa všemožne usilujú svoj pôvod zakrývat’. Poliaci a Rusi, ktorí chodia „do sveta“, alebo aspoň do mesta, vedia aj po slovensky. Nielen na území užšom, ale aj poza jeho hranice. Ba aj v celých dedinách, ktoré sú blízke hranici, obyčajne vedia l’udia aj po slovensky“.

Все это, несомнѣнно, совершенно справедливо.

Проф. Брохъ указываетъ еще на высшую культуру словаковъ, что, де, сознается и самими угроруссами [1]). Признавая полную компетентность проф. Броха въ лингвистическихъ вопросахъ, мы совершенно не считаемъ его сколько нибудь авторитетнымъ относительно бытовыхъ явленій русско-словацкой жизни.

Проф. Брохъ на короткое время весною 1895 г. пріѣзжалъ въ восточную Угрію [2]), заглянулъ не надолго въ с. Ублю [3]), преимущественно же проживалъ въ Унгварѣ, изучая говоры изъ устъ учащейся тамъ молодежи, уроженцевъ нѣкоторыхъ сёлъ Земплинской и Унгварской столицъ [4]).

Мы же полагаемъ, что мужикъ „словякъ“ ни въ какомъ отношеніи не выше своего сосѣда, бокъ о бокъ съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ живущаго мужика „руснака“. Бидерманъ, долго пробывшій въ восточной Угріи, считаетъ „ословаченныхъ русскихъ“, т. е. „словяковъ“, по крайней мѣрѣ горныхъ частей Земплинской и Шаришской столицъ, ниже коренныхъ угроруссовъ даже въ физическомъ отношеніи: „Въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ стоятъ они (die slovakisirten Ruthenen) между угроруссами всего ниже. Костякъ у нихъ слабо развитъ, мускулатура вялая, цвѣтъ лица бо́льшею частью поблеклый, ноги искривленныя. Ростъ низкій. Туловище какое-то вздутое, истощенное, слабосильное. Живости, свойственной „долишнянамъ“ [5])

---

[1]) См. выше, стр. 102, пр. 4 пр. и стр. 103. Ср. также Czambel, Op. cit., стр. 147.
[2]) Нарѣчіе Убли, стр. 71 и 72, Studien, стр. 3 и 5.
[3]) Нарѣчіе Убли, стр. 1.
[4]) Нарѣчіе Убли, стр. 1; Studien, стр. 13—14; Weitere Studien, стр. 5.
[5]) Угроруссы на Дольней землѣ и спускающихся къ ней пологихъ склонахъ Карпатъ.

у нихъ нѣтъ и слѣда. Лишенные энергіи родители воспитываютъ въ томъ же духѣ дѣтей, пріучая ихъ къ равнодушію и къ апатичному настроенію, которое въ ихъ глазахъ составляетъ счастье человѣческой жизни" [1]. Цитируя Бидермана, А. С. Будиловичъ [2]) справедливо, прибавляетъ: „Конечно, причиною указаннаго здѣсь вырожденія надо считать не столько словенскую примѣсь въ русской крови, сколько тяжелыя соціально-экономическія условія жизни въ этой части угрорусскаго племени" [3]).

Однако, тѣже условія не произвели столь вреднаго вліянія на угроруссовъ коренныхъ. По словамъ Бидермана: „Гдѣ русскій элементъ беретъ верхъ, какъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ горныхъ мѣстностяхъ Бардѣевскаго и Свидницкаго округовъ, населеніе почти сплошь обладаетъ болѣе пріятной внѣшностью и живостью характера" [4]). Иначе отзывается Бидерманъ о „словякахъ" южныхъ, болѣе ровныхъ полосъ южнаго Прикарпатья: „Въ южныхъ частяхъ Земплинской и Абауйварской стóлицъ, а также въ колоніяхъ „ословаченныхъ русскихъ" господствуетъ, за рѣдкими исключеніями, иной, болѣе живой темпераментъ и бóльшая духовная подвижность" [5]). Но и живущіе въ подобныхъ полосахъ угроруссы — „долишняне" нисколько не уступаютъ „словякамъ", если даже не превосходятъ ихъ [6]).

Такимъ образомъ, мы считаемъ совершенно невозможнымъ говорить о непосредственномъ вліяніи на угроруссовъ „словяковъ", какъ болѣе высокаго культурнаго элемента.

---

[1]) I, стр. 91—92.

[2]) Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ угорской Руси (Жив. Старина, XIII, 1903).

[3]) Стр. 275.

[4]) I, стр. 92. См. также у него характеристику русскихъ верховинцевъ стóлицъ Мараморошской, Бережской и Унгварской, ib. стр. 71 и сл.

[5]) Ib. стр. 92.

[6]) Ib. стр. 89 и сл. Д-ръ Стрипскій (рецензія на карту Томашівськаго, см. выше), ссылаясь на развитіе словацкой образованности послѣ 1868 г. и на вліяніе многочисленныхъ словаковъ, возвращающихся изъ Америки съ запасомъ духовныхъ пріобрѣтеній и матерьяльнаго достатка, подобно проф. Броху, считаетъ словаковъ гораздо болѣе культурной средой, чѣмъ угроруссы, и признаетъ сильное вліяніе первыхъ на послѣднихъ. О значеніи общесловацкой образованности для „словяковъ" мы высказываемся въ дальнѣйшемъ, что же касается эмиграціи въ Америку, то вѣдь и угроруссы западныхъ, русско-словацкихъ стóлицъ одинаково со словаками принимаютъ въ ней участіе. Не имѣемъ, къ сожалѣнію, подъ руками точныхъ статистическихъ данныхъ.

Цамбель указываетъ еще на высшее культурное значеніе (обще-словацкой [1]) литературы: „Vyššia hodnota osvetova slovenskej reči. Nesmieme prirovnávať osvetovú hodnotu svojej reči s osvetovou hodnotou reči pol'skej alebo hoc len haličsko-ruskej. To je pravda. Ale Poliaci a Rusi horného Uhorska nepoživajú žiadnych výhod, plynúcih z osvety ich národov, od ktorých sú— —úplne odtrhnutí“ [2]). Но словацкая литература можетъ оказывать вліяніе только на угроруссовъ—*не*-уніатовъ [3]). Если угроруссъ-уніатъ научится читать, то—или по мадьярски, или по-русски. И въ томъ и въ другомъ случаѣ словацкія книги для него—тарабарская грамота. Надо сказать, впрочемъ, что и среди „словяковъ“ не-уніатовъ общесловацкая литература далеко не имѣетъ большого распространенія —на это постоянно указываютъ словацкіе журналы и газеты.

Такимъ образомъ, остаются въ силѣ только вышеприведенныя соображенія Цамбеля. Къ нимъ мы рѣшаемся съ своей стороны прибавить еще слѣдующее.

Про мадьяръ села Abara [4]) М. Бель замѣчаетъ: „Ita morum linguaeque suae tenaces, ut neque discere velit alienam, neque, si calleret, loqui“. Въ большей или меньшей степени тоже можно сказать и вообще про мадьяръ.

Словаки представляютъ противоположное явленіе. Они, какъ это замѣчено еще Чапловичемъ, довольно равнодушны къ своему языку [5]), охотно изучаютъ иные, охотно подражаютъ своимъ сосѣдямъ въ одеждѣ, перенимаютъ ихъ обычаи [6]) и т. п. Тамъ, гдѣ словаки являются едини-

---

[1]) Не восточно словацкой: такой не существуетъ, если не считать нѣкоторыхъ переводовъ книгъ церковнаго характера, немногочисленныхъ календарей, учебниковъ, издаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія—мадьярскимъ правописаніемъ; (таковые же, отчасти, составлены и для угроруссовъ на мѣстныхъ говорахъ; опыты, однако, врядъ ли можно признать удачными) и т. п. на восточно-словацкомъ нарѣчіи (Czambel, Op. cit., стр. 186—189).

[2]) Op. cit., стр. 184.

[3]) На такихъ можетъ воздѣйствовать и церковная проповѣдь, если священникъ—словакъ (Ib.).

[4]) Земплинской ст.

[5]) Csaplovics, Gemälde von Ungern: „Uebrigens ist kein Volk in Ungern gegen seine Muttersprache so gleichgiltig, wie die Slowaken. Gebildetere schämen sich mit einander Slowakich zu sprechen, und bedienen sich immer des Lateins oder der deutschen Sprache. Dies ist bei Magyaren, Wlachen, Serben weniger der Fall“ (I, стр. 220).

[6]) M. Bél, Notitia comitatus Zempliniensis: „(Slavi) qua civitatem cum Hungaris iniverunt, horum non tantum linguam curate addiscunt, sed

цами или малочисленными колоніями, это, рано или поздно, ведетъ, конечно, къ потерѣ народности [1]). Но вообще словаки, эта, едва ли не самая даровитая, а если и не самая даровитая, то болѣе всего гармонически одаренная вѣтвь славянскаго племени обладаетъ, мы бы сказали, какой-то инстинктивной, безсознательной живучестію. Въ той части словаковъ, въ которой инстинктъ перешелъ въ національное самосознаніе, это самосознаніе создаетъ желѣзные характеры. За исключеніемъ ихъ, остальные представители образованныхъ классовъ, по обстоятельствамъ времени, охотно причисляютъ себя къ иной народности, но не забываютъ и родного языка въ теченіе многихъ поколѣній.

Угроруссы, въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, гораздо слабѣе, менѣе упорно удерживаютъ свою народность, болѣе искренно и безповоротно переходятъ въ ряды инородцевъ [2]).

Какъ черты характера отдѣльнаго человѣка слагаются въ пору дѣтства, недоступную для взоровъ посторонняго человѣка, такъ и черты народнаго характера—въ эпоху, недоступную для взоровъ историка. Событія исторической жизни могутъ только такъ или иначе модифицировать эти черты, но измѣнить ихъ въ корнѣ не въ состояніи.

Историческая жизнь угроруссовъ не могла способствовать усиленію стойкости ихъ народности. Малочисленная, почти отрѣзанная отъ ближайшихъ соплеменниковъ вѣтвь русскаго племени была представлена лишь двумя, почти одинаково

---

aemulantur studium, industiam, mores, vestitum, reliqua. Id plurimum conservationi Hungaris est, quod Slavi hic in Hungaros degeneres propagant. — — Nisi Hungari a Slavis conservarentur, Hungari multo citius deficerent“ (Membr. II, § II).

[1]) Csaplovics, Op. cit.: „Nur ist hier zu bemerken, dass die Slowaken den Franzosen gleich, nur dort schlagen, wo sie „en-masse“ anrücken, dagegen aber Stück-und Schock-weise unter Magyaren verpflanzt, sich gerne und sehr leicht völlig magyarisiren lassen. Deutsche werden sie nicht, und es ist gar kein Beispiel irgend eines verdeutschten slowakischen Ortes in Ungarn, aber in Magyaren werden sie desto häufiger verwandelt“ (l. c.) См. также стр. 108, пр. 5.

[2]) Ср. отзывъ объ угро-руссахъ знаменитаго русскаго патріота—писателя о. А. Духновича въ его запискахъ 1861 г. (въ епархіальной Пряшевской библіотекѣ); „Настало время: всѣ народы борются о свою народность, одинъ русинъ на Угорщинѣ и думать не желаетъ о своей; ему русская народность невозможна, ему русское слово безобразно; онъ стыдится русскаго: сущій между мадярами, онъ уже мондокаетъ (mondok, по мад. = я говорю), иская тѣмъ склонности у чужихъ, — сущій между сотаками сей часъ цокаетъ. — — Русинъ (угорскій) чѣмъ-нибудь будетъ, токмо Русиномъ нѣтъ!“ (Свѣнцицкій, Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси, стр. 119).

угнетенными классами—крестьянами и духовенствомъ [1]). Помѣстнаго русскаго дворянства почти не было [2]). Королевскія земли, обнимавшія чуть не всю угрорусскую территорію, раздаваемы были во владѣніе инороднаго дворянства, часто въ видѣ крупныхъ доминій. Русскіе, получавшіе дворянство—главнымъ образомъ, путемъ военныхъ заслугъ—весьма скоро сливались съ мадьярами. Русскаго городского сословія также не было. Только „русская“, православная вѣра и „русская“, православная церковь и охраняла русскую народность.

При такихъ обстоятельствахъ не мудрено, что въ аристократической Угріи сложился нѣкоторый пренебрежительный взглядъ на угрорусскую народность, какъ на нѣчто низшее. Покойный А. С. Будиловичъ, зять А. И. Добрянскаго, часто посѣщавшій угорскую Русь и подолгу въ ней проживавшій, пишетъ: „Вообще должно замѣтить, что русская народность считается въ Венгріи самою послѣднею и какъ бы позорною. Какъ ни свысока смотритъ мадьяръ на словака, и какъ ни презираетъ онъ его и ненавидитъ, однако, когда придется выбирать даже между словакомъ и русскимъ, то мадьяръ ни мало не задумается подать руку первому“ [3]).

Не мудрено, что и среди самихъ угроруссовъ укоренилось сознаніе своей слабости, наблюдается вышеупомянутое желаніе скрыть свою народность подъ плащемъ иного имени.

Какъ бы то ни было, слѣдуетъ считать вполнѣ установленнымъ фактъ распространенія словацкаго языка и народности въ ущербъ языку и народности русской. Остается теперь выяснить, какимъ темпомъ и при какихъ условіяхъ развивается этотъ процессъ.

Тутъ замѣчается какъ бы нѣкоторое разногласіе между изслѣдователями. У проф. Броха мы видимъ неясность и колебаніе. Съ одной стороны, онъ считаетъ проникновеніе словацкихъ особенностей въ русскіе говоры явленіемъ, идущимъ весьма быстро:

„Es sei ausdrücklich bemerkt, dass die Spachverhältnisse (auf der Sprachkarte) so angegeben sind, wie sie im Frühjahr

---

[1]) См. Мат. II: „Старая вѣра и унія“.

[2]) Мелкопомѣстное дворянство на востокѣ было преимущественно румынскаго происхожденія.

[3]) Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная (Ж. М. Н. Пр., 1874, XII, стр. 161).

1895 waren; ob sie aber noch viele Jahre so verbleiben werden, ist fraglich, ja es sogar geradezu unwahrscheinlich" [1]).

Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ собственнымъ наблюденіемъ Броха, съ которымъ слѣдовало бы считаться [2]). Онъ просто передаетъ то, что ему говорили въ Унгварѣ угроруссы изъ окраинной словацко-русской и ословаченной полосы, гдѣ и на самомъ дѣлѣ ословаченіе должно идти быстрѣе, и гдѣ мѣстные люди, наблюдая это явленіе, могли впасть и въ преувеличеніе. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Брохъ основывается и на изученіи литературы предмета, онъ выражается уже въ противоположномъ смыслѣ:

„Geht die Slovakisirung auf diesem Gebiete (фонетическія измѣненія) nicht in der Art einer raschen Aufsaugung, sondern im Gegentheil allmählich, wie in Wellenbewegungen von sich" [3]). „Ist es erlaubt zu schliessen, dass er (der slovakisirende Einfluss) nicht erst von heute oder gestern stammt. Es ist schon von anderen darauf aufmerksam gemacht, dass er wahrscheinlich schon längere Zeit hindurch gewirkt hat" [4]).

Несравненно болѣе должны бы имѣть вѣсъ слова В. Гнатюка, многократно побывавшаго въ разныхъ краяхъ угорской Руси и, кромѣ личнаго наблюденія, обращавшагося за свѣдѣніями къ мѣстнымъ жителямъ: „Денаціоналізация поступає дуже скоро і за якийсь час не буде певно вже підстави зачисляти Словяків до Русинів, лише до Словаків" [5]). „Русини західних угорських комітатів не становлять чистого типу; їх можна б назвати „Wasser-Ruthenen", подібно, як називаєть ся шлеських Поляків „Wasser-Polaken". Їх денаціоналізация поступає швидко ще й тепер на перед і коли не зайдуть якісь несподївані обставини, на протягу сього столїтя [6]) не полишить ся з них нї слїду: усї пропадуть у мадярськім и словацьком морі" [7]).

Во второй статьѣ, слѣдовательно, Гнатюкъ отводитъ зна-

---

[1]) Studien, стр. 9. Ср. также Weitere Studien: „In Korumlya ist, oder, besser gesagt, war (1895) eine solche (wie in Kolibabóc) letzte, abschliessende Bewegung zu Gunsten des „Cotakischen" noch nicht zu bemerken" (стр. 102).

[2]) См. выше, стр. 106.

[3]) Weitere Studien, стр. 85.

[4]) Op. cit., стр. 103.

[5]) Русини Пряш. епархії, стр. 12, пр. 1.

[6]) Писано въ 1901 г.

[7]) Словаки чи Русини?, стр. 80—81.

чительно бо́льшее время на завершеніе процесса ословаченія. Но это не важно. Гораздо важнѣе то, что заключеніе Гнатюка *относится совсѣмъ не къ говорящимъ* въ настоящее время *угрорусскими* говорами, а къ „словякамъ“ [1]), т. е. говорящимъ *восточно-словацкими* говорами [2]). Да и въ этомъ случаѣ Гнатюкъ оказывается врядъ ли правымъ. Какъ пойдетъ дѣло въ будущемъ, конечно, неизвѣстно, но въ прошломъ восточно-словацкій діалектъ прочно удерживалъ свои отличительныя особенности [3]).

Что̀ же касается ословаченія *угроруссовъ*, то, полагаемъ, можно считать теперь установленными слѣдующія положенія [4]):

1) Русскія меньшинства въ словацкихъ сёлахъ и незначительные русскіе острова на словацкой территоріи, дажѐ при условіи сохраненія „русской“ вѣры, сравнительно быстро подвергается ословаченію, болѣе же многолюдныя поселенія долго сохраняютъ свою народность [5]), хотя въ бо́льшей или меньшей степени принимаютъ въ свой языкъ словацкіе эле-

---

1) Ихъ же, очевидно̀, онъ и называетъ „Wasser-Ruthenen“.

2) См. выше стр. 97, пр. 5.

3) Czambel, Op. cit.: „V knihách kalvínskych Slovákov, vydaných 1752, je už čo do hláskoslovia, gramatičnych foriem a zásoby slov, taký jazyk, aký tu najdeš v osnovách normálnej slovenčiny zemplínskej. To je — — dôkaz, že normálna slovenčina zemplínska už pred poldruha sto rokmi tak bola ustálená, jako je teraz“ (стр. 128). Конечно, тѣ говоры восточно-словацкой территоріи, которые, возникнувъ изъ русскихъ говоровъ, сохранили больше русскихъ чертъ, должны быстрѣе ословачиваться, приближаясь къ „нормальной“ восточно-словацкой рѣчи (Czambel, Op. cit., стр. 117, 121 и сл.).

4) Главнымъ образомъ, принимая во вниманіе труды проф. Броха, Цамбеля и Томашівськаго. Д-ръ Стрипскій, въ рецензіи на карту Томашівськаго, не приводя, однако, фактическихъ доказательствъ, считаетъ процессъ ословаченія идущимъ болѣе интенсивно (см. ниже объ Унгварской ст.).

5) Ср. Czambel, Op. cit.: „Národnost' ruská ustupuje sice slovenskej ale len *v medziach prirodzených konsekvencií a len vel'mi pozvol'ne.* Tam sa Rusi *skoro* poslovenčujú, kde bývajú malými ostrovami v slovenských krajoch alebo menšinami v slovenských obciach. To je ústup prirodzený. Silnejšie počtom ruské obce zachovávajú svoju národnost uprostred inorečového obyvatel'stva *po celé stoletia* (стр. 87). Томашівський, Етнографічна карта: („Русскія меньшинства въ словацкихъ сёлахъ) або вже пословачили ся і словачать ся тепер, або незабаром зіллють ся з корінним словацьким населеннєм“ (стр. 201, пр. 1); „Самый північний кут повіта (Собранецького) займає вже мішана полоса, де люде говорять двома мовами — руською і словацькою, ся остання бере помалу верх і можливо, що по якімсь часї руський язик тутъ згасне. — — Усе соціяльно-економічно житє сихъ громадъ звязано тїсно з словацькою теріторією, а відділене горами від руської“ (стр. 202 и пр. 3); „На нашихъ очах гине руська мова въ середнім Земливі, понайбільше на тій самій географічній ширині, що й аналогічна полоса въ Угу“ (стр. 207).

менты. Въ свою очередь, ословачившіеся русскіе въ значительной степени удерживаютъ въ своихъ говорахъ русскія явленія, переходящія, такимъ образомъ, въ восточно-словацкій діалектъ [1]).

2) Точно также—словацкія меньшинства среди сплошной русской массы утрачиваютъ свою народность, особенно, если словаки переходятъ въ „русскую" вѣру [2]).

3) На сплошной русской территоріи распространяется, правда, знаніе словацкаго языка, проникаютъ постепенно, какъ видно изъ наблюденій проф. Броха, въ русскіе говоры черты восточно-словацкаго діалекта. но, въ общемъ, русско-словацкая граница въ теченіе столѣтій сравнительно мало измѣнилась [3]).

---

[1]) Czambel, Op. cit.: „I v nárečí samosvojom je hojnost' ruskostí; v reči zemplínských a ungských Slovákov sú celé hromady ruských slov a výrazov, aj hláskoslovných i tvaroslovných zjavov. Té nemohly vniknút' shora prostredníctvom uhorsko-ruskej kultúry, lebo takej niet, ani nie prostredníctvom haličsko-ruskej kultúry, ktorá nikdy nemala vlivu na územie naše. Musely tedy vniknút' od vel'kych máss obyvatelstva ruského, ktoré sa usadilo na východnoslovenskom území užšom a čiselnej presile i kulturnej prevahe Slovákov podl'ahlo" (стр. 147).

[2]) Mišík, Akej viery sú Slováci? (Slov. Pohl'., XV, 1895): „O poruštených Slovákoch vo Spiši môže byt' rèč iba v gr.-cat. fare kojšovkej. Obec Kojšov založili osadníci z rozličných krajov a stolíc, menovite z Liptova a Oravy. Títo boli zväčša luteráni, no boli tam vždy pomiešani s Rusmi, o duchovné potreby ktorých starali sa farári klemberckí, miklušovecki, ba i livovskí v Sariši a helcmanovskí. Potom od r. 1717 mala obec svojich vlastných gr. kat. farárov, ktorí svojou horlívos'tou obratili celú dedinu na gr.-kat. vieru, tak že už r. 1775 farár G. Tarasovič nenašiel tam ani jednoho privrženca nauky Lutherovej. — — V makovickom okrese (v Sariši) su dl'a šematismu (z r. 1892) i dl'a uist'ovania najbližšieho súseda môjho, gr.-kat. farára zo Zavadky, poruštení Slováci" (стр. 572). Цамбель также признаетъ возможность такого явленія. Приведя послѣднія слова Мишика, Цамбель продолжаетъ: Nakol'ko je tu reč o osadníkoch slovenských, t. j. o menšom počte Slovákov uprostred máss ruského obyvatelstva (lebo je makovický okres ruský), je osud tých Slovákov pravdepodobný, lebo je prirodzený" (Op. cit., стр. 180).

[3]) Czambel, Op. cit.: „Je pravde podobné, že pred 500 rokmi boly už rečové pomery východnoslovenského územia *svojou podstatou* také, jaké sú dnes. Len miera poslovenčenosti bola skromniejša" (стр. 180). Томашівський, „Етногр. територія Угорскої Руси" (Зап. Шевч. LVI, 1903): хоч би вкінці показалось, що (греко-католіцькі) Словаки дійсно повстали з Русинів, то рівночасно вийшло би, що ся переміна довершилась перед століттями" (стр. 32). Его же; Етн. карта: „Головна племінна межа русько-словацька протягом довгих століть майже не переміняла ся і була така як сьогодня" (стр. 204); „словачене робить тілько невеличкі поступи на головній словацько-руській границі" (стр. 207); „Деякі дослідники цілком безосновно проголошують сьвітови, що буцім то Угорські Русини величезними масами на наших очах з дня на день винародовлюють ся у користь Мадярів та Словаків. *В дійсности головна етнографічна теріторія Угорьских Русинів (не рахуючи дальших островів) майже не змінила ся за яких 500 лїт*" (стр. 221). Нѣкоторую модификацію мы вносимъ въ слѣдующей главѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію данныхъ Лексикона о русско-словацкой территоріи. Здѣсь наша задача упрощается и сводится не столько къ провѣркѣ, сколько къ констатированію.

Въ то время, какъ относительно русско-румынской и русско-мадьярской территоріи мы были въ состояніи привлечь къ сравненію значительное количество показаній, какъ современныхъ Лексикону, такъ и позднѣйшихъ, относительно словацко-русской—должны ограничиться лишь Чёрнигомъ и работами послѣднихъ десятилѣтій. Мы сочли нелишнимъ ввести сюда и матеріалъ, представляемый Описаніями Беля, главнымъ образомъ, наиболѣе подробнымъ Описаніемъ Земплинской стóлицы.

Надо, при томъ же, не упускать изъ виду, что, вѣдь, мы, въ сущности, имѣемъ дѣло съ невполнѣ однороднымъ матеріаломъ: въ работахъ новѣйшаго времени идетъ рѣчь главнымъ образомъ о языкѣ населенія, въ Лексиконѣ же—о его національномъ самоопредѣленіи. Весьма возможно, какъ мы видѣли хотя бы относительно Керестура и Куцуры, что крестьяне, говорящіе теперь уже восточно-словацкимъ діалектомъ, причисляютъ себя и донынѣ къ русскимъ, какими себя считали ихъ предки въ XVIII в.

Съ другой стороны, мы должны заранѣе допустить, что относительно сёлъ смѣшанной, русско-словацкой полосы, лица, доставлявшія свѣдѣнія для Лексикона, чаще могли впадать въ ошибки при опредѣленіи господствующей въ тѣхъ или другихъ сёлахъ народности, чѣмъ относительно сёлъ русско-мадьярской или русско-румынской территоріи.

1. Унгварская стóлица.

Отъ Унгвара русская граница захватываетъ сёла: Доманинцы (A. Domonya), Оноковцы (F. Domonya), Гута (Hutta), Петровцы (Petrócz), Карчава (Karcsava), Гусакъ (Huszák) и направляется на сѣверо-востокъ по хребту Дѣлъ къ горѣ Иновцу [1]) на границѣ Унгварской и Земплинской стóлицъ, совпадая, такимъ образомъ, съ границей Унгварскаго и Собранскаго округовъ.

[1]) По картѣ Липскаго; на картѣ Вѣнскаго топограф. института, 1858 г.—Голица.

Названія.	л.	к.	ч.	ц.	Кл.	Бр.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Доманинцы .	рс.	рс.	рс. т.	рс.	рс.	рс.	рс.	94,5%	80,8%
Оноковцы .	рс.	рс.	рс. т.	рс.	сл.	рс. сл.	рс.	43,3%	26,0%
Гута . . .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	ст.	сл.	4,8%	2,5%
Петровцы .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	ст.	сл.	33,8%	29,8%
Карчава . .	рс.	рс.	?	сл.	сл.	сл.	сл.	28,7%	58,5%
Гусакъ . .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	ст.	сл.	47,0%	37,4%

Только Доманинцы и Оноковцы, лежащія въ долинѣ Унга и отдѣленныя горами отъ словацкихъ сёлъ, остались русскими, да и то, въ Ѳоноковцахъ, по Броху, населеніе говоритъ и по-русски и по-словацки [1]). Клима считаетъ Оноковцы словацкимъ селомъ, но, какъ указано выше, онъ руководится, главнымъ образомъ, вѣроисповѣднымъ критеріемъ. То обстоятельство, что количество уніатовъ къ 1900 г. въ Оноковцахъ уменьшилось чуть не вдвое, можетъ вести къ предположенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не столько съ ословаченіемъ русскихъ, сколько съ притокомъ словацкой колонизаціи.

Выдвинутое далѣе всѣхъ на западъ въ словацкую территорію село Карчава вполнѣ ословачилось.

Остановимся теперь на „сотацкихъ" сёлахъ.

Прозвища по особенностямъ говора имѣютъ нѣкоторый уничижительный характеръ, и, какъ извѣстно, само населеніе, употребляющее данный говоръ, стыдится и отрекается отъ таковаго прозвища, которое даютъ ему иначе говорящіе сосѣди [2]). Точно также и сотаки сами себя называютъ не „сотаками", а „словяками", хотя „Sotáci sa — — všeličím delia — — od východných Slovákov, ktorých národnost' prijali" [3]). Къ словакамъ же и по языку, и по народности причисляютъ сота-

[1]) Studien, стр. 12.
[2]) Ср. Czambel, Op. cit., стр. 13, пр.
[3]) Op. cit., стр. 14, пр.

ковъ и въ настоящее время, словаками считали ихъ и въ XIX и въ XVIII вв. [1])

Съ другой стороны, уже Бидерманъ высказалъ, что сотаки собственно русскаго происхожденія: „Diese Ruthenen - Abart— —breitet sich hauptsächlich im Tavarnaer Thale (östlich von Varannó) und zwischen diesem und dem Orte Szobrancz im Ungher Komitate bis zur Vereinigung der Ondava mit der Latorcza herab aus. Die Akzentuirung der Worte nähert sich bei ihr nicht sowohl dem Sároser Dialekte, als vielmehr dem Ruthenischen. Einen grossen Theil ihres Sprachschatzes aber haben die Sotaken mit den Slovaken gemein; Einiges auch den Magyaren entlehnt“ [2]).

Изслѣдованіе проф. Брохомъ говора Корумли, думаемъ, поставило этотъ вопросъ на прочную научную почву [3]).

---

[1]) Приведя слова Гостинскаго (Letopis Mat. Slov. V, стр. 77—80), что у земплинскихъ сотаковъ есть народное преданіе „že pochádzajú oni od starých Slovenov, t. j. od tých Slovenov, ktorých pokrstil sv. Cýrill a Method, a že sú potomkovia tých pradedov, nad ktorými dakedy panoval Salan —dľa podania ľudu—moravský“, Цамбель прибавляетъ: Podaní u Sotákov niet ani národných — — ani politických. — — Této podania sú výplodom fantásie Hostinského“ (Op. cit., стр. 14, пр.) Первое-то, конечно, правда, а второе—нѣтъ. Это—не фантазія Гостинскаго, а псевдоученые домыслы, наслѣдіе еще XVIII в., Ср., напримѣръ, у Корабинскаго: „Hrubo, ein schlow. Dorf im Sempliner Kom. — — Dieses Dorf sollen die Abstämmlinge Svatoplugi bewohnen, die man Swotaken nennet“ и Szirmay, Notitia historica comitatus Zempléniensis: „Hos (Slavos) adhuc 867. ad preces Ratislai Moraviae Principis per SS. Cyrillum et Methodum. Christianis Sacris initiatos fuisse scribit Papebrochius. — — Horumque posteros hodiedum se esse gloriantur vallis Tavarnensis incolae, a familiari iis loquendi modo Szvo, Szotak dicti, lingua, habitu, moribus a reliquis Slavis distincti, vafrum et astutum hominum genus, quos ducis Salani Marahannicarum copiarum reliquias esse, antiqua et communis popularium traditio est. Illa vero, quam incolunt vallis, Szotakeria vocatur“ (стр. 50—51). Приведемъ еще кое-что о сотакахъ изъ Лексикона Корабинскаго: „Berető“, Breczejow, ein schlow. Dorf im Sempl. Kom. — Die Einwohner sind Sotaken, d. i. schlowak. ungrische Mischlinge; Banocz, Banowcze, ein sclow. Dorf im Sempl. Kom. — — Allhier wird die Sotakische Sprache geredet, welche eine Mischung von schlowakischen und ungrischen Wörtern ist. Z. B. Pod'me pred Kapuru (= дверь, мад. kapu), hiri (= слухъ, новость, мад. hir) halgatowat' (= слушать, мад. hallgatni—ahhören, zuhören) „Lasst uns vor das Thor gehen, um was neues zu hören“. Da in dieser Sprache auch gepredigt wird, so werden Kandidaten in derselben zu Patak unterrichtet. Auch der Psalter David und das neue Testament sind in dieser Sprache schon gedruckt worden“. Любопытно было бы провѣрить послѣднее показаніе Корабинскаго. Въ 1752 г. были изданы на восточно-словацкомъ діалектѣ для кальвинистовъ псалтирь и сборникъ церковныхъ пѣснопѣній, но не въ Шарошъ-Потокѣ, а въ Дебреценѣ (Czambel., Op. cit., стр. 135—136).

[2]) Op. cit., I, стр. 94—95.

[3]) Выводъ проф. Броха призналъ вполнѣ правильнымъ знатокъ словацкихъ говоровъ, проф. Пастрнекъ (рецензія на Weitere Studien-Listy filolog., XXVI, 1899), который и другія фонетическія и морфологи-

Цамбель также вполнѣ опредѣленно признаетъ сотаковъ ословаченными русскими: „V skutočnosti boli „Sotáci“ ruskej národnosti a bývali pomedzi Slovákov všade tam, kde je počut' východnoslovenskú reč v zemplínskej a ungskej stolici. — — Sotáci sa — — všeličím delia i od Rusov, ktorých národnost' opustili“ [1]).

По Броху, въ Унгварской столицѣ пять сотацкихъ сёлъ: Гута, Петровцы, Гусакъ въ Унгварскомъ округѣ, Корумля (Korumlya) и Колибабовцы (Kolibábócz) — въ Собранскомъ [2]). Три первыхъ въ Лексиконѣ русскія, два послѣднихъ — словацкія. Г. Томашівський сомнѣвается, чтобы и первыя три въ 1773 г. были русскими [3]).

Сотацкій діалектъ Гуты, Петровецъ и Гусака свидѣтельствуетъ, что ихъ населеніе нѣкогда говорило по-русски. Не видимъ никакого основанія отвергать показаніе Лексикона объ ихъ русскомъ языкѣ въ концѣ XVIII в. — ословаченіе могло произойти и въ послѣднія 120 съ лишнимъ лѣтъ. Что же касается того, почему такія же сотацкія Колибабовцы и Корумля являются въ Лексиконѣ не русскими, а словацкими, то объясненіе подсказывается наблюденіями проф. Броха.

Словацкое вліяніе подвигается волнообразно съ запада на востокъ, проникая постепенно въ русскіе говоры и претворяя ихъ въ сотацкіе [4]). Чѣмъ западнѣе лежитъ русское село,

ческія явленія говора Корумли возводитъ къ его первоначальной русской основѣ. Подвижное удареніе у сотаковъ, не встрѣчающееся ни въ одномъ иномъ словацкомъ говорѣ, по мнѣнію Пастрнка, также указываетъ на русское ихъ происхожденіе (стр. 304).

[1]) Op. cit., стр. 13—14, прим. Опять таки считаемъ нужнымъ напомнить высказанныя выше недоумѣнія и вопросы о происхожденіи словаковъ вообще (стр. 97, пр. 5,). См. также Škultéty, „Alebo čo je s tak zvanymi Sotákmi v Zempline? Jedni z nich sú protestantského (kalvínského), druhi grécko-vychodného (uniátského) vyznania. Jestli protestanti z nich sú Slovaci (нынѣ или по происхожденію), tak iste Slováci sú i uniáti“ (Slov. Pohl'. XV, 1895, стр. 576).

[2]) Кромѣ того, по Броху, въ Каменицѣ (ò Kemencże) говорятъ и по-русски и по-сотацки (Studien, стр. 12). Сотацкимъ селомъ считаетъ г. Томашівський еще Карчаву (Зап. Шевч., LXXXIX, 1909, стр. 208).

[3]) L. c.

[4]) Weitere Studien: „So ergiebt sich, dass die ostslovakische Sprachwelle, die über die Dialekte um Korumlya schon eine slovakische Decke gelegt hat, noch weiter über sie hinaus gerollt ist; sie hat in die nächstgegebenen noch rein ugrorussichen Dialekte einzelne Sprachstücke (Lehngut) hineingespült, ist aber auch über ihr altes Lautsystem nicht wirkungslos hinübergeglitten. — — Die nächste Welle am Werke ist, von Westen her einzubrechen um die Arbeit der früheren zu vollenden“ (стр. 101—102). См. также ibid., стр. 85, Studien, стр. 9 и т. д.

чѣмъ болѣе оно выдвинуто въ среду словацкихъ, тѣмъ раньше и быстрѣе оно воспринимаетъ это словацкое вліяніе. Такъ въ говорѣ сотацкихъ Колибабовецъ, по Броху, уже готовится окончательный переходъ отъ сотацкаго къ чисто цотацкому, т. е. словацкому. Въ лежащей далѣе на востокѣ Корумлѣ „ist— —eine solche letzte, abschliessende Bewegung zu gunsten des „Co-takischen" noch nicht zu bemerken" [1]). Нѣтъ, такимъ образомъ, ничего неправдоподобнаго въ томъ, что именно Колибабовцы и Корумля, нѣкогда русскія, наиболѣе вдающіяся въ словацкую территорію сёла, уже къ 1773 г. ословачились (осотачились), въ лежащихъ же восточнѣе Гутѣ, Петровцахъ и Гусакѣ населеніе тогда еще говорило по-русски и считало себя русскимъ, и ословаченіе ихъ—явленіе болѣе поздней даты.

Мы, впрочемъ, не рѣшились бы особенно отстаивать словацкій характеръ Колибабовецъ и Корумли въ концѣ XVIII в. Возможно, что тогда оба села, такъ же, какъ Гута, Петровцы и Гусакъ, были еще русскими.

Дѣло въ томъ, что показанія Лексикона о сёлахъ Собранскаго округа кажутся намъ *наиболѣе сомнительными*. Не только Колибабовцы и Корумля, но и *всѣ* остальныя сёла этого округа по Лексикону—словацкія, тогда какъ, по инымъ даннымъ, хоть нѣкоторыя должны были и позже 1773 г. быть русскими.

Такъ, по Чёрнигу, русскими являются Калуша (Kalusa), Кушинъ (Kusin), Вышнее Нѣмецкое [2]) (F. Némethi), Орѣхова (Orehova), Прикопа (Prikopa), а, можетъ быть, и иныя сёла съ русскимъ большинствомъ на словацко-русской территоріи, не помѣщенныя на картѣ.

Проф. Брохъ считаетъ Хливище (Hliviscse) чисто-русскимъ селомъ и помѣщаетъ Бенятину [3]) (Benetine), Вышніе Реметы (F. Remete), Вышнюю Рыбницу (F. Ribnicze) и Хоньковцы (Hunkócz) въ смѣшанной, словацко-русской полосѣ [4]).

По словамъ Цамбеля: „Ponad hradskú michal'ovsko-ungvársku do vrchov nenie ešte poslovenčovací priebeh ukončený,

---

[1]) Weitere Studien, стр. 102.
[2]) Czambel—„Vyš. Nemecki, g.—oho".
[3]) По д-ру Стрипскому: „Бенятины, р.—ин".
[4]) Studien, стр. 12 и карта.

„stare l'udze išče beśeduju i po ruski, a mladše už obracaju po našim, po slovenski“, hovorili mi v Sobranciach. Je zaujímave zistit', že poslovenšovanie ide *od poludňajšej strany*. Povedal som, že ponad spomenutú hradskú do vrchov posial' nie sú Rusi dostatočne poslovenčení, zaznamenávam, že pred pokolenim alebo pred dvoma, ani té osady neboly ešte všetky poslovenčené, ktoré ležia na hradskej. M. Sčavnicki— —rozprával mi 1 oktobra r. 1904 — —.:

„Ked ja buň chlapčisko das dvanasročňi [1]), teraz mam śedzimdześacjeden, ta *v Sobranci hutorili po ruski*, a teraz už *l'em po slovenski.* — — Mladi už zaochabjaju calkom rusku besedu aj popod huri. Stari išče po ruski hutorel'i popod huri a teraz už mladi l'em po slovenski — — “.

Najprednejší človek v obci V. Nemecké, tamojší rodák, vyprával mi o národnostných pomeroch svojho rodiska: „Dakedi tu u našim valal'e *stari l'udze po ruski hutorel'i*, a mlada čel'adz še naučila čisto slovenski — —“.

Zpomedzi dedín, ktoré už hovoria „čisto slovensky“, táto dedina je posledná k východu, leží bezprostredne u Ungvára“ [2]).

Г. Томашівський даже въ западной и южной части округа, чисто словацкой, видитъ сильное русское вліяніе, въ сѣверной полосѣ, смѣшанной, населеніе, по его словамъ, говоритъ обоими языками, русскимъ и словацкимъ, Бенятину считаетъ онъ чисто русскимъ селомъ [3]), Нѣмецкую Порубу (Német Poruba)—по преимуществу русскимъ; русскими же, но въ меньшей степени—Подгородье (Váralja), Хливище, Хоньковцы и Конюшъ (Konyus) [4]).

Г. Стрипскій [5]) признаетъ сёла Собранскаго округа [6]) нѣкогда русскими, ословаченіе ихъ относитъ къ концу 80-хъ годовъ XIX в. [7]), утверждаетъ, что Есеновъ (Jeszenő), Нѣмецкая Поруба и Хоньковцы 20 лѣтъ назадъ были русскими, что въ настоящее время Башковцы (Baskócz), Бенятина и Хливище еще русскія, хотя и сильно ословаченныя, Подгородье же—чисто русское.

---

[1]) Т. е. въ 1845.
[2]) Op. cit., стр. 124—125.
[3]) Это признано и Цамбелемъ.
[4]) Op. cit., стр. 202.
[5]) См. выше стр. 68—69.
[6]) Всѣ ли или нѣкоторыя—неясно.
[7]) Какъ видно изъ VI главы, мы думаемъ иначе.

Совершенно, конечно, невѣроятно, чтобы словацкія въ 1773 г. сёла въ началѣ XIX в. *обрусѣли,* и потомъ опять стали *словацкими,* тѣмъ болѣе, что „усе соціяльно економічне житє сихъ громадъ звязане тїсно з словацькою териториєю, а відділене горами від руськоі" [1]).

Проще всего предположить, что мѣстные дѣятели, доставлявшіе матеріалъ для Лексикона, отнеслись въ данномъ случаѣ весьма небрежно къ своей задачѣ, и мы лично склонны признавать эту часть показаній Лексикона ошибочной [2]).

На присутствіе во многихъ сёлахъ въ прежнія времена русскаго элемента указываетъ и значительное количество уніатовъ. Изъ 58-ми сёлъ округа, по Феньешу, [3]) болѣе 80% уніатовъ имѣютъ 19 сёлъ, отъ 60—80% — 13, болѣе 50%—6, болѣе 20%—9, слѣдовательно, болѣе 50% —38. По подсчету Томашівскаго болѣе 50%—36, болѣе 20%—26 [4]).

2. Земплинская стóлица.

На нашей общей картѣ граница русской территоріи идетъ отъ г. Иновца по вершинѣ хребта Вигорлятъ, отдѣляющаго Унгварскую столицу отъ Земплинской, сначала на сѣверозападъ до Снинскаго Камня, потомъ на юго-западъ. Тамъ, гдѣ отроги хребта спускаются между Старымъ (Sztára) [5]) и Гуменнымъ (Homonna) [6]) къ р. Лаборцу, она поворачиваетъ на сѣверъ, захватываетъ Порубку (Porubka), Птичье (Peticse) и Гажинъ (Hazsina), обходитъ съ запада, возвращаясь на югъ, словацкую Каменку (K. Kemencze) и направляется на сѣверовостокъ къ русской Колоницѣ (Kolonicza).

Принимая, однако, во вниманіе орографическія условія, правильнѣе считать Порубку, Птичье и Гажинъ русскимъ островомъ [7]). Правда, на востокъ отъ Порубки не

---

1) L. c., пр. 3:
2) См. ниже VI главу.
3) 4 села у него пропущены.
4) Op. cit. стр. 203.
5) Czambel: „Stari, g.—oho".
6) Ib: „Humene, g.—oho.
7) Даже, пожалуй, двумя островами: Порубку отъ остальныхъ двухъ русскихъ сёлъ отдѣляетъ словацкое село Хомецъ (Helmeczke), пропущенное въ Лексиконѣ, но упомянутое въ переписяхъ 1715 и 1720 гг.

имѣется словацкихъ сёлъ, между ней и Колоницей находится русское село Валашковцы (Valaskócz)[1]), но Порубка отъ Валашковецъ, а послѣднія отъ Колоницы отдѣлены высокими горами. Поэтому къ сплошной русской территоріи слѣдуетъ отнести лишь бассейнъ р. Убли, притока Унга. Въ такомъ случаѣ русская граница пройдетъ по западной сторонѣ бассейна, отъ Иновца на Снинскій Камень и отъ него прямо на сѣверовостокъ къ Колоницѣ.

Отъ Колоницы пограничная черта направляется сначала на сѣверо-западъ, по селамъ Стащинъ (Sztakcsin), Пихне (Píchnye), Зубне (Zubna), врѣзывается на югозападъ въ видѣ короткаго выступа въ словацкую территорію сёлами Дедачовцы (Dedasócz[2]) и Машковцы (Maskócz), возвращается на сѣверовостокъ къ сёламъ Пчолине (Pcsolina), Чукаловцы (Csukalócz) и Гостовица (Hosztovicza) и идетъ далѣе въ западномъ направленіи черезъ сёла Гуменянскій Рокитовъ (Homonna Rokitó), Радвань (Radvány), Русская Кайня (Orosz Kajna), Рогозникъ (Rohoznyik), Пискоровцы (Piszkorócz), Грабовецъ (Orosz Hrabócz), отклонясь на югозападъ черезъ сёла Петеёвцы (Pető-falva), Валковъ (Valkó), Ременины (Remenye) и Просачъ (Proszács) достигаетъ границы Шаришской сто́лицы, поворачиваетъ вдоль ея на сѣверъ черезъ сёла Матяшка (Matyáska) Кручовъ (Orosz Krucsó) и Фіяшъ (Fias) и переходитъ въ Шаришскую сто́лицу.

Между Русской Кайней и Петеёвцами отдѣляется на югъ въ среду словацкихъ сёлъ русскій выступъ: Петровцы (Orosz Petrócz), Пакостовъ ((Pakasztó), Вышняя и Нижняя Ситница (A. и F. Szitnicze), Турцовцы (Turczóz), Кашаровцы (Kosarócz), Гольчиковцы (Holcsikócz), Гигловцы (Giglócz), Рафаёвцы (Rafajócz) и Дяпаловцы (Gyapalócz).

Въ настоящее время сплошная русская территорія осталась почти такой же, какъ и въ 1773 г. Только Петеёвцы ословачились, и, такимъ образомъ, черезъ нихъ словацкое село Туряны (Turány) соединилось съ словацкой территоріей:

---

[1]) Въ Лексиконѣ оно пропущено, но имѣется на лицо въ почти современной Лексикону „Summaria tabella, introductum statum urbarialem comitatus Zempliniensis exhibens“ (Orsz. levéltár). Замѣтимъ, что рубрики „Natio colonorum“ въ этой таблицѣ не существуетъ.

[2]) Въ Лексиконѣ пропущено, въ „Summaria tabella“ имѣется.

Названіе.	л.	к.	ч.	Ст.	ц.	Кл.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Петеёвцы .	рс.	рс.	рс. т.	сл.	сл.	рс.	сл.	85,4%	72,2%

Еще у Чёрнига, однако, Петеёвцы являются русскими, такими же считаетъ ихъ и Клима, признающій Туряны словацкимъ селомъ. У М. Беля въ Петеёвцахъ—„Rutheni".

Относительно сёлъ Зубне, Машковцы и Рогозникъ показанія расходятся:

Названія.	л.	к.	ч.	Ст.	ц.	Кл.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Зубне . . .	рс.	рс.	рс.	рс.	сл.	—[1])	* рс.	89,4%	78,8%
Машковцы .	рс.	рс.	рс.	сл.	рс.	—	** рс.	100%	97,0%
Рогозникъ .	рс.	рс.	рс. т.	сл.	сл.	рс.	** рс.	100%	87,3%

У Чёрнига всѣ сёла русскія. Зубне, въ которомъ оффиціально 1,2% русскихъ, по Томашівському—русская громада, но „не зовсїмъ певна" [2]), до нѣкоторой степени также и Рогозникъ [3]) (оффиціально—русскихъ 1,5%); Машковцы, гдѣ по переписи нѣтъ ни одного русскаго, Томашівський считаетъ русскими, хотя и съ говоромъ, сильно смѣшаннымъ со словацкимъ [4]). У М. Беля Рогозника нѣтъ, Зубне же и Машковцы—русскія.

---

[1]) У Климы не перечислены *всѣ* пограничныя словацкія сёла, какъ у Цамбеля. Относительно восточной части Земплинской столицы лишь въ общихъ чертахъ указано направленіе словацкой пограничной черты.

[2]) Op. cit., стр. 205.

[3]) Op. cit., стр. 206.

[4]) Op. cit.: „Навіть знавці означали їх (Дедачовції Машковції) як словацьки; на ділї панує у них кріпко перемішана мова, що зовсїм природно виходить з їх географічного положіння" (стр. 205).

Какъ бы то ни было, относительно этихъ трехъ сёлъ показанія Лексикона въ бóльшей или меньшей степени подтверждаются.

Гораздо болѣе сомнительной является Нехваль-Полянка (Nechvál--Polyánka), словацкая по Лексикону—вездѣ она отмѣчена, какъ русская:

Названіе.	л.[1]	ч.	Ст.	Ц.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Нехваль-Полянка	сл.	рс. т.	рс.	рс.	** рс.	99%	100%

У М. Беля Нехваль-Полянка также русская: „Polyánka (на полѣ: Nechval)— —fovet Ruthenos vafros et furtis clandestinis deditos, quam ob rem et Nequam-Polyánka nominatur“ [2]). Впрочемъ, при подвижности вообще населенія Угріи въ первой половинѣ XVIII в. не исключена возможность и того, что отъ временъ Беля до 1773 г. русскіе вполнѣ или отчасти выселились, мѣсто ихъ заняли словаки, которые потомъ, живя бокъ-о-бокъ съ русскими сосѣднихъ сёлъ, усвоили русскій языкъ. Конечно, все это только предположенія.

Русскій выступъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, сильно пострадалъ.

Только два ближайшихъ къ русской территоріи села, Петровцы и Пакостовъ, сохранили, хотя бы отчасти, русскую народность:

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Петровцы . .	рс.	—	сл.рс.т.	сл.	сл.	сл.	сл. рс	31,9%	49,6%
Пакостовъ. .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	сл.	сл. рс	59,3%	42,9%

---

[1]) У Корабинскаго ея нѣтъ.

[2]) Очевидно, названіе ея у Ставровскаго и Цамбеля „Nechvalova Pol'anka“—неправильно.

По Томашівському, оба села на половину русскія [1]), оффиціально—въ первомъ русскихъ—48,8%, во второмъ—33,1%. По М. Белю—оба села русскія.

Болѣе отдаленное село Рафаёвцы осталось почти вполнѣ русскимъ, сдѣлавшись, такимъ образомъ, островомъ на словацкой территоріи:

Названіе.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты ф.	Уніаты 1900 г.
Рафаёвцы .	рс.	рс.	сл.рс.т.	рс.	рс.	сл.	рс.	97,8%	93,4%

Оффиціально въ немъ русскихъ—78,8%. У М. Беля оно также русское.

Остальныя русскія сёла ословачились:

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты ф. [2])	Уніаты 1900 г.
Вшн. Ситница	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	сл.	сл.	15,3%	28,9%
Нжн. Ситница	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	сл.	сл.	10,2%	12,0%
Турцовцы . .	рс.	сл.	сл.рс.т.	сл.	сл.	сл.	сл.	2,6%	10,4%
Кашаровцы .	рс.	рс.	сл.рс.т.	сл.	сл.	сл.	сл.	39,8%	40,5%
Гольчиковцы	рс.	рс.	сл.рс.т.	сл.	пл.	сл.	сл.	14,6%	26,0%
Гигловцы . .	рс.	рс.	сл.рс.т.	сл.	пл.	сл.	сл.	15,2%	5,6%
Дяпаловцы .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	сл.	сл.	21,9%	7,7%

[1]) Op. cit., стр. 206.

[2]) Для Вшн. и Нжн. Ситницы, Турцовецъ и Дяпаловецъ изъ географіи Феньеша взяли мы только цифры душъ *не*--уніатовъ, цифры же уніатовъ,--изъ схематизма Пряш. епархіи 1839 г. По Феньешу въ Нжн. Ситницѣ уніатовъ лишь 5,7%, Дяпаловцахъ — 15,6%, Вшн. Ситницѣ и Турцовцахъ—0%.

Г. Томашівський предполагаетъ, „що склад людности (со времени Лексикона) у згаданих селах перемінив ся задля міграції. Одначе більше правдоподібне, що в р. 1773 взято тамошній сильно зрущений словацький говор за руську мову“ [1]). Первое предположеніе вполнѣ допустимо, относительно же второго напомнимъ наши соображенія, что составители „каталоговъ“ для Лексикона руководились *не* лингвистикой.

Какъ бы то ни было, показанія Лексикона объ этихъ семи сёлахъ мы должны отнести къ числу наиболѣе сомнительныхъ, хотя и не въ такой степени, какъ относительно части сёлъ Собранскаго округа Унгварской столицы [2]).

Свидѣтельство Лексикона о русскомъ характерѣ означенныхъ сёлъ подтверждаетъ только Корабинскій [3]). По Белю: въ Вышней Ситницѣ—coloni Slavi Lutherani; въ Нижней Ситницѣ—coloni Lutherani [4]); въ Кашаровцахъ—incolae Lutherani [4]); въ Гольчиковцахъ—coloni Slavi catholici, aliis mixti; въ Гигловцахъ—pauci coloni Slavi catholici; Дяпаловцы—colonia Slavica [5]).

У Чёрнига Вышняя и Нижняя Ситница и Дяпаловцы прямо названы словацкими, Гигловцы, Гольчиковцы, Кашаровцы и Турцовцы, если нанести ихъ на карту, пришлись бы на словацко-русской территоріи.

Въ 30-хъ годахъ XIX в. и въ настоящее время во всѣхъ ихъ, кромѣ Кашаровецъ, число уніатовъ незначительно.

Такимъ образомъ, или слѣдуетъ признать здѣсь ошибки въ Лексиконѣ, или допустить, что съ 20-хъ, 30-хъ годовъ XVIII в. до 30-хъ годовъ XIX в. дважды произошла смѣна народности [6]): словацкія сёла съ 20-хъ годовъ до 1773 г. стали

---

1) Въ рецензіи на наши карты (Зап. Шевч., LXXXIX, 1909, стр. 208).
2) См. выше, стр. 118.
3) Кромѣ Турцовецъ, у Корабинскаво словацкихъ.
4) Пропущено, конечно, Slavi.
5) Турцовецъ у Беля нѣтъ.
6) А также и религіи. Въ 1773 г. жители ихъ были, по Лексикону, русскими и, вѣроятно, уніатами; по крайней мѣрѣ, parochus graeci ritus находится въ Holcsikócz, Giglócz., Gyapalócz, Kosarócz, и Szitnicze (такъ ли было на самомъ дѣлѣ, рѣшить не беремся, замѣтимъ только, что по схематизмамъ Пряшевской епархіи не сообщается, чтобы въ этихъ сёлахъ были когда-либо уніатскія парохіи—при многихъ другихъ есть такія указанія—olim parochia; даже и церквей уніатскихъ въ нихъ нѣтъ). По Феньешу и въ настоящее время уніатовъ въ нихъ небольшой %, лютеранъ и реформатовъ нѣтъ или почти нѣтъ, преобладаютъ католики. По Феньешу католиковъ: въ Вышней Ситницѣ 89,8,%, въ Нижней—84,7%, въ Кашаровцахъ—60,2%, въ Гольчиковцахъ—85,4%, въ Гигловцахъ—84,8%, въ Дяпаловцахъ—78,1%.

русскими, а послѣ 1773 г. опять словацкими. При подвижности населенія въ первой половинѣ XVIII в. вполнѣ возможно, что словаки, занимавшіе эти сёла во время Беля, постепенно вполнѣ или отчасти выселились, мѣсто ихъ заняли къ 1773 г. уніаты-русскіе, которые въ послѣдующія 50—60 лѣтъ приняли и народность, и религію окружавшихъ ихъ словаковъ.

Какъ результатъ такого же переселенія [1]) слѣдуетъ считать и превращеніе словацкаго, по Лексикону, села Гировцы (Girócz) въ русское, правда съ сильно ословаченнымъ говоромъ [2]). Иначе совершенно непонятно обрусѣніе словацкаго села со всѣхъ сторонъ окруженнаго словацкими же сёлами:

Названіе.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Т.	Уніаты. ф.	Уніаты. 1900 г.
Гировцы.	сл.	сл.	сл.рс.т.	сл.	рс.	**рс.	74%	77,1%

У М. Беля его нѣтъ.

На русской территоріи находятся три отдѣльно лежащія села, по Лексикону словацкія: Михайловъ (Miháljó) и Новоселица (Novoszelicza) въ Михалёвскомъ и Быстре (Orosz Bisztra)—въ Стропковскомъ округѣ. Относительно ихъ показанія Лексикона и Корабинскаго стоятъ также одиноко [3]) и могутъ быть признаны сомнительными, хотя въ такомъ ихъ обрусѣніи не было бы ничего удивительнаго:

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Т.	Уніаты. ф.	Уніаты. 1900 г.
Михайловъ.	сл.	сл.	рс. т.	—	рс.	рс.	100%	100%
Новоселица.	сл.	сл.	рс. т.	—	рс.	рс.	99,3%	100%
Быстре . .	сл.	сл.	рс. сл.	рс.	рс.	**рс.	100%	100%

[1]) Или же такой же ошибки въ Лексиконѣ.

[2]) Томашівський, Етногр. карта: „Пануе въ нім мова такъ пословачена, що зачислювано його між словацьки громади (у Гнатюка), тому то се село означено як не зовсім певне“ (стр. 206).

[3]) Только у Чёрнига въ с. Быстре отмѣчено словацкое меньшинство.

По Белю, въ Михайловѣ и Новоселицѣ—Rutheni, въ Быстромъ—pauci Rutheni.

По поводу ихъ можно повторить только то, что говорилось выше по поводу Нехваль-Полянки и иныхъ сёлъ.

Кромѣ того, въ Стропковскомъ округѣ имѣется словацкій островъ: Хоча (Hocsa), Брезничка (K. Breznyicze), Брезница [1]) (N. Breznyicza) и Стропковы (Sztropkó [2]), примыкающій къ словацкимъ и словацко-русскимъ поселеніямъ въ Шаришской стóлицѣ.

Хоча, Брезница и Стропковы и въ настоящее время словацкія, по М. Белю, въ Хочѣ и Брезницѣ—„coloni Rutheni", въ городѣ же Стропковы—населеніе смѣшанное: „Slavi sunt iidem, Polonis et Ruthenis mixti".

Брезничка [3]), отдѣленная горами отъ остальныхъ словацкихъ поселеній, уже ко времени Чёрнига обрусѣла:

Названіе.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Брезничка .	сл.	сл.	рс. т.	рс.	рс.	рс.	рс.	100%	100%

На словацкой территоріи находились, по Лексикону, слѣдующіе русскіе острова [4]):

1) На лѣвомъ берегу р. Лаборца, между р. Цирокой и границей Унгварской стóлицы, Порубка, Птичье и Гажинъ.

Между рр. Лаборцемъ и Ондавой, на сѣверъ отъ Гуменнаго: 2) Гуменянскій Брестовъ (Homonna Bresztó) и 3) Штефановцы (Stefanócz).

Между тѣми же рѣками у Михалёвецъ (N. Mihály) и южнѣе: 4) Сухе (Szuha); 5) Лашковцы (Lásk) и Шамудовцы (Sámogy) и 6) Дубравка (Dubróka).

---

[1]) Или Брежничка, Брежница—этимологія не ясна.

[2]) Czambel, Op. cit. стр. 594.: „Stropkovy, g.—oй".

[3]) У Беля K. Bereznicska (слѣдовательно, русская форма)—„coloni Rutheni". Разъясненія противорѣчій М. Беля и Лексикона см. ниже въ слѣдующей главѣ.

[4]) Причисляя къ нимъ Порубку, Птичье и Гажинъ.

Между рр. Ондавой и Топлей, къ сѣверу отъ Вранова (Varannó) 7) Казимиръ (Orosz Kazmér).

На правомъ берегу р. Топли, къ западу отъ Вранова и Сѣчовецъ (Gálszécs), по склонамъ хребта, отдѣляющаго Земплинскую сто́лицу отъ Шаришской: 8) большой островъ изъ одиннадцати сёлъ [1]): Златникъ (Aranyospatak), Рудлёвъ (Rudlyó), Воля Юскова (Juszkó Volya), Давидовъ (Dávidvágás), Баньске (Bánszka), Цабовъ (Czábócz), Станковцы (Sztankócz), Кравяны (Kereple), Дарговъ (Dargó), Тернавка (Tarnóка) и Керестуръ (Szécs Keresztúr).

Южнѣе Сѣчовецъ: 9) Войчицы (Vècse), В. и М. Руссковъ (N., K. Ruszka).

Южнѣе Требишова (Tőke-Terebes): 10) Упоръ (Upor) и Станча (Isztáncs) и на границѣ Абауйварской сто́лицы 11) Колба́шово (Kolbása).

Изъ сёлъ перваго острова, Гажинъ и Птичье, окруженныя словацкими сёлами, ранѣе ословачились, закинутая же въ горахъ Порубка еще у Чёрнига вполнѣ опредѣленно показана русской:

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Гажинъ	рс.	рс.	сл. рс. т.	сл.	сл.	сл.	73,4%	61,3%
Птичье	рс.	рс.	сл. рс. т.	сл.	сл.	сл.	6,9% [2])	1,9%
Порубка	рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	88,0%	81,5%

По М. Белю, въ Гажинѣ — „Slavi catholici“, въ Птичьемъ и Порубкѣ — „Rutheni“.

Изъ мелкихъ острововъ только Штефановцы и Казимиръ остались и донынѣ русскими:

[1]) Начиная съ сѣвера.
[2]) Цифра уніатовъ взята изъ схем. Пряш. епархіи 1839 г.; у Феньеша уніатовъ—0%.

Названія.	л.	к.	ч.	Ст.	ц.	Кл.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Штефановцы	рс.	рс.	сл. рс. т.	—	рс.	сл.	**рс.	93,2%	67,0%
Казимиръ .	рс.	рс.	сл. рс. т.	рс.	рс.	сл.	рс.	88,8%	94,1%

По М. Белю, въ Казимирѣ „incolae pauci et Rutheni", Штефановецъ—у него нѣтъ.

Остальныя села подверглись естественному процессу утраты русской народности подъ вліяніемъ окружающихъ словаковъ. Въ Колбашовѣ, гдѣ во времена Сирмаи жили уже и мадьяры [1]), словаки и ословаченные русскіе во второй половинѣ XIX в. омадьярились. Клима, однако, считаетъ Колбашово словацкимъ селомъ:

Названія.	л.	к.	ч.	Ст.	ц.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Гум. Брестовъ	рс.	рс.	сл. рс. т.	сл.	сл.	сл.	16,1%	6,3%
Сухе . . .	рс.	сл.	сл. т.	—	сл.	сл.	55,5%	70,9%
Лашковцы .	рс.	—	сл. т.	—	сл.	сл.	49,6%	38,2%
Шамудовцы.	рс.	м. (!)	сл. т.	—	сл.	сл.	59,4%	49,2%
Дубравка .	рс.	рс.	сл. т.	—	сл.	сл.	63,8%	52,3%
Войчицы .	рс.	—	сл. т.	—	сл.	сл.	64,0%	47,6%
В. Руссковъ	рс.	рс.	сл. т.	—	сл.	сл.	97,0%	92,0%
М. Руссковъ	рс.	рс.	сл. т.	—	сл.	сл.	70,3%	58,2%
Упоръ . .	рс.	рс.	сл.	—	сл.	сл.	88,3%	74,4%
Станча . .	рс.	рс.	сл. т.	—	сл.	сл.	96,4%	87,7%
Колбашово .	рс.	рс.	сл.	—	м.	м.	69,8%	48,6%

[1]) Szirmay, Notitia geogr. com. Zempléniensis: „Hungari et Slavi, Romano--et Graeco-Catholici".

По М. Белю, русскіе отчасти населяютъ и Колбашово: „intersunt Hungaris Slavi et Rutheni". Въ Лашковцахъ и Шамудовцахъ—„Slavi", въ Дубравкѣ—„Slavi Hungaris mixti", Сухе—„incolitur a mixta natione". Остальныхъ у него нѣтъ [1].

Изъ сёлъ русскаго острова [2]) на западѣ Земплинской стóлицы только въ трехъ сосѣднихъ сёлахъ сохранилась русская народность: въ Баньскомъ и Цабовѣ вполнѣ, а въ Давидовѣ, по Томашівському, отчасти [3]):

Названія.	л.	к.	ц.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Баньске [4]) .	рс.	рс.	рс.	рс.	95,9%	92,9%
Цабовъ [5]) .	рс.	рс.	рс.	** рс.	78,6%	83,1%
Давидовъ .	рс.	—	сл.	рс. сл.	96,5%	89,0%

По М. Белю: Цабовъ—„incolitur a Ruthenis"; Давидовъ—„neque incolae differunt natione et copia a Czábócz". Баньске у него нѣтъ.

Остальныя русскія сёла всѣословачились:

1) По Сирмаи, Op. cit., въ Войчицахъ, В. и М. Руссковѣ, Упорѣ и Станчѣ—„Slavi Graeco-Catholici". Мы выше высказывались о двойномъ смыслѣ Slavi у Сирмаи (стр. 31). Гораздо болѣе значенія имѣютъ тѣ рѣдкіе случаи, когда онъ упоминаетъ о русской народности того или иного села. Такъ, у него Téhna (Дворянки), на сѣверовостокъ отъ Сѣчовецъ—„pagus Ruthenicus", по всѣмъ инымъ даннымъ оно словацкое, но и теперь, по Томашівському (см. карту), въ немъ уніатское большинство, по Феньешу и схематизму Мукачевской епархіи 1837 г.—уніатовъ 67,5%.

2) У Чёрнига онъ весь на словацко-русской территоріи.

3) Въ пояснительной запискѣ къ Этнографической картѣ Угорской Руси г. Томашівський высказалъ предположеніе, вполнѣ, какъ мы видимъ, подтвержденное Лексикономъ: „Руську групу повисше Сечовець треба мати не за що инше як тільки за останки великого колись простору, сколонізованого перед століттями Русинами; гірський характер околиці, комунікацийні трудности були причиною, що въ 3 селах таки ще говорять по руськи, як не виключно, то въ переважній частині" (стр. 208). Замѣтимъ только, что нельзя считать эту русскую колонизацію ужъ очень старой (см. слѣдующую главу).

4) У Климы—словацкое.

5) У Сирмаи: „Slavi Graeco-Catholici".

Названія.	л.	к.	Ст.	ц.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Златникъ . .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	46,4%	65,8%
Рудлёвъ . .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	84,9%	77,5%
Воля Юскова .	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	98,0%	80,0%
Станковцы . .	рс.	рс.	—	сл.	сл.	84,0%	64,3%
Кравяны . .	рс.	рс.	—	сл.	сл.	89,2%	50,3%
Дарговъ . .	рс.	рс.	—	сл.	сл.	39,5%	71,5%
Тернавка . .	рс.	рс.	—	сл.	сл. т.	90,3%	84,8%
Керестуръ . .	рс.	рс.	—	сл.	сл.	59,6%	40,6%

По М. Белю, въ Рудлёвѣ и Станковцахъ—„Rutheni", въ Кравянахъ—„pauculi coloni Rutheni, Тернавку—„incolunt Rutheni, pauci numero egenique. Szécs—Keresztúr incolis — — maxima parte Ruthenis, paucissimis Hungaris — — mixtis". Остальныхъ сёлъ у него нѣтъ.

По Сирмаи, Станковцы, Кравяны, Дарговъ и Тернавка—„pagi Ruthenici", Керестуръ—„pagus Catholicus utriusque ritus".

Г. Томашівський считаетъ еще Бачковъ (Bacskó) русскимъ [1]. По Лексикону и остальнымъ даннымъ онъ словацкій:

Названіе.	л.	к.	ц.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Бачковъ . .	сл.	сл.	сл.	**рс. [2])	68,8%	63,8%

[1]) Op. cit., стр. 206.
[2]) По переписи 1900 г. русскихъ 7,9%.

По М. Белю—это недавняя, но довольно многочисленная русская колонія: „Bacskó —— pagus, copiosa Ruthenorum colonia insessus“ [1]).

Въ бо́льшей части сёлъ, вполнѣ или отчасти ословачившихся, или относительно русскаго въ настоящее время характера которыхъ возникаютъ какія-либо сомнѣнія, имѣлось во время Феньеша, имѣется и теперь значительное количество уніатовъ. Такъ, изъ однихъ и тѣхъ же 24-хъ сёлъ у Феньеша и въ 1900 г. одинаково было уніатовъ: 75%—100%—въ 9-ти, 50%—75%—въ 4-хъ, 20%—50%—въ 6-ти, менѣе 20%—въ 5-ти. Изъ остальныхъ 14-ти, по Феньешу: уніатовъ 75%—100%—въ 4-хъ, 50%—75%—въ 4-хъ, 20%—50%—въ 4-хъ, менѣе 20%—въ 2-хъ. Въ 1900 г.—50%—75%—въ 7-ми, 20%—50%—въ 6-ти, менѣе 20%—въ 1-мъ [2]).

Изъ находящихся у Феньеша сёлъ Земплинской сто́лицы пропущено въ Лексиконѣ всего 88 [3]). Изъ нихъ на русской территоріи лежитъ 17 [4]), а именно:

Въ Михалёвскомъ (IV) округѣ: Inócz (Иновецъ), Smugócz (Шмыговецъ) и Valaskócz (Валашковцы).

Въ Оградзанскомъ (Göröginye, V) округѣ: Izbugya Breszt́ó (Брестовикъ), A. Csebinye (Нжн. Чабины), Dedasócz (Дедачовцы), Izbugya Rokitó (Избудскій Рокитовъ) и Telepócz (Телеповцы).

Въ Стропковскомъ (VI) округѣ: Detrik (Детрихъ), Györgyös (Дюрдёшъ), Kobulnicza (Кобульница), Krizslócz (Крижлёвцы), A. и F. Olsva (Нжн. и Вшн. Ольшавы), Petkócz (Петковцы), Vavrincz (Вавринецъ) и Orosz Volya (Рус. Воля) [5]).

Всѣ эти сёла находятся въ переписяхъ 1715 и 1720 гг., а также и въ современной Лексикону „Summaria tabella“ [6]).

---

[1]) Szirmay, Op. cit.: Slavi catholici utriusque ritus.

[2]) Объ иныхъ словацкихъ и по Лексикону и теперь сёлахъ, населеніе которыхъ въ бо́льшемъ или меньшемъ числѣ исповѣдуетъ „русскую“ вѣру, см. Томашівський, Op. cit., стр. 207—208.

[3]) Гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной изъ разсмотрѣнныхъ нами.

[4]) Вышковцы (Viskócz) и Сташковцы (Sztaskócz) у Феньеша въ Земплинской ст., по Лексикону же—въ Шаришской.

[5]) Györgyös, Kobulnicza, Vavrincz и Orosz Volya теперь въ Шаришской ст.

[6]) См. выше, стр. 121, пр 1.

По М. Белю, русскіе населяли Dedasócz, Inócz, Kobulnicza, Smugócz, Telepócz и Valaskócz; въ Györgyös—„Rutheni mixti", въ Petkócz—„mixti"; остальныхъ у него или нѣтъ, или ничего не сказано о народности населенія.

По Томашівському, всѣ сёла въ настоящее время русскія, по Цамбелю—кромѣ Петковецъ, по Чёрнигу—кромѣ Дедачовецъ и Петковецъ. По Климѣ, Нижнія Ольшавы—словацкое село.

3. Шаришская столица.

Пограничная линія русской территоріи весьма извилиста и часто прерывается словацкими и смѣшанными сёлами, а также отрогами горъ [1]).

Отъ Фіяша [2]) русская граница идетъ на сѣверо-западъ, параллельно занятой словацкими сёлами долинѣ р. Топли, черезъ русскія сёла: Матовцы (Máthévágás), Собошъ (Szobos), Штефуровъ (Stoffuró) и Шапинецъ (Sapinecz). Здѣсь прерываетъ русскую границу и территорію островъ словацкихъ и словацко-русскихъ сёлъ, составляющій продолженіе словацкаго острова на сѣверо-западѣ Земплинской столицы и заканчивающійся словацко-русскимъ селомъ Кожаны (Kozsány).

Послѣ перерыва граница тянется въ томъ же сѣверо-западномъ направленіи черезъ русскія сёла: Щавникъ (Scsavnik), Бенядиковцы (Benedikócz), Млинаровцы (Mlinarócz), Шашова (Sassova) и Березовка (Brezovka), затѣмъ поворачиваетъ на востокъ и сѣверъ черезъ сёла Ортутова (Ortutova) и Цернины (Czernina), далѣе опять на сѣверо-западъ и черезъ Куримку (Kurimka) переходитъ въ бассейнъ р. Ондавы къ Чарне (Csarnó), захватываетъ лежащую южнѣе на притокѣ р. Топлы Андреёву (Andrejova) и идетъ сначала на сѣверъ черезъ сёла Цигла (Czigla), Нижнія Полянки (A. Polyánka), а затѣмъ на западъ

[1]) Послѣднее, къ сожалѣнію, не возможно было показать на нашихъ картахъ, при ихъ маломъ размѣрѣ и большомъ количествѣ названій поселеній.

[2]) Часть Фіяша въ 1773 г. отнесена была къ Земплинской, часть—въ Шаришской ст. Теперь все село въ Шаришской ст.

черезъ сёла Едлинки (Jedlinka), Комлоша (Komlóssa), Стебникъ (Sztebnik), Нижній Тварожецъ (A. Tvaroscza) и Петрова (Pétrova).

Здѣсь вновь русская территорія прерывается словацкимъ выступомъ, у Габолтова (Gáboltó) подходящимъ къ вершинамъ Карпатъ, къ границамъ Галичины.

Южнѣе словацкаго выступа пограничная русская черта проходитъ на югъ по сёламъ: Грабске (Hrabszke), Герлаховъ (Gerlachó), Кружлёвъ (Kruzslyó) и Криве (Krive).

Опять въ русскую территорію врѣзываются словацко-русскія сёла: Ленартовъ (Lenartó), Мальцовъ (Malczó) и Боглярка (Boglyárka), раздѣляя русскія сёла: Снаковъ (Sznakó) и Обручне (Obrucsno), Грабске и Луковъ (Lukó), Криве и Криже (Krizse).

На югъ и потомъ на юго-западъ отъ с. Криже по восточному склону хребта Яворъ [1]) идетъ рядъ словацкихъ сёлъ: Гервартовъ (Hervartó) [2]), Шиба [3]) (Siba), Герхнихтъ (Hertnek), Фричовце (Fricske), Осиковъ (Ossikó), Ванишковце (Vaniskócz), и лишь на южномъ склонѣ Черговскихъ горъ [4]) мы вновь встрѣчаемъ русскія сёла (въ направленіи съ востока къ западу): Жатковцы (Zsettek), Геральтъ (Gerált), Завадка (Zavadka) и Городиско (Hradiszka).

Ближайшее (на западъ) къ Городиску русское село Шома (Som) только по воздушной линіи непосредственно сосѣдитъ съ нимъ, на самомъ же дѣлѣ отдѣлено отъ Городиска отрогами Черговскихъ горъ, и путь сообщенія между ними идетъ черезъ словацкія сёла: Балпотокъ (Balpotoka), Бодолакъ (Bodolaka), Толчемешъ (Tölcselmes) и Якубовяны (Magyar Jakabfalva).

Въ слѣдствіе этого группа русскихъ сёлъ Жатковцы—Городиско можетъ быть скорѣе разсматриваема какъ островъ, правда не со всѣхъ сторонъ окруженный словацкими сёлами, но отдѣленный съ сѣвера горами отъ русской территоріи.

Рядомъ съ Шомой лежитъ русское село Яковяны (Jakoris) и, пожалуй, Олейниковъ (Olejnok), хотя болѣе

---

[1]) Javor—Gebirge, на картѣ военно-топограф. Института.
[2]) И Hervaltó, Hervaltovce.
[3]) Нѣтъ въ Лексиконѣ.
[4]) Csergo—Gebirge на той же картѣ.

удобный путь между послѣдними идетъ черезъ словацко-русскую Люцину (Litinye). Эти три села отдѣляются отъ находящейся на западъ русской территоріи въ бассейнѣ р. Попрада словацко-русскими селами: Люцина (Litinye) и Ганиговцы (Henig) и словацкими: Лучка (Harcsar Lucska) и Каменица (Tarkeő)—всѣ по лѣвымъ притокамъ р. Торисы.

Только въ бассейнѣ р. Попрада, начиная съ Кіёва (Kijó), можно провести русскую пограничную черту непрерывно, хотя и съ большими изгибами: Кіёвъ, Ястребье (Jesztreb), Дюрковъ (Gyurkó), Высранка (Puszta-mező), Байеровцы (Bajorvágás), Громошъ (Gromos), опять Дюрковъ, Ястребье, Чирчъ (Csircs), Орловъ (Orló), Уякъ (Ujak) и Гайтовка (Hajtuvka) на границѣ Спишской стóлицы.

Между Гайтовкой и Громошемъ въ русскую область вдается словацкій выступъ Спишской словацкой или, вѣрнѣе, польско-словацкой территоріи: Плавница (Plavnicza), Козелецъ (Kozelecz) и Плавечъ (Palocsa).

Между Сулиномъ (Szulin) и Гайтовкой русская территорія Шаришской стóлицы соединяется съ русской территоріей Спишской [1]), на западъ отъ Громоша лежатъ въ Спишской стóлицѣ Якубяны [2]) (Jakabfalva) и Годермаркъ (Százvásár).

И эта крайне причудливая и пересѣченная граница осталась почти безъ измѣненія, только, конечно, въ тѣхъ или иныхъ сёлахъ въ русскіе говоры проникли болѣе или менѣе черты, свойственныя восточно-словацкому діалекту [3]).

Наиболѣе сомнительными могутъ представляться показанія Лексикона относительно словацкихъ сёлъ Влача (Vlacsa) [4]) и Шамбрунъ [5]) (Schönbrunn, Feketekut), и русскихъ Высранка и Громошъ:

---

[1]) Ближайшія русскія сёла Сулинъ (Szulin), Кремпахъ (Krempach) и Ярабина (Jarembina) не находятся въ Лексиконѣ.

[2]) Нѣтъ въ Лексиконѣ.

[3]) Томашівський, Op. cit.: „Брезівка має мати близько половину (?) Словаків“ (стр. 209). По переписи 1900 г. русскихъ 56,5°/o.

[4]) На границѣ Земплинской стóлицы, на правомъ берегу р. Топли.

[5]) На границѣ Спишской ст.

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Влача	сл.	сл.	сл. рс. т.	рс.	сл.	?	**рс.	76,5% [1]	64,1%
Шамбрунъ	сл.	сл.	рс. т.	рс.	рс.	рс.	рс.	97,5%	67,1%
Высранка	рс.	рс.	рс. т.	рс.	сл.	рс.	*рс.	85,0%	95,6%
Громошъ.	рс.	рс.	рс. т.	рс.	сл.	рс.	**рс.	69,8%	62,0%

Только относительно Шамбруна показаніе Лексикона не встрѣчаетъ, кромѣ Корабинскаго, подтвержденія. По М. Белю, однако, въ Шамбрунѣ также „coloni Slavi". Нѣтъ ничего удивительнаго въ обрусѣніи этого села, со всѣхъ сторонъ окруженнаго русскими. То же самое могло произойти и въ пограничной съ русскими сёлами Влачѣ, если правъ Томашівський, а не Цамбель [2]). Замѣтимъ, что, по К. Фейервари, Влача въ 1776 г. была русскимъ селомъ: „a plebe Ruthena colitur" [3]).

Нѣкоторыя малозначительныя разногласія замѣчаются относительно девяти пограничныхъ, русскихъ по Лексикону сёлъ, которыя и Цамбель и Томашівський одинаково считаютъ русскими:

[1]) У Феньеша очевидная ошибка: во Влачѣ 8 католиковъ, 30 лютеранъ и ни одного уніата (!!), по схематизму же Пряш. епархіи 1839 г. въ ней 124 уніата. Предполагая, что число католиковъ и лютеранъ приведено Феньешемъ точно по католическимъ и лютеранскимъ схематизмамъ, получимъ на общее число христіанъ—уніатовъ 76,5%.

[2]) Отмѣтимъ еще, что по картѣ Томашівськаго, Дюрковъ—словацко-русскій.

[3]) Caroli Fejérvári de Keresztess, comitatus Sáarossiensis jurati Tabulae assesoris, Notitia comitatus Sáarossiensis (ms. 8° lat. № 51 въ Nemz-Múz.). Судя по внѣшности—оригинальный черновикъ.

Названія.	л.	к.	ч.	Ст.	ц.	Кл.	т.
Нжн. Тварожецъ. .	рс.	сл.	сл.	рс.	рс.	рс.	рс.
Герлаховъ . . .	рс.	сл.	рс. т.	сл.	рс.	рс.	рс.
Обручне . . .	рс.	рс.	сл. рс.	рс.	рс.	рс.	рс.
Завадка	рс.	рс.	рс.	сл.	рс.	рс.	рс.
Геральтъ . . .	рс.	рс.	рс. т.	сл.	рс.	рс.	рс.
Жатковцы . . .	рс.	рс.	рс.	сл.	рс.	рс.	рс.
Яковяны . . .	рс.	рс.	рс. т.	сл.	рс.	рс.	рс.
Олейниковъ . .	рс.	рс.	сл. рс.	рс.	рс.	рс.	**рс.
Дюрковъ . . .	рс.	рс.	рс. т.	—	—	рс.	сл.

Къ пограничной русско-словацкой чертѣ примыкаютъ въ Секчовскомъ (IV) округѣ словацкое село Гайжлинъ (Hazslin) и словацко-русскія Бѣловежа (Bellovezsa), Куровъ (Kurova) и прорѣзываютъ русскую территорію словацко-русскія Ленартовъ, Мальцовъ и Боглярка того же округа, и Люцина и Ганиговцы—Верхне-Торисскаго (II).

Словацкій Гайжлинъ и остался словацкимъ. Изъ словацко-русскихъ селъ Ленартовъ ословачился, остальныя обрусѣли и, въ слѣдствіе этого, русская территорія приняла болѣе цѣльный видъ:

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Бѣловежа .	сл. рс.	—	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	98,6%	98,8%
Куровъ . .	сл. рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	58,4%	91,8%
Ленартовъ .	сл. рс.	рс.	рс. сл.	сл.	сл.	сл.	сл.	40,0%	32,5%
Мальцовъ .	сл. рс.	—	рс. сл.	рс.	рс.	рс.	**рс.	59,8%	85,1%
Боглярка .	сл. рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	рс.	**рс.	93,6%	91,2%
Люцина[1]) .	сл. рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	90,5%	92,1%
Ганиговцы[1])	сл. рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	96,5%	95,9%

По М. Белю, въ Люцинѣ и Ганиговцахъ—„Rutheni", въ Мальцовѣ—„Slavi". Гнатюкъ, посѣтившій Мальцовъ и записавшій образцы говора населенія, замѣчаетъ [2]): „Отсей говор найбільше пословачений—а все він стоїть ще близше до руснацьких говорів, як говор Бачванських Русинів.—Говор Мальцова замітний ще тим, що там старші люди у численних випадках виражают ся зовсім інакше якъ молодіи, які змагають ся говорити чисто по словенськи (шаришськи).— —Сих (русскихъ) форм уживают також селяне, коли говорять із собою; коли прийдеть ся імъ одначе говорити з чужими, тоді намагаються теж говорити чисто по „словенськи" [3]). Это наблюденіе Гнатюка подтверждаетъ бо́льшую силу русскаго языка въ Мальцовѣ въ прошлое время и наблюдается и въ иныхъ, совершенно пословаченныхъ сёлахъ.

Словацкій выступъ (Плавница, Козелецъ и Плавечъ) не только сохранился [4]), но и продвинулся далѣе на востокъ, вслѣдствіе ословаченія прилегающаго къ Плавчу словацко-русскаго села Люботиня (Ľubotiny):

---

[1]) По переписи 1900 г. въ Люцинѣ 54%, въ Ганиговцахъ 46% русскихъ.

[2]) Русини Пряш. епархії.

[3]) Стр. 66—68.

[4]) На картѣ Томашівськаго „Кожелецъ" на русско-словацкой територіи.

Названіе.	л.	к.	ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Люботиня . .	сл. рс.	рс.	сл. рс.	сл.	сл.	сл.	сл.	14,5%	15,9%

Какъ бы то ни было, и у Чёрнига Люботиня является еще словацко-русской.

Русскую территорію въ восточной части столицы, какъ было уже упомянуто, прорѣзываетъ идущій отъ словацкаго острова Земплинской столицы рядъ словацко-русскихъ и словацкихъ сёлъ въ округахъ Маковицкомъ (VI) и Топлянскомъ (V). Словацко-русскія сёла: Сорочинъ (Szorocsin), Местиско (Mesztiszka), Бокша (Boksa) [1], Радома (Radoma), Округле (Kerekréth), Кожаны (Kozsány), словацкія: Дуплинъ (Duplin), Тишинецъ (Tissinecz), Шандалъ (Sandal) [2].

Лежащій далѣе къ востоку Шандалъ обрусѣлъ:

Названіе.	л.	к.	ч.	Ст.	Ц.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Шандалъ .	сл.	сл.	рс. т.	рс.	рс.	** рс.	71,4%	49,2%

Словацко-русскія сёла Местиско, Радома, Округле и Кожаныословачились, но еще у Чёрнига они показаны русскими:

Названія.	л.	к.	ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Местиско .	сл. рс.	сл. рс.	?	сл.	сл.	сл.	сл.	19,2%	6,1%
Радома . .	сл. рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	сл.	28,3%	9,0%
Округле . .	сл. рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	сл.	11,3%	38,8%
Кожаны . .	сл. рс.	сл.	рс.	сл.	сл.	—	сл.	87,7%	91,2%

---

[1]) Теперь въ Земплинской ст.

[2]) У Томашівськаго Op. cit. ошибка: въ Шандалѣ католиковъ не 71, а 171 (стр. 247)—ср. Czambel, Op. cit., стр. 77.

Въ Мstartscке, впрочемъ, по Томашівському, „пануе радше польський діялект, аніж словацький“ [1]). Вѣроятно, это вліяніе позднѣйшихъ польскихъ поселенцевъ [2]).

Объ остальныхъ сёлахъ показанія расходятся, что совершенно понятно относительно смѣшанной полосы, гдѣ населеніе говоритъ двумя языками [3]). Ср. слова Цамбеля [4]) о языкѣ населенія, не окончательно еще усвоившаго „нормальный“ восточно-словацкій діалектъ: „Ľudia s nedohotovenou slovenčinou obyčajne dvojako rozprávajú nakoľko sú kus otesanejší, —s cudzími vyberane, pripodobujú svoju reč bežnej reči slovenskej; medzi sebou miešaninou bez riadu a skladu“ [5]).

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. Ф.	Уніаты. 1900 г.
Дуплинъ	сл.	сл.	сл. рс.	сл.	сл.	рс.	рс. сл. [6])	13,0% [7])	51,9%
Тишинецъ	сл.	рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	рс. сл. [6])	40,0%	18,7%
Сорочинъ	сл. рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	рс. сл. [6])	28,0%	49,8%
Бокша	сл. рс.	—	рс. т.	сл.	сл.	—	** рс.	91,2%	74,0%

Отмѣченное Чёрнигомъ проникновеніе русскаго элемента въ окруженныя русскими сёлами, словацкія по Лексикону, Дуплинъ и Тишинецъ, равно какъ и въ Шандалъ, вполнѣ, конечно, естественно.

Русская, по Лексикону, Гута (Üveg - Hutta, Sklena - Stebnicka Huta) [8]) въ Маковицкомъ (VI) округѣ, къ сѣверу отъ Стебника,ословачилась и является словацкимъ островомъ на русской территоріи:

[1]) Op. cit., стр. 208, пр. 3.
[2]) Czambel, Op. cit., стр. 59.
[3]) Томашівський, Op. cit., стр. 202 и 210.
[4]) Op. cit.
[5]) Стр. 123.
[6]) Томашівській, Op. cit., стр. 208, пр. 4.
[7]) По Феньешу и схем. Пряш. епархіи 1839 г.
[8]) На нашей картѣ ошибка, см. ниже поясненія къ картамъ.

Названіе.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Гута . .	рс.	рс.	сл.	рс.	сл.	сл.	сл.	4,4%[1])	4,7%

Судя по малому количеству уніатовъ у Феньеша, ословаченіе Гуты должно было завершиться уже къ исходу 30-хъ годовъ XIX в. и объясняется, вѣроятно, притокомъ словацкихъ рабочихъ на стеклянный заводъ [2]).

Примыкающія къ группѣ русскихъ сёлъ въ Спишской стóлицѣ [3]) русскія Блажовъ (Balázsvágás) и Штельбахъ (Stelbach) остались русскими и, въ слѣдствіе обрусѣнія Шамбрупа, непосредственно соединились съ русской территоріей Шаришской стóлицы:

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Блажовъ . .	рс.	рс.	рс.сл.	рс.	рс.	рс.	рс.	94,6%	84,5%
Штельбахъ .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	97,0%	99,0%

На словацкой территоріи разбросано 16 русскихъ и словацко-русскихъ сёлъ, то по одиночкѣ, то группами: Въ Нижне-Торисскомъ (I) округѣ: русскія—1) Абрагановцы (Abrányfalva), 2) Варганёвцы (Várgony), 3) Керештвей (Körösfü), 4) Русская Нова-Весь (Soós-Uj-falu).

Въ Верхне-Торисскомъ (II) округѣ: 5) русско-словацкое село Дечовъ (Décső).

Въ Широцкомъ (III) округѣ: 6) русскія Ренчишовъ (Rencsissó) и Лачновъ (Lacsnó)[4]); 7) русскія Квачаны (Kvacsán), Клембаркъ (Klembergh) и Миклушовцы (Miklósvágás); 8) русское село Буяковъ (Bujak); 9) русскія Любовецъ (Lubócz), Пеклянки (Orosz-Peklin) и Яновъ (Janó).

Въ Секчовскомъ (IV) округѣ: 10) словацко-русское [5]) Решовъ (Ressó).

[1]) По Феньешу и схем. Пряш. епархіи 1839 г.
[2]) Fényes, Географія, III, стр. 282.
[3]) Нижніе Репаши, Ториски, Ольшавица и Подпрочъ.
[4]) Отдѣленныя другъ отъ друга горами.
[5]) Ошибка на нашихъ картахъ.

Въ Топлянскомъ (V) округѣ: 11) словацко-русское Кокиня (Kökény). К. Фейерваривъ 1776 г. [1]) считаетъ Кокиню русской: „Kökény, Slavis Kokinya, a Rustica [2]) plebe cultus“.

Изъ нихъ въ настоящее время остались русскими, по Томашівському, Ренчишовъ, Клембаркъ и Миклушовцы, по Цамбелю—только Ренчишовъ и Миклушовцы [3]). По всѣмъ даннымъ, словацко-русскій Решовъ обрусѣлъ:

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Ренчишовъ .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	89,0%	88,7%
Клембаркъ .	рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	*рс.	91,7%	87,8%
Миклушовцы	рс.	рс.	рс. т.	сл.	рс.	рс.	96,9%	92,8%
Решовъ . .	сл. рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	91,8%	90,0%

Остальныя сёла теперь ословачились, но показанія Лексикона въ бóльшей или меньшей степени подтверждаются Чёрнигомъ, а также значительнымъ % оставшихся въ нихъ уніатовъ. О семи изъ нихъ замѣчаетъ Томашівський [4]): „У більшости (греко-католицькі Словаки) в отсих громадах: *Квачани* [5]), *Лубовець*, *Кокиня*, *Керешфей*, *Руська Нова Весь*, *Абрановці*, *Варгановці*. Вь деяких із них процес словачення ще не скінчів ся, як показують малі числа Русинів у них і богата руськими елементами мова“ [6]).

---

1) См. выше, стр. 136, прим. 3.

2) Rustica (съ большой буквы) считаемъ опиской вм. Russica.

3) Клима, Op. cit., относительно этихъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ сёлъ беретъ въ основаніе оффиціальную статистику и вообще выражается весьма нерѣшительно и неопредѣленно: Jen 3 pravoslavné (obce) se přilásily za ruské a to — — Renčišov — — Rešov — — a — — Miklúšovce, které otočeny jsou pěti pravoslavnými obcemi slovenskými: Klembark, Kvačany, Sedlice, Suchá Dolina a Lubovec. Soudíme tu takto: buď jsou Miklúšovce slovenské tak jako 5 okolních pravoslavných obcí, aneb jsou Miklúšovce ruské. V tom případe bylo by nam ovšem i ostatních 5 obce míti za ruské, čemuž ovšem nenasvědčuje ryze slovenské okolí“ (стр, 116—117). Послѣднія соображенія врядъ ли правильны.

4) Op. cit.

5) „И Седлиці;“ въ нихъ, по Феньешу и схем. Пряш. епархіи 1839 г., уніатовъ 61,8%;

6) Стр. 210.

Тоже самое имѣетъ, вѣроятно, силу и по отношенію къ прочимъ. Въ Лачновѣ, по Томашівському [1]) „говорять, що правда, словяцькою мовою, одначе так сильно підмішаною русчиною, що до певнаго степеня можна-б назвати Лачнів руським". По Цамбелю [2]): „Obec Lačnov— —pripočital som už k obciam slovenským, lebo jej obyvatelia skutočne po slovensky rozprávajú, ale zle by pochodil ten, kto by sa reči východnoslovenskej od nich učil. Tam ešte nezabudli po rusky [3])— — V Lačnove— —vedia ešte temer všetci ľúdia po rusky, ale vedia všetci aj po slovensky, a seba už Sloviakmi menujú" [4]).

Названія.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Т.	Уніаты. Ф.	1900 г.
Абрагановцы	рс.	рс.	сл. рс. т.	сл.	сл.	сл.	42,5%	52,3%
Варганёвцы	рс.	рс.	сл. рс.	сл.	сл.	сл.	84,1%	68,4%
Керештвей	рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	98,0%	92,7%
Рус. Нова Весь	рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	90,2%	85,6%
Дячовъ	сл. рс.	рс.	сл. рс.	сл.	сл.	сл.	51,6%	65,8%
Лачновъ	рс.	рс.	сл. рс.	сл.	сл.	сл.	80,1%	96,3%
Квачаны	рс.	рс.	сл. рс.	сл.	сл.	сл.	79,6%	69,0%
Буяковъ	рс.	сл.	сл. рс.	сл.	сл.	сл.	76,4%	42,7%
Любовецъ	рс.	рс.	сл. рс. т.	сл.	сл.	сл.	69,6%	50,5%
Пеклянки	рс.	рс.	сл. рс.	сл.	сл.	сл.	56,8%	47,0%
Яновъ	рс.	рс.	рс.	сл.	сл.	сл.	34,8%	4,5%
Кокиня	сл. рс.	—	?	сл.	сл.	сл.	82,6%	93,6%

[1]) Op. cit., стр. 212, пр. 3. Здѣсь Лачновъ неправильно причисленъ къ Спишской столицѣ.
[2]) Op. cit.
[3]) Стр. 122.
[4]) Стр. 148.

Обращаетъ на себя вниманіе рѣзкое уменьшеніе число уніатовъ въ Яновѣ.

Томашівський причисляетъ къ русскимъ сёламъ еще уніатскую Фулянку (Fulyán) Топлянскаго (V) округа. По Лексикону и по другимъ показаніямъ, она словацкая, только у Чёрнига отмѣчено русское меньшинство:

Названіе.	Л.	К.	Ч.	Ст.	Ц.	Кл.	Т.	Уніаты. Ф.	Уніаты. 1900 г.
Фулянка .	сл.	сл.	сл, рс.	сл.	сл.	сл.	**рс.	83,5%	90,8%

На югѣ стóлицы въ Нижне-Торисскомъ ея округѣ находится село Тягановцы (Tehány)[1]. Оно въ настоящее время—словацкое и у Феньеша показано таковымъ, по Лексикону же, въ немъ господствуетъ мадьярскій языкъ. Выше нами было приведено почти современное Лексикону свидѣтельство о присутствіи въ Тягановцахъ мадьяръ[2]).

Изъ находящихся у Феньеша и пропущенныхъ въ Лексиконѣ сёлъ только одно лежитъ на русской территоріи, а именно Вышній Мирошовъ (F. Mirossó) въ Маковицкомъ округѣ. Въ tabella universalis оно имѣется. По всѣмъ же даннымъ Вышній Мирошовъ—русскій.

4. Спишская стóлица.

Въ 1412 г., какъ извѣстно, императоръ и король Сигизмундъ I заложилъ Ягайлу часть территоріи Спишской стóлицы, а именно 13 коронныхъ городовъ: Berl (Bela), Deutschendorf (Poprad), Durlsdorf (Duránd), Fölk (Felka), Georgenberg (Szepes Szombathely), Kirchdort (Szepes Váralja), Leibitz (Lajbicz), Matzdorf (Matejócz), Menhardsdorf (Menyhárd), Michelsdorf (Sztrázsa), Neudorf (Igló), Riessdorf (Ruszkinócz), Wallendorf (Olaszi)

[1]) Теперь въ Абауйварской ст.
[2]) Стр. 5, пр. 1.

и, кромѣ того, городъ Kniesen (Gnezda) и два замка Lubló (Lublau, Любовня) и Podolincz [1]) (Pudlein, Подолинецъ) съ Любовенско-Подолинецкой доминіей.

Въ 1769—1772 г., во время перваго раздѣла Польши, Императрица и Королева Марія Тереза возвратила и „реинкорпорировала" Угріи 16 Спишскихъ коронныхъ городовъ съ прилегавшей къ нимъ территоріей [2]).

5-го ноября 1772 г. населеніе принесло присягу Маріи Терезѣ, 20-го февраля 1775 г. торжественно подтверждены были привилегіи городовъ, между прочимъ, независимость [3]) отъ столичнаго управленія [4]). Уніатскіе приходы, однако, оставались подъ управленіемъ Перемышльскаго епископа до 1782 г. [5]), католическіе же — Тарновскаго епископа до 1787 г. [6])—только въ эти годы первые были включены въ Мукачевскую епархію, вторые—въ Спишскую.

Этимъ обстоятельствами совершенно объясняется, почему въ Лексиконѣ нѣтъ ни городовъ, ни сёлъ „реинкорпорированной" территоріи [7]). Къ Любовенско-Подолинецкой доминіи принадлежали, между прочимъ, слѣдующія сёла: Гранастовъ (Granasztó), Камёнка (Kamjonka), Кремпахъ (Krempach), Литманова (Littmanova), Мнишекъ (Mnisek), Сулинъ (Szulin), Якубяны (Jakabfalva) и Ярабина [8]) (Jarembina).

Изъ нихъ Камёнка, Кремпахъ, Литманова, Сулинъ, Якубяны и Ярабина и въ настоящее время

---

[1]) Kniesen, Lubló и Podolincz въ послѣдствіи возведены были польскими королями также въ разрядъ liberae regiae civitates, такъ что получилось уже не 13, а 16 коронныхъ городовъ.

[2]) Krones, Grundriss der österreichischen Geschichte, Wien, 1881—1882, стр. 625.

[3]) Въ судебномъ отношеніи.

[4]) Csaplovics, Topographisch-statistiches Archiv des Königreichs Ungern, II, стр. 304—305.

[5]) Schem. Eperies. a. 1844, стр. 119—120. Гукливская лѣтопись, конца XVIII в., сообщаетъ, правда, иную дату: „1787 г. Того року у свою діецесію пріявъ владыка Андрей Бачинскій Спѣшъ и дванатцят варишѣв" (Мат. IV, стр. 36). Но возможно, что указъ, изданный въ 1782 г., былъ окончательно приведенъ въ исполненіе лишь 5 лѣтъ спустя.

[6]) Czambel, Slovenská reč (стр. 34, прим.), па основаніи работы Градскаго (Hradszky), Jnitia, progressus ac praesens status Capituli Scepusiensis.

[7]) У Корабинскаго находится лишь Сулинъ: „Sulin, ein russnak. Dorf — von katolischen und russnakischen Einwohnern bewohnt wird".

[8]) По Цамбелю; у Гнатюка и Томашівського—Орябина.

всѣми считаются за русскія [1]), Гранастовъ же и Мнишекъ за русско-польскія [2]).

Къ русскимъ сёламъ Любовенско-Подолинецкой доминіи примыкаютъ на сѣверѣ, на границѣ Галичины, русскія сёла Фольваркъ (Folyvárk) и Липникъ (N. Lipnik), южнѣе на западѣ—Годермаркъ (Szászvásár), а съ юга, соприкасаясь съ русской территоріей Шаришской стóлицы [3])—Нижніе Репаши (A. Répás), Ториски (Toriszka), Ольшавица (Olysavicza) и Подпрочъ (Podprocs).

На польской территоріи имѣется русскій островъ—1) Остурня (Oszturnya), на словацкой—русскіе острова: 2) Завадка (Zavadka); 3) Порачъ (Porács), Вышнія и Нижнія Словенки (F. A. Szlovinka), и Гельцмановцы (Helczmanócz); 4) Койшовъ (Kojsó).

Всѣ сёла и теперь русскія, если не считаться относительно нѣкоторыхъ съ мнѣніемъ Климы, авторитету котораго въ лингвистическихъ вопросахъ мы не можемъ придавать особаго значенія [4]). Только относительно Подпроча есть разногласіе между Цамбелемъ и Томашівськимъ: по Цамбелю, Подпрочъ словацкій, по Томашівському—русскій. Закинутую далеко среди поляковъ Остурню оба они считаютъ русской, хотя и съ сильно ополяченнымъ языкомъ [5]). Въ Койшовѣ, по Мишику, обрусѣвшіе словаки [6]). Какъ бы то ни было, и у Чёрнига, и у Ставровскаго всѣ сёла—русскія:

---

[1]) Русскими же, конечно, эти сёла (а также, вѣроятно, Гранастовъ и Мнишекъ) были и въ 1773 г. Составляя синоптическую карту, мы просто не догадались на ней отмѣтить, что въ сѣверо-восточной части стóлицы въ Лексиконѣ не указано не только русскихъ, но какихъ либо поселеній, и этимъ ввели въ заблужденіе г. Томашівськаго (Рецензія на карту, Зап. Шевч., LXXXIX, стр. 209). Такъ какъ синоптическая карта вообще оказалась весьма неудачной, мы ее передѣлали и отпечатали вновь, исправивъ, между прочимъ, и только что упомянутую оплошность.

[2]) У Цамбеля польскій—Гранастовъ, у Ставровскаго—Мнишекъ. Послѣднее подтверждаетъ и д-ръ Стрипскій. По Чёрнигу—оба села словацкія.

[3]) Блажовъ и Штельбахъ.

[4]) Klima, Op. cit., стр. 115.

[5]) Томашівський, Op. cit.: „Крайні руські села — —, а головно Остурня говорять навіть мовою сильно спольщеною" (стр. 212). Czambel, Op. cit.: „(Osturňa) leží dookola poľskými obcami obkolesená a obyvateľstvo vie *popri svojoj materinskej reči ruskej* aj po poľsky (стр. 64, пр.); „Obyvatelia Osturne vedia ešte po rusky, ale vedia všetci aj po poľsky. — — Obec je so všetkých strán odtrhnuta od ruskej národnosti, so všetkých strán obtočena poľskými obcami. A táto obec v týchto neobyčajne ťazkých etnografičných pomeroch dosiaľ zachovala svoju ruskú národnosť" (стр. 181).

[6]) См. выше стр. 113, пр. 2.

Названія.	л.	к.	ч.	Ст.	Ц.	Кл.	т.	Уніаты. ф.	1900 г.
Фольваркъ . .	рс.	рс.	рс. т.	рс.	рс.	рс.	рс.	99,1%	97,6%
Липникъ. . .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	92,5%	92,0%
Годермаркъ. .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	96,0%	89,2%
Нжн. Репаши.	рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	рс.	**рс.	96,3%	94,9%
Ториски . . .	рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	рс.	**рс.	97,0%	92,2%
Ольшавица. .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	94,8%	96,9%
Подпрочъ . .	рс.	рс.	рс.	рс.	сл.	—	рс.	51,3%[1]	89,2%
Остурня . . .	рс.	—	рс.	рс.	рс.	—	рс.	94,5%	92,6%
Завадка . . .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	сл.	рс.	98,7%	96,7%
Порачъ . . .	рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	сл.	рс.	90,3%	96,4%
Вшн. Словенки	рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	сл.	рс.	78,8%	90,4%
Нжн. Словенки	рс.	сл.	рс.	рс.	рс.	сл.	рс.	86,7%	69,5%
Гельцмановцы.	рс.	рс.	рс. т.	рс.	рс.	сл.	**рс.	93,0%	93,6%
Койшовъ . .	рс.	рс.	рс.	рс.	рс.	сл.	**рс.	81,7%	98,0%

М. Бель упоминаетъ о народности только слѣдующихъ сёлъ: „Hundertmorgen — — Hundertmarck. Jnquilinos habet Ruthenos, proiectae audaciae latrones; Folvark — —, Lipnick — — et Lessnicza — — exsiles vici, a Ruthenis atque Polonis culti; Zavadka sedet in edito monte, latronum aliquando domicilium; Matheócz, Porács — — vici — — a plebe Ruthena habitati; Olsavicza, a Ruthenis culta“ [2]).

---

[1]) По Феньешу и схем. Пряшской епархіи 1839 г. У Феньеша уніатовъ ни одного, лишь 76 католиковъ, по схематизму уніатовъ 80.

[2]) Prodromus, pars specialis.

Заканчивая сличеніе данныхъ Лексикона 1773 г. съ послѣдующими данными, выражаемъ надежду, что путемъ детальнаго ихъ сопоставленія:

1) Подтвердилось наше апріорное заключеніе о достовѣрности показаній Лексикона и о соотвѣтствіи ихъ, кромѣ нѣкоторыхъ, можетъ быть, поселеній [1]), дѣйствительному распредѣленію языковъ и народностей Угріи въ послѣднія десятилѣтія XVIII в.

2) Подтвердились изложенные въ докладѣ Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 11-го октября 1909 г. выводы:

а) Предѣлы сплошной русской территоріи, граничащей съ территоріями румынской, мадьярской и словацкой остались въ теченіе послѣднихъ ста тридцати лѣтъ, въ общемъ, почти безъ измѣненія [2]).

б) Русскіе и смѣшанные русско-румынскіе, русско-мадьярскіе и русско-словацкіе выступы и острова на нерусскихъ территоріяхъ должны были сильно пострадать и дѣйствительно пострадали.

Къ послѣднему положенію считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторое добавленіе:

в) Потери русской народности на окраинахъ русской территоріи оказываются даже не столько значительными, какъ это можно было предполагать. Не говоря уже о сёлахъ долины р. Русковой на русско-румынской границѣ, въ Шаришской столицѣ наблюдается кое-гдѣ поступательное движеніе русскаго элемента на русско-словацкой границѣ.

г) Весьма вѣроятно, что мадьяры и словаки-уніаты — потомки русскихъ, утратившихъ русскую народность, но удержавшихъ „русскую" вѣру.

---

[1]) Наиболѣе сомнительны, какъ мы говорили выше, показанія Лексикона о сёлахъ Собранскаго округа Унгварской столицы и о сёлахъ русскаго выступа въ Земплинской ст., на югъ отъ Русской Кайни и Петеёвецъ.

[2]) Выше было уже указано, что мадьяризація шла особенно быстрымъ темпомъ въ послѣднія десятилѣтія (стр. 78). Точно также и поступательное движеніе словацкаго элемента должно было быстрѣе происходить со второй половины XIX в., съ фактическимъ освобожденіемъ крестьянъ, съ полной свободой ихъ передвиженія, съ оживленіемъ и ростомъ торгово-промышленной дѣятельности, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія и т. п. Съ половины XVIII в., когда всколыхнувшееся съ конца XVII в. населеніе осѣдаетъ на мѣсто (см. слѣдующую главу), до половины XIX в., національный процессъ развивался, несомнѣнно, гораздо медленнѣе.

Но все это, конечно, дѣло прошлаго. Какъ пойдетъ развитіе національнаго процесса въ будущемъ — покажетъ само будущее.

Предполагая въ послѣдствіи, по мѣрѣ накопленія и провѣрки матеріаловъ, болѣе обстоятельно остановиться на судьбѣ русской народности и „русской" вѣры въ предшествующія Лексикону времена, находимъ возможнымъ уже теперь высказаться относительно, по крайней мѣрѣ, тѣхъ русскихъ поселеній, которыя разбросаны на угорской равнинѣ, у русскихъ и словаковъ—„Дольней землѣ", у мадьяръ—„Alföld".

Считаемъ необходимымъ заранѣе оговориться и подчеркнуть: *вопросъ о времени заселенія русскими сплошной территоріи по угорскимъ склонамъ Карпатъ мы оставляемъ пока совершенно въ сторонѣ*, не владѣя еще вполнѣ собраннымъ и провѣреннымъ матеріаломъ, хотя мы убѣждены, что и здѣсь русскій элементъ *не можетъ считаться автохтоннымъ*, т. е. восходящимъ ко времени первоначальнаго разселенія славянъ [1]). Точно также оставляемъ теперь въ сторонѣ и критическую оцѣнку трудовъ, авторы которыхъ стоятъ на противоположной точкѣ зрѣнія.

---

[1]) См. краткія, но весьма цѣнныя замѣчанія А. И. Соболевскаго, Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами (Живая Старина, IV, 1894, стр. 524—528). — Ср. также Mišík, Akej viery sú Slováci, Slov. Pohl'., XV, 1895, Czambel, Op. cit., Томашівський, Етноґр. карта Угорськ. Руси и др.

VI.

Когда возникли русскія поселенія на угорской „Дольней землѣ"? [1])

Въ только-что упомянутомъ докладѣ Отдѣленію 11-го октября 1909 г. было также высказано положеніе, къ которому мы окончательно пришли уже нѣсколько лѣтъ назадъ [2]): бо́льшая часть русскихъ поселеній внѣ предѣловъ Карпатскихъ горъ, на угорской „Дольней землѣ", равно какъ и на ближайшей къ ней полосѣ болѣе пологихъ склоновъ Карпатъ [3]), *не могутъ считаться остатками первобытнаго русскаго населенія,* а возникли *въ довольно позднее время,* въ XVI—XVII вв., преимущественно же въ концѣ XVII и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII в.

Послѣ битвы при Могачѣ въ 1526 г., въ XVI и XVII вв. значительная часть Угріи—не одинаково въ разное время—находилась подъ турецкимъ игомъ, Трансильванія и нѣсколько сто́лицъ Угріи были въ рукахъ трансильванскихъ князей, вассаловъ султана. Въ 1606 г., напримѣръ, во время Вѣнскаго мира, въ непосредственномъ владѣніи императора и короля находилось лишь 11 западныхъ и сѣверо-западныхъ сто́лицъ, 9—номинально числилось за нимъ, но въ нихъ вполнѣ или отчасти хозяйничали турки, 8—соединены были съ Трансильваніей. Въ 1683 г. 1-хъ было 12, 2-хъ—18,

---

[1]) Въ первоначальномъ, болѣе краткомъ видѣ, напечатано въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ XVI (1911 г.), кн. 1-я.

[2]) Лѣтъ 5 или 6 назадъ мы сообщали его нѣкоторымъ ученымъ въ С.-Петербургѣ, а также И. В. Ягичу.

[3]) О послѣднихъ предполагаемъ высказаться позднѣе. Основаніе весьма многихъ сёлъ пограничной русской территоріи относится, именно, къ XVI и XVII вв.

3-хъ—5, да и то въ послѣднихъ фактически были господами турки [1]).

Въ теченіе 150-ти лѣтъ Угрія была ареной частыхъ войнъ Габсбурговъ съ турками, съ трансильванскими князьями, съ возстававшимъ по политическимъ и религіознымъ побужденіямъ мадьярскимъ дворянствомъ. Отряды борющихся сторонъ одинаково опустошали страну. Имперскія—особенно иноземныя—войска не уступали въ свирѣпости туркамъ [2]). И во время оффиціальнаго мира не прекращались ни взаимныя нападенія турокъ и христіанъ, ни насилія турокъ надъ райей. Прибавимъ къ этому многократные набѣги татаръ [3]), вторженія войскъ польскихъ, молдавскихъ, валашскихъ, казаковъ.

Города и сёла разрушались, населеніе истреблялось или уводилось въ плѣнъ [4]).

---

[1]) См. стѣнныя карты Ачади (Acsády): Magyarország 1606. a Bécse béke korában, Magyarország 1683. a Török uralom legnagyobb kiterjedése korában. Egykorú hivatalos adatok alapján (Угрія въ 1606 г. во время Вѣнскаго мира, Угрія въ 1683 г. во время наибольшаго распространенія турецкаго владычества. По оффиціальнымъ даннымъ того времени). Въ 1720 г. въ Угріи было (безъ Трансильваніи) 56 сто́лицъ и иныхъ административныхъ округовъ.

[2]) Приведемъ изъ conscriptiones dicales нѣсколько изъ безчисленныхъ находящихся тамъ замѣтокъ такого рода: въ 1567 г. относительно многихъ сёлъ Сатмарской сто́лицы сказано: totaliter combusta, depilata, desolata—per milites Suae Majestatis, per Valones, per milites omnium ordinum, ab hajdonibus; с. Nagy Gút въ Бережской сто́лицѣ въ 1564 г. totaliter combusta per Germanos; въ 1567 г. въ Унгварской сто́лицѣ множество сёлъ: per milites Germanos, per Germanos et milites Hustienses—spoliatae, desolatae; м. пр. с. Asvány, гдѣ не указано ни одного крестьянина: primo per milites Sacrae Caesareo-Regiae Majestatis, deinde vero per Tartaros est depilata. Спишская сто́лица 25-го февраля 1601 г. заявляетъ: „Hoc anno praesenti defalcatae sunt domus 278 — —, propter ignis voraginem, propter pestem et propter exercitum Suae Majestatis utriusque generis tam Hungarorum, quam Germanorum, hinc inde vagantium desolatae" (conscriptiones dicales, т. XXXVI). и т. п. См. также ниже о N. Majtény (Сатмарской ст.).

[3]) Послѣдній набѣгъ относится къ 1717 г. Татары страшно опустошили сто́лицы Мараморошскую, Сатмарскую и Угочскую (Horváth M., Magyarország története, VII, 73—74, 2-ое изд. 1871 г.).

[4]) Общеизвѣстно. См. напр. F. Salamon, Ungarn im Zeitalter der Türkenherrschaft, Leipzig, 1887, стр. 208 и сл. Ср. Acsády, Magyarország népessége a Pragmatica Sanctio korában, Budapest, 1896, стр. 64* (мад. нѣм. изд.). Приведемъ, кстати, выдержки изъ М. Беля, Описаніе Сабольчской сто́лицы: Varie — — praeliarum cadente alea, diminuebantur incolae, hinc tumultuariis conflictibus adtriti, illinc abducti in atrocem foedamque captivitatem; quibus rebus fiebat, ut regio, incolis pedetentim exinanita, ad vastam redigeretur solitudinem. Est enim hoc in malis reponendum, ut, si quod propugnaculorum, (quae) fortalitia vocant, occupavit semel Hungariae hostis immanissimus, totam, quae ei late circumposita est, regionem depopuletur et pessumdet. Hinc urbium, arcium vicorumque rudera, passim iis locis jacentia,

Часть уцѣлѣвшихъ христіанъ бѣжала съ беззащитной Дольней земли на сѣверъ и востокъ, въ гористыя части Угріи, въ малоплодородныя, но и трудно доступныя, съ суровой природой мѣстности. Когда приходило болѣе спокойное время, иные возвращались на родину, но возобновлявшіяся смуты опять гнали ихъ въ горы. Къ нимъ присоединялись новые бѣглецы. И это повторялось много разъ. Все болѣе обезлюживалась Дольняя земля, все болѣе населеніе скоплялось въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ стóлицахъ [1]), хотя и онѣ часто подвергались раззоренію. Бѣжавшіе на сѣверъ дворяне тянули за собой челядь и крестьянъ.

Именно къ XVI и XVII вв. относится наибольшее распространеніе на сѣверъ и сѣверо-востокъ мадьярскаго элемента [2]) на той территоріи, которая въ Лексиконѣ 1773 г. (и позднѣе) является словацкой или русской.

Въ *Шаришской* стóлицѣ въ 1640—1650 гг. по долинѣ р. Торисы почти до Собинова (Kis Szeben) жили мадьяры. Крайнимъ мадьярскимъ селомъ на западѣ были Orkuta на р. Торисѣ, на сѣверѣ—Oszikó и Ternye на р. Секчовѣ (Szekcső), притокѣ Торисы [3]). И въ двадцатыхъ годахъ XVIII в., когда бóльшая часть этого пришлаго населенія передвинулась

---

quae iniquissima gens aut incolebat, aut vicinitate contingebat.— —Szabólcs, princeps olim regionis urbs et arx— —.Hodie pristinum decus amisit penitus, ut vix exilis vici nomen tueri possit, communi urbium Hungariae fato, quarum plurimas innumera bella solo aequaverunt ac pene ex hominum deleverunt memoria.— —Besztercz arcem ante habuit — —, sed hanc quoque solo aequavit temporum injuria". Cp. Notitia comitatuum Bács-Bodrog, articulariter unitorum, historico-geographica a M. Belio an. 1735 elaborata et a G. Gyurikovits an. 1847 aucta: „Perpetuae — — Hungaris coloniae istis locis fuere, tametsi post saecula aliquot multum Cumanorum et Tartarorum impressionibus adtritae, a Turcis autem post cladem Mohácsianam deleta penitus — —. Proinde paucissimos hodie Hungaros reperias eosque dispersos passim ac fere a gente sua degeneres. Rasciani plurimi sunt intermixtis quoque Germanis, quos aetas nostra induxit. Itaque non una hic lingua locum obtinet, verum praeter Rascianam, quae potior est, auditur, tametsi rarius, Hungarica et Germanica.

[1]) О сравнительно густомъ населеніи сѣверныхъ стóлицъ въ началѣ XVIII в. см. Acsády, Magyarország népessége и т. д. стр. 74*—75* (мад. нѣм. изданіе). Сѣверо-восточныя стóлицы, куда также убѣгало населеніе съ Дольней землѣ, сильно пострадали въ половинѣ XVII в. (преимущественно Бережская) во время возстанія Георгія I Ракоци и особенно Тёкёли, пополнявшаго ряды куруцевъ крестьянами Мукачевской доминіи (Lehoczky T. Német telepítések, стр. 250).

[2]) Онъ, конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ былъ и ранѣе представленъ.

[3]) Ссылка у Бидермана, Op. cit., II, стр. 78, пр. 2. Приводимъ здѣсь и далѣе названія въ мадьярской формѣ оригинальныхъ документовъ.

на югъ, М. Бель называетъ слѣдующія сёла вполнѣ или отчасти мадьярскими: Orkuta (prisci incolae Hungari), Nyárs-Ardó, Sz. Mihály (Hungari, Slavis mixti), Gergelylaka, Sz. Péter,—въ долинѣ р. Торисы, Szedikert и Finta—р. Секчова. Въ 1773 г. всѣ эти сёла уже словацкія.

Замѣтимъ, что для многихъ сёлъ Шаришской сто́лицы, носящихъ въ документахъ мадьярскія названія, не имѣется у словаковъ параллельныхъ славянскихъ названій, или же послѣднія являются только передѣлкой мадьярскихъ [1]).

Въ *Земплинской* сто́лицѣ, въ западной ея части, во второй половинѣ XVI и въ XVII в., мадьяры доходили до Вранова (Varannó) [2]).

Во время М. Беля лишь нѣкоторые остатки мадьяръ сохранились въ средней части Уйгельскаго (III) округа и то лишь до Сѣчовецъ (Gálszécs). Такъ, по Белю, въ N. Kazmér—„Hungari, Ruthenis mixti; Magyar Izsép—(Incolae) Hungari sunt,— —quibus tamen magna parte associantur Rutheni; Kozma—Slavi Hungaris miscentur; Cselej—incolitur a Ruthenis, Slavis et Hungaris mixtis; Szécs-Keresztúr—incolis— —maxima parte Ruthenis, paucissimis Hungaris mixtis". Возможно также, что нѣкоторое количество мадьяръ находилось и въ сёлахъ Egres и Kelecsény [3]), гдѣ, по Белю—„incolae mixti, colonia mixta".

„Oppidum Terebes— —colonia frequens, Hungaris, Slavis et Ruthenis mixta". Ранѣе городъ Требишовъ (Tőke-Terebes), расположенный подъ замкомъ Páris [4]), былъ мадьярскимъ военнымъ поселеніемъ: „Terebes— —erat olim oppidum praestans et temporibus Turcicis arci sui nominis—.—haud parvo auxilio, habitabatur enim a militibus Hungaris, qui crebris

---

[1]) Точно такъ же, какъ и для русскихъ сёлъ на Дольней землѣ. На это обратилъ вниманіе и г. Томашівський, Етнограф. карта, стр. 196, пр. 1.

[2]) Бидерманъ, l. c. Заканчивая примѣчаніе о распространеніи на сѣверъ мадьярскаго элемента, Бидерманъ (безъ ссылокъ, но, очевидно, имѣя точныя документальныя данныя) добавляетъ: Die Veranlassung war überall dieselbe, nämlich: die Anhäufung von Flüchtlingen aus den Niederlassungen an der Donau und Theis unter dem Protektorate magyarischer Grundherren. Letztere übersiedelten wohl auch aus Siebenbürgen nach Oberungarn; so z. B. um 1567 die Andrássy, um 1630 die Sennyey, später die Székely de Doba und Varady-Szakmáry".

[3]) См. ниже.

[4]) Почему и городъ ранѣе назывался Páris (или Párics)-Terebes; потомъ названіе города Terebes перешло и на замокъ (Szirmay, Notitia topographica — — comitatus Zempléniensis, стр. 238).

adversus Turcas incursantes eruptionibus effusoque sanguine suo non minus, quam Turcico, arcem perpetuo tuebantur, sed arce post dissoluta[1]) sensim et incolae illi deperierunt sedibus Slavis atque Ruthenis relictis, qui hodiedum parte oppidi maxima nidulantur, sunt enim pauperrimi" [2]).

Сѣвернѣе Требишова незначительное число мадьяръ указано Белемъ въ „Zebegnyő" и еще пяти сёлахъ „Zebegnó— —incolitur et is, ut priores (Kelecsény, Miglész, Pelejte, K. et N. Azár, Gerenda)[3]), ab agrestibus Ruthenis *vix uno aut altero nationis* Hungaricae"—всѣ между Требишовымъ и Сѣчовцами (Gálszécs). „Gálszécs— frequens, sed vilis colonia Slavorum et Ruthenorum, Hungaris *antiquis paucioribus* jam mixta".

Въ 1773 г. и въ XIX в. всѣ эти поселенія являются словацкими [4]).

Въ другихъ округахъ столицы горсточки мадьяръ— остатки прежняго населенія находились, по Белю, въ N. Mihály и Sztropkó [5]), а также въ селѣ Rákócz Оградзанскаго (V) округа [6]).

Вообще о Земплинской столицѣ Бель замѣчаетъ: „Etsi olim Hungari partem comitatus potiorem obtinebant, hodie tamen paucissimis locis tenentur. Hinc atque inde per Submontanam et Interamnanam oram atque circa confluxum Bodrogi et qua vallis ab Ujhely procurrit versus Szalanczam nonnullos sparsim offendimus, sed raro et illic solos, quin Slavis atque Ruthenis Polonisque essent permixti".— —„Hungari Germanique, qui olim frequentiores regionem inhabitabant, in annos deficiunt" [7]).

Въ *Унгварской* столицѣ во многихъ русскихъ сёлахъ въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. находимъ у крестьянъ и мадьярскія имена [8]).

[1]) „A. 1686. Tököliani praesidiarii, desperatis rebus suis Munkácsinum se recipientes, arcem Terebes suffossis munimentis pulvere pyreo incensam reliquere, nunquam amplius instauratam" (Szirmay, Op. cit., стр. 241).

[2]) М. Бель.

[3]) При нихъ отмѣчено лишь „incolae mixti",

[4]) По Лексикону, Szécs-Keresztúr—русскій, нынѣ—словацкій.

[5]) Oppidum Sztropkó — — Bohemorum temporibus maxime ejusdem gentis colonia insessum erat, eos interpolarunt Rutheni, Poloni et Slavi; *non plane nullis Hungaris* subinde accedentibus.

[6]) См. ниже.

[7]) M. Bel, Compendium Hungariae geographicum, Posonii, 1753, стр. 79.

[8]) См. приложеніе.

Въ *Бережской* стóлицѣ, по урбару Мукачевской доминіи 1649 г., въ 43-хъ сёлахъ—и въ 1773 г., и теперь русскихъ—и даже далеко въ горахъ, на границахъ Галичины и Унгварской стóлицы, какъ, напримѣръ, въ Воловцѣ (Volócz) и Тростяницѣ (Trosztyanicza)—тоже [1]).

Многіе изъ мадьяръ-переселенцевъ удержали свою народность и даже омадьярили словаковъ и нѣмцевъ, среди которыхъ поселились и жили [2]), иные же, даже и дворяне [3]), ословачились или обрусѣли [4]). Во многихъ семьяхъ, однако, сохранились воспоминанія, что ихъ предки пришли сюда съ юга, убѣгая отъ турокъ [5]).

Часть населенія, сильно порѣдѣвшаго [6]), осталась, конечно, на родной ей Дольней землѣ. Но и здѣсь мы видимъ постоянное передвиженіе. Въ conscriptiones dicales имѣется множество данныхъ о частичномъ раззореніи поселеній [7]), объ избіеніи или бѣгствѣ жителей. Иногда раззоренныя поселенія такъ и не возстановлялись, иногда годы, десятки лѣтъ лежали впустѣ, иногда же на другой, на третій годъ они опять заселялись. [8]) При этомъ, иной разъ возвращались прежніе ихъ обыватели, иной разъ водворялись совершенно новые, часто и другой народности.

---

¹) Имена въ родѣ: Balazs, Ballos, Balóg, Csepa, Csupor, Delegán (скорѣе румынское имя), Egeres, Fejes, Lengyel, Major, Sánta, Sütő, Szekeres, Török, Varga и т. п. встрѣчаются въ большемъ или меньшемъ числѣ среди русскихъ въ слѣдующихъ сёлахъ: въ Верхнемъ (III) округѣ,—Арданово, Бабичи, Барбово, Березинка, Доробратово, Дунковица, Завидово, Загатье, Кобалёвица, Лалово, Мѣдяница, Пистрялово, Потокъ Чорный, Ремета, Фогарашъ, Шаркадь; въ Косинскомъ (II) округѣ—Балажовцы, Бобовищи, Грибовцы, Ивановцы, Кайданово, Копиновцы, Лавки, Лохово, Лучки, Микуловцы, Русское, Серенчовцы, Страбичово, Тростяница, Черленово; въ Мукачевскомъ (I) округѣ — Быстрый (N. Bisztra), Воловецъ, Верхнія и Нижнія Вызницы, Геевица, Глинянецъ, Грибово, Дубина, Косино, Подгоряны, Росвигово, Чабины (Lehoczky T., Beregvármegye monografiája, III, 1882).

²) Bidermann, Op. cit. II, стр. 79.

³) Въ 1794 г. нѣкоторые русскіе дворяне носятъ чисто мадьярскія фамиліи: въ Унгварской стóлицѣ—Kovács, въ Бережской—Gorzó, Székany, Komlóssy (Bidermann, Op. cit., II, стр. 52, пр. 3).

⁴) Lehoczky T., Német telepitések, стр. 250.

⁵) Bidermann, Op. cit., II, стр. 52, пр. 3, стр. 78, пр. 8).

⁶) См. выше, стр. 152.

⁷) Иногда даже цѣлыми округами. Такъ, въ Сабольской стóлицѣ въ 1600 г.—„IV processus omnino desertus"; въ 1605 г. въ III округѣ осталось лишь 8 сёлъ. См. также выше, стр. 151, пр. 2.

⁸) Напримѣръ, въ conscriptio dicalis 1554 г. Сабольчской стóлицы: Zobozló, Zyget — — anno proximo dilapso — — 1553 dicata non fuit, aufugerunt enim prae metu Turcarum, quod eis tunc se subicere noluissent, hoc tamen anno praesenti tunc primum tempore connumeratonis et hi tantummodo infranotati coloni sunt rediisse comperti" (т. XLI).

Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ [1]):

Сатмарская стóлица.

Мѣстечко N. Majtény, на румынской нынѣ территоріи, на юго-западѣ стóлицы, было населено мадьярами-реформатами. Въ 1661—1662 гг. оно раззорено, какъ войсками фельдмаршала Монтекукули, такъ и турками и совершенно запустѣло. Только въ первыхъ десятилѣтіяхъ XVIII в. оно вновь наполнилось поселенцами, но уже нѣмцами-католиками, приглашенными туда графомъ А. Карольи [2]).

Село F. Fernezely, также на румынской нынѣ территоріи, но на юго-востокѣ стóлицы, на границѣ съ Марамарошской, по Сирмаи, ссылающемуся на регистръ [3]) служнаго (szolgabiró) Г. Сирмаи, было въ 1690 г. заселено русскими изъ Марамороша, почему и стало одно время называться Felsö-Oroszfalu [4]). Эю, вѣроятно, *вторичный* притокъ русскихъ: F. Fernezely существовало еще въ 1591 г., потомъ, задолго до 1668 г., оно запустѣло. Въ 1668 г. оно уже называется *Новымъ* Русскимъ селомъ—слѣдовательно, заселено русскими *недавно* передъ этимъ годомъ [5]).

Сабольчская стóлица.

Vencsellö, на границѣ Земплинской стóлицы, по conscriptiones dicales: въ 1549 г. Andreae Bathori portae 5, ejusdem *Oros* (т. е. Oroszok) portae 6; въ 1553 г. *Hungari*—6 p., *Rasciani* (сербы)—7 p., въ 1554 г.—*Hungari*, *Orozok*—14 portae.

Въ сѣверной части стóлицы село Keresztút [6]) въ 1549 г. *Hungari*—25 portae, *Oroszok* 6 portae; въ 1553 г. *Hungari*—16 p., *Rasciani*—4 p., въ 1554 г. *Hungari*—16 p., *Oroszok*—

[1]) См. также ниже. Вообще о судьбѣ различныхъ поселеній, объ ихъ временномъ или окончательномъ запустѣніи много можно найти въ трудахъ Сирмаи и Легоцкаго, а также у Acsády, Magyarország népessége и т. д., ч. III.

[2]) Szirmay, Szathmár vármegye — — esmeréte, II, стр. 41—42.

[3]) Т. е., вѣроятно, registrum dicae.

[4]) Szirmay, Op. cit., II, стр. 357.

[5]) Litterae compositionales super possessiones Orosz-Újfalu et A. Fernezely inter oppidum Nagy-Bánya necnon dominos terrestres 12ª Junii, anno 1668 (по-мадьярски)—въ Государственномъ архивѣ въ Будапештѣ (Neoregistrata, fasc. 1761, № 44).

[6]) Въ послѣдствіи мѣстечко, oppidum, mezóváros.

5 p.; въ 1566 г.—desolata et depraedata; въ 1567 г.—portae 9 [1]).

Прослѣдимъ еще, по тѣмъ же conscriptiones dicales, судьбу четырехъ сёлъ, въ 1773 г., по Лексикону, русскихъ или мадьярско-русскихъ:

(Nyír) Béltek [2]) упоминается въ conscriptiones непрерывно до 1576 г.; въ 1600 г.—deserta possessio, въ 1609—1 porta.

Pilis [3])—въ 1596 г.—depopulata per Tartaros, въ 1600 г.—deserta; вновь появляется лишь въ 1622 г.

(Nyír) Lugos [4]) упоминается до 1598 г., въ 1600 г.—deserta, съ 1601 до 1606 г. его нѣтъ, въ 1609 г.—1 porta.

Peniszlek [5]) въ 1578 г.—deserta, въ 1598—9 portae.

Послѣ пораженія подъ Вѣной въ 1683 г. турки принуждены были очистить Угрію и Трансильванію. По Карловецкому миру 1699 г. за султаномъ остались лишь земли между рр. Темешемъ и Марошемъ (позднѣйшій Банатъ), утраченныя потомъ Турціей по Пожаревецкому миру 1718 г.

Въ рѣдко-населенную, одичавшую, но необычайно плодородную Дольнюю землю хлынули иностранные колонисты, съ Балканскаго полуострова—сербы, изъ Австріи и Германіи—нѣмцы, изъ Молдавіи и Валахіи—черезъ Трансильванію—румыны. Но и внутри Угріи началось цѣлое переселеніе народовъ.

Изъ горныхъ стóлицъ стали возвращаться на югъ мадьяры, какъ сохранившіе свою народность, такъ и принявшіе „русскую“ вѣру, обрусѣвшіе [6]) и ословачившіеся, потянулись

---

[1]) Вотъ еще одиночные примѣры опредѣленія народности крестьянъ въ conscriptiones dicales: Erdöszáda—(Сатмарской стóлицы) portae 13, ex quibus portae Hungarorum 6, portae Ruthenorum 7 (conscriptio a. 1554); Bakta-Lórántháza—Hungari cum Ruthenis—portae 3/4 (conscriptio a. 1648); въ Сабольчской ст. въ 1553 г.: Wyvaros — Hungari — 28 p., Rasciani — 6 p., Bezermen — Hungari — 25 p., Rasciani — 20 p., Kenezlew — Hungari — 32 p., Gawa — Hungari — 1 p., Rasciani—1 p., и т. п.

[2]) Сабольчской стóлицы, по Лексикону—мадьярско-русское село.

[3]) Сабольчской стóлицы, по Лексикону—русское село.

[4]) Сабольчской стóлицы, по Лексикону—русское село Сатмарской стóлицы.

[5]) По conscriptiones, часть его въ Сабольчской, часть въ Сатмарской стóлицѣ, по Лексикону—русское село Сатмарской стóлицы.

[6]) Этимъ то и объясняется, что во многихъ сёлахъ Угочской, Сатмарской и другихъ стóлицъ на Дольней землѣ, въ которыхъ, по Лексикону, господствуетъ русскій языкъ, постоянно встрѣчаются мадьярскія фамиліи (см. приложеніе). Но, говоря по-русски и считая себя русскими, крестьяне часто знали и языкъ мадьярскій. См. объ этомъ выше относительно сёлъ Угочской стóлицы, стр. 57—58.

словаки и русскіе, спасаясь отъ голодовокъ, притѣсненій господъ, а то и просто ища счастья въ благословенномъ природой краю. Многіе дворяне-помѣщики, въ свою очередь, спѣшили на Дольнюю землю въ свои прежнія владѣнія, иные или пріобрѣтали, или получали въ даръ отъ правительства, или захватывали по праву primi occupantis [1]) новыя. Помѣщики переводили своихъ крестьянъ изъ сѣверныхъ столицъ или сманивали чужихъ и, во всякомъ случаѣ, охотно принимали пришлыхъ.

Возстаніе Франца II Ракоци 1703—1711 г., сопровождавшееся жестокостями какъ *куруцевъ*, такъ и *лабанцевъ* [2]), внесло въ передвиженіе народа еще бо́льшій хаосъ, срывая населеніе съ земли и усиливая въ немъ бродячія наклонности [3]).

Умиротвореніе Угріи послѣ Сатмарскаго мира 1711 г. облегчило движеніе на югъ [4]).

---

[1]) Czoernig, Ethnographie der österreichischen Monarchie, Wien, 1855, III, стр. 5.

[2]) *Куруцы*—угорскіе „мальконтенты“, участники возстаній Тёкёли и Франца II Ракоци. *Kuruc*—civis malecontentus vel miles confederationis (Szarvas G. és Simonyi Zs., Magyar nyelvtörténelmi szótár, Budapest, 1896, II). Такъ прозвали ихъ сторонники императора, презрительно приравнивая ихъ къ ненавистнымъ для дворянства *куруцамъ* 1514 г. Въ этомъ году крестьяне (отчасти и низшее дворянство), въ огромномъ количествѣ собравшіеся для провозглашеннаго примасомъ Угріи, Ѳомой Бакачемъ, крестоваго похода противъ турокъ, вмѣсто того съ страшнымъ ожесточеніемъ обрушились на помѣщиковъ подъ предводительствомъ Георгія *Дожи* (или Székély), родомъ секлера (Fessler-Klein, Geschichte von Ungarn, 1871, III, стр. 297—303). *Kuruc* и значитъ, собственно, *крестоносецъ*, отъ лат. *crux*: A *cruce* convitiosum vocabulum traxit originem, qua se multitudo sub Wladislao Polono a. MD XIV, in Turcas profectura, significaverat (Szarvas és Simonyi, l. c.).

Куруцы, въ свою очередь, дали противникамъ кличку *лабанцы*: Labanc—stipendiarius Austriacus, rei Austriacae studiosus (ib.) *Labanc*—отъ мад. láb (нога)—пѣхотинецъ, нѣмецкій Fussknecht. Ландскнехты особенно неистовствовали надъ населеніемъ. Собирательное *labancság* стало обозначать также нѣмцевъ вообще (ib.).

[3]) И Францъ II Ракоци, подобно Георгію I и Тёкёли, привлекалъ крестьянъ подъ свои знамена, обѣщая имъ освобожденіе на вѣчныя времена отъ податей и повинностей (Szirmay, Notitia historica comitatus Zempléniensis, стр. 288 и 300).

[4]) Любопытны цифры переписи 1715 и 1720 г. (Magyarország népessége и т. д.). Количество населенія въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ сто́лицахъ въ 1720 г. сильно уменьшилось сравнительно съ 1715 г. Такъ, въ Спишской ст. въ 1715 г. было 1.492 крестьянскихъ двора, въ 1720 г.—1.001; въ Шаришской въ 1715 г. всего занесено въ списки 4.924 души, въ 1720 г.—3.544. Это, несомнѣнно, результатъ переселенія на югъ.

Въ Земплинской, Унгварской и Брежской сто́лицахъ такого уменьшенія не замѣчается, напротивъ въ 1720 г. мы имѣемъ бо́льшія цифры, чѣмъ въ 1715 г. Крестьянскихъ дворовъ было: въ 1715 г. въ Земплинской ст.—3.471,

Покинувъ родину, населеніе далеко не сразу осѣло на постоянное жительство. Во многихъ сёлахъ въ 1720 г. мы находимъ совершенно или по бóльшей части *иныя* имена крестьянъ, чѣмъ въ 1715 г. [1]). Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, въ какой степени позволительно судить по именамъ о народности ихъ носившихъ [2]), мы, въ общемъ, тѣмъ не менѣе, не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Ачади, пользовавшагося, кромѣ conscriptiones ann. 1715 et 1720, еще и иными, не всегда, однако, имъ цитируемыми документами: „Часто въ нѣкоторыхъ сёлахъ жилъ въ 1715 г. совершенно иной народъ, чѣмъ въ 1720 г. Встрѣчаются и такія сёла, въ которыхъ между 1715 и 1720 гг. трижды мѣнялось населеніе. Сегодня въ немъ живутъ мадьяры, завтра они уже уходятъ прочь; ихъ мѣсто занимаютъ швабы, а черезъ годъ и эти выселяются. Вмѣсто нихъ являются хорваты или сербы, словаки или румыны, но остаются ли они тамъ или нѣтъ, этого мы уже не знаемъ, такъ какъ лѣтомъ (? осенью) 1720 г. перепись закончена“ [3]).

И ранѣе XVIII в. переселялись крестьяне изъ Галичины въ Угрію, съ началомъ же его это переселеніе особенно усилилось, заполняя пробѣлы, образовавшіеся отъ эмиграціи на югъ. Переселялись и поляки—преимущественно въ Спишскую и Шаришскую [4]), и русскіе—въ Шаришскую и другія восточныя

въ Унгварской—1.433, въ Бережской—1.674; въ 1720 г., въ Земплинской—4.686, въ Унгварской—1.711, въ Бережской—1.912. Передвиженіе на Дольнюю землю происходило и въ этихъ стóлицахъ, но оно съ избыткомъ вознаграждалось притокомъ новыхъ колонистовъ изъ Галичины, о чемъ см. ниже.

1) Conscriptiones ann. 1715 et 1720; см. приложеніе.

2) Ачади въ Magyarország népessége и т. д. поступалъ черезчуръ рѣшительно.

3) Magyarország népessége и т. д., стр. 75* (мад. нѣм. изданіе), см. также III часть, passim, особенно стр. 315 и сл.

4) Присутствіе поляковъ въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ Шаришской, Земплинской и Абауйварской стóлицъ отмѣчено и М. Белемъ: Шаришская ст.: Zboró—ipsum oppidum incolitur a *Polonis*; Bártfa— —incolae Germani — — .Hodie Slavi Germanis mixti sunt ac hi sane ex *Polonorum* vicinia et Russorum, qui circumhabitant, contagio ore loquentes crasso et incondito; Eperies — — cives Germani, partim Slavi, Hungari pauci. — — Slavi imitantur partim *Polonos*, partim Russos adscisticio loquendi, qui parum leporis, inconditi et crassi multum admixtum habet. Земплинская ст.: Sztropkó— —incolae— —Rutheni, *Poloni* et Slavi; Sz. Mária — — incolae — — sunt pauci ex Hungaris, Slavis, *Polonis* Ruthenisque mixtis; Zetény incolitur a diversis nationibus, Hungaris, Slavis, Ruthenis *Polonis*que. Абауйварская ст.: A. et F. Mislyó, Bologd, Olsva, singulorum incolae indigenae quidem Hungari sunt, convenae Slavi, Rutheni ac *Poloni* etiam.

стóлицы [1]). По Бидерману, собиравшему свѣдѣнія отъ мѣстнаго русскаго духовенства, во многихъ русскихъ сёлахъ въ семьяхъ крестьянъ жили преданія объ ихъ происхожденіи изъ „Польши", т. е. Галичины [2]). Въ метрикахъ почти всѣхъ приходскихъ церквей на сѣверѣ Шариша упоминается о пришельцахъ изъ Галичины [3]).

Историческія условія жизни Угріи въ XVI—XVIII в., какъ видно изъ нашего краткаго очерка, сами по себѣ заставляютъ усомниться въ томъ, чтобы русская народность, если она нѣкогда простиралась отъ склоновъ Карпатъ до Дуная, могла непрерывно, въ теченіе многихъ столѣтій, уцѣлѣть въ небольшихъ островкахъ среди инородной, постоянно волнующейся, постоянно передвигающейся то въ томъ, то въ иномъ направленіи водной стихіи [4]).

Гораздо вѣроятнѣе предположить, что русскій элементъ въ поселеніяхъ на Дольней землѣ, зарегистрированный Лексикономъ 1773 г., есть результатъ *новѣйшей* колонизаціи съ конца XVII в., въ эпоху массоваго передвиженія народа изъ горныхъ частей Угріи на Дольнюю землю. Русскіе и обрусѣвшіе мадьяры постепенно заняли мѣстности, вполнѣ или отчасти, давно или недавно, оставленныя прежними ихъ обитателями [5]).

Чтобы подкрѣпить наше предположеніе, сгруппируемъ, по стóлицамъ, показанія М. Беля и другихъ источниковъ, показанія, съ одной стороны свидѣтельствующія о частомъ — и иногда на долгое время — перерывѣ въ существованіи отдѣль-

---

[1]) Bidermann, Op. cit., I, стр. 9, II. стр. 72, 85—86. Фактическія данныя разбросаны въ переписяхъ, урбарахъ и иныхъ документахъ. См., напримѣръ, постановленіе Унгварской ст. 1711 г. о дарованіи свободы отъ податей на 2 года „advenis ex Polonia" (Bidermann Op. cit., I, 11) или докладъ придворной Камерѣ камеральнаго администратора въ Сиготѣ 30-го іюня 1760 г. о сёлахъ Бочковской доминіи въ Мараморошѣ: „Subditi dominii Bocskó sine commercio Poloniae subsistere non valentes, *in Poloniam, unde a potiori oriundi sunt*, redibunt (Bidermann, Op. cit., II, стр. 86, пр. 2). См. также наши Мат. I, стр. 9.

[2]) Bidermann, Op. cit., I, стр. 10—11, II, стр. 55.

[3]) Ib. II, стр. 72, пр. 1.

[4]) Не говоря уже о катастрофахъ, постигавшихъ средне-дунайскую низменность ранѣе XVI в.—въ родѣ вторженія мадьяръ и нашествія Батыя.

[5]) Такимъ образомъ, существованіе подобныхъ русскихъ поселеній, должно быть, по нашему мнѣнію, *исключено* изъ аргументовъ въ пользу автохтонности русскаго племени за Карпатами. Объ иныхъ русскихъ поселеніяхъ, гораздо ранѣе утратившихъ свой русскій характеръ, скажемъ нѣсколько ниже.

ныхъ поселеній [1]), а съ другой—о передвиженіяхъ народа съ конца XVII в. и о томъ, что, въ весьма многихъ случаяхъ, обыватели, которыхъ мы находимъ въ тѣхъ или иныхъ поселеніяхъ во второй половинѣ XVIII в., суть потомки именно *новосёловъ*.

При этомъ оказывается, что къ послѣднему разряду относится болѣе половины русскихъ и смѣшанныхъ сёлъ Лексикона.

Ихъ всего, кромѣ сёлъ Угочской стóлицы [2])—31. Изъ нихъ *восемь* вполнѣ опредѣленно отмѣчены, какъ *новыя* русскія колоніи: Agárd, Béltek, Bély, Horváti, Keresztúr, Kuczura, Pilis и (Bodrog) Szerdahely; въ *трехъ*—населеніе въ 20-хъ—30-хъ годахъ было непостояннымъ, бродячимъ: Dámócz, (Kis) Dobra и (Lelesz) Polyán; *три* ранѣе XVIII в. нѣкоторое время бывали въ полномъ запустѣніи и лишь по истеченіи часто значительнаго времени вновь заселились: Falucska, (Nyír) Lugos, Peniszlek—всего, слѣдовательно,—14.

Изъ остальныхъ—Cséke, въ Земплинской стóлицѣ, примыкаетъ къ группѣ *новыхъ* русскихъ и смѣшанныхъ сёлъ: (K.) Dobra, Dámócz, Bély и Agárd, и естественно предположить, что и въ это село русскій элементъ проникъ тогда же, когда и въ четыре предшествующія. Точно также въ Сатмарской и Сабольчской стóлицахъ къ сёлу Pilis примыкаютъ Derzs, (Nyír) Császári и Vasvári, къ (Nyír) Béltek, Lugos и Peniszlek—(Nyír) Acsád; весьма вѣроятно, что Derzs, (Nyír) Császári, Vasvári и (Nyír) Acsád возникли, какъ *русскія* поселенія, приблизительно около того же времени, какъ и Pilis, (Nyír) Béltek, Lugos и Peniszlek.

---

[1]) Въ дополненіе къ уже приведеннымъ ранѣе на стр. 143—144 документальнымъ давнымъ.

[2]) Сёла ея русскаго выступа и прилегающихъ мадьярско-русскихъ полосъ составляютъ естественное продолженіе сплошной русской территоріи и могли быть колонизованы русскими въ болѣе раннее время. Но и то, Csedreg и Hetény, а также лежащія на русской окраинѣ Kirva, Csarnató, Királyháza и часть F. Karaszló заселены русскими лишь въ началѣ XVIII. Оговоримся: мы не хотимъ сказать, что въ это время русскіе *впервые* заняли означенныя сёла. Русскіе могли жить и раньше въ нихъ, но потомъ сёла или запустѣли, или были заняты крестьянами иной народности. Но *непрерывное* существованіе этихъ сёлъ, *какъ русскихъ*, начинается лишь съ первыхъ десятилѣтій XVIII в. Эту оговорку надо имѣть въ виду и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, только относительно *двѣнадцати* сёлъ нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній на ихъ позднее происхожденіе. Думаемъ, что если бы Бель обработалъ Описанія всѣхъ стóлицъ такъ же подробно и обстоятельно [1]), какъ и Земплинской, и если бы удалось вполнѣ изучить, кромѣ conscriptiones dicales, и иные аналогичные документы Государственнаго архива въ Будапештѣ, то наше предположеніе получило бы еще болѣе прочную опору.

Остановимся сначала на общихъ замѣчаніяхъ М. Беля. Въ своихъ Описаніяхъ стóлицъ, составленныхъ въ двадцатыхъ, тридцатыхъ годахъ XVIII в., но, конечно, по матеріаламъ, собраннымъ ранѣе, ближе ко времени переписей 1715 и 1720 гг., Бель опредѣленно свидѣтельствуетъ о привычкѣ народа къ блужданіямъ.

Такъ, въ Описаніи Земплинской стóлицы:

„Vix unum vicum videas sine Slavis, iique vel olim jam hic consederant et familia copiosa sunt propagati, vel *advolant quotidie alii*, Oravi, Vandali, Russi, Poloni— —. Dum (Slavi Ruthenis)— —miscentur, inspirant eisdem quoque *consuetudinem vagandi*, quum alioquin gens haec difficilius migret— —,nisi mandato deducta, uti in vico Szerdahely et alibi vidimus“.

Послѣднее сужденіе, однако, сильно ослабляется другими его же заявленіями: въ Описаніи Саболъчской стóлицы: „Hungaris— —adtenuatis (въ Саболъчской стóлицѣ), ne regio inculta prorsus jaceret, Rutheni in supplementum dati sunt, atrox et ignobile genus— —atque *eodem loco diu perstare nescium*. Quia enim jure hereditario nulli sunt obnoxii [2]), *sedes, cum lubet, immutant et susceptis susque deque migrationibus alibi aestatem, hiemem alibi transmittunt*. Quod tunc imprimis faciunt, cum vel heros indipiscuntur, non undequaque commodos, vel a tributis immunes se praestare volunt, quae res non dominis tantum terrestribus, sed et provinciae universae omnino damnosa est“. „Accessere *non ita pridem* Rutheni— —,obscurum hominum genus et non nisi atrocitatis conscium“ [3]).

---

[1]) Возможно, что въ Пресбургѣ, Остригомѣ и Вѣнѣ имѣются и лучшіе списки работъ Беля.

[2]) Rustici istiusmodi *taxales* dicuntur, eo quod domino terrestri annis singulis *taxam unius imperialis* solvant aut tributarias operas dierum duodecim praestent, caeterum ab omni onere, quod rusticis heriditariis incumbat, liberi.

[3]) M. Bél, Compendium Hungariae geographicum, стр. 129.

Въ Унгварской стóлицѣ: „Rutheni— —*instabiles*— —deterrimam degunt vitam“ [1]).

Ср. донесеніе Унгварской стóлицы въ 1729 г. сейму объ Унгварской Верховинѣ:

„Et quia ad rite incolendum non est aptum (solum), *vaga gens Ruthenica* tam rara fixit domicilia, ut maxima pars, horrida videlicet saxa, culturae incapacia, bonis oculis indigna, feris duntaxat bestiis et volucribus deserviat— —. Beneficia caeteroquin ibidem nulla, inde nulla nobilium habitatio— —. Hos (Ruthenos)— —Polonorum excursio et rapina affligit uberius— —. Cui jam videbitur mirum, cum et circumquaque aut frequens penuria frumenti (eos) affligit aut pecorum lues devastat (quae duo, instar vigiliarum, sese permutare solent), *turmatim integras fugere possessiones*, potissimum cum hoc modo tam facile semet expediant, ut omnem domesticam supellectilem collectam uno sarcimine facile humeris bajulent [2]).

Перейдемъ теперь къ даннымъ, относящимся къ отдѣльнымъ поселеніямъ:

Земплинская стóлица.

Въ Подгорномъ или Токайскомъ (I) округѣ:

Ardó olim Ordó, pagus— —a. 1705 sub bellis civilibus *desertus* et nonnisi a. 1720 novis coloniis insessus [3]).

Gesztely— —a. 1705 fuit *locus desertus, a. 1746 novis coloniis insessus* [4]).

Golop, *nova* Hungarorum cum Slavis mixta colonia religionis diversae [5]).

Legyes-Bénye— —fuit adhuc *a. 1730 desertus, iam aetate nostra* colonis Hungaris— —*insessus* [6]).

Vámos-Újfalu — — fuit *circa exitum seculi prioris* [7]) *desolata solitudo — —, nostro iam aevo novis coloniis insessus* [8]).

---

1) M. Bél, Compendium, стр. 83.
2) Изъ Унгварскаго стóличнаго архива у Бидермана, Op. cit., стр. 73, пр. 3.
3) Szirmay, Notitia topographica comitatus Zempléniensis, стр. 222—223.
4) Szirmay, Op. cit., стр. 227.
5) M. Бель.
6) Szirmay, Op. cit., стр. 230—231.
7) XVII в.
8) Szirmay, Op. cit., стр. 182.

Всѣ четыре села, по Лексикону, мадьярскія.

По переписи 1715 г., въ Körö m было прежде 150 домовъ, во время послѣдних волненій село запустѣло [1]).

О судьбѣ села Kak см. выше [2]).

Въ Островномъ или При-Бодрогскомъ (II) округѣ [3]):

Изъ русскихъ и мадьярско-русскихъ сёлъ Лексикона находимъ у Беля замѣчанія о сёлахъ: Dámócz, (Kis) Dobra, (Lelesz) Polyán, (Bodrog) Szerdahely—по Лексикону русскія, Agárd и Bély—по Лексикону мадьярско-русскія.

Perbenik [4]) et Dámócz — — incolis mixtis et *vagis* egenisque. По переписи 1715 г., только въ этомъ году Perbenik стало заселяться, пришельцы живутъ въ хижинахъ [5]).

Dobra— —(pagus), melioribus colonis desolatus, tenet nil, nisi *vagos, profugos* et mixti generis nationisque *advenas*.

Polyán— —incolis Ruthenis atque *vagis*.

Szerdahely— —nova colonia— —. Erat olim pagus celebris, a Boëmanis excultus— —, qui et castellum in eo reliquerant, sed postquam *a centum annis desertus stetit, ante annos aliquot insessus* est— —. Pagum, hactenus *desertum*, augent *advenae* Rutheni, Hungaris mixti.

Bély vix 9. constat colonis, Sennyeris et aliis nobilibus famulantibus et *ex diversis regionibus Ruthenicis collatis*.

Относительно Agárd Бель отмѣчаетъ оставленіе его бóльшей частью крестьянъ:

Agárd— —saepe ita exutus colonis, ut *vix ternos incolas retinuerit caeteris dilapsis*; nunc adsunt tamen aediculae circiter octo incolis Ruthenis Hungaris mixtis.

Остальныя, упомянутыя у Беля сёла, въ Лексиконѣ мадьярскія:

F. Bereczky— —(pagus), *insessus ante annos aliquot*, incolitur a nonnullis *advenis* Hungaris, Ruthenis mixtis.

---

[1]) Magyarország népessége, мад. изд. III, стр. 398.
[2]) Стр. 85—86.
[3]) О поселеніяхъ какъ этого, такъ и остальныхъ округовъ стóлицы, всѣ свѣдѣнія взяты изъ описанія Беля.
[4]) По Лексикону—мадьярское село.
[5]) Magyarország népessége l. c.

N. Géres— —vicus exilis— —colonis inhabitatur miserioribus, *advenis* maximam partem iisdemque Ruthenis et Hungaris, sed *utrinque vagis et nunc hic, nunc alibi degere cupientibus.*

Ladmócz— —Hungaris, parte— —parva *dilapsis*, miscentur Slavi et Rutheni.

N. et K. Rozvágy— —incolis mixtis, miseris et *vagabundis.*

Szinyér— —incolae, uti pauci sunt, ita etim *vagabundi.*

Szolnocska— —incolae mixti et *migrationibus crebris dediti.*

K. Újlak— —incolitur ab Hungaris, *vagabundis* Slavis mixtis.

Zétény— —incolitur a diversis nationibus, Hungaris, Slavis, Ruthenis Polonisque, frequenti numero aedicularum, sed colonis— —*vagabundis et instabilibus.*

Подобныя же замѣчанія, но въ значительно меньшемъ количествѣ, сдѣланы Белемъ и относительно нѣкоторыхъ поселеній, лежащихъ внѣ Дольней земли, въ средней и сѣверной части сто́лицы:

Въ Уйгельскомъ (III) округѣ:

Bacskó [1]— —pagus, copiosa Ruthenorum colonia insessus — —, *advenae* — — sunt et ipsi non sufficiunt vitis excultioni.

Csörgő — — incolis Ruthenis *vagis* mixtis.

Kiszte — — incolis olim *dilapsis* et quamvis eos auxerunt jam Rutheni et Slavi.

Въ Михалёвскомъ (IV) округѣ [2]):

N. Mihály— —olim tam frequens tamque nobile oppidum erat, sed partim peste, partim temporum injuriis tantopere eviluit, ut pagis multis sit deterius— —. Ab *advenis* enim *tantum annis abhinc quatuor aut quinque coaluit* ideoque tenuitate eorum hucdum squallet.

---

[1]) Въ Лексиконѣ—словацкое село, остальныя пропущены.
[2]) Въ Лексиконѣ—всѣ поселенія словацкія.

Sztára— —pagus populosus, multis *desertis* [1]) aedificiis, quae *nunc* iterum replere conantur *advenae* Rutheni et Slavi.

Vásárhely— —incolis mixtis, potioribus Ruthenis, partim priscis, partim *advenis*.

В Ъ Оградзанскомъ (V) округѣ:

Rákócz [2]) cum praedio Ritsejő— —incolis paucioribus— —Slavis et Ruthenis, *coloniae novae*; olim ab Hungaris insidebantur, iisque, *partim emortuis, partim dilapsis* aegre unus alterve restat.

Въ 1689 г. Андрей Сирмаи обратился къ сто́лицѣ съ просьбой объ освобожденіи на 3—5 лѣтъ отъ всякихъ податей тѣхъ крестьянъ, которые поселятся въ сёлахъ Nátafalva [3]) (IV округа) и Szucha (V округа) [4]), совершенно запустѣвшихъ во время предшествующихъ смутъ [5]).

Въ Стропковскомъ (VI) округѣ:

Krizslyócz [6]) — — olim *diu desertus* stetit neque postea a pluribus colonis, quam *uno*, incolebatur, huic tamen accessit *unus vel alter*, qui pagellum instruunt [7]).

Шаришская сто́лица.

Въ Секчовскомъ (V) округѣ: Ondrejova [8]) est praedium seu locus *desolatus* [9]).

Абауйварская сто́лица.

По Лексикону, въ сто́лицѣ нѣтъ ни одного русскаго села, Бель же упоминаетъ нѣсколько, въ которыхъ *недавно* по-

---

[1]) Въ рукописи desertus.
[2]) Въ Лексиконѣ—словацкое село.
[3]) Въ Лексиконѣ—словацкое село.
[4]) Въ Лексиконѣ—русское село.
[5]) Adalékok Zemplén-vármegye történetéhez (Матеріалы для исторіи Земплинской ст.), II, 1897, стр. 143.
[6]) Нѣтъ въ Лексиконѣ.
[7]) Бель.
[8]) Въ Лексиконѣ—русское село.
[9]) Бель.

селились русскіе, то одни, то вмѣстѣ съ другими народностями:

Processus Cserehátiensis:

Gadna— —antea Hungaros aluit, jam *convenas* Ruthenos illis deficientibus in supplementum accepit. Habent sacram aediculam, quam Czerko, Slavi Cyrkew dicunt [1]).

Kány— —Ruthenica est colonia, frequens et copiosa; *convenae* sunt *omnes*, ritu Graeco rem sacram facientes.

Kéty— — *diu incultus* jacuit, *anno* demum *1724*, heri Nicolai Szemere providentia, Ruthenis ad colendum permissus.

Perecse, *consimilis priori* (Kány) cum *incolis*, tum agri qualitate.

Processus Füzesériensis:

A. et F. Mislye, Bologd, Olsva—singulorum incolae indigenae quidem Hungari sunt, *convenae* Slavi, Rutheni ac Poloni etiam.

Processus Szikszóviensis:

Arka— —incolae *convenae* sunt, ex Hungaris, Slavis et Ruthenis permixti.

Торнянская сто́лица.

о Falucska и Horváti сказано выше [1]).

Угочская сто́лица [2]).

Всѣ нижепоименованныя сёла, по Лексикону, русскія:

Csedreg въ 1696 г.: *totaliter deserta*, agros illius nemine excolente [3]). Въ 1715 г.: Quoniam (incolae) — — *a duobus* solum *annis* locum hunc, *a viginti circiter annis desertum,*

[1]) Стр. 91—92.
[2]) См. о ней замѣчанія г. Томашівського, Етнограф. карта, стр. 196, пр. 1.
[3]) Conscriptiones dicales.

inhabitare coepissent,— —et intuitu miserrimae conditionis incolarum— —comitatus trium annorum respirium eis indulsit. На лицо—1 colonus, 2 inquilini. Въ 1720 г.: 1 colonus, 1 inquilinus [1]).

Kirva. Въ 1715 г.: *Anno* duntaxat *praeterito* locum hunc incolae inhabitare coeperunt. На лицо—1 colonus, 3 inquilini. Въ 1720 г.: Licet quidem possessio haec de novo *ante sex annos* populari coepisset, verum quia ob Tartarorum excursionem [2]) *iterum desolata* mansisset, adeoque *praecedenti anno noviter* repopulari coepisset. На лицо—4 coloni [3]).

Csarnatő. Въ 1715 г. въ немъ было 21 coloni, 4 inquilini. Въ 1720 г.: Incolae, in priori conscriptione connotati, partim per Tartaros abducti, partim per dominos terrestres priores in Marmatia intercepti fundique eorum ad eosdem devoluti et per neminem excoluntur. Очевидно, однако, что нѣкоторые уже вернулись, иные прибыли вновь—въ таблицѣ находится 7 coloni, 1 inquilinus, 1 advena; имена семерыхъ находятся и въ conscr. 1715 г. [4]),

Въ Királyháza, по переписи 1696 г., совсѣмъ не было крестьянскаго населенія, а лишь барская челядь, привязанная не къ мѣсту, а къ господамъ: Hic, praeter servitores dominorum, *nullus rusticus*, tantummodo curiae dominorum magnatum reperiuntur [5]). Въ 1715 г. въ немъ 3 coloni, 6 inquilini [6]).

Присутствіе въ Királyháza въ началѣ XVIII в. мадьяръ, потомъ выселившихся, отмѣчаетъ Сирмаи [7]):

Királyháza— —. A. 1712 habebant etiam Helveticae Confessioni addicti suum hic ministrum et Oratorium— —, qui— —a. 1727 sponte decesserunt [8]).

F. Karaszló, на границѣ Брежской стóлицы. Въ 1696 г.: Haec portio, quae spectat ad comitatum Ugocsa, est *totaliter deserta; terras illius nemine excolente.* [9]) Въ 1715 г. въ немъ 7 coloni, въ 1720 г.—9 coloni, 1 inquilinus [10]).

---

[1]) Conscriptiones ann. 1715 et 1720.
[2]) Въ 1717 г.
[3]) Conscriptiones ann. 1715 et 1720.
[4]) Ib.
[5]) Conscriptiones dicales.
[6]) Conscriptiones ann. 1715 et 1720.
[7]) Notitia comitatus Ugochiensis.
[8]) Стр. 141.
[9]) Conscriptiones dicales.
[10]) Conscriptiones ann. 1715 et 1720.

Hetény——incolae Rutheni,——olim Hungari, quia anno 1709 *Praedicans* Helveticae Confessionis in Hetény——nominatur, 1751. ab exercitio ministerii sui inhibitus [1]).

Сабольчская сто́лица.

О перерывахъ въ существованіи сёлъ (Nyír) Béltek и Pilis мы говорили выше [2]). По Белю:

Béltek——*haud pridem* incolis ob temporum iniquitatem diffugientibus *desertus* penitus. По переписи 1715 г. въ немъ, однако, 14 coloni, 1720 г.—21 coloni, причемъ 10 именъ крестьянъ повторяются въ обѣихъ переписяхъ.

Возможно, впрочемъ, что жители покинули село *послѣ* 1720 г.

Pilis——*nuper* a Ruthenis coli coeptus, paucioribus quidem pro agri portione, quae angusta est et arenosa. Въ 1715 г. въ немъ 3 coloni (съ чисто мадьярскими именами), въ 1720 г. 11 coloni (имена ихъ преимущественно мадьярскія) [3]). Не думаемъ видѣть здѣсь ошибку Беля: *nuper* можетъ относиться и къ 1715—1720 гг., мадьярскія же имена, какъ мы указывали, носятъ и русскіе, потомки обрусѣвшихъ въ русскихъ сто́лицахъ мадьяръ.

Gelse——[4]) viculus, a Ruthenis *non ita pridem* habitari coeptus.

Karász——[4]) hoc unico infelix, quod a *vagabunda* Ruthenorum plebe insideatur.

Бачъ-Бодрогская сто́лица.

О сёлахъ Keresztúr и Kuczura сказано выше [5]).

Многія изъ приведенныхъ цитатъ любопытны и въ иномъ отношеніи. Изъ нихъ видно, что въ первой половинѣ XVIII в. русская народность на Дольней землѣ распространялась гораздо далѣе, чѣмъ въ послѣдующее время. Сгруппируемъ относящіяся къ этому показанія:

---

1) Szirmay, Notitia comitatus Ugochiensis, стр. 133.
2) Стр. 157.
3) См. приложеніе.
4) По Лексикону—мадьярское село.
5) Стр. 92—94.

Въ южной, нынѣ мадьярской части Земплинской столицы [1]), по Белю:

Rutheni—Bély, Cséke, Olaszi, Polyán;

Hungari et Rutheni, Rutheni et Hungari—Agárd, Bacska, K., N. Bári, F. Bereczky, N. Géres, Hotyka, Káros, Király-Helmecz, Koponya, Örös, Szerdahely, Vitány.

Slavi et Rutheni—Ladmócz.

Hungari, Slavi, Rutheni—Botyán, Cselej, Bodrog-Keresztúr, Kisfalud, Liszka, Vajdacska, Újhely (Sátoralja).

Hungari, Slavi, Rutheni, Poloni:—Sz. Mária, Zétény.

Вѣроятно, нѣкоторая часть русскихъ жила и въ сёлахъ, гдѣ, по Белю, incolae mixti, или гдѣ имъ не указана народность крестьянъ: Dámócz, Dobra, K. Kövesd, Leányvár, Perbenik, K. et N. Rozvágy, Szinyér, Szolnocska.

По крайней мѣрѣ, въ Pars generalis Описанія Бель замѣчаетъ, что въ указанной части столицы рѣдко можно встрѣтить чисто мадьярскія поселенія, вездѣ же, обыкновенно, мадьяры перемѣшаны съ словаками, русскими и поляками [2]). Послѣ цитированныхъ выше на стр. 154 словъ слѣдуетъ:

„Equidem in pagis Czigánd atque Karád vix alii incolunt, praeter Hungaros, sed eos a commixtione nil aliud liberat, quam quod loco habitant tam abstruso tamque difficili [3]), ut nemo vel accedere alius, multominus miscere cum ipsis velit, alioquin hi etiam sensim paulatimque incipiunt collabi“.

Въ Абауйварской столицѣ, по Белю:

Rutheni—Gagy-Apáthi, Kány, Kelecsény, Kéty, Mikóháza, Perecse, Szolnok.

Rutheni et Hungari—Gadna, Radvány.

Slavi et Rutheni—Új-Szállás.

Hungari, Slavi, Rutheni—Arka, Encs, Fony.

Hungari, Slavi, Rutheni, Poloni—Bologd, Olsva, A. et F. Mislye.

Въ Сабольчской столицѣ, по „Series locorum portalium 1720 г. [4]), слѣдующія поселенія [5]):

---

[1]) Въ Токайскомъ (I) и При-Бодрогскомъ (II) округѣ и въ части Уйгельскаго (III).

[2]) См. выше, стр. 154, 162.

[3]) Оба села закинуты въ болота.

[4]) См. приложеніе № 4, о conscriptiones 1715—1720 гг., въ примѣчаніи.

[5]) Курсивомъ отмѣчены русскія и мадьярско-русскія, по Лексикону поселенія.

а) вполнѣ русскія: (*Nyír*), *Béltek*, Bully, Keres, *Pilis*, (*Mária*) *Pócs*, Szabolcs, Timár;

б) почти исключительно русскія: Balsa (praeter unum alterumve), Gelse (praeter duos homines), Karász (praeter 3 vel 4 colonos), *Ér-Kenéz* (praeter tres);

в) преимущественно русскія: Ajak, Aranyos, Bessenyöd, Levelek, Lövő-Peiri, Napkor, Rácz (Új) Fehértó, Viss, Zalkod;

г) на половину русскія: Bakta-Loránthâza, Piricse;

д) съ русскимъ меньшинствомъ: *Gyulaj* (in tertialitate), Gyüre (certa particula), N. Kálló (in sextalitate), Mándok (pars aliqua), Mihálydi (in quartalitate), Pálcza (pars aliqua), Petneháza (in tertialitate), Pócs-Petri (in tertialitate) и Tét (tres vel quatuor).

Изъ заключительнаго замѣчанія стóлицы видно, что эти русскіе (и румыны) составляли бѣднѣйшую, пришлую и не осѣвшую еще окончательно часть населенія [1]),—то, чтò называетъ Бель—„plebs misera et vagabunda".

Въ переписи 1720 г. даже въ сёлахъ, по „Series", вполнѣ или исключительно русскихъ, крестьянъ почти сплошь носятъ мадьярскія имена [2]).

У Беля изъ этихъ сёлъ названы русскими: Ajak, (*Nyír*) *Béltek*, Bully, Gelse, Karász, Napkor, *Pilis*, Szabolcs, Tass, Timár и Viss; кромѣ того, русскими онъ считаетъ Pazony и Nyíregyháza, въ Kenézlő—Hungari et Rutheni.

Бидерманъ упоминаетъ еще о поселеніяхъ русскихъ въ стóлицахъ Боршодской, Бигарской и Торнянской [3]).

Въ послѣдствіи русскіе новосёлы или ушли въ другія мѣстности, или, чаще всего, окруженные инороднымъ населеніемъ, утратили *русскую народность*, но сохранили, въ большей или меньшей степени, *„русскую вѣру"*.

Утрата народности тѣмъ легче могла произойти, что

---

¹) См. приложеніе № 4.

²) См. приложеніе № 5.

³) Bidermann, Die ungarischen Ruthenen: „Die fluktuirenden Volksmassen (der Ruthenen) ergossen sich damals (послѣ возстанія Франца II Ракоци) über die vom Kriege verheerten, menschenleeren Gebiete des Abaujvárer, Tornaer, Zempliner und Borschoder Komitats, breiteten sich in Ugocsaer Komitate aus und drangen als haushältige und lenksame Leute von allen verständigen Grundherrn freudig bewillkommt, bis tief in die Ebene des Szabolcser und Biharer Komitats vor" (II, стр. 70—71; подробности—въ примѣчаніяхъ къ этимъ страницамъ).

многія сёла въ началѣ XVIII в. были весьма малолюдны—крестьяне часто считались единицами [1]).

Позволимъ себѣ нѣкоторое отступленіе отъ нашей темы и остановимся на этнографическихъ отношеніяхъ внѣ предѣловъ Дольней земли, въ средней и сѣверной части Земплинской сто́лицы, по скольку они отразились въ Описаніи Беля.

Какъ мы видѣли выше, распредѣленіе національностей въ Земплинской сто́лицѣ въ 1773 г., было, въ общихъ чертахъ, почти такое же, какое существуетъ и въ настоящее время. Этнографическая картина по Описанію Беля—совершенно иная: не только сѣверная полоса сто́лицы является чисто русской, но и почти весь средній Земплинъ покрытъ русскими колоніями: русскіе, то одни, то вмѣстѣ съ словаками или мадьярами занимаютъ цѣлый рядъ сёлъ [2]).

Словацкихъ островов на сплошной русской территоріи, по Белю, нѣтъ. Кромѣ смѣшаннаго Sztropkó [3]), остальныя, прилегающія къ нему сёла, словацкія по Лексикону, у Беля—русскія: K. Breznyicze, N. Breznyicze и Hocsa.

Отдѣльныя словацкія сёла Turány (VI) [4]), Orosz Bisz-

---

[1]) Относительно нѣкоторыхъ сёлъ Земплинской ст. незначительность количества крестьянъ отмѣчена Белемъ: въ I и II округахъ coloni pauci, pauciores—въ N. Kövesd, Sz. Mária, Olaszi, Orös, Szinyér, Szomotor; N. Géres—vicus exilis; Agárd—8 aediculae, Bély—vix 9 coloni, Leányvár—3 vel 4 aediculae. По переписямъ въ тѣхъ же округахъ крестьянскихъ дворовъ было въ 1715 г. изъ 65 поселеній 1—2 въ 10-ти, 3—5 въ 13-ти, 6—10 въ 23-хъ; въ 1720 г. 2—5 въ 14-ти, 6—10 въ 26-ти. Въ Угочской ст. въ 1715 г. изъ 61-го села было дворовъ 3—5 въ 4-хъ, 6—10 въ 19-ти; въ 1720 г. изъ 49-ти сёлъ 2—5 въ 4-хъ, 6—10 въ 15-ти. Въ Сабольчской ст. въ 1715 г. изъ 127-ми поселеній 2—5 дворовъ въ 18-ти, 6—10 въ 37-ми; въ 1720 г. изъ 131-го поселенія—1—5 дворовъ, въ 13-ти, 6—10 въ 34-хъ и т. д. Надо, впрочемъ, помнить, что въ переписи 1715, и, особенно, 1720 г. не занесены наиболѣе неимущіе слои податнаго населенія; см. приложеніе № 4.

[2]) Точно также и относительно вѣроисповѣданія показанія Беля не совпадаютъ часто съ показаніями Лексикона. Такъ, въ нѣкоторыхъ сёлахъ, гдѣ по Белю, Rutheni (т. е. за нѣкоторыми, можетъ быть, исключеніями, уніатскаго вѣроисповѣданія), по Лексикону имѣется *parochus catholicae religionis minister, helveticae confessionis*: Tápoly-Bisztra, Feketepatak, Sókut, Vehécz, Visnyó и др. Въ Mátyasócz, по Белю—Slavi lutherani, по Лексикону—Slavi, parochus catholicae religionis и т. д. Ср. такъ же выше, гл. V, о сёлахъ русскаго выступа сто́лицы, стр. 125, пр. 6.

[3]) См. выше, стр. 127.

[4]) Цифры въ скобкахъ обозначаютъ округа на нашихъ картахъ.

tra [1]) (VI), Miháljó (IV) и Novoszelicza (IV)—у него также русскія.

Укажемъ теперь русскія и смѣшанныя, по Белю, поселенія средней,—по Лексикону, и теперь—преимущественно словацкой части стóлицы [2]):

1) По правому берегу р. Топли, на границѣ Шаришской стóлицы, начиная съ сѣвера:

Bisztra [3]), Feketepatak, Hermány, Rudlyó, Sókut, Vehécz, (Varannó Csemernye), Porubka [4]), Dávidvágás, **Szacsur, Czábócz, **Polyánka [5]), Sztankócz [6]), Kereple [7]), Bacskó, Visnyó [8]), ***Tussa, ***Tussa--Újfalu, (***Hór), (**Kupony), Tarnóka [9]), **Gálszécs [10]), *Kohány, ***Gerenda, ***Miglész, (*Zebegnyő) [10]), ***K. et ***N. Azár, *Szécs-Keresztúr, ***Pelejte, ***Egres, **Cselej, **Magyar Izsép, **Terebes [10]), ***Hardicsa, **Kolbása, ***Kelecsény, **N. Kazmér, **Vitány, ***Gercsely, (Csörgő), ***Káso [11]), *Garány [12]), *Bodzás-Újlak, *Czéke.

2) Между рр. Топлей и Ондавой, опять съ сѣвера:

Dobra, (***Petkócz), (***Mogyoróska), (Kvakócz) (Mihályko), ***Tót-Izsép, **Tót-Kajna, ***Benkócz,

---

[1]) Aediculae nonnullae Ruthenorum.

[2]) Условныя обозначенія: *не подчеркнутое* названіе—поселеніе, русское по Белю, словацкое или мадьярское по Лексикону: Vehécz; *подчеркнутое* названіе—русское и по Белю, и по Лексикону: Czábócz; *названіе безъ**—поселеніе чисто русское по Белю: Bisztra, Rudlyó; *названіе съ**—поселеніе съ русскимъ большинствомъ: *Garány; *названіе съ***—русскія, по Белю, составляютъ только часть населенія, иногда незначительное меньшинство: **Szacsur; *названіе съ****—coloni mixti, natio mixta у Беля, безъ дальнѣйшихъ поясненій; ***Tussa, (***Hór); *названіе, заключенное въ скобки*—поселеніе, пропущенное въ Лексиконѣ: (Csörgo), (**Mérnik).

[3]) In ripa Toplyae pagus oblongus, sed rarioribus tuguriis Ruthenis.

[4]) Incolis paucis Ruthenis.

[5]) Pagus exilis.

[6]) Par priori (Kereplye) solo, situ et incolis, Rutheni enim et isti sunt.

[7]) Pauculis colonis Ruthenis.

[8]) Incolis paucis et egenis nationis Ruthenicae.

[9]) Incolunt (pagum) Rutheni, pauci numero egenique.

[10]) См. выше, стр. 154.

[11]) Paucioribus — colonis, quamvis et hic mixtis vix uno alteroque Hungaro reliquo.

[12]) Septenis constans aediculis Ruthenorum, uno alteroque Hungaro permixtorum.

(**Mérnik), (***Tót-Jesztreb), Orosz-Kazmér [1]), **Szedliszke, Komorócz, (Csicsóka) [2]), Magyar-Krucsó, **Majoróczka, (***Henczócz), (Kölcs-Hosszúmező).

3) Между рр. Ондавой и Лаборцемъ изъ сёлъ русскаго выступа на югъ, по Белю, русскія только: Orosz-Petrócz, Pakasztó и Rafajócz; въ Holcsikócz—coloni Slavi catholici, aliis mixti; F. et A. Szitnicze, Kosarócz, Gyapalócz, Giglócz—словацкія; Turczócz и Stefanócz—у Беля нѣтъ.

4) На востокѣ стóлицы отъ сплошной русской территоріи тянется въ бассейнѣ р. Лаборца и между Лаборцемъ и Ондавой до параллели N. Mihály полоса русскихъ и смѣшанныхъ поселеній, начиная съ **Papina, Nechvály-Polyánka и **Szinna: Zubna, (Agyidócz) [3]), (Dedasócz), Maskócz, Hrussó т. е. F. Körtvélyes, Szopkócz, (**Karna), (**Homonna), Peticse [4]), Porubka, **Leszkócz, **Tapolóka, (**Hegedüsfalva), (**Kladzány), **Kucsin, (**A. Hrabócz), **Őrmező, **Sztára **Póssa, (***Márk-Csemernye), **Nátafalva, (**Izbugya), (**Petrócz), **A. Körtvélyes, ***Leszna, **Rákócz [5]), ***Szucha, *N. Mihály [6]).

Такимъ образомъ, русская и русско-словацкая территорія отъ Orosz-Kazmér до Rákócz занимаетъ оба берега р. Ондавы.

5) Южнѣе N. Mihály лежатъ болѣе уединенно *Vásárhely [7]) и (*Bánócz), [8]) а еще южнѣе, къ сѣверу отъ Butka—(** Gatály).

Такимъ образомъ, чисто словацкими являются лишь: небольшая часть въ срединѣ стóлицы отъ F. Szitnyicze на сѣверѣ до Tavarna-Polyánka на югѣ и отъ Giglócz на западѣ до Tót-Kriva на востокѣ, а также юго-востокъ стóлицы, на югъ отъ N. Mihály, гдѣ, кромѣ Vásárhely, Bánócz и Gatály—все словацкія, словацко-мадьярскія и мадьярскія сёла.

---

[1]) Incolae pauci.
[2]) Incolae pares (какъ въ Orosz-Kazmér).
[3]) Pauculis Ruthenis catholicis.
[4]) Gesén, т. е. Hazsina—(incolae) Slavi catholici.
[5]) См. выше, стр. 154, пр. 6.
[6]) См. выше, стр. 165.
[7]) Incolis mixtis, potioribus Ruthenis.
[8]) Incolis maxima parte Ruthenis.

Немыслимо допустить такую массу ошибокъ у Беля, тѣмъ болѣе, что онъ не держится вѣроисповѣднаго критерія: Ruthenus, вообще, онъ не употребляетъ въ значеніи „человѣка русской вѣры" и не примѣняетъ этого термина къ уніатамъ словакамъ. Остается признать, что дѣйствительно въ двадцатыхъ, тридцатыхъ годахъ XVIII в. русская народность занимала гораздо большій просторъ въ Земплинской стóлицѣ.

Бѣглый взглядъ на карту г. Томашівськаго вполнѣ подтверждаетъ данныя Беля: какъ разъ на западѣ стóлицы, на правомъ берегу р. Топли, полоса словацкихъ уніатскихъ сёлъ спускается южнѣе Требишова, соединяясь черезъ Pόssa съ уніатско-словацкой территоріей между Sztára и N. Mihály. Увеличилась теперь, по этой картѣ, чисто словацкая территорія въ серединѣ стóлицы, русскіе не только ословачились, но и утратили русскую вѣру, и эти „словаки" католики и лютеране прорвали нѣкогда русскую полосу на западѣ, въ слѣдствіе чего Земплинская словацкая территорія соединилась съ Шаришской. Точно также раздвинулась на западъ и сѣверо-западъ (по долинѣ рр. Топли и Ондавы) и словацкая территорія юго-востока стóлицы.

Не входитъ въ нашу задачу подробно распространяться о томъ, къ какому времени относится русская колонизація средняго Земплина. Полагаемъ, что она произошла именно въ первыя десятилѣтія XVIII в.

Хотя турецкіе набѣги поражали лишь южную часть стóлицы, но войны и междоусобія XVII и начала XVIII в. страшно опустошали и остальное ея пространство [1]).

Одна изъ самыхъ обширныхъ стóлицъ Угріи, она, по переписямъ 1715 и 1720 гг., была сравнительно слабо населена. Въ весьма обстоятельной переписи 1715 г. нѣтъ почти ни одного села, въ которомъ бы не было—и часто въ весьма большомъ количествѣ—пустующихъ домовъ, заброшенныхъ земельныхъ надѣловъ [2]).

Съ водвореніемъ въ 1711 г. внутренняго спокойствія въ Угріи, и изъ этой раззоренной стóлицы потянулись переселенцы на югъ. Комиссары Нитрянской стóлицы, проведшіе

---

[1]) Szirmay, Notitia historica, Notitia topographica, passim. См. также Acsády, Magyarország népessége. Лежащія западнѣе ея стóлицы менѣе за это время пострадали.

[2]) Acsády, Op. cit., III, стр. 398—401 (мад. изд.).

перепись 1715 г., отмѣчаютъ, что въ весьма многихъ мѣстахъ покинутые дома не лежали въ развалинахъ, а были въ нѣкоторой исправности, отмѣчаютъ, что жители *недавно* покинули родныя сёла—т. е., именно, въ 1711—1715 гг.

Къ этому времени мы и относимъ начало передвиженія русскихъ изъ сѣверной, русской части Земплина въ среднюю и южную, а на ихъ мѣсто и вмѣстѣ съ ними на югъ—и изъ Галичины, преимущественно русской, восточной. Переселеніе продолжалось и въ послѣдующіе годы. Въ 1720 г. количество крестьянскихъ хозяйствъ въ сто́лицѣ увеличилось на 35% [1]). Точныхъ данныхъ отъ дальнѣйшихъ десятилѣтій не имѣется.

Думаемъ, что къ этому же времени относится и русская колонизація въ Собранскомъ округѣ, къ сѣверу отъ большой дороги изъ Михалёвецъ въ Унгваръ. Въ этой части округа и у Феньеша, и въ настоящее время въ бо́льшей части сёлъ—уніатское большинство, свидительствующее, какъ и въ Земплинской сто́лицѣ, о прежнемъ населеніи не только „русской" вѣры, но и русской народности [2]). Означенная часть Собранскаго округа есть непосредственное продолженіе уніатско-словацкой территоріи Земплинской столицы.

Но этотъ разливъ русской рѣки, вышедшей въ половодье изъ береговъ, лишь незначительнымъ слоемъ покрылъ поёмные луга. Русскія колоніи были весьма немноголюдны [3]). Естественно, что и тѣ изъ русскихъ крестьянъ, которые остались на новыхъ мѣстахъ и не двинулись далѣе на югъ, въ совершенно чуждую имъ мадьярскую среду, и тѣ, которые

---

[1]) См. выше, стр. 158, пр. 4.

[2]) О сомнительности показаній Лексикона относительно сёлъ Собранскаго округа см. выше, стр. 118—120.

[3]) Въ Описаніи Беля лишь при небольшомъ количествѣ поселеній отмѣчено многолюдство или малолюдство того или иного. Изъ только что перечисленныхъ 104-хъ поселеній лишь о Bacskó сказано—copiosa colonia; относительно 13-ти напротивъ, подчеркнута ихъ незначительность: Agyidócz, Bisztra (Tapoly), Orosz-Bisztra, Csicsóka, Garány, Káső, Orosz-Kazmér, Kereple, N. Mihály, Polyánka, Porubka, Rákócz, Sztankócz, Tarnóka, Visnyó. Въ сѣверной, русской полосѣ сто́лицы только въ Varihócz—plures familiolae, въ Brusnicza—15 familiolae; pauci—въ Köz. Csebinye, Pravrócz, Rokitócz, Roskócz, Vidrány. Отъ 1—2 крестьянъ въ Orosz-Kajna, Krizslyócz, Polyena; около 5-ти въ (Izbugya)-Bresztó, отъ 7—8—въ Pritulyán, Puczák, Szálnik; около 10-ти—въ Vojtócz и Zavada. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сёлъ, правда, по переписямъ 1715 и 1720 гг., находилось бо́льшее число крестьянъ, но часть ихъ могла послѣ 1720 г. выселиться.

недавно пришли съ сѣвера, сравнительно въ непродолжительное время подпали подъ вліяніе словаковъ, какъ тѣхъ, между которыми поселились, такъ и принесенныхъ въ тотъ же періодъ времени потокомъ переселенія изъ западнѣе Земплина лежащихъ сто́лицъ въ болѣе благопріятныя для жизни, чѣмъ его сѣверъ, мѣстности средняго Земплина. На сѣверѣ только около Стропко́въ словаки продвинулись нѣсколько на востокъ. Въ среднемъ же Земплинѣ уже къ 1773 г. „руснаки" стали сознавать себя „словаками" и лишь кое-гдѣ, преимущественно въ горной странѣ на западѣ сто́лицы, уцѣлѣли русскія сёла, бо́льшая часть которыхъ ословачилась значительно позднѣе.

Послѣ того, какъ вода схлынула или впиталась въ землю, опять показались очертанія русскихъ береговъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій.

Считаемъ наше отступленіе не лишнимъ, какъ потому, что оно вноситъ новый матеріалъ въ русско-словацкую историческую этнографію, такъ и потому, что этотъ матеріалъ еще болѣе подтверждаетъ подвижность населенія Угріи въ первой половинѣ XVIII в.

Правительство, вызывавшее и усиленно поощрявшее иностранную иммиграцію, къ блужданію собственныхъ подданныхъ не могло, конечно, относиться сочувственно, хотя переселенію въ опустошенныя бывшія турецкія области оно содѣйствовало. Для сто́лицъ же и помѣщиковъ такое явленіе было, разумѣется, весьма невыгодно [1]. Поэтому позже и правительство, и сто́лицы, и помѣщики стали принимать мѣры борьбы съ духомъ бродяжничества, да и само населеніе ко второй половинѣ XVIII в. успѣваетъ вернуть себѣ привычку къ осѣдлой жизни. Послѣ 1773 г. такихъ массовыхъ передвиженій, въ общемъ, не наблюдается.

---

[1]) Ср. М. Бель, Описаніе Сабольчской сто́лицы. Сказавъ о переселеніи русскихъ съ мѣста на мѣсто (см. выше, стр. 162), онъ продолжаетъ: „illi (heri) annuo reditu aut tributariis eorum operis frustrantur, haec (provincia) praestando censui, qui publice imperatur, impar redditur, quando, quos in censum retulit, vicos, cum is percipiendus est, vacuos incolis inanesque deprehendit; id, quod inter calamitates — — referendum omnino est" (membr. II, § III).

Вотъ тѣ соображенія и факты, далеко, впрочемъ, нами не исчерпанные, которые привели насъ къ изложенному въ началѣ главы выводу.

Этотъ выводъ, въ сущности, не представляетъ чего-либо новаго.

Его, не приводя никакихъ доказательствъ, высказалъ еще И. И. Срезневскій въ своей запискѣ „Русь Угорская“, прочитанной въ общемъ собраніи Географическаго Общества 29-го сентября 1851 г. [1]): „Правда, что и внѣ этого пространства [2]) можно встрѣтить въ Венгріи селенія русскія; но *они образовались изъ переселенцевъ позднѣйшаго времени* и лежатъ разбросанно въ разныхъ краяхъ“ [3]).

Основанія для такого вывода, до извѣстной степени, разработаны въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка Бидерманомъ [4]), и на его работу, въ значительной мѣрѣ, опираются и позднѣйшіе венгерскіе ученые, вносящіе, однако, въ научные вопросы и современныя теченія.

Предвзятость и необоснованность нѣкоторыхъ взглядовъ Бидермана, сбивчивый планъ, сухость и краткость изложенія, отсутствіе часто не только точныхъ, но и какихъ-либо ссылокъ—все это, при началѣ нашего ознакомленія съ угорской Русью, не внушило намъ особаго довѣрія къ его книгѣ. Только когда, послѣ долгаго перерыва, мы самостоятельно стали разыскивать и собирать матеріалы, явилась возможность болѣе правильно оцѣнить значеніе трудовъ Бидермана [5]).

Въ заключеніе—нѣсколько замѣчаній.

Мы теперь оставили совершенно въ сторонѣ, какъ поселенія, о занятіи которыхъ русскими не только въ XVII, XVI, но и въ болѣе раннихъ вѣкахъ совершенно опредѣ-

---

[1]) Напечатана въ Запискахъ Географ. Общества, 1851, кн. I.

[2]) Очерченной передъ этимъ И. И. Срезневскимъ сплошной русской территоріи.

[3]) Стр. 7.

[4]) Die ungarischen Ruthenen.

[5]) Въ Маѣ 1910 г. вышла пояснительная записка г. Томашівськаго къ его этнографической картѣ Угорской Руси. Изъ записки мы съ удовольствіемъ убѣдились, что и онъ самостоятельно пришелъ къ тому же самому выводу. Г. Томашівський касается этого вопроса только мимоходомъ (стр. 196 и пр. 1, стр. 199 и пр. 1, стр. 204), предполагая, какъ видно изъ его словъ, обосновать свой взглядъ въ особомъ трудѣ. Будемъ ждать съ нетерпѣніемъ исполненія обѣщанія.

ленно свидѣтельствуютъ документальныя данныя [1]), такъ и поселенія (и ранѣе XVI в.) съ прилагательнымъ „русскій“— Oroszfalu, Oroszvár и т. п., довольно многочисленныя, разбросанныя въ разныхъ частяхъ Угріи и Трансильваніи. И въ тѣхъ и другихъ русскіе, особенно при вышеуказанныхъ условіяхъ исторической жизни Угріи, не могутъ также считаться непрерывно, въ теченіе вѣковъ просуществовавшими остатками первобытнаго русскаго населенія. По нашему мнѣнію, это были частью военныя, частью земледѣльческія русскія колоніи, созданныя то правительствомъ, то землевладѣльцами. Самое названіе ихъ *по народности* скорѣе указываетъ на *новосёловъ* среди кореннаго чужероднаго населенія [2]), въ которомъ они, рано или поздно, и распустились.

Что же касается, въ частности, русскихъ поселеній въ Трансильваніи, то необходимо прежде еще собрать возможно полный матеріалъ о возникновеніи и судьбахъ каждаго отдѣльнаго.

Относительно топографической номенклатуры, мы бы считали неправильнымъ исходить изъ изученія позднѣйшихъ (напримѣръ, половины XIX в.) географическихъ картъ: нужно установить исторію каждаго названія, выяснить, какъ оно звучало въ болѣе отдаленныя времена [3]).

Н. И. Надеждинъ выдвинулъ впередъ значеніе этой топографической номенклатуры, какъ самостоятельнаго и существеннаго историческаго источника: „Первой страницей исторіи должна быть географическая ландкарта: должна, не какъ только вспомогательное средство, чтобъ знать, *гдѣ* что случалось, но какъ богатый архивъ самыхъ документовъ,

---

[1]) Ср., напримѣръ, Szirmay, Notitia — — comitatus Ugochiensis: „A. Karaszló — — A. 1371. Briccius, Capituli Varadinensis cantor, Karáz dictus, deductis ex Papfalw, vico Beregiensi, colonis insedit — —. Unde et nomenclatura — — pagi“ (стр. 87).

[2]) Конечно, бываютъ и противоположные случаи, когда мѣстныя названія даются по *остаткамъ кореннаго населенія*, бо́льшая часть котораго вытѣснена чуждыми колонистами или ассимилировалась ими. Но тогда необходимо имѣть иныя, вполнѣ достовѣрныя доказательства такого процесса, а нельзя поступать наоборотъ—доказывать существованіе этого процесса, основываясь на подобныхъ названіяхъ. Объ этомъ, когда либо, въ другомъ мѣстѣ.

[3]) Попытку подобной работы относительно нѣкоторыхъ топографическихъ названій Бережской сто́лицы мы имѣемъ въ статьѣ Ѳ. Легоцкаго, Мѣстныя названія Бережской сто́лицы (Lehoczky T., Beregmegyei helynevek, въ журналѣ Ethnográphia, X, 1899, стр. 99—106). Ср. также его Beregvármegye monografiája и A Beregmegyei gör. kath. lelkészségek története, 1904.

источниковъ.— —- Съ изученія ландкарты должно начинаться и изученіе исторіи“ [1]).

Проницательный умъ Надеждина [2]) предвидѣлъ, однако, скользкость пути и предостерегалъ отъ угрожающихъ на немъ опасностей: „Требуется предварительная работа надъ географическою номенклатурою, восходящая отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ, старобытнымъ, первоначальнымъ, черезъ весь рядъ измѣненій, которыя они вытерпѣли; то, что называется „сравнительною географіею“. Когда такимъ образомъ каждое названіе получитъ свою исторію, тогда самыя искаженія ихъ, размѣстясь по вѣкамъ и народамъ, которымъ принадлежатъ, будутъ служить объясненіями основнымъ типамъ, скрывающимся подъ ихъ разноцвѣтною накипью. Особенно здѣсь важны имена народныя, сохраняющіяся въ устахъ туземцевъ, которыя гораздо надежнѣе ученой номенклатуры“ [3]).

„По малѣйшему, ничтожному созвучію, часто еще основанному на искаженныхъ звукахъ, (этимологія) соединяла самые несовмѣстимые факты, мѣшала времена, скакала черезъ разстоянія“ [4]).

„Нигдѣ не можетъ быть столько раздолья произволу, мечтательности, натяжкамъ, какъ при звукахъ. Слово все въ нашей власти. Оно беззащитно. Изъ него можно вымучить всякій смыслъ этимологическою пыткою“ [5]).

Когда же идетъ дѣло о топографической номенклатурѣ страны, раньше или позже занятой румынами, какъ Трансильванія и юговосточная часть Угріи, то возникаетъ новая опасность: счесть названія сёлъ, горъ, рѣкъ и т. п. за

[1]) Опытъ исторической географіи русскаго міра (Библіотека для чтенія, XXII, 1837, III, стр. 27—28).

[2]) Ср. И. И. Срезневскій, Воспоминанія о Н. И. Надеждинѣ (Вѣстникъ Географ. Общ. XVI, 1856, V, стр. 1—19).

[3]) Опытъ, стр. 35—36.

[4]) Ib., стр. 33.

[5]) Ib., стр. 33. Ср. И. В. Ягичъ, рецензія на И. П. Филевича, Исторія древней Руси: Taucht unwillkürlich die Frage auf, ob denn wirklich auch Nadeždin, dessen Andenken das Werk gemidmet ist, in gleicher Weise vorgegangen wäre, wie es im vorliegenden Werke Herr Filevič thut. Ich möchte es bezweifeln“ (Arch. slav. Phil., XIX, 1897, стр. 233); ср. тамъ же: „Wenn diese Aufzählung (названій карты славянскаго корня) beweishältig sein solle, so müssten daneben auch anderen Orts-Berg- und Flussbenennungen, die offenbar kein slavisches Gepräge haben, mit aufgezählt werden, damit man das Verhältniss erkennt und auf diese Weise von der uralten, räthselhaften Beziehungen eine Ahnung bekommt“ (стр. 235).

славянскія (respective—*русскія*), между тѣмъ, какъ они могли быть даны именно *румынами—изъ запаса славянскихъ корней и словъ въ румынскомъ, особенно простонародномъ языкѣ.*

Прибавимъ еще одно: названія, въ которыхъ заключается корень orosz (въ мадьярскомъ языкѣ) или rus (въ румынскомъ), не всегда можно *непремѣнно* возводить къ корню „рус“, въ словѣ „русскій“ [1]).

Заканчивая нашу работу, выразимъ надежду, что—независимо отъ оцѣнки ея въ общемъ и въ частностяхъ—ею въ достаточной мѣрѣ подкрѣплена многократно высказанная нами мысль [2]) о громадномъ значеніи весьма мало еще изслѣдованнаго рукописнаго матеріала въ Угріи. *Безъ изученія угорскихъ архивовъ и рукописныхъ собраній занятіе прошлымъ угорскихъ славянъ вообще, а угроруссовъ, въ особенности, совершенно немыслимо.* Въ томъ, что въ изобиліи печатается венгерскими учеными, преслѣдующими свои научныя задачи, лишь изрѣдка попадаются разрозненныя данныя объ угроруссахъ.

Но архивами Угорщины должны бы серьезно заинтересоваться и ученые, посвятившіе себя исторіи русскаго народа *внѣ* предѣловъ Угріи.

Мартъ 1911 г. С.-Петербургъ.

---

[1]) Имѣть надо въ виду также и хаотическую орѳографію памятниковъ латинскаго шрифта не только относительно славянскихъ, но также и мадьярскихъ названій.

[2]) Первый разъ, въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія Имп. Географическаго Общества 19 ноября 1891 г. „Замѣтки по этнографіи и статистикѣ Угорской Руси“ (напечатано въ Ж. М. Н. Пр.. 1892, № 2). Практически эту мысль осуществлялъ Бидерманъ, настоятельную необходимость архивныхъ изученій подчеркивалъ А. С. Будиловичъ, Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная (Ж. М. Н. Пр., 1874, ч. 176, стр. 157—158, стр. 164, пр. 2).

СПИСКИ РУССКИХЪ И СМѢШАННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

Списокъ русскихъ и смѣшанныхъ поселеній Лексикона въ алфавитномъ порядкѣ русскихъ мѣстныхъ названій.

Обладая значительной коллекціей схематизмовъ разныхъ годовъ епархій Мукачевской и Пряшевской [1]), а также иныхъ уніатскихъ и католическихъ епархій [2]), мы давно уже старались, на основаніи ихъ, выяснить русскія формы мѣстныхъ названій [3]). Мадьярско-латинская ороографія схематизмовъ, отсутствіе, во многихъ случаяхъ, параллельныхъ мадьярскимъ русскихъ народныхъ названій [4]), частыя взаимныя противорѣчія [5]) дѣлаютъ, однако, схематизмы далеко ненадежнымъ источникомъ. Выписывали мы также мѣстныя названія изъ угрорусскихъ газетъ и журналовъ, изъ угрорусскихъ письменныхъ памятниковъ, какъ опубликованныхъ разными лицами, такъ и хранящихся еще въ рукописяхъ. И этотъ матеріалъ, какъ можно было, впрочемъ, и ожидать, является далеко не полнымъ и, опять-таки, и даже еще въ бóльшей степени, противорѣчивымъ [6]).

---

[1]) Мукачевской съ 1814 г., Пряшевской съ 1826 г.

[2]) Лютеранскихъ и реформатскихъ схематизмовъ въ нашемъ собраніи очень мало.

[3]) Замѣтимъ, что иные схематизмы имѣютъ и извѣстное историческое значеніе: въ нихъ сообщаются, на основаніи архивныхъ данныхъ или мѣстныхъ преданій, свѣдѣнія о времени возникновенія нѣкоторыхъ сёлъ, постройки церквей, образованія парохій, о мѣстѣ рожденія угрорусскихъ дѣятелей, о разныхъ историческихъ и археологическихъ достопримѣчательностяхъ и т. п. Въ схематизмѣ Мукачевской епархіи 1876 г. напечатана Brevis historica notitia Dioecesis (стр. 74—80), De episcopatu et vicariis Máramorosiensis (стр. 137—152), за 1899 г.—Brevis historica notitia Dioecesis et episcopatus (стр. IX—L); въ схематизмѣ Пряшевской за 1898 г.—Brevis historia Dioecesis.

[4]) Особенно въ схематизмахъ позднѣйшихъ годовъ.

[5]) Полагаемъ излишнимъ приводить здѣсь примѣры.

[6]) Въ угрорусской литературѣ XIX в. относительно формы мѣстныхъ названій—совершенный хаосъ: чуть не каждый авторъ передаетъ ихъ по своему. Тоже наблюдается и въ памятникахъ прежнихъ столѣтій, исходящихъ отъ грамотныхъ людей изъ народной среды, особенно, конечно, относительно названій *не* русскаго корня (Ср. Мат. V, приложеніе № 4).

Названія на картахъ до половины XIX в. Липскаго, Гёрёга, Чёрнига и т. д. тоже мало надежны [1]). Труды Головацкаго, Гнатюка, Верхратскаго, Нидерле и др. не въ достаточной мѣрѣ и полнотѣ даютъ нужныя коррективы [2]).

Единственный выходъ изъ „labyrintu miestopisných názvov“ [3]) есть систематическое собираніе названій на мѣстѣ, прямо изъ устъ народа, съ тщательнымъ сохраненіемъ особенностей различныхъ угрорусскихъ говоровъ. Но это и для насъ, да, вѣроятно, и для многихъ не мѣстныхъ или даже и мѣстныхъ уроженцевъ, сопряжено съ весьма и весьма существенными затрудненіями и врядъ ли могло бы быть проведено на дѣлѣ въ болѣе или менѣе близкое время.

Желая по возможности избѣжать произвола, опасаясь впасть въ сочинительство несуществующихъ на дѣлѣ формъ, мы находились въ чрезвычайномъ затрудненіи при окончательной обработкѣ для печати настоящаго изслѣдованія, не рѣшаясь подставить вмѣсто мадьярскихъ названій Лексикона выведенныя нами на основаніи вышеупомянутаго матеріала русскія формы [4]).

Относительно мѣстныхъ названій западной, русско-словацкой территоріи мы находились еще въ лучшемъ положеніи. Для Пряшевской епархіи имѣлся списокъ поселеній, составленный о. Ю. Ставровскимъ [5]), обнимающій столицы Спишскую, Шаришскую и часть Земплинской. Съ появленіемъ книги Цамбеля [6]), мы получили уже вполнѣ надежную почву въ его названіяхъ, собиравшихся имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ лично, такъ и отъ вполнѣ компетентныхъ мѣстныхъ дѣятелей въ самихъ поселеніяхъ [7]). У Цамбеля помѣщены названія поселеній и внѣ Пряшевской епархіи,

---

[1]) Въ позднѣйшія карты все болѣе проникаютъ новыя оффиціальныя мадьярскія названія.

[2]) Объ ошибкахъ и часто произвольности номенклатуры Нидерле см. Czambel, Op. cit., passim.

[3]) По выраженію Цамбеля.

[4]) Какъ указано въ нашемъ предисловіи къ картамъ, русскія названія въ Лексиконѣ приводятся съ большими ошибками и неточностями. Кое-гдѣ, однако, мы и ими воспользовались, въ виду ихъ сравнительной древности.

[5]) Изданный Гнатюкомъ, Русіни Пряш. епархії, стр. 31—47.

[6]) Slovenská reč и т. д.

[7]) Op. cit., стр. 89.

въ Земплинской [1]) и въ части Унгварской сто́лицы. Формы названій Цамбеля были и взяты нами за основаніе.

Но какъ было поступить съ мѣстными названіями восточной части русской территоріи? Карта г. Томашівськаго и пояснительная къ ней записка далеко не во всѣхъ случаяхъ могли насъ удовлетворить, хотя авторомъ съ величайшимъ стараніемъ собраны названія и приведены разные ихъ варіанты.

Въ *текстѣ* записки, какъ заявляетъ г. Томашівській, онъ давалъ „всїм назвам таку форму, яка загально уживаєть ся в українській лїтературній мові, відкладаючи знані діялектичні форми до *показчика*“ [2]).

Но орѳографія украинскаго литературнаго языка, основанная на фонетическомъ принципѣ, во многихъ случаяхъ совершенно не даетъ возмножности понять, какъ же именно произносится то или другое слово въ тѣхъ малорусскихъ говорахъ, фонетическія явленія которыхъ не совпадаютъ съ общепринятымъ украинскимъ литературнымъ произношеніемъ [3]).

Съ другой стороны, embarras de richesses въ „показчикѣ“, гдѣ для одного и того же названія дается двѣ и болѣе формъ, ставитъ читателя въ полное недоумѣніе: *всѣ* ли эти формы существуютъ параллельно одна другой, или же, что чаще всего и бываетъ, *одна* изъ нихъ; въ послѣднемъ же случаѣ, *которая именно* дѣйствительно живетъ въ народномъ употребленіи? Иногда можетъ оказаться, что *ни одной* [4]).

---

1) Названій многихъ русскихъ сёлъ въ восточной части сто́лицы у него, однако, нѣтъ.

2) Op. cit., стр. 188.

3) Особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда у г. Томашівськаго приведенъ только именительный падежъ.

4) Примѣровъ можно указать очень много; вотъ нѣкоторые: въ „Показчикѣ“ — Bocskó — Бічків, Бічкув, Бичків, далѣе — Бочків; которую же форму предпочесть? (На мѣстѣ произносится Бычку́ў, р. п. — Бычко́ва, этимологически — Бочковъ); Андрашівцї, Андрашовцї, (на мѣстѣ — Андрашуўці, р. п. — овець); Бенятина или Бенецина? Березівка, Брезівка или Брезувка? Буківцї или Буковець? Вільхівцї, Вільховець, Вульхувцї, Вульховець? Вірлява или Урлява? Горинцьово, Горинчово, Герінчово? Густ, Густе, Густоє (послѣдняя форма, не употребляемая народомъ, взята, вѣроятно, изъ одного экземпляра схематизма; Густе, думаемъ, передѣлка Густоє на галицкій ладъ)? Желїсковець, Зелїзь, Зелїзковець? Копінівцї, Мокулівцї, Копишувцї? Логово, Лохово? Мистичи, Імстічово (первой формы не существуетъ, на мѣстѣ — Имсти́чово)? Онік, Осій, — на дѣлѣ Онйк Осйй, р. п. Оно́ку, Осо́ю и т. п. (о буквѣ *й* см. ниже).

Въ концѣ концовъ, мы принуждены были бы по личному усмотрѣнію разрубить Гордіевъ узелъ [1]), если бы лѣтомъ 1910 г. случайно не познакомились въ Будапештѣ съ молодымъ, весьма талантливымъ венгерскимъ ученымъ, о которомъ мы и раньше слышали—съ д-ромъ Г. Стрипскимъ, незадолго передъ тѣмъ назначеннымъ кустосомъ Національнаго Музея. Родомъ изъ села Русскаго (Ruszkócz), Бережской сто́лицы, г. Стрипскій довольно долго жилъ въ Мараморошской сто́лицѣ и много путешествовалъ вообще по интересующей насъ территоріи.

Историкъ и археологъ по спеціальности, онъ, главнымъ образомъ, собиралъ данныя по этимъ отраслямъ науки, но, въ тоже время, интересовался и народными говорами и хорошо о нихъ освѣдомленъ. По нашей просьбѣ, онъ составилъ списокъ названій сёлъ сто́лицъ Мараморошской, Угочской, Бережской, значительной части Унгварской и небольшой части Земплинской, а потомъ, послѣ провѣрки на мѣстѣ, прислалъ ёще нѣкоторыя поправки и дополненія. Названія, по его словамъ, записаны *точно въ той формѣ, какъ произноситъ народъ.* Согласно съ нашимъ желаніемъ отмѣчено, на сколько ему было извѣстно, удареніе [2]) и форма родительнаго падежа.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, насколько мы ему лично благодарны; полагаемъ, что и для науки вкладъ д-ра Стрипскаго будетъ признанъ цѣннымъ.

Итакъ, въ основу формъ мѣстныхъ названій, положены названія, сообщенныя Цамбелемъ и г. Стрипскимъ [3]). Ихъ формы названій переданы въ нижеслѣдующемъ спискѣ [4]).

---

[1]) Вѣдь, въ сущности, та или иная форма названій ненаходится *ни въ какомъ отношеніи къ задачамъ нашего историческаго* изслѣдованія, и ошибки въ номенклатурѣ не могутъ быть поставлены намъ въ вину.

[2]) Это имѣетъ особое значеніе для восточной части угрорусской территоріи, гдѣ въ говорахъ—подвижное удареніе (см. Гнатюк, Русіни Пряш. епархії, стр. 16 и 48, Верхратский, Знадобн. и т. д. Зап. Шевч. XXVII—XXX, XL—XLV). Въ тѣхъ, болѣе рѣдкихъ, случаяхъ, когда названіе произносится съ ударенiемъ то на одномъ, то на другомъ слогѣ, ставимъ два знака ударенія.

[3]) Формы ненаходящихся у нихъ названій (небольшое, сравнительно, количество) установлены нами на основаніи вышеуказаннаго матеріала.

[4]) О нѣкоторыхъ отступленіяхъ въ сторону этимологическаго правописанія см. ниже. Отступленія эти, думаемъ, нисколько не затемняютъ истиннаго фонетическаго образа словъ. И Цамбель (Op. cit., стр. 90—91, 93—96), и Томашівський (Op. cit., стр. 188) сознательно дѣлали уступки, каждый въ пользу своего литературнаго языка.

Но для текста нашего изслѣдованія мы видоизмѣнили названія, передавая ихъ не фонетическимъ, а *этимологическимъ* правописаніемъ.

Сами угрорусскіе писатели XIX—XX вв. (въ громадномъ большинствѣ), соблюдая преемственность литературной церковно-славянской традиціи, держались этимологическаго правописанія, сохранивъ *ѣ, о,* (вм. *ô* или *і, у, ю*), *е* (вм. *ê; і, ю*), *ы, ъ* и т. д., не вводя новыхъ буквъ украинской азбуки или діакритическихъ знаковъ надъ *о* и *е* (*ô, ê*). Въ народѣ же и доселѣ даже самая форма церковно-славянскихъ буквъ пользуется особымъ почтеніемъ: „Языкъ *церковно-славянскій* держалъ, да и теперь держитъ каждый Угро-русскій простой человѣкъ: *святымъ, возвышеннымъ,* у предковъ письменнымъ еще.— —Оттуда то консервативность Угро-русскаго народа, который и понынѣ лучше прилѣпляется къ церковнымъ письменамъ, нежели къ гражданкѣ, отсюду и его отчужденіе отъ всего, что имѣетъ въ печати видъ повседневный— —; оттуда отвращеніе его къ книгамъ неписаннымъ по правописанію церковнаго языка" [1]).

И съ практической точки зрѣнія, этимологическое правописаніе названій, вполнѣ соотвѣтствуя правописанію языка нашего изслѣдованія, даетъ возможность избѣжать разнаго рода недоразумѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда въ русскомъ текстѣ приходится имѣть дѣло съ склоненіемъ названій, вызывающимъ чуждыя нашему литературному языку измѣненія звуковъ. Намъ казалось весьма неудобнымъ, напримѣръ, писать: „Ремета" [2]) въ именительномъ падежѣ, но отъ „Реметъ" въ одной столицѣ, отъ „Ремутъ"—въ другой, отъ „Ремйтъ"—въ третьей, или „черезъ Андрашуўці", но—„отъ Андрашовець" и т. п. Этимологически написанное слово подобно алгебраической формулѣ, въ которую можно подставить разнообразныя реальныя величины.

Отъ этимологическаго принципа мы допустили, однако, и

---

[1]) Е. Сабовъ, Христоматія церковно-славянскихъ и угрорусскихъ литературныхъ памятниковъ, Унгваръ, 1893, стр. 186.

[2]) Впрочемъ, мы старались избѣгать особенно рѣшительной этимологизаціи, предпочитая поступиться принципомъ, чѣмъ создавать, можетъ быть, никогда не существовавшія формы. Такъ, напримѣръ, Брестовъ (Homonna Bresztó), а не Берестовъ: село находится на словацкой территоріи, возможно, что и русскіе называютъ его по-словацки, безъ полногласія и т. п. Ср., впрочемъ, Брестовъ (N. Breszto) въ Бережской ст.

нѣкоторыя отступленія, не влекущія за собою практическихъ неудобствъ: такъ, послѣ шипящихъ мы писали *о*, а не *е* тамъ, гдѣ *о* слышится въ угрорусскихъ говорахъ; прилагательныя, обратившіяся въ названіяхъ въ существительныя, употребляли то въ нестяженной, то въ стяженной формѣ, сообразно съ особенностями говоровъ: Кривое, Студеное, Колодное, Гукливый, Задѣльскій, но: Криве, Зубне, Мокра, Керецки и т. д.

Установивъ формы названій для текста изслѣдованія по этимологическому принципу, ставимъ ихъ въ Спискѣ на первомъ мѣстѣ разрядкой; при этомъ:

1) Если наша форма названія вполнѣ соотвѣтствуетъ формѣ названія у Цамбеля и Стрипскаго, заключаемъ ее въ кавычки, добавляя, въ тѣхъ же кавычкахъ, родительный падежъ, если это представляется, почему-либо, необходимымъ. Для сокращенія и ради бо́льшаго однообразія вмѣсто мягкаго *ц* (т. е. *ці*, *ць*, *ця*, и т. д.) ставили *ц* твердое (*цы*, *цъ*, *ца*), вмѣсто мягкаго *с* въ суффиксѣ *cьк*—твердое *с*—*ск*; пользовались только однимъ знакомъ *г* для украинскаго *г* (=лат. *h*) и ґ (=лат. *g*); вмѣсто ў, какъ произносятъ угрорусcы *в* на концѣ слога—*в*; вмѣсто *je* послѣ гласныхъ (у г. Стрипскаго)—*е*[2]); вмѣсто (ň)*о*, (*d'*)*о*, у Цамбеля) и *ьо* (у Стрипскаго)—*ё*, хотя бы на *о*, съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, и не падало ударение; вмѣсто словацкаго окончанія именительнаго падежа множественнаго числа *се* (у Цамбеля)—угрорусское окончаніе *цы* (т. е. *ці*), возстановляя это *цы* и для сёлъ, теперь словацкихъ, по Лексикону же русскихъ.

2) Если же наша форма названія, такъ или иначе, существенно отличается отъ формы его у Цамбеля и Стрипскаго, то послѣднюю печатаемъ непосредственно за первой, но въ кавычкахъ [3]).

---

[1]) Вмѣсто Руській—пишемъ, какъ принято и въ угрорусской литературѣ—Русскій. По Верхратскому (Знадоби для пізнаня уг. рус. говорів, Зап. Шевч., XL, 1901), угрорусcы называютъ языкъ свой „рускый або (місцево) руськый“ (стр. 3).

[2]) Т. е. вм. Студеноje—Студеное.

[3]) У Цамбеля, разумѣется, латинско-словацкимъ алфавитомъ у Стрипскаго—русскимъ, съ соблюденіемъ орѳографіи Стрипск'аго и съ внесеніемъ, по его желанію, употребленной еще Верхратскимъ (Знадоби, Зап. Шевч. XXVII) изъ мадьярской азбуки буквы *ӥ*, для обозначенія особаго звука одного изъ угорско-русскихъ діалектовъ, въ которомъ

3) Параллельныя формы приводимъ лишь тогда, когда онѣ дѣйствительно существуютъ въ народномъ языкѣ.

За русскими названіями помѣщаемъ названія изъ рубрикъ Лексикона: linguâ latinâ, linguâ hungaricâ, съ разнаго рода исправленіями [1]), далѣе, въ скобкахъ, названія изъ рубрикъ linguâ ruthenicâ, linguâ slavonicâ, затѣмъ, гдѣ это находится въ Лексиконѣ, отмѣчаемъ, cujus religionis parochus habeatur, наконецъ—въ какой сто́лицѣ и въ какомъ округѣ [2]) лежитъ данное поселеніе.

Русскія названія Лексикона печатаются безъ всякихъ поправокъ, точно въ той формѣ, въ которой они находятся въ Лексиконѣ [3]). Возможно, что кое-гдѣ названіе Лексикона, не совпадающее съ *современнымъ* народнымъ названіемъ, правильно передаетъ *тогдашнюю*, употреблявшуюся народомъ форму. Ср., напримѣръ, въ Мараморошской сто́лицѣ—Karácsonfalva (III), linguâ ruthenicâ Korucsonova—въ подпискѣ крестьянъ 1781 г.: „Обывателѣ сел (!) Корочунова“

ô=*ю* (*лй* не *l'*+*u*, а *l'*+*й*; Гнатюк (Етнографічні материяли, I, 1897, стр. X) принялъ для этого звука знакъ *ö*: пöп, стöл, дöл): Онйк, Осйй, Шкуратйвці, Шербйвці и т. п. Тоже й см. у Жатковича, Замітки етногр. з Уг. Руси, (Етн. Збор. II, 1896, стр. 2).

[1]) См. предисловіе къ картамъ.

[2]) Послѣднее только для тѣхъ шести сто́лицъ, для которыхъ составлены нами особыя карты.

[3]) Любопытно, что въ сто́лицахъ Мараморошской, Угочской, Бережской и Унгварской русскія названія иногда приводятся не въ именительномъ, а въ косвенныхъ падежахъ, чаще всего въ родительномъ, рѣже въ винительномъ или мѣстномъ; такъ въ Мараморошской: Ganya, l. ruthenicâ—Ganics=Ганичи—Ганич, Kalinfalva — Kalinach=Калины—Калинах, A. Nereszniczе — Nereszniczu=Нересниця — Нересницю, F. Nereszniczе — Novoszeliczu=Новоселиця — Новоселицю, Remete—Remiuth=Ремета—Ремут, Szeles Lonka—Luha=Луг—Луга; въ Угочской: Rakasz — Rakuszve=Рокосовь—Рокйсве; въ Бережской: Bábafalva—Babics=Бабичи — Бабич, Bilke—Bilak=Білкы—Білок, Bubuliska—Bobovics (вм. Boboviscs)=Бобовищи—Бобовищ, Iványi—Iwanowics (вм. Iwanowicz)=Іванйуці—Івановець, N. Lucska—Lucsok=Лучки—Лучок, Teökes—Kolodnyoho=Колодное—Колодного; въ Унгварской: Dubróka—Dubroki=Дубрувка—Дубрувки, Remete—Remet=Ремета—Ремет, Szolya—Soly=Соля—Соли, Viska—Wisky=Вишка—Вишки, Vulsinka—Vulsinok=Вульшинки—Вульшинок. Очевидно, дававшіе для Лексикона свѣдѣнія дворяне-помѣщики, не вполнѣ ознакомленные съ русскимъ языкомъ, записывали названія въ той формѣ, въ какой они его преимущественно и слышали изъ устъ народа, т. е. съ предлогами *до*, *въ*, въ связной рѣчи: „до Ганич, ў Нересницю, ў Калинах“. Названія же въ словацко-русскихъ сто́лицахъ Земплинской и Шаришской, гдѣ дворяне—даже и мадьяры—обыкновенно владѣли словацкимъ языкомъ, почти вездѣ правильно поставлены въ именительномъ падежѣ, и при томъ названія въ им. мн. ч. на *цы* (ці) всегда съ словацкимъ окончаніемъ *це*: Kolbowcze, Matyasowcze, Prawrowcze и т. д.

(Мат. V, стр. 129)—нынѣ Крачуново; въ Шаришской сто́лицѣ—Pusztamezö (II), linguâ ruthenicâ Wizranka, нынѣ Puste Pol'e (по Цамбелю) и т. п.

Условные знаки и сокращенія:

Названіе безъ всякаго знака — русское, по Лексикону, поселеніе: Студеное.

Съ * — мадьярско-русское: *Фанчиково.

Съ ** — словацко-русское: ** Боглярка.

Съ + — нѣмецко-русское, сербско-русское: +Коштиль, +Куцура.

Названія поселеній, о языкѣ которыхъ нѣтъ указаній въ Лексиконѣ, заключаемъ въ скобки: (Бачава).

cath. — parochus catholicae religionis.

g. r. — parochus graeci ritus catholicae religionis.

helv. — minister helveticae confessionis.

Сто́лицы:

Б. — Бережская.
Б.-Б. — Бачъ-Бодрогская.
Бг. — Бигарская.
З. — Земплинская,
М. — Мараморошская.
Сб. — Сабольчская.
Сп. — Спишская.
Ст. — Сатмарская.
Т. — Торнянская.
У. — Угочская.
Ун. — Унгварская.
Ш. — Шаришская.

Абрагановцы, „Abranoйce“, Ábrahány-f. (Ábrahanowcze). Ш. I.
„Áбранка“ [1]), N. Ábránka (Ábranka); g. r. Б. I.
*Агардъ, Agárd, g. r. З. II.
Андрашовцы, „Андрашýвці, р.—овець“, Andrásócz, g. r. Ун. III.
„Андреёва“, Andrejova, g. r. Ш. IV.
Анталовцы, „Антáлувці, р.—овець“, Antalócz, g. r. Ун. III.
„Áпша Врх.“, F. Apsa (Apsa Verchnyu), g. r. М. III.
„Ардáново“, Árdán-h. (Ardanowa), g. r. Б. III.
*„Ардовéцъ, р. — ївця“, Szőllős-Vég-Ardó, helv., g. r. У. I.
*Ардовъ, „Ардйў, р. Ардóва“, Fekete Ardó, helv., g. r. У. II.
*Ачадъ, (Nyír) Acsád, g. r. Бг.

Бабичи, „Бáбичі, р.—ич“, Bába-f. (Babics). Б. III.
Баблюкъ, Bablyuk (Balak). Б. I.
„Байеровцы“, Bajorvágás (Bajirowcze), g. r. Ш. II.
Балажовцы, „Балажýвці, р.—овéць“, Balázs-f. (Balasowa). Б. II.
„Баньске“, Bánszka (Banske), g. r. З. VI.
„(Баранйнцы), р.—ець“, Baranya. Ун. III.
Бáрбово“, Bárt-h. (Barbowa). Б. III.
„Батáръ“, Batár, g. r. У. II.
(„Бáчава“), Bacsava. Ун. III.
„Ведéвля“, Bedő (Bedévlja), g. r. М. II.
*Бель, Bély. З. II.
*Бельтекъ, (Nyír) Béltek, g. r. Сб.
Бенедиковцы, „Бенéдікувці, р.—овець“, Benedike (Benedikocz), Б. II.
„Беньдиковцы“, Benedikócz, g. r. Ш. V.
Береговцы, „Берéгівці, р. — óвець“, Beregócz Б. I.
Березникъ“, Bereznik, g. r. М. II.
„Берéзное В.“, N. Berezna (Welko Brezno), g. r. Ун. IV.
„Берéзное М.“, K. Berezna (Malo Brezno), g. r. Ун. IV.
Березовецъ, Brezovecz (Berezovecz). З. IV.
Березовка, „Brezuvka“, Brezovka(Brezuwka). Ш. IV.
„Берéзово“, Berezna (Berezova), g. r. М. II.
„Бехеровъ“, Bicharó (Beherow), g. r. Ш. VI.

[1]) У Томашівського: „Кушниця“.

Бзяне, „Bźane, g. — oho“, Bodzás (Bzanye), g. r. З. VI.

*„Бикиня, р.—ині“, Beő-kény, helv., g. r. У. II.

„Блажовъ“, Balázsvágás (Blažow), g. r. Ш. II.

Бобовищи, „Бобовіщі, р.—бвищ“, Bubuliska (Bobowicž), g. r. Б. II.

Богеревица, „Богеревиця“, Falucska (Bogorowicza), g. r. Б. III.

**„Боглярка“, Boglyárka. Ш. IV.

Бодружалъ, „Bodrudžal“, Bodruzsal, g. r. Ш. VI.

**„Бокша“, Boksa, g. r. Ш. V.

„Боровъ“, Borró (Borrove). З. V.

„Борсучина“, Borszucsina. Б. I.

Бочковъ, „Бычкўў, р.—ова“, (K., N.) Bocskó (Becskou), g. r. М. III.

Бочковъ, „Бычкўў, р.—ова“, Bocskó. У. II.

„Брестовикъ“, K. Breszto (Male Bresto). Б. III.

Брестовъ, „Брестив, р.—ова“, N. Breszto (Welike Bresto), g. r. Б. III.

„Брестовъ Гуменянскій“, Homonna Breszto (Homonsky Bresto). З. V.

Бродъ, „Брид, р. Броду“, Bród (Brud), g. r. Б. II.

Бродъ Красный, Kraszni Brod, g. r. З. V.

Бронька см. Суха—Бронька.

Брусница, „Bruśnica“, Brusnyicza, g. r. З. IV.

„Брустура“, Brusztura М. III.

„Буковецъ, р. — івця“, Bukócz. Б. I.

„Буковецъ“, Bukócz (Bukowcze), g. r. З. VI.

„Буковецъ, р. — івця“, Bukovecz (Bukovicza), g. r. М. I.

„(Буковецъ), р. — івця“, Bukócz. Ун. IV.

„Буковецъ“, Bukócz (Bukowecz). Ш. VI.

Буковинка, Bukovinka. Б. III.

„Буштино“, Bustya-h., (Bustina), g. r. М. II.

„Буяковъ“, Bujak (Bujakow). Ш. III.

„Быстра Верховина, р.—оjі—ы“, Bisztra (Bisztry), g. r. Ун. IV.

„Быстра Крайнянска“, Bisztra. Ш. VI.

Быстрое, Orosz Bisztra. З. IV.

„Быстрое“, Turja Bisztra, g. r. Ун. IV.

„Быстрый“. K. Bisztra (Bistre). Б. I.

„Быстрый“, K. Bisztra (Bistry) Б. I.

„Быстрый“, N. Bisztra (Welike Bistre). Б. I.

Бѣла Избудска, Izbudya Bella (Bella Zbucsky). З. V.

Бѣласовиця, „Біласовиця“, Bilaszovicza. Б. I.

Бѣле, „Біле“, Fejér-p. (Bile), g. r. М. III.
Бѣлеёвцы, Belejócz. Ш. VI.
Бѣлки, „Білкы, р. — лóк“, Bilke (Bilak), g. r. Б. III.

„Вагринецъ“, Vagrinecz. Ш. VI.
„Валентовцы“, Valentócz (Walentocze). З. V.
„Валковъ“, Valkó, g. r. З. VI.
„Вальковцы“, Valykócz (Walkowce). Ш. V.
„Вапеникъ“, Vappenik, g. r. З. VI.
„Варадка“, Varadka, g. r. Ш. VI.
„Варганёвцы“, Várgony (Varhanowcze). Ш. I.
„Вариховцы“, Varihócz (Warhowcže), g. r. З. VI.
Вашвари, (Nyír) Vasvári, g. r. Ст.
„Велькропъ“, Velkrop, g. r. З. VI.
„Велятинъ“, Veléthe (Welatin), g. r. У. II.
„Венеція“, Veneczia. Ш. IV.
„Вербяжъ, р.—же“—Verbiás-Petruszovicza, g. r. Б. I.
„Веретечово“, Veretecső, Б. I.
„Верецкий Вшн., р.— цьóк,—цькúх“, F. Vereczke (Wisny Werecky). Б. I.
„Верецкий Нжн., р.—цьóк, цькúх“, A. Vereczke (Nisny Wereczky). Б. I.

Бѣловарцы, „Біловáрці, р.—ець“, K. Kirva (Bilovarecz). М. Ш.
**Бѣловежа, „Beloveža“, Bellovezsa (Belovcza). Ш. IV.

„Веряца“, Verécze (Weraczin), g. r. У. II.
„Весь Рус. Н.“, Soós Új-f. (Ruska Nowawes), g. r. Ш. I.
„Видрань“, Vidrány, g. r. З. V.
„Вилаги“, Világh (Wilagi), g. r. З. V.
„Вирава“, Virava, g. r. З. V.
„Вислава“, Viszlava (Wastava), g. r. Ш. VI.
Владичъ, „Ladič“, Vladicsa, g. r. З. VI, Ш. VI.
Влахово, „Олáгово“, Eölves (Olejahowa). У. I.
„Войтовцы“, Vojtócz (Wojtowcze), g. r. З. VI.
„Войчицы“, Vécse (Wojcžicze). З. III.
„Волица“, Volicza. З. V.
Волковыи, „Вовкóвіji, р.—ij“, „Volkova, Voŭkova“, Valkaja. Ун. III.
„Волóвецъ, р.—івця“, Volócz, g. r. Б. I.
„Волóвое“, Ökör-m. (Valava), g. r. М. I.
„Волóвый“, Orosz Volova (Oros Wolowe), g. r. З. IV.
„Волосянка“, Voloszánka. Ун. IV.
Волошское, „Волóсь-

koje“, Csertész (Woloska), g. r. Б. III.

Вольховица, „Вýльховиця“, Egreske (Wulchowicza). Б. III.

Вольховцы, „Вульхýвці, р.—овéць“, Irholcz (Irhuczok), g. r. М. III.

Вольшинки, „Вулшинкú, р.—óк“, Vulsinka (Vulsinok). Ун. IV.

„Воля Рус.“, Orosz Volya (Ruska Wolya), g. r. Ш. II.

„Воля Юркова“, Jurkó Volya, g. r. Ш. VI.

„Воля Юскова“, Juszkó Volya, g. r. З. VI.

„Ворóтница“, Vorotnicza. Б. II.

„Ворочóво“, Vorocsó (Worocżowo), g. r. Ун. IV.

Вуйгель, „Вúгель“, Tisza Újhely, helv., g. r. У. I.

Вуйлокъ, „Вúйлов“, Tisza-Ujlak, cath., helv. У. I.

Вунѣево, „Войнíјово“, Vajnágh (Vunyihova), g. r. М. II.

Вучково, „Вучкóвоје“ Vucskó-m. (Vucskova). М. I.

„Вúзницы Вшн., р.—іць“, F. Viznicze (Wisna Wiznicza), g. r. Б. I.

„Вúзницы Ср.“, Köz. (A.) Viznicze (Sredna Wiznicza). Б. I.

Высранка [1]), „Puste Pol'e“, Puszta-m. (Wizranka), g. r. Ш. II.

Вышка, Viska (Wisky). Ун. IV.

„Вышковцы“, „Viškovce“, Viskócz, g. r. Ш. VI.

„Габура“, Habura (Habure), g. r. З. V.

„Гавай“, Havaj, g. r. З. VI.

„Гавранецъ“, Gavranecz. Ш. VI.

„Гажинъ“, Hazsina (Hasyn). З. IV.

(Гайдошъ), Gajdos. Б. II, Ун. III.

Гайтовка, Hajtuvka, Ш. II.

„Гандерóвица“, Klastromf. (Handerowicza). Б. III.

**„Ганиговцы“, Henig (Hanigowcz), cath. Ш. II.

Ганичи, „Гáничі, р.—ич“, Gánya (Ganics), g. r. М. III.

„Ганькóвица“, Hankovicza. Б. I.

**Гачава, Falucska (Hacżawa), g. r. Т.

---

[1]) Въ этой формѣ находимъ названіе еще у Феньеша (Географія, III, стр. 259). Въ послѣдствіи, приличія ради, (см. ниже о с. Нуцакъ, Земплинской ст.), измѣнили его на Высланка (см. Томашівський, Op. cit.). М. Бель: „Praedium Katsand oppidi, quod iam Pusztamező et Slavis Puszté pole vocitatur. De eo traditio est retroactis saeculis terrae motu absorptum esse, alioquin in valle situm, sed verius est bellis esse deletum finitimis“.

Геёвица, [1]) Gévén-f. (Gejowicza). Б. I.

„Гельцмановцы", Helczmanócz (Helczmanowcze), g. r. Сп.

„Геральтъ" [2]), Gerálth, g. r. Ш. IV.

„Герлаховъ", Gerlachó (Gerlachow). Ш. IV.

Герцовцы, „Гéрцувці, р.—овець", Hercz-f. (Herczón). Б. II.

Гетеня, „Хетéня", Hetény, g. r. У. II.

„Гигловцы", Giglócz (Gyglowcze), g. r. З. V.

„Глúнянецъ", Iglincz (Hlinanecz). Б. I.

„Глуханóвицы", Hluboka-p. (Hluchinowicza). Б. I.

Годермаркъ, „Hondermarek", Százvásar, (Centumvilla, Hundermarkt), g. r. Сп.

„Голубúное", Holubina (Holubine). Б. I.

„Гольчиковцы", Holcsikócz (Holcsikovcze), g. r. З. V.

„Голя́тинъ", Ó - Holyatin (Sztarej Holyatin). M. I.

„Гомóкъ, р.—кá", Homok, g. r. Б. IV.

„Горбокъ Радванскій", Horbok Radvány (Horbesansky Radvany). З. V.

Горинчово, „Горíнчово", Herincse, g. r. M. II.

Городиско, „Hradzisko", Hradiszka, g. r. Ш. IV.

Горонда, „Г'орондá, р.—ы", Gorond (Gorondj). Б. II.

Горяны, „Гоя́ни, р.—ян", Gerény. Ун. III.

Гостовица, Hosztovicza, g. r. З. V.

„Грабовецъ", Orosz Hrabócz (Hrabowecz), g. r. З. IV.

„Грабовецъ Рус.", Orosz Hrabócz (Oros Hrabowecz), g. r, З. VI.

Грабовница Вшн., „Грабúвниця Вшн." F. Hrabonicza. Б. I.

Грабовница Нжн., „Грабúвниця Нжн.", A. Hrabonicza (Niska Hrabonicza). Б. I.

„Грáбово", Szidor-f. (Hrabovo). Б. I.

„Грабовчикъ", Hrabovcsik. Ш. VI.

„Грабске", Hrabszke (Hrabskj), g. r. Ш. IV.

„Грéбля", F. Karaszló (Hreblya). У. I.

Грибовцы, „Грíбýвці, р.—óвець", Hribócz (Hribowicž). Б. II.

„Грибовъ", Gribova (Gribow). Ш. VI.

„Громошъ", Gromos. Ш. II.

„Грýшово", Körtvélyes (Hrusova). M. IV.

[1]) У Томашівського: „Генівці".
[2]) У Ставровскаго: „Гералцикъ".

Гудяй, Hugyaj, g. r. Сб.
„Гукливое" [1]), Hukliva (Huklvy), g. r. Б. I.
„Гунковцы", Hunkócz. Ш. VI.
„Гусакъ, р.—á", Huszák. Ун. IV.

„Давидовъ", Dávidvágás (Dawidow), g. r. З. VI.
„Давыдково Н.", Új Dávid-h. (Dawidkowa), g. r. Б. II.
„Давыдково Ст.", Ó Dávid-h. (Dawitkowa). Б. II.
Дамоцъ, Dámócz, g. r. З. II.
„Данилово", Sóo-f. (Danilova), g. r. М. II.
Дара, Dara (Dare). З. IV.
„Дарговъ", Dargó (Dargow). З. III.
(Деньковцы), „Дéнькувці, р. — овець", Dengláz. Ун. III.
Держъ, Derzs, g. r. Ст.
„Дешкóвица", Deskó-f. (Deskocz). Б. III.
Дицковица, Diczkovicza. Б. I.
Добра, (K.) Dobra, g. r. З. II.
„Доброслава", Dobroszlava, g. r. Ш. VI.
Долгое, „Дóвгоje", Dolha, g. r. М. II.
Долгое, „Дóвгоje", Hosszú-m. Ун. III.
„Гусное, р.—óго", Huszna. Ун. IV.
„Гута", Hutta. Ун. IV.
„Гута Stebnicka", Üveg Hutta (Sklena Hutta). Ш. VI.
„Гутки", Hutta, g. r. Ш. VI.
„Долгоня", Dolhonya. Ш. VI.
„Доманинцы, р.—ець", A. Domonya (Domaninecz), g. r. Ун. IV.
Домашина, „Домашины, р.—ин", Domasina. Ун. IV.
„Доробратово", Dragobárt-f. (Dorobratowa), g. r. Б. III.
„Дрáвцы, р.—ець", Darócz. Ун. III.
„Дрáгово", Kövesliget (Drahova), g. r. М. II.
„Драгушóвецъ, р.—івця", Drahusócz, g. r. Б. I.
„Дрична", Drécsna (Dreżne), g. r. З. VI, Ш. VI.
Дубина, „Дýбины, р. Дýбин", Dubina. Б. I.
„Дубова", Dubova, g. r. Ш. VI.
„Дубóвое", Dombó (Dubove), g. r. М. III.
Дубрава, Dubrava. З. IV.
„Дубравка", Dubróka (Dubrowka), g. r. З. IV.

[1]) Также и Гукливый.

„(Ду́бриничъ), р. „Ду́бринич“, Dubrinics (Dubrincsi), g. r. Ун. IV.
„Ду́бровица“, Dubrovicza. Б. III.
Дубровка „Ду́брувка“, Dubróka (Dobrúka), g. r. Б. III.
(Дубровка), „Ду́брувка, Dobraŭka“, Dubróka (Dubróki). Ун. III.
„Ду́лово́“, Dul-f. (Dulova), g. r. М. II.
„Дунко́вица“, Nyires-f. (Dunkowicza). Б. III.
„Ду́сино“, Duszina. Б. I.
Дѣлокъ, „Ділóк, р.—лку́“, Papp-f. (Gyilog), g. r. Б. III.
*Дюлай, Gyulaj, helv., g. r. Сб.
Дюрковъ, Gyurkó (Gyurkow). Ш. II.
„Дю́ровица“, Pap-Györgyf. (Gyurowicz), g. r. Б. III.
Дяпаловцы, „Dzapalovce“, Gyapalócz (Gyapalowcze), g. r. З. V.
**Дячовъ, „Dzačov“, Décső (Diaczow), g. r. Ш. II.

Ёбовица, Jobovicza, Б. I.
„Едлинки“, Jedlinka. Ш. VI.
„ЕдловаВшн.“, F. Jedlova (Wisna Jedlowa). Ш. VI.
„ЕдловаНжн.“, A. Jedlova (Nizna Jedlowa). Ш. VI.

„Жатковцы“, Zsettek (Zatkowcze). Ш. IV.
Жбировцы, Runo-f. (Sbiwocze). Б. I.
„Жде́нёво“, Zsdenyova. Б. I.
„Жу́ково“, Zsukó. Б. II.

„Завада“, Zavada, g. r. З. VI.
„Зава́дка“, Zavadka (Zawotka). Б. I.
„Зава́дка“, Zavadka, g. r. Сп.
„Зава́дка“, K. Csongova (Zawadka). У. I.
„Завадка“, Zavadka. Ш. IV.
„Зави́дово“, Závid-f. (Zawidowa). Б. III.
Загатье, „Зага́тя, р.—га́ть“, Háthmeg (Zahatya) g. r. Б. III.
„За́горбъ, р.—у“, Zahorb. Ун. IV.
Заднее, „Задньоje“, Zadnya, g. r. М. II.
Задѣльскій, „Заділський“, Zagyilszka. Б. I.
Залужье, „Залу́жа, р.—у́жа“, K. Almás (Zaluža) g. r. Б. III.
Зарѣчово, „Зарі́чово“, Zaricsó, g. r. Ун. IV.
Зарѣчье, „Зарі́ча, р.—а“, A. Karaszló (Zaričzo), g. r. У. I.

„Заўсина", Zauszina. Ун. IV.
Збойне Гумен., „Zbojne, g.—oho", Homonna Zbojna (Humenska Zbojna). З. II.
Збойне Избудск. „Zbudzske Zbojne, g.—oho", Izbugya Zbojna (Zbuzky Zbojna). g. r. З. V.
Збунъ, Zbuna. Б. I.

Звала, Zuella, g. r. З. V.
„Златникъ", Aranyos - p. (Zlatnik), g. r. З. VI.
Зняцово, „Зняцьово", Ignécz (Znyaczowa). Б. II.
„Золотарёво", Ötves - f. (Zolotarova), g. r. М. II.
„Зубне, p. —ого", Zubna, g. r. З. V.

Ивановцы, „Іванӱўці, p.—Івановець", Iványi (Iwanowics), g. r. Б. II.
Ивашковцы, „Івашкӱвцы, p.—овець", Ivásko-f. (Iwaskowicza). Б. Ш.
„Йза", Iza, g. r. М. II.
Изворъ, Izvor. Б. I.
Изка, „Йська", Iszka (Izok), g. r. М. I.

Ильковцы, „Ількўвці, p.—овець", Hilkócz (Ilkócz). Б. II.
„Йльница", Iloncza (Jilnicza), g. r. Б. Ш.
„Имстичово" Miszticze (Imsticze), g. r. Б. III.
„Иршава", Ilosva (Irsawa), g. r. Б. Ш.

Казимиръ, „Kaźimir", Orosz Kazmér (Kazmir), g. r. З. VI.
„Кайданово", Kajdanó, g. r. Б. II.
„Кайня Рус.", Orosz Kajna, g. r. З. VI.
„Каленовъ", Kalenó (Kolenow), g. r. З. V.
„Калины, p.—ин", Kalin-f. (Kalinach), g. r. М. Ш.
Кальна, Kálna. З. IV.
Кальникъ, „Калник, p.—ка", Kalnok, g. r. Б. II.
Каменица, „Камяниця", Kemencze. Ун. IV.
„Канора", Kánora. Б. I.
„Капишова", Kapissó (Kapissowa), g. r. Ш. VI.

Карачфальва, Karács - f. У. I.
„Карчава", Karcsava. Ун. II.
„Кашаровцы", Kosarócz (Kosarowcze), g. r. З. V.
„Кашовъ", Kásó (Kasow), g. r. З. Ш.
„Квасово", Kovászó, g. r. Б. Ш.
„Квасы, p.—сіў", Borkúth (Kvaszj). М. Ш.
„Квачаны", Kvacsán (Kwaczany). Ш. Ш.
„Кекенюшъ, p.—а", Kökényesd, cath., g. r. У. II.
„Кендерешово", Kend-ereske (Kenderesocz). Б. Ш.

Кенезъ, Ér - Kenéz, g. r. Сб.

Керестуръ, „Кирестуръ", (Bács) Kerecsztúr, g. r. Б. - Б.

„Керестуръ", Szécs Keresztúr, g. r. З. III.

„Керецкій, р. — цьóк" [1]), Kereczke, g. r. М. II.

„Керештвей", Körösfü, g. r. Ш. I.

„Кечковцы", Kecskócz (Kecskowcze), g. r. Ш. VI.

Кибрялъ, „Кібрялъ, р.—ли", „Kiblara, g.—i," Köblér. Ун. III.

Кивяждь, „Кывяждь, р.—ди", Kövesd, g. r. Б. III.

Киличинъ, „Килычи́н", Kelecsény. М. I.

Киригаза, „Кіріráза", Király - h., g. r., cath. У. II.

Кичорна, Kicsorna. Б. I.

„Кіёвъ", Kijó (Kigvw), g. r. Ш. II.

„Клембаркъ", Klembergh (Klembark), g. r. Ш. III.

„Кленóва, р.—ы", Klenova (Klenowe), g. r. З. IV.

„Кли́мовица", Kelemen - f. (Klimowicza). Б. III.

Клочковцы, „Клочкувці, р.—óвець", Klecskó - f. (Kloczky). Б. I.

„Клячáново", Klacsanó. Б. II.

„Княгини́на", Knyahinya, g. r. Ун. IV.

„Кобалёвица", Gál - f. (Gobalowicza). Б. III.

**„Кожаны", Kozsány, (Kvzany). Ш. V.

„Кожуховцы", Kozsuhócz (Kossuhowcze). Ш. VI.

Койшовъ, „Kol'šov", Kojsó (Kojskow), g. r. Сп.

**„Кокиня", Kökény. Ш. V.

Колбасово, Kolbaszó, g. r. З. IV.

„Колбáшово", Kolbása, g. r. З. III.

Колбовцы, Kolbócz (Kolbowcze), g. r. З. VI.

„Колóдное", Teőkés (Kolodnyoho), g. r. Б. III.

„Колóдное", Darva (Kolodna), g. r. М. II.

„Колóница", Kolonicza, g. r. З. IV.

„Колочáва", Kalocsa (Kalocsava), g. r. М. I.

„Кóлчино", Kölcsin (Kölcsino), g. r. Б. I.

„Комарникъ Вшн.", F. Komárnik. Ш. VI.

„Комарникъ Нжн.", A. Komárnik. Ш. VI.

Комаровцы, „Комáрувці, р.—овець", Orosz - Komorócz, g. r. Ун. III.

„Комлоша", Komlóssa, g. r. Ш. VI.

Комлошъ, Komlós, g. r. У. II.

1) Мы много разъ слышали р. п.: Керецкихъ, каковую форму не отрицаетъ и г. Стрипскій.

„Копáня В.“, Veresmart (Welika Koponya), g. r. У. I.

„Копáня М.“, K. Kupány (Mala Kapanya), g. r. У. I.

„Копáшно“, Gernyes (Kopasna), g. r. М. II.

Копиновцы, „Копінўвці, р.—овéць“, N. Mogyorós (Kopinocz), g. r. Б. II.

„Кореёвцы“, Korejócz (Korejowcze). Ш. VI.

Корытняны, „Коритня́ны, р.—я́н“, Kereknye, g. r. Ун. III.

„Кóсино“, Koczkaszállás (Koszino), g. r. Б. I.

Кострина, „Кóстрыны, р. Кóстрын“, Kosztrina, g. r. Ун. IV.

Котельница, „Коти́лниця“, Kotilnicza. Б. I.

„Котелёво, р.—óвого,“ Kesely - m. (Keselyova), g. r. М. II.

+Коштиль, „Коштíль, р.—íля“, Rónaszék (Kostyl), cath., g. r. М. III.

„Кравяны“, Kereple (Krawjane), g. r. З. III.

„Крайникóво, р.—óвого“, Mihályka (Krajnikova), g. r. М. II.

„Крачунóво“, Karácson-f. (Korucsonova). М. III.

„Криве“, Kriva (Kriwe). Ш. IV.

„Кри́вое“, Ulics Kriva. З. IV.

„Кри́вый, р.—óго“, N. Kirva (Krivóó), g. r. М. III.

„Кри́вый, р.—óго“, Kirva (Kriva), g. r. У. II.

„Крижe, g. Križoch“, Krizse. Ш. IV.

„Кричовó, р.—óго“, Krics-f. (Kricsova), g. r. М. II.

„Кружлёва“, Kruzslyó (Kruslyova), g. r. Ш. VI.

„Кружлёвъ“, Kruzslyó (Kružlow), g. r. Ш. IV.

„Кручовъ“, Orosz Krucsó (Kručžow), g. r. З. VI.

„Крушинецъ“, Krussinecz. Ш. VI.

Кузьмина, „Кўзмины, р. Кўзмин“, Kuzmina, g. r. Б. II.

„Кумня́та, р.—я́т“, Komjáth, g. r. У. I.

„Куримка“, Kurimka, g. r. Ш. VI.

**„Куровъ“, Kurova, g. r. Ш. IV.

+Куцура, „Коцура“, Kuczura, g. r. un. et non un., Б. - Б.

„Кўчава“, Kucsova. Б. II.

„Кушница“ [1], K. Ábránka (Kasnicze). Б. I.

„Кушница“, Kusnyicza, g. r. М. II.

„Куштанóвица“, Kustán - f. (Kustanowicza). Б. III.

[1]) У Томашiвськагo: „М. Кушница“.

„Лавки́, р. Лаво́к“, Lauka (Laufka). Б. II.

„Ладомирова“, Ladomir (Ladomirova), g. r. Ш. VI.

„Ладоми́рово, р.—а“, „Ladomirova, g.—ej“, Ladomér, g. r. З. IV.

Лазы. Timsor (Lazy). Б. I.

„Ла́зы, р. Лаз“, Laaz. Ун. III.

„Ла́лово“, N. Leány-f. (Lalowa), g. r. Б. III.

Латорка, „Ла́тірка“, Laturka. Б. I.

Лачновъ, „Lačnuv, g.—ova“, Lacsnó (Lacžnow). Ш. III.

„Лашковцы“, Lásk (Laskowcze), g. r. З. IV.

„Легна́ва“, Laghnó (Legnawa), g. r. Ш. II.

„Лекартъ“, Lakárt. Ун. II.

** „Ленартовъ“, Lenartó, Ш. IV.

Ленёвцы, „Леню́вці, р. Леньо́вецъ“, К. Lohó (Lochowa). Б. II.

„Лецо́вица“, Lécz-f. (Leczowicza). Б. III.

„Ливовъ“ [1]), Livó (Liewowf), g. r. Ш. IV.

Линцы, „Лі́нці, р.—е́ць“, Iglincz, g. r. Ун. III.

„Липникъ В.“, (N.) Lipnik, g. r. Сп.

„Липникъ М.“, (К.) Lipnik, g. r. Ш. II.

„Липова“, Lippova. Ш. V.

Липовецъ, Lipócz. Ун. IV.

„Ли́пша“, Lipcse, g. r. М. II.

„Лиси́чово“, Ravasz-m. (Liszica), g. r. М. II.

„Лоза́“, Loza, g. r. Б. III.

„Ло́коть, р. Лікті́“, N. Ábránka (Łokoty). Б. III.

„Ломне“, Lomna, g. r. З. VI.

„Ло́хово“, N. Lohó (Lohowa), g. r. Б. II.

„Лу́бня“, Lubnya. Ун. IV.

Лугошъ, (Nyír) Lugos, g. r. Ст.

„Лугъ“, Lonka (Luh). М. III.

„Лугъ“, Luh. Ун. IV.

„Лугъ Широ́кій“, Széles-Lonka (Luha). М. III.

„Лу́ково“, Lukova (Lukawa), g. r. Б. III.

„Луковъ“, Lukó (Lukow), g. r. Ш. IV.

„Лучки́, р. Лу́чок“, N. Lucska (Lucsok), g. r. Б. II.

„Любовецъ“, Lubócz (Lubowecz). Ш. III.

** „Люботиня“, Lubotiny (Lubotina), g. r. Ш. II.

„Лю́та, р.—oji“, Lyutta, g. r. Ун. IV.

** „Люцина“, Litinye (Lucsina). Ш. II.

„Ля́ховецъ, р. Ля́хівця“, Lyachovecz (Lyachucz). М. I.

Ляховцы, „Ля́хувці, р.—овець“, Lehócz. Ун. III.

---

[1]) По Цамбелю (Op. cit.): „Tu podotykám, ze i haličsky L'vov počul som menovat': *L'ivov*: Do L'ivova abo do L'emberga“. (стр. 546—547). У Томашівськаго: „Львів, Лївів“.

**„Мальцовъ", Malczó (Malczuw), g. r. Ш. IV.
Макарьево, „Макáрьово", Makaria, g. r. Б. III.
„Маковецъ", Makócz (Makowecz), g. r. З. VI.
„Мáртинка", Krajna Mártinka. Б. III.
„Мáртинка М.", K. Mártinka (Mala Martinka). Б. I.
„Матисова", Matiszova, g. r. Ш. II.
„Матовцы", Máthévágás (Matyowcze), g. r. Ш. V.
*Матьфальва, Máty-f. У. I.
Матяшовцы, „Mat'aška", Matyáska (Matyasowcze), g. r. З. VI.
„Машковцы", Maskócz (Maskowcze), g. r. З. V.
Медведевцы, „Медвéдївцi,р.—дьовéць",Medvedócz. Б. II.
Медвежье, „Медвéжа", Medvezsa. Б. I.
Медвежье, „Medzvedzie", Medvezsa. Ш. VI.
Межилаборцы, „Medžilaborec", Mező-Laborcz (Meczy-Laborcza), g. r. З. V.
„Мéльничный", K. Melnicsna. (Melničžno). Б. I.
„Мергешка", Mérgeska. Ш. VI.
**Местиско „Mescisko, Mościsko", Mesztiszka. Ш. VI.
„Миклушовцы", Miklósvágás (Miklusowcze), g. r. Ш. III.
„Микова", Mikova, g. r. З. VI.
„Мúково", Veresmart (Mikova). М. III.
Микуловцы, „Микýлувцi, р.—овèць", K. Mogyorós (Mikosócz). Б. II.
„Минáй", Minaj, g. r. Ун. III.
„Минёвцы", Minyócz (Minowecz), g. r. З. VI.
„Мироля", Mirolya. Ш. VI.
„Мирошовъ Нжн.", A. Mirossó (Nizny Mirossow), g. r. Ш. VI.
„Мúрча", Mircse. Ун. IV.
„Мишкарéвица", Miskarovicza. Б. I.
„Млинаровцы", Mlinarócz (Mlinarowcze), g. r. Ш. VI.
„Мóкра, р.—ы", Mokra. Ун. IV.
„Мóкре, р.—ого", Mokra. М. III.
Мочаръ, Orosz Mocsár. Ун. IV.
„Мразовцы", Mrazócz (Mrasowecz), g. r. З. VI.
Мѣдяница, „Мíдяниця", Medencza (Medinicz), g. r. Б. III.

„Нанкóво, р.—ого и—а", Husztköz (Nankova), g. r. М. II.
„Невúцкое", Nyeviczke, g. r. Ун. IV.
Негрово, „Нúґрьово", Ma-

szár-f. (Nyegrowa), g. r. Б. III.

Нелипина, „Нелíпина“, Nelipina, g. r. Б. I.

„Нересниця“, A. Nereszniczе (Nereszniczu), g. r. М. III.

„Никлова“, Niklova, g. r. Ш. VI.

„Новосéлиця“, K. Lucska (Nowoselicza). Б. III.

„Новосéлиця“, Új Holyatin (Novoszelicz). М. I.

„Новосéлиця“, F. Nereszniczе (Novoszeliczu). М. III.

Новоселиця, Sós-Új-f. (Novaszelicza), g. r. У. II.

„Новосéлиця“, Új Kemenczе (Novoszelica), g. r. Ун. IV.

Нягово, „Нягово“, Nyágova. М. III.

„Няговъ“, Nyágó, g. r. З. V.

„Обáва, Dunkó-f. (Obava). Б. I.

„Обручне“, Obrucsno. Ш. II.

**„Округле“, Kerekréth (Okruhle). Ш. V.

„Олейниковъ“, Olejnok (Olenikuw). Ш. II.

„Óленёво“, Olenyova. Б. I.

„Олька Гуменянск.“, Homonna Olyka (Humenska Olyka). З. V.

„Олька Крив.“, Kriva Olyka. З. V.

„Олька Стропк.“, Sztropkó Olyka, g. r. З. V.

„Ольшавиця“, Olysavicza, g. r. Сп.

„Ольшавка“, Olysavka, g. r. Ш. VI.

„Ольшенково“, Olysinkó, g. r. З. V.

„Ондавки“, Ondavka, g. r. Ш. VI.

Оноковцы „Онóкувці, р.—овець“, F. Domonya, g. r. Ун. IV.

Ономъ, „Онйк, р.—óву,“ Ilonok-Új-f. (Onuk), g. r. У. I.

„Орлихъ Вшн.“, F. Orlich (Wisny Orlich), g. r. Ш. VI.

„Орлихъ Нжн.“ A. Orlich (Nizny Orlich), g. r. Ш. VI.

„Орловъ“, Orló (Orlow), g. r. Ш. II.

Орлява, „Ірлява“, Orlyava, g. r. Ун. III.

„Ортутова“, Ortutova, g. r. Ш. V.

Орѣховиця, „Оріхóвиця“. Rahoncza (Orihowecz), Ун. III.

Осой, „Осий, р. Осóю“, Szajkó-f. (Ohsüj), g. r. Б. III.

Острожниця, Osztrozsnicza. З. V.

„Остурня“, Oszturnya, g. r. Сп.

„Павлово“, Paulova. Б. I.
„Пакостовъ“, Pakasztó, g. r. З. V.
*Пальи О, Ó-Pályi, g. r., helv. Сб.
„Паригузовцы“, Parihuzócz (Parihuzovcze). З. V.
Пастель — Бегендятъ, „Беґендят-Пастіль, p. Пастели“, Begenyát Pásztély. Ун. IV.
Пастель Костёва, „Костьова Пастіль, p. Пастели“, Kosztyova Pásztély, g. r. Ун. IV.
Пастельки, „Пастільки, p.— елок, K. Pásztély (Ratowecz), g. r. Ун. IV.
Пасѣка, „Пасіка“, Paszika, g. r. Б. I.
Пасѣка, Paszika, g. r. Ун. IV.
Пацканёвцы, „Пацканивці, p.—ньовець“, Patkanócz (Paczkanewa), g. r. Б. II.
Пашковцы, Paskócz. Б. I.
Пеклянки, „Pillerovske Pekl'ani“, Orosz Peklin (Peklanky), g. r. Ш. III.
Пелешке В., N. Peleske, g. r. Ст.
Пенислекъ, Peniszlek, g. r. Ст.
Пересирово, p.—ого“, Pereszirova. Б. I.
Петеёвцы, „Petejoůce“, Pető-f. (Petöjowcze). З. VI.
Петрова, „Pitrova“, Pétrova. Ш. IV.
„Петровцы“, Orosz Petrócz (Petrowcze), g. r. З. V.
Петровцы, Petrócz, g. r. Ун. IV.
„Петрусовица“, см. Вербяжъ.
„Перехресный“, Perekreszna. Б. I.
„Перечинъ, p.—á“, Perecsény, g. r. Ун. IV.
Пилишъ, Pilis, g. r. Сб.
„Писана Вшн.“, F. Piszana (Wisna Pisana). Ш. VI.
„Писана Нжн.“, A. Piszana (Nizna Pisana). Ш. VI.
„Пискоровцы“, Piszkorócz (Piskorowcze), g. r. З. VI.
Пистрялово, „Пістрялово“, Pistra-h. (Pistralowo), g. r. Б. III.
Пихне, Pichnye, g. r. З. V.
Плявья, „Плявя, p.—ji“, Plávja, g. r. Б. I.
„Плоскановица“, Ploszkonovicza. Б. III.
„Плоское“, Ploszkó, g. r. Б. I.
Подгородъ, „Пудгородь, p.—одя“, Váralya (Podhorod). Б. II.
Подгоряны, „Пудгоряны“, Podhering (Podhorany), g. r. Б. I.
Подполозье, „Пудполозя, p. Підполозя(!)“, Pudpolócz. Б. I.
„Подпрочъ“, Podprocs. Сп.
Позняковцы, „Пузнякувці, p.—овець“, Pu-

znyák-f. (Puznyakoczy), g. r. Б. II.

Покутье, „Покýтя, р.—тя“, Kutka-f. (Pokutya). Б. III.

Полата, „Palota“, Palota (Polata), g. r. З. V.

Поляна, Polena. Б. I.

Поляна, (Lelesz) Polyán, g. r. З. II.

„Поляна“, Polyena, g. r. З. VI.

„Поля́на“, Polena (Polan). Ун. IV.

Поляна В., Polena. З. IV.

Поляна Кобылецкая, „Кобылéцька Поля́на“, Kabala-Polyána (Polyana Kobileczka), g. r. M. III.

Поляна Косовская, „Косóвська Поля́на“, Kaszó-Polyána (Polyana Koszinszka), g. r. M. III.

Поляна Липецкая, „Ли́пецька Поля́на“, Lipcse-Polyána. M. II.

Поляна Синевирская, „Синеви́рська Поля́на“, Szinevér-Polyánka. M. I.

„Полянки Вшн.“, F. Polyánka (Wisna Polyánka), g. r. Ш. VI.

„Полянки Нжн“, A. Polyánka (Nizna Polyánka), g. r. Ш. VI.

„Поляны“, Krajna Polyána. Ш. VI.

„Порачъ“, Porács, g. r. Сп.

„Порóшково“, Poroskó, g. r. Ун. IV.

„Порýба Рус.“, Orosz Poruba, g. r. З. VI.

Порубка, Porubka. g. r. З. IV.

Порубка, „Krajn. Porubka“, Porubka. Ш. VI.

„Потоки“, Potoka, g. r. Ш. VI.

Потокъ Брустовъ, Bruztó-p. Б. I.

Потокъ Лазоревъ, „Лáзорів Пóтік“, Lázár-p. (Potoky). Б. I.

Потокъ Рус., Orosz Patak (Orosz Potok). З. IV.

Потокъ Чорный, „Чóрный Пóтüк, р.—ого Потóка“, Fekete-p. (Cserni Potok), g. r. Б. III.

Поточки, „Potučki“, Potocska, g. r. З. VI.

*Почъ (Марія), (Mária) Pócs, g. r. Сб.

„Правровцы“, Pravrócz (Prawrowcze). З. VI.

„Прикра“, Prikra. Ш. VI.

Прислопъ, Priszlup (Prislop). З. IV.

Прислопъ, „Прислíп, р.—лопа“, Priszlop, g. r. M. I.

„Притуляны“, Pritulyán (Pritulyane), g. r. З. VI.

„Просачъ, Просачовцы“, Proszács (Prosaczow), g. r. З. VI.

„Пстрина“, Psztrina, g. r. Ш. VI.

Птичье, „Pcičie, g. Pcičo-

ho"[1]), Peticse (Peticzy) **З**. IV.

„Пуцакъ" [2]), Puczák, g. r. **З**. VI.

„Рáдванка", Radváncz (Radwánzy), g. r. **Ун**. III.

Радвань, „Zbudska Radvaň", Radvány, g. r. **З**. V.

„Радома", Radoma, cath. **Ш. V.

„Рáковецъ", Rákócz (Rakowecz), g. r. **У**. I.

„Рáково", Rákó (Rakowa). **Ун**. IV.

„Раковчикъ", Rákócz [3]) (Rakowecz), cath. **Ш**. VI.

„Рафаёвцы", Rafajócz (Rafajowcze). **З**. V.

„Рáхово", Akna - Rahó (Kosztilszky Rachiu), g. r. **М**. III.

„Рáхово", Bocskó - Rahó (Rahiu), g. r. **М**. III.

Регетóвка, „Regetuvka", Regettó (Regetuwka). **Ш**. VI.

„Рекúта", Rekita. **М**. I.

„Ременины", Remenye (Remenine), g. r. **З**. VI.

Пчолине, Pcsolina, g. r. **З**. V.

„Реметá, р.—мûт", Remete (Remety), g. r. **Б**. III.

„Реметá, р. Ремўт", Remete (Remiuth), g. r. **М**. III.

„Реметá, р. Ремéт", Remete (Remet), g. r. **Ун**. IV.

„Ренчишовъ", Rencsissó (Renczisow), g. r. **Ш**. III.

„Решовъ", Ressó (Ressow), g. r. **Ш. IV.

„Ровне", Rovna (Rowne), g. r. **Ш**. VI.

Рогозникъ [4]), „Rožnik, Hrožnik", Rohoznyik, g. r. **З**. VI.

„Рокитовцы", Rokitócz (Rokitowcze), g. r. **З**. V.

„Рокитовъ Гуменянскій, Rokitov z Humenskej strani", Homonna Rokitó (Humensky Rokitó), g. r. **З**. V.

Рокосовь, „Рокосóв, р.— Рокûсвé", Rakasz (Rakuszve), g. r. **У**. I.

---

[1]) Czambel, Slovenská reč, стр. 94.

[2]) У Гнатюка и въ схематизмахъ.—Староé село. Какъ можно судить по словамъ М. Беля, жители села избѣгаютъ употреблять названіе Пуцакъ, въ виду его смысла: „Puczák— —incolitur a Ruthenis plus minus octenis, quibus et delubrum est, et quia ipsorum lingua nomen vici membrum virile significat, abnegant id foeminae, interrogatae, unde nam essent, sed subjiciunt cognomen pagi, aliter vocati, ob verecundiam".

[3]) Въ Лексиконѣ: „parochus catholicae religionis". Врядъ ли это такъ. Католической плебаніи здѣсь нѣтъ, вѣроятно, и не было (A Magyarországi— —r. kathol. papság évkönyve és névtara, Budapest, 1907).

Раковчикъ, теперь филія уніатской парохіи въ Грабовчикѣ, раньше былъ самостоятельной парохіей (Sch. Eper.).

[4]) Гнатюка: „Рогожнïк".

„Романóвецъ, р.—íвця", Romanócz. Б. I.
„Ромочéвица", Rumocsa-h. (Rumocsowecz). Б. III.
Росвигово, „Росвúґово", Oroszvég, g. r. Б. I.
Росошка, „Росýшка", Roszuska. М. III.
„Росóшово", Roszos (Roszóse). Б. I.
„Рóстока", Rosztoka Pásztély (Rosztokj). Ун. IV.
Ростока Вшн., „Ростóки, р.—íк", K. Rosztoka (Wisna Rosztoka). Б. I.
Ростока Ґрабова, Hrabova Rosztoka. З. IV.
Ростока, Н. „Ростóки, р.—íк", Uj Rosztoka (Nova Rosztoka), g. r. Б. I.
Ростока Нжн., „Ростóки, р.—íк", N. Rosztoka (Nisna Rosztoka). Б. I.
Ростока Стащинъ, Sztakcsin Rosztoka (Stročžin Rosztoka). З. IV.
„Ростоки", Rosztoka, g. r. Ш. VI.
„Рошковцы", Ruszkócz [1]) (Ruszkowcze), g. r. З. VI.
„Рудлёвъ", Rudlyó (Rudlyow), g. r. З. VI.
„Рýна Вшн.", F. Róna (Visna Runa), g. r. М. III.
Рунина, Runyina. З. IV.
„Руссковъ В.", N. Ruszka, g. r. З. III.
„Руссковъ М.", K. Ruszka. З. III.
„Рýсское", Ruszkósz (Ruszkowa), g. r. Б. II.
„Русское", Ruszka. З. IV.
„Рѣпаши Нжн.", A. Répás (Nižne Repase), g. r. Сп.
Рѣпеёвъ [2]), „Ripejoй", Repejő. З. VI.
Рѣпинное, „Ріпúнноje", Rippinye, g. r. М, I.
Рѣчка, „Рíчка", Ricska, g. r. М. I.
Ряпедь, „Ря́підь, р.—еди", Repede (Rapid), g. r. Б. III.

„Салдобóшъ". Száldobos, g. r. М. II.
„Сальникъ", Szálnyik, g. r. З. VI.
Сасовка, „Сáсіівка", Szászóka (Sasnoka), g. r. Б. I.
„Сасфалóво", Szász-f., g. r. У. II.
„Свáлява", Szolyva (Swalyawa). Б. I.
„Свáлявка", Szvalyóka. Б. I.
„Свидникъ Вшн.", F. Szvidnik (Wisny Szwidnik), g. r. Ш. VI.
„Свидникъ Нжн.", A. Szvidnik (Nizny Szvidnik). Ш. VI.
„Свиднички", Szvidnicska. Ш. VI.

[1]) Ошибка въ Лексиконѣ, вм. Roskócz.
[2]) У Гнатюка: „Репеїв".

„*Севлюшъ В.“ N. Szőllős (Welikoj Söllyüs), helv., g. r. **У.** I.

„Селище“, Szelistye, g. r. **М.** II.

Сердагель, (Bodrog) Szerdahely, g. r. **З.** II.

Середнее, „Серéдньоје“, „Seredňi, g.—oho“, Szerednye, g. r. **Ун.** III.

Серенчовцы, „Серенчýвці, р.—óвець“, Szerencs-f. (Serenczöczy). **Б.** II.

*Сиготъ, „Сигýт., р.—óта“, Sziget (Szihot), cath., g. r., helv. **М.** III.

Симерь, „Сíміръ, р. Сíмере“, O Szemere (Simire). **Ун.** IV.

„Симиркú Н., р.—рóк“, Uj Szemere (Simirky), g. r. **Ун.** IV.

„Синевúръ“, Szinevér, g. r. **М.** I.

*Сирма, Szirma, helv. **У.** I.

Ситница Вшн. и Нжн., Śitňica Vyš. i Níž.“, Szitnicze (Zitnicza), g. r. **З.** V.

Скотарска, „Скотáрська [1]), р.—ки“, Szkotárszka, **Б.** I.

„Словенки Вшн.“, F. Szlovinka (Wisne Slowinky). **Сп.**

„Словенки Нжн.“, A. Szlovinka (Nizny Slowinky), g. r. **Сп.**

Смерекова, Szmerekova (Smerkó), g. r. **Ун.** IV.

„Смольникъ“, Szomolnik (Smoknik), g. r. **З.** V.

Смулиговица, „Смулиґóвиця“, K. Ábránka (Sumologwicza). **Б.** III.

„Снаковъ“, Sznakó (Snakow), g. r. **Ш.** IV.

„Собошъ“, Szobos, g. r. **Ш.** V.

Сокирница, „Сокúрниця“, Szeklencze (Szokernicza), g. r. **М.** II.

„Солотвинá, р.—ú“, Szlatina (Solotvina). **Ун.** III.

„Солочинá“, Szolocsina (Solocžino), g. r. **Б.** I.

„Сóльма“ Szolyma. **М.** I.

„Сóля“, Szolya (Solÿ). **Ун.** IV.

„Сорочинъ“, Szorocsin. **Ш. VI.

„Ставнóе. р.—óго“, Sztavna. **Ун.** IV.

„Станковцы“, Sztánkócz (Sztankovcze), g. r. **З.** III.

„Стáново“, Sztán-f. (Stanowa). **Б.** III.

„Станча“, Isztáncs (Stancza), g. r. **З.** III.

„Старина“, Sztarina, g. r. **З.** IV.

„Старина“, Sztarina. **Ш.** II.

„Сташковцы“, Sztaskócz (Sztaskowcze). **Ш.** VI.

„Стащинъ“, Sztakcsin, g. r. **З.** IV.

---

[1]) И „Скотарьскый“.

„Стебникъ“, Sztebnik. Ш. VI.

„Стерковцы“, Szterkócz (Szterkowcze). З. V.

„Страбичо́во“, Sztrabicsó, g. r. Б. II.

Стриговецъ, „Стрьо́вець, р. Стрювця“, Sztrihócz (Sztrihowcze). З. IV.

„Стри́па“, Sztrippa (Stripsy). Ун. III.

„Стри́чово“, Sztricsava. Ун. IV.

„Стро́йна, р.—ы“, Sztrojna, g. r. Б. I.

„Студе́ное“, Hideg-p. (Sztudena), g. r., М. I.

„Сту́жица Н.“, Uj Sztuzsicza, g. r. Ун. IV.

„Сту́жица Ст.“, Ó Sztuzsicza. Ун. IV.

„Суковъ“, Szukó (Szukow), g. r. З. V.

„Сулинъ“, Szulin. Ш. II.

„Сундако́вица“, Szundakowicza. Б. III.

„Су́сково“, Szuszkó. Б. I.

Суха, „Suchi, g.—oho“, Szucha. З. V.

„Су́ха, р.—о́го (!)“, Szucha, g. r. Ун. IV.

„Суха“, Szucha. Ш. VI.

„Суха́—Бро́нька“, Szucha — Bronyka (Szukha Bronka). М. II.

Сѣльце, „Сі́лце“, Kisfalud (Silcze), g. r. Б. III.

„Таламашъ, р.—ше́“, Talamás, g. r. Б. I.

„Тварожецъ Вшн.“, F. Tvaroscza (Wisna Tvaroszcza), g. r. Ш. IV.

„Твароженъ Нжн.“, A. Tvaroscza (Nizna Tvaroszcza), g. r. Ш. IV.

*„Текега́за“, Teke-h., helv., g. r. У. II.

*„Теребешъ Туръ“, Túr-Terebes, cath., helv., g. r. У. II.

„Тере́бла“, Talabor-f. (Tereblva), g. r. М. II.

„Тере́сва“, Taraczköz (Tereczoe), g. r. М. III.

„Тернавка“, Tarnóka (Ternowka), g. r. З. III.

„Те́рново“, Kökényes (Ternova), g. r. М. III.

„Ти́бава В.“, N. Tibava (Welika Tibawa). Б. I.

„Ти́бава М.“, K. Tibava (Mala Tibawa), g. r. Б. I.

„Ти́ха, р.—о́го (!)“, Ticha, Ун. IV.

„Ти́шово“, Tisova. Б. I.

„Токаикъ“, Orosz Tokaj (Tokajk), g. r, З. VI.

„Торискн“, Toriszka, g. r. Сп.

„Требуша́не, р. — а́н“. Tribussa (Tribusany). М. III.

„Тростяни́ца“, Trosztyanicza. Б. II.

„Ту́рица В.“, N. Turicza, g. r. Ун. IV.

„Ту́рица М.“, К. Turicza. Ун. IV.

„Убля“, Ublya, g. r. З. IV.
Угля, „Вугля“, Uglya, g. r. М. II.
„Ужо́къ, р.—жка́“, Uzsok. Ун. IV.
Уйбарёво, „Уйба́рьово“.

„Турцовцы“, Turczócz. З. V.
„Тюшка“, Tyuska. М. I.

Ujbárd (Ujbarova), g. r. М. II.
Уклина, Uklina. Б. I.
Уличъ, „Оли́чъ“, Ulics (Ulucs). З. IV.
„Упоръ“, Upor. З. III.
„Уякъ“, Ujak. Ш. II.

„*Фанчико́во“, Fancsika, cath., helv., g. r. У. I.
Фаркашфальва, Farkas-f. У. II.
Феделешовцы, „Феделе́шувці, р.—овець“, Fedeles-f. Б. II.

„Фіяшъ“, Fias, g. r. З. VI, Ш. V.
„Фогара́шъ, р.—шу́“, Fogaras, g. r. Б. III.
„Фольваркъ“, Folyvárk. Сп.
„Фричка“, Fricska, g. r. Ш. IV.

„Хижи“, K. Tarna, g. r. У. II.
**Хорватикъ, Horváthi.

(Horwaczik), g. r. Т.
„Худлёво“, „Chudl'ov“, Horlyó, g. r. Ун. III.

„Цабовъ“, Czábócz [1]) (Czabowecz), g. r. З. III.
„Цернины“, Czernina, g. r. Ш. VI.
„Цигелка“, Czigelka. Ш. IV.
„Цигла“, Czigla. Ш. VI.
„Цимбри́лово“, K. Belebele

(Belebowo). Б. I.
„Цолано́вица“, Czolán-f. (Czolonowicza). Б. III.
(Цыгановцы), „Цыга́нювці, р.—ньовець“, Czigányócz. Ун. III.

„Чабаловцы“, Csabalócz (Csabolovcze), g. r. З. V.
„Ча́бины“, р.—и́н“, Csabina. Б. I.
„Ча́бины Вшн.“, F. Csebinye (Wisne Csébinye), g. r. З. V.

„Чабины у Горбка“, Horbok Csebinye (Horbesansky Csebinye). З. V,
„Чарне“, Csarnó, g. r. Ш. VI.
„Чарне Край́н.“, Krajna Csarnó. Ш. VI.

1) Теперь оффиціально Csábócz.

Часари [1]), (Nyír) Császári, g. r. Ст.

(Часловцы), „Чáслувці, р. — овець“, Császlócz. Ун. III.

Чедрегъ, Csedregh. У. II.

Чеке, Cséke. З. II.

*„Чéна“, Csepe (Csepa), helv., g. r. У. II.

Череёвцы, „Черею́вці, р. Черейóвець“, Cserejócz (Cserejowecz). Б. II.

„Черлéново, Челлéново“, Cserlenó (Cserlenow). Б. II.

Черникъ, Csernik. Б. I.

Чертежне, „Čertizne“, Csertész (Csertisne), g. r. З. V.

(Чертежъ), „Чертíж“, „Certiz“, Csertész. Ун. III.

Чинадѣево, „Чинадíјево“. Sz. Miklós (Csinadüo), g. r. Б. I.

Чингава, „Чи́нґава“, N. Csongova (Welika Csongova), g. r. У. I.

„Чирчъ“, Csircs, g. r. Ш. II.

Чоповцы, „Чопу́вці“, р.— óвéць“, Csapóczka (Csapowecz), g. r. Б. II.

„Чорнáта, р.—ты“, Csarnató. У. II.

„Чорноголóвя, — óвјі“, Csernoholova (Csernóholow). Ун. IV.

Чукаловцы, Csukalócz (Csukalowcze), g. r. З. V.

„Чумá, р. Чу́мы“, Csoma. Б. IV.

„Чу́ма“, Csoma. У. II.

„Чумáлёво“, Csomán - f. (Csomalova), g. r. М. II.

*Шаланки, „Шаланкы́“, р.—óк“, Salánk, helv., g. r. У. I.

„Шамудовцы“, Sámogy (Samudowcze), g. r. З. IV.

„Шáндрово“, Sándor - f. (Sandrova), g. r. М. II.

„Шапинецъ“, Sapinecz. Ш. V.

„Шáрбовъ“, Sarbó (Sarbova). Ш. VI.

„Шардъ Вшн., р.—у́“, F. Sárad (Wisny Sard), g. r. У. I.

„Шардъ Нжн., р.—у́“, A. Sárad (Niźnj Sard), g. r. У. I.

„Шáркадь, р. Шáркаде“, Sarkad. Б. III.

Шаръ, Saar, g. r. Ст.

„Шáшваръ“, Sásvár. У. I.

„Шашова“, Sassova, g. r. Ш. V.

Шелендъ, Ér - Selénd, g. r. Бг.

„Шелéстово“, Seleszto (Selestowo). Б. I.

„Шеметковцы“, Semetkócz, (Semetkowcz). Ш. VI.

[1]) У Корабинскаго — Császári, Osari, у Сирмаи „Császári, по русски Oszari Császáriu“.

Щербовцы, „Щербйвці, р.—óвець“, Serbócz. Б. I.
„Шома“, Som (Suma), g. r. Ш. II.
„Штельбахъ“, Stelbach. Ш. II.
„Штефановцы“, Stefanócz (Stefanowcze), g. r. З. V.
„Штефуровъ“, Stoffuró (Stofurow), g. r. Ш. V.

„Щавникъ“, Scsavnik, g. r. Ш. V.

Эгрешъ, „Эґреш“, Egres, g. r. У. I.

Яблонка Вшн., F. Jablonka (Wisna Jablonka), g. r. З. V.
Яблонка Нжн., A. Jablonka (Nisna Jablonka), g. r. З. V.
Яблоновъ, „Яблонів, р.—óвого“, Alma-m. Б. I.
Яблуново, N. Almás, g. r. Б. III.
„Яковяны“, Jakoris (Jakowiany). Ш. II.
„Якушовцы“, Jakusócz (Jakusocze), g. r. З. VI.
Ялова, Jalova (Jalowe). З. IV.
„Ялóвый“, Jalova (Jalowe). Б. I.
„Яновъ“, Janó (Janow). Ш. III.
„Ярокъ, р.—рку́“, Árok (Jajok). Ун. III.
Ясèнье, „Ясіньé, р.—нья́“, Körös-m. (Jaszenye), g. r. М. III.
Ястребье, „Jastreb'e, g.—bja“, Jasztreb (Jasztrebe), g. r. Ш. II.

Списокъ русскихъ и смѣшанныхъ поселеній Лексикона въ алфавитномъ порядкѣ мадьярскихъ мѣстныхъ названій.

Такъ какъ на нашихъ картахъ мѣстныя названія приведены въ мадьярской формѣ Лексикона [1]), признаёмъ необходимымъ напечатать списокъ ихъ и въ порядкѣ буквъ латинскаго алфавита.

Надо замѣтить при этомъ, что въ Лексиконѣ многія названія въ рубрикахъ linguâ latinâ, linguâ hungaricâ менѣе передѣланы на мадьярскій ладъ, чѣмъ на позднѣйшихъ картахъ [2]).

Современныхъ оффиціальныхъ мадьярскихъ названій, часто весьма произвольно придуманныхъ, не засвидѣтельствованныхъ памятниками прошлыхъ столѣтій [3]), не сообщаемъ: желающій найдетъ ихъ въ „показчикѣ“ г. Томашівського.

Сокращенія въ мадьярскихъ названіяхъ указаны въ предисловіи къ картамъ.

Abrahány-f., Абрагановцы. **Ш.** I.
Àbránka K., Кушница. **Б.** I.
Àbránka K., Смулиговица. **Б.** III.
Àbránka N., Абранка. **Б.** I.
Àbránka N., Локоть. **Б.** III.
Acsád (Nyír), Ачадъ. **Бг.**
Agárd, Агардъ. **З.** II.
Alma-m., Яблоново. **Б.** I.
Almás K., Залужье. **Б.** III.
Almás N., Яблуново. **Б.** III.
Andrásócz, Андрашовцы. **Ун.** III.
Andrejova, Андреёва. **Ш.** IV.
Antalócz, Анталовцы. **Ун.** III.
Apsa F., Врх. Апша **М.** III.
Aranyos-p., Златникъ. **З.** VI.
Ardán-h., Арданово. **Б.** III.
Ardó Fekete, Ардовъ. **У.** II.
Ardó Szőllős-Vég, Ардовецъ. **У.** I.
Árok, Ярокъ. **Ун.** III.

[1]) См. предисловіе къ картамъ.
[2]) Такъ, наряду съ формами Bükócz, Dobróka, Dombó, Dubróka, Iglincz, Kirva, Korotnok, Lehócz, и т. п., мы встрѣчаемъ и формы: Brezovecz, Bukovecz, Dubrava, Brezovka, Dubova, Gavranecz, Vagrinecz, Kriva, Komárnik, Kotilnicza, Vorotnicza, Lyachovecz и т. п.
[3]) На послѣднее указывало не разъ и венгерское историческое общество (magyar történelmi társulat), членомъ котораго имѣемъ честь состоять уже болѣе 20-ти лѣтъ.

Csabalócz, Чабаловцы. З. V.
Csabina, Чабины. Б. I.
Csapóczka, Чоповцы. Б. II.
Csarnató, Чорната. У. II.
Csarnó, Чарне. Ш. VI.
Csarnó Krajna, Крайн. Чарне. Ш. VI.
Császári (Nyír), Часари. Ст.
Császlócz, Часловцы. Ун. III.
Csebinye F., Вшн. Чабины. З. V.
Csebinye Horbok, Чабины у Горбка. З. V.
Csedregh, Чедрегъ. У. II.
Cséke, Чеке. З. II.
Csepe, Чепа. У. II.
Cserejócz, Череёвцы. Б. II.
Cserlenó, Черленово. Б. II.
Csernik, Черникъ. Б. I.
Csernoholova, Чорноголовя. Ун. IV.
Csertész, Волошское. Б. III.
Csertész, Чертежне. З. V.
Csertész, Чертежъ. Ун. III.
Csircs, Чирчъ. Ш. II.
Csoma, Чума. Б. IV.
Csoma, Чума. У. II.
Csomán-f., Чумалёво. М. II.
Csongova K., Завадка. Ун. I.
Csongova N., Чингава. У. I.
Csukalócz, Чукаловцы. З. V.
Czábócz, Цабовъ. З. III.
Czernina, Цернины. Ш. VI.
Czigányócz, Цыгановцы. Ун. III.
Czigelka, Цигелка. Ш. IV.
Czigla, Цигла. Ш. VI.
Czolán-f., Цолановица. Б. III.

Dámócz, Дамоцъ. З. II.
Dara, Дара. З. IV.
Dargó, Дарговъ. З. III.
Darócz, Дравцы. Ун. III.
Darva, Колодное. М. II.
Dávid-h. Ó., Ст. Давыдково. Б. II
Dávid-h. Uj, Н. Давыдково. Б. II.
Dávidvágás, Давидовъ. З. VI.
Décső, Дячовъ. Ш. II.
Dengláz, Деньковцы. Ун. III.
Derzs, Держъ. Ст.
Deskó-f., Дешковица. Б. III.
Diczkovicza, Дицковица. Б. I.
Dobra (K.), Добра. З. II.
Dobróka, Дубровка. Б. III.
Dobroszlava, Доброслава. Ш. VI.
Dolha, Долгое. М. II.
Dolhonya, Долгоня. Ш. VI.
Domasina, Домашина. Ун. IV.
Dombó, Дубовое. М. III.
Domonya A., Доманинцы. Ун. IV.
Domonya F., Оноковцы. Ун. IV.
Dragobárt-f., Дорobратово. Б. III.
Drahusócz, Драгушовецъ. Б. I.
Drécsna, Дрична. З. VI, Ш. VI.
Dubina, Дубина. Б. I.
Dubova, Дубова. Ш. VI.
Dubrava, Дубрава. З. IV.
Dubrinics, Дубриничъ. Ун. IV.
Dubróka, Дубровка. Б. III.
Dubróka, Дубравка. З. IV.
Dubróka, Дубровка. Ун. III.
Dubrovicza, Дубровица. Б. III.
Dul-f., Дулово. М. II.
Dunkó-f., Обава. Б. I.
Duszina, Дусино. Б. I.

Peklin Orosz, Пеклянки. Ш. III.
Peleske N., В. Пелешке. Ст.
Peniszlek, Пенислекъ. Ст.
Perecsény, Перечинъ. Ун. IV.
Perekreszna, Перехресный. Б. I.
Pereszirova, Пересирово. Б. I.
Peticse, Птичье. З. IV.
Pető-f., Петёёвцы. З. VI.
Petrócz, Петровцы. Ун. IV.
Petrócz Orosz, Петровцы. З. V.
Pétrova, Петрова. Ш. IV.
Petruszovicza, см. Verbiás.
Pichnye, Пихне. З. V.
Pilis, Пилишъ. Сб.
Piszana A., Нжн. Писана. Ш. VI.
Piszana F., Вшн. Писана. Ш. VI.
Piszkorócz, Пискоровцы. З. VI.
Pisztra-h., Пистрялово, Б. III.
Plávja, Плавья. Б. I.
Ploszkó, Плоское. Б. I.
Ploszkonovicza, Плоскановица. Б. III.
Pócs (Mária), (Марія) Почъ. Сб.
Podhering, Подгоряны. Б. I.
Podprocs, Подпрочъ. Сп.
Polena, Поляна. Б. I.
Polena, В. Поляна. З. IV.
Polena, Поляна. Ун. IV.
Polyán(Lelesz), Поляна. З. II.
Polyána Kabala, Кобылецк. Поляна. М. III.
Polyána Kaszó, Косовск. Поляна. М. III.
Polyána Krajna, Поляны. Ш. VI.
Polyána Lipcse, Липецк. Поляна. М. II.
Polyánka A., Нжн. Полянки. Ш. VI.
Polyánka F. Вшн. Полянки. Ш. VI.
Polyánka Szinevér, Синевирск. Поляна. М. I.
Polyena, Поляна. З. VI.
Porács, Порачъ. Сп.
Poroskó, Порошково. Ун. IV.
Poruba Orosz, Рус. Поруба. З. VI.
Porubka, Порубка. З. IV.
Porubka, Порубка. Ш. VI.
Potocska, Поточки. З. VI.
Potoka, Потоки. Ш. VI.
Pravrócz, Правровцы. З. VI.
Prikra, Прикра. Ш. VI.
Priszlop, Прислопъ. М. I.
Priszlup, Прислопъ. З. IV.
Pritulyán, Притуляны. З. VI.
Proszács, Просачъ. З. VI.
Psztrina, Пстрина. Ш. VI.
Puczák, Пуцакъ. З. VI.
Pudpolócz, Подполозье. Б. I.
Puszta-m., Высранка. Ш. II.
Puznyák-f., Позняковцы. Б. II.

Radoma, Радома. Ш. V.
Radváncz, Радванка. Ун. III.
Radvány, Радвань. З. V.
Rafajócz, Рафаёвцы, З. V.
Rahó Akna, Рахово. М. III.
Rahó Bocskó, Рахово. М. III.

Szajkó-f., Осой. Б. III.
Száldobos, Салдобошъ. М. II.
Szálnyik, Сальникъ. З. VI.
Szász-f., Сасфалово. У. II.
Szászóka, Сасовка. Б. I.
Százvásár, Годермаркъ. Сп.
Szeklencze, Сокирница. М. II.
Szelistye, Селище. М. III.
Szemere Ó, Симерь. Ун. IV.
Szemere Új. Н. Симирки. Ун. IV.
Szerdahely (Bodrog), Сердагель. З. II.
Szerednye, Середнее. Ун. III.
Szerencs-f., Серенчовцы. Б. II.
Szidor-f., Грабово. Б. I.
Sziget, Сиготъ. М. III.
Szinevér, Синевирь. М. I.
Szirma, Сирма. У. I.
Szitnicze, Вшн. и Нжн. Ситница. З. VI.
Szkotárszka, Скотарска. Б. I.
Szlatina, Солотвина. Ун. III.
Szlovinka A., Нжн. Словенки. Сп.
Szlovinka F., Вшн. Словенки. Сп.
Szmerekova, Смерекова. Ун. IV.
Sznakó, Снаковъ. Ш. IV.
Szobos, Собошъ. Ш. V.
Szolocsina, Солочина. Б. I.
Szolya, Соля. Ун. IV.
Szolyma, Сольма. М. I.
Szolyva, Свалява. Б. I.
Szomolnik, Смольникъ. З. V.
Szorocsin, Сорочинъ. Ш. VI.
Szőllős N., В. Севлюшъ. У. I.
Sztakcsin, Стащинъ. З. IV.
Sztán-f., Станово. Б. III.
Sztankócz, Станковцы. З. III.
Sztarina, Старина. З. IV.
Sztarina, Старина. Ш. II.
Sztaskócz, Сташковцы. Ш. VI.
Sztavna, Ставное. Ун. IV.
Sztebnik, Стебникъ. Ш. VI.
Szterkócz, Стерковцы. З. V.
Sztrabicsó, Страбичово. Б. II.
Sztricsava, Стричово. Ун. IV.
Sztrihócz, Стриговецъ. З. IV.
Sztrippa, Стрипа. Ун. III.
Sztrojna, Стройна. Б. I.
Sztuzsicza Ó, Ст. Стужица. Ун. IV.
Sztuzsicza Új, Н. Стужица. Ун. IV.
Szucha, Суха. З. V.
Szucha, Суха. Ун. IV.
Szucha, Суха. Ш. VI.
Szucha—Bronyka, Суха-Бронька. М. II.
Szukó, Суковъ. З. V.
Szulin, Сулинъ Ш. II.
Szundakovicza, Сундаковица. Б. III.
Szuszkó, Сусково. Б. I.
Szvalyóka, Свалявка. Б. I.
Szvidnicska, Свиднички. Ш. VI.
Szvidnik A., Нжн. Свидникъ. Ш. VI.
Szvidnik F., Вшк. Свидникъ. Ш. VI.

ПРИЛОЖЕНІЯ И ЭКСКУРСЫ.

№ 1. Extractus Лексикона.

Въ рубрикѣ: „parochi graeci ritus“ подсчитаны, безъ различія, какъ „parochi graeci ritus uniti“, такъ и „parochi graeci ritus non uniti“ или „schismatici“ [1]). Въ виду соображеній, высказанныхъ выше на стр. 37, 78—79, 95, 148, приводимъ, въ алфавитномъ порядкѣ стόлицъ, списокъ поселеній [2]), въ которыхъ, по Лексикону, находились parochi graeci ritus uniti и schismatici [3]), за исключеніемъ, понятно, тѣхъ изъ нихъ, гдѣ вполнѣ или отчасти господствовалъ языкъ румынскій, русскій или сербскій.

C. Abaújváriensis:

Biste (helv.), Mikóháza, Szeszta (helv.)—lingua hungarica.

Baskó, Filkeháza, Gadna (Orosz), Garadna, Kány, Kelecsény, Kétty, Királynép, Komlóska, (Boldog)-Kő-Várallya (cath.), Mogyoróska, Sziget-Bölse, Szolnok, F. Vadász (cath.), Zeloba—lingua slavonica.

C. Albensis:

Adony oppidum (cath., schism.)—lingua germanica.

Duna-Pentele (cath., schism.)—lingua hungarica.

C. Bekessiensis:

Német et Magyar Gyula oppidum (cath., helv., schism.)—lingua germanica et hungarica.

C. Bereghiensis:

Dobos—lingua hungarica.

---

[1]) На стр. 3-ей мы забыли упомянуть объ употребленіи въ Лексиконѣ и этого термина.

[2]) Исправляя, по Реперторію Липскаго, очевидныя ошибки въ названіяхъ (см. предисловіе къ картамъ).

[3]) Въ скобкахъ отмѣчаемъ присутствіе въ томъ или другомъ поселеніи священнослужителей иныхъ вѣроисповѣданіи: catholicae religionis (cath.), helveticae confessionis (helv.). а также parochos schismaticos (schism.), гдѣ въ Лексиконѣ встрѣчается такое опредѣленное указаніе на православныхъ пастырей, занесенныхъ въ Extractus въ общую рубрику „parochi graeci ritus“.

C. Borsodiensis:

Szöged (cath.)—lingua hungarica.

Abód, Görömböly, Irota, Hejó-Keresztúr, Múcsony, Pálfalu, (Sajó) Petri, Rakácza, Viszló—lingua slavonica.

C. Gömöriensis:

Sumjácz—lingua slavonica.

C. Hevessiensis:

Agria civitas (cath., helv.)—lingua hungarica.

C. Máramorosiensis:

Oppida Huszt (cath., helv.), Tecsö (helv.), Visk (helv.)—lingua hungarica.

C. Pestiensis:

Csip (schism.)—lingua germanica.

Ráczköve (cath., helv., schism.)—lingua hungarica.

C. Szabolcsensis:

Balsa (helv.), Büd, Bully (helv.), Uj - Fehértó (cath., helv.), Gelse (helv.), N. Kálló oppidum (cath., helv.), K. Léta (helv.), Levelek (cath.), Mada (helv.), Oross (cath., helv.), Pazony (helv.), Petneháza (helv.), Pócs-Petri (cath.), Timár, Vencsellö (helv.)—lingua hungarica.

Nyíregyháza (cath., helv.)—lingua slavonica.

C. Tolnensis:

Medina (schism.)—lingua hungarica.

C. Tornensis:

Barakony—lingua slavonica.

C. Unghváriensis:

Unghvár oppidum (cath.)—lingua hungarica.

Benetine, Jenke, Jeszenő, Korumlya, Solymos, Ubris—lingua slavonica.

C. Zempléniensis:

Hardicsa, Olaszi; oppida: Patakinum (cath., helv.), (Sátoralja) Ujhely (cath., helv.), Szerencs (cath., helv.), Tokaj (cath., helv.), Tolcsva (cath., helv)—lingua hungarica.

Agyagos, Bacskó, Bányácska, Cselej, Gálszécs oppidum (cath., helv.), Girócz, Magyar Izsép (helv.), Lasztócz (cath., helv.), Porubka (VI okpyra), Rákócz, Szacsur (cath.), Szedliszke, Szopkócz, Topolyá(n), Tavarna - Polyanka, Téhna, Terebes oppidum (cath.), Trepecz, Vásárhely (cath.), Volya Laborcz—lingua slavonica.

Oppida Hajdonicalia:

Böszörmény (helv.), Dorogh—lingua hungarica.

Любопытно существованіе *православныхъ* приходовъ въ мадьярскихъ и нѣмецкихъ сёлахъ Csip, Medina и Duna-Pentele.

По Extractus, въ 28-ми поселеніяхъ употребляется польскій языкъ, въ 22-хъ—словинскій, а именно, по Лексикону:

C. Arvensis:

Bukovina, Chizsne, Erdődka, Harkabusz, Hladonka, Jablonka, Kulich, Inferior et Superior Lipnicza, Mutne, Novoty, Pekelnik, Podvlk, Pólhora, Rabcsa, Rabcsicza, Szarna, Sziheine, Szuchahora, Veszele, Vitanova, Zakamene (Klin), Inferior et Superior Zubricza—lingua polonica. Всѣ сёла въ processus superior, по склонамъ Магуры, на границѣ Галичины.

C. Lyptoviensis:

Hutty, Novotty, Rosztoka-Job—lingua slavonica (et) polonica.

C. Tornensis:

Derénk—lingua slavonica (et) polonica.

C. Szaladiensis:

Adriancz, Bellatincz, Bisztricze, Bratóncz, Brezovicza, Cserencsócz, Deklesin, Filócz, Ganicza, Gumilicza, Izsakócz Ivancz, Kapcza, Lippa, Lippahócz, Melincz, Palina, Renkócz, Turnischa, Túskeszer, Zarkaháza, Zsiszekszer—lingua vandalica.

Extractus universorum locorum populosorum, parochorum item et ecclesiarum ministrorum, necnon ludimagistrorum, per Regnum Hungariae reperibilium.

Comitatus.	Habet loca №.	Ex his sunt. pagi.	Ex his sunt. oppida.	Parochi religionis. Catholicae.	Parochi religionis. Graeci ritus	Parochi religionis. Augustanae	Parochi religionis. Helveticae	Ludimagistri.	Principaliter viget lingua Hungarica.	Germanica.	Slavonica.	Illyrica.	Croatica.	Ruthenica.	Valachica	Polonica.	Vandalica.
1. Abaújvariensis	228	221	7	40	18	3	41	122	154	2	72	—	-	—	—	—	
2. Albensis	73	68	5	38	4	1	3	98	49	14	7	5	—		—		
3. Aradiensis . . .	183	167	16	14	159	1	7	25	11	5	1	1	—	—	168	—	--
4. Arvensis	97	93	4	16	—	2		18	.	-	73	—	—	—		24	—
5. Bácsiensis . . .	89	81	8	56	45	—	—	101	25	20	5	59	—	2	1	—	—
6. Baranyiensis . .	351	343	8	48	26	—	48	114	217	97	-	53	18	-	-	—	
7. Barsiensis . . .	200	189	11	56	—	2	1	69	48	6	152	—	—	—	—	—	
8. Bekessiensis . .	20	16	4	4	2	5	13	24	13	1	5	-	—	.	1	—	—
9. Bereghiensis . .	261	255	6	3	74		61	146	69	5	1	-	—	187	—		—
10. Bihariensis . .	468	4[illegible]1	27	24	335		126	164	134	—	—	—	—	2	338	—	-
11. Borsodiensis . .	169	159	10	52	10	1	84	186	148	.	21	—	—	—	—	—	—
12. Castriferrei . . .	623	597	26	114	—	1		217	301	153	—	—	169	—	—	—	—
13. Comaromiensis . .	83	79	4	41		3	31	91	59	14	19	-	—	—		—	—
14. Csanadiensis . .	9	8	1	5	6	—	1	12	4	-	—	5	—	-	5	—	—
15. Csongradiensis . .	7	4	3	7		—	—	7	7	.	—	—	—	—	—	-	
16. Gömöriensis . .	230	219	11	25	1	22	38	97	132	—	99	—	—	.	—	—	-
17. Hevessiensis . .	146	132	14	70	1	-	22	137	143	1	2	-	—	—	—	—	
18. Honthensis . . .	215	205	10	42	—	30	11	125	89	1	127	—	—	—	—	—	
19. Jaurinensis . . .	78	77	1	49	—	5	4	66	71	5	1	—	1	—	—	.	—
20. Lyptoviensis .	133	126	7	22	—	3	—	34	—	—	133	—	—	—	—	3	-
21. Maramarosiensis .	139	133	6	4	107	—	5	23	5	1	-	—	—	85	50	-	—

Comitatus.	Habet loca №	Ex his sunt. pagi.	oppida.	Parochi religionis Catholicae.	Graeci ritus	Augustanae	Helveticae	Ludimagistri.	Principaliter viget lingua. Hungarica.	Germanica.	Slavonica.	Illyrica.	Croatica.	Ruthenica.	Valachica	Polonica.	Vandalica.
22. Mossoniensis . .	50	39	11	42		—	—	47	8	31	—	—	11				
23. Nitriensis . . .	450	413	37	122	-	1	—	152	47	7	412	—	-	—	—	—	
24. Neogradiensis . .	254	246	8	51		30	2	181	132	6	120	-	—	—	—	—	
25. Pesthiensis . . .	179	160	19	93	7	14	41	208	98	34	38	9	—	—	—	—	-
26. Posoniensis . . .	309	276	33	112	—	1	1	138	165	11	133	—		—	—	—	—
27. Saarossiensis . .	369	360	9	51	80	9	—	137	1	1	233	—	—	154	—	—	—
28. Scepusiensis . .	157	147	10	111	11	—	—	118	—	20	123	—	—	14	—		—
29. Soproniensis . .	232	207	25	110	—	1	1	153	120	79	1	—	32	—	—	—	
30. Strigoniensis . .	47	44	3	19	—	—	—	46	31	6	10	—	—	-	—		—
31. Sümeghiensis . .	317	307	10	48	1	2	47	146	242	15	2	19	47	—	—	—	
32. Szabolcsensis	126	119	7	17	26	—	103	103	118	1	1	—	—	8	4	—	—
33. Szaladiensis . . .	568	539	29	92	—	11	1	174	401	27	1	—	118			—	22
34. Szatthmáriensis .	255	236	19	14	130	—	131	182	142	11	—			7	98	-	—
35. Thurocziensis . .	99	93	6	12	—	2	—	30	—	6	93	—	—				—
36. Tolnensis. . . .	103	87	16	38	1	8	21	106	54	48	3	1	—	—	—	—	-
37. Tornensis . . .	42	41	1	6	3	—	10	11	35	1	14	—	—	2	—	1	—
38. Trenchiniensis .	401	384	17	68	—	1	—	72	-	—	401					—	
39. Ugocsensis . . .	66	64	2	6	40	—	27	34	28	—	—	—	—	45	6	—	—
40. Unghváriensis .	204	200	4	8	45	3	15	80	52	—	65	—	—	87	—	—	-
41. Veszprimiensis .	168	161	7	56	—	14	43	178	130	31	7			—			—
42. Zempliniensis .	410	388	22	68	140	1	60	186	109	3	151	—	—	149	—	—	-
43. Zoliensis	103	96	7	100	—	2	-	71	—	-	103	-	-	-	—	—	—
44. Jazygia et Cumania	25	20	5	17	—	—	11	28	25	-	—	—	—		-	-	-
45. Oppida Hajdonicalia	6		6	—	2	—	5	8	6	—	-		—	—	—	—	—
Summa . . .	8.742	8.240	502	1 991	1.274	178	1.015	4.315	3.623	663	2.629	152	396	742	671	28	22

№ 2. J. M. Korabinsky, Geographisch-historisches und Producten Lexikon von Ungarn.

Marientheresienstadt, Maria Theresiopolis, hiess ehedem St. Maria, in den ältern Zeiten Sabatka, Soboticz.—— Vor Zeiten wohnten hier Ungarn, welchen der berüchtigte Zömlényi Péter Deák untern andern auch ein Privilegium schrieb; diese zogen sich in den vielen Unruhen von hier in andere Gegenden; jenen folgten altgläubige Ratzen, später aber Dalmatiner und Kroaten nach, deren Nachkommen noch heutiges Tages vorhanden sind. Sabadka war bis 1743 der Theiszer Gränzmilitz zugethan; da aber jene dem Lande einverleibet wurde, so mussten sich auch diese darnach bequemen. In Rücksicht ihrer geleisteten Militärdienste wurden ihnen im erst erwehnten Jahre Privilegien ertheilet, in welchen der Ort den Namen St.-Maria bekam, dessen sie sich bis 1780 da der Ort zu einer königl. Freystadt erhoben wurde bedienet. Es sind aber dem Lande diese Privilegien unbekannt, weilen solche in öffentl. Reichstagen zur Artikulation nicht sind übergeben worden. Bey der Einverleibung oder Reincorporirung zogen viel disunirte Ratzen, denen es nicht gefallen wolte civilisch zu werden, in das angränzende Banat, unter die aldortige Landmilitz. Da nun viele Sessionalstellen bey solchem Abzug leer geblieben, kamen von Ketchkemét, und andern Orten Ungarn hieher, solche auszufüllen, es sind also seit der Zeit wohlhabende Ungarn hier abermal ansässig geworden, welche ohngefehr den 8-ten Theil der Einwöhner ausmachen. Zu dem kommen alle Jahren aus Mähren, auch aus dem Liptauer, Arwayer und Thurotzer Komitat viele Leute beyderley Geschlechts in die Feldarbeit hieher, von welchen immer einige, die keine Lust haben in ihr Vaterland zurück zu kehren hier verbleiben und sesshaft werden. An deutschen Handwerksleuten fehlet es hier auch nicht, davon aber die Meisten den Jagden nachgehen, ihre Professionen vernachlässigen und daher in dürftigen Umständen leben.

— — Die katholischen und disunirten Raitzen haben einerlei Sprache, nur das leztere eine etwas höhnende Redensart haben. Ihre Kleidung ist die ungrische, anstatt der Cschisma aber tragen sie sowohl Winter als Sommer Bocschkoren, unter welche sie über die Hosen wollene Tücher bis an die Knie winden, welche vor die grösste Zierde gehalten werden, in dem sie schekicht sind, und in ihrer Sprache Oboike heissen. Da sie nun beständig die Füsse mit dergleichen Tüchern umwunden haben, so lasst es sich vorstellen, das solche einen übeln Geruch von sich geben, der fast unerträglich ist. Ihre häusliche Einrichtungen sind einfach. Stroh in den Betten, und drüber wollene Teppiche gebreitet, machen alle Meublirung aus. Ihre Alten halten sie in Ehren, daher es auch kömmt, dass ganze Familien bey einander wohnen, worunter der Aelteste Befehlshaber, die übrigen aber alle Knechte und Mägde sind. Die Jüngste aus der Familie muss Abends allen übrigen dem Range nach die Botschkoren ausziehen, und die Oboikas abnehmen, ausstauben und solche zur Troknung ausbreiten, frühe aber jedwedem seinen Antheil zur rechten Zeit einhändigen. An küpfernen Kesseln und dergleichen Töpfen hat die Nation grossen Gefallen, welche auf das reinlichste gehalten werden, eingesehen aber haben sie solches noch nicht, dass dergleichen unverzinnte Gefässe zum Kochen höchst schädlich sind. Ihre Weiber, die sie nicht zum bessten behandeln, verfertigen alle häusliche Nothwendigkeiten, als: Leinwand, Tapeten, Schürze und erwähnte Fusstücher oder Oboike, auch Gelsengarn u. d. g. Hauptsächlich sind sie in der Weberey geschickt und in ihrer Art künstlich. Von einem gewissen Kraut, das rothe Blumen hat, verfertigen sie gelbe, rothe, grüne und schwarze Farbe, mit welcher sie die gesponnene Wolle, so zu Tapeten und andern Nothwendigkeiten bestimmt ist, so gut und schön färben als immer die Persianer. Die Wollspunst und Färberey macht zuweilen, besonders bey den disunirten ratzischen Weibern, die sich nicht sonderlich sauber halten, dass sie den Aussatz oder Krätze bekommen.

Uebrigens ist die ganze Nation beyderley Geschlechts immer aufgeräumt. Alte Schlachten und berühmte Soldaten besingen sie am liebsten, obschon der Ton und die Melodie für kein musikalisches Gehör ist. Denn jede Strophe des Liedes

fängt sich mit O an, welches so lange gezogen wird, als es der Athem zulässt, und dann kömmt erst die Erzählung der Sache. Meistens sind dergleichen Gesänge in Red und Antwort abgefasst. Viele, besonders alte Weiber, verfertigen dergleichen Gesänge aus dem Stegreife: man darf ihnen nur eine Geschichte erzählen, so bringen sie solche alsobald in einem Liede vor.

Die disunirten Rátzen werden von katolischen oder Illyrern, Serbli oder Wallachen genennet. Die illyrische Nation aber theilet sich vermöge der verschiedenen Mundarten in folgende Völker, als: Bunjewatzer, Dalmatiner, Kroaten, Schokatzen, Cziprowatzen, Kalotnyaken und Bosnyaken, welche letztern am schönsten illyrisch sprechen (стр. 399—401).

№. 3. О **Матвѣѣ Белѣ** и его Notitia Hungariae novae.

Мы не имѣемъ намѣренія предложить самостоятельный и болѣе или менѣе исчерпывающій этюдъ о знаменитомъ „historicus patrius“ Угріи, да это въ настоящее время и невозможно: ни матеріалы, относящіеся къ его жизни и дѣятельности—въ томъ числѣ его обширная корреспонденція—не собраны и не изданы, ни оставшіяся въ рукописи его работы не изучены. Ограничимся лишь краткой его біографіей и замѣчаніями относительно многократно цитированныхъ нами выпусковъ Notitia Hungariae novae, воспользовавшись документальными данными, сообщенными Л. Ганомъ въ его небольшой и не особенно обстоятельной брошюрѣ: „Матвѣй Бель“ [1]), а также сочиненіями самого Беля.

Матвѣй Бель [2]) родился 24-го марта 1684 г. въ лютеранской семьѣ въ городкѣ Очова (Očová), Зволенской столицы. Отецъ его, также Матвѣй Бель, небогатый словакъ-мѣщанинъ, былъ мясникъ по профессіи [3]). Мать—Елизавета Cseszneky или Cesnak, Cesnak, по сообщеніямъ однихъ, была мадьярка, другихъ—словачка, знавшая, однако, и по-мадьярски [4]).

---

[1]) Haan Lajos, Bél Mátyás (Értekezések a történelmi tudományok köréből, VIII, 8, Budapest, 1879, 75 стр.). Кромѣ того, мы обращались къ Flegler S., A magyar történétírás történelme (исторія венгерской исторіографіи), Budapest, 1877, мад. переводъ въ Olcsó könyvtár (Дешевая библіотека) и Szinnyei J., Magyar írók élete és munkai, I, 1890—біографическій словарь. Указанія на страницы, безъ названія сочиненія, относятся къ брошюрѣ Гана.

[2]) Belius въ латинскихъ сочиненіяхъ, Bél—въ мадьярскихъ. Хотя его фамилія, несомнѣнно, происходитъ отъ корня „*бѣл*“, мы не рѣшаемся писать ее черезъ *ѣ*. Бель, труды котораго были преимущественно латинскіе, отчасти мадьярскіе и нѣмецкіе (по чехо-словенски очень мало), хоть и былъ словакъ родомъ, но считалъ себя членомъ „угорской (=magyar) націи“ и никогда не подчеркивалъ своего славянскаго происхожденія.

[3]) Отсюда его насмѣшливое прозвище Funtik, считавшееся нѣкоторыми за настоящую его фамилію (стр. 6—7).

[4]) Весьма вѣроятно, что Бель уже съ дѣтства зналъ и по-мадьярски (нѣмецкому, повидимому, онъ научился въ Пресбургѣ и усовершенствовался въ немъ въ Галле). Въ предисловіи къ своему, изданному въ Прес-

Среднее образованіе получилъ Бель съ 1693 по 1704 г. въ разныхъ лютеранскихъ школахъ на родинѣ и закончилъ его подъ руководствомъ извѣстнаго педагога того времени Яна Пиларика въ Баньской Быстрицѣ [1]).

Талантливый, но неимѣющій собственныхъ средствъ юноша былъ отправленъ мѣстными лютеранскими общинами на. ихъ счетъ—какъ это было тогда въ обычаѣ—въ Германію, для подготовленія къ званію пастора, а именно въ Галле, на богословскій факультетъ. Въ Галле Бель пробылъ 3 года, съ 1704 по 1707 г.

Въ началѣ 1708 г. Бель, по приглашенію лютеранской общины, занялъ въ Баньской Быстрицѣ должность конректора лютеранской гимназіи и вмѣстѣ съ тѣмъ пастора при госпитальной церкви, отнятой потомъ у лютеранъ въ 1710 г. Въ томъ же 1710 г. Бель былъ выбранъ ректоромъ гимназіи, и, подъ его руководствомъ, гимназія въ короткое время пріобрѣла такую славу, что въ нее стали отдавать своихъ дѣтей родители-лютеране изъ разныхъ краевъ Угріи.

Извѣстность Беля, какъ педагога, побудила Пресбургскую лютеранскую общину предложить ему ректорство въ Пресбургской гимназіи, пришедшей въ послѣднее время въ упадокъ, „quatenus res gymnasii collapsas sua singulari prudentia, doctrina et eruditione erigere valeat" [2]) Въ 1714 г. Бель переѣхалъ въ Пресбургъ и быстро реорганизовалъ гимназію [3]). Въ 1719 г. Бель единогласно былъ выбранъ пасторомъ. Этимъ было обезпечено его матеріальное положеніе, и онъ могъ остальные годы своей жизни посвятить научнымъ трудамъ.

Скончался Бель скоропостижно на 66-мъ году жизни, 31-го августа 1749 г.

Научная дѣятельность Беля была чрезвычайно напряженна и разностороння. Кромѣ Notitia, отъ него осталось множество

бургѣ въ 1729 г. „Der ungarische Sprachmeister", Бель пишетъ: „Letzlich wünschet der Verfasser dieser geringschätzigen Arbeit, dass, da er solche in der aufrichtigen Absicht, seine Muttersprache auszubreiten, ganz willig unternommen" и т. д. Какъ бы то ни было, Бель не удовольствовался вынесеннымъ изъ семьи знаніемъ мадьярскаго языка и для лучшаго его усвоенія провелъ конецъ 1700 и 1701 гг. въ Веспримѣ и Папѣ (стр. 13—14).

[1]) Besztercze-Bánya, Neusohl, Neosolium.

[2]) Стр. 25.

[3]) Ученикъ его, Я. Томка-Саски ((Thomka-Szászky) въ надгробной рѣчи назвалъ его „rector et instaurator scholarum" (стр. 27).

трудовъ по исторіи [1]), исторіи литературы, богословскимъ наукамъ, медицинѣ, по наукамъ естественнымъ и т. п. [2]). Онъ свободно и изящно писалъ по-мадьярски, по-нѣмецки, больше же всего—по-латыни [3]). На чехо-словенскомъ языкѣ осталось отъ него очень немногое [4]).

Работалъ онъ легко, но много тратилъ времени на передѣлку и поправку своихъ трудовъ. Монографіи нѣкоторыхъ столицъ два, три раза переписаны лично имъ самимъ. Всего, по подсчету Гана, число оставшихся послѣ него собственноручныхъ рукописей составляетъ нѣсколько тысячъ листовъ [5]). Кромѣ того, онъ велъ постоянно оживленную переписку съ угорскими и заграничными учеными.

Остановимся на его географическо-статистическихъ трудахъ.

Интересъ къ географіи пробудился у Беля еще въ Галле, гдѣ онъ, живя въ домѣ профессора Франке (Francke), занимался въ пользовавшемся тогда славой Географическомъ Институтѣ послѣдняго. Методъ Франке, неразрывно соединявшаго изученіе географіи съ изученіемъ исторіи, былъ воспринятъ и Белемъ и послѣдовательно проведенъ въ его работахъ.

Къ самостоятельному занятію географіей побудила Беля, ближайшимъ образомъ, практическая потребность. Въ Пресбургѣ, кромѣ другихъ предметовъ, Бель взялъ на себя и преподаваніе географіи. За отсутствіемъ учебниковъ, Бель, на основаніи немногихъ, весьма недостаточныхъ пособій, авторы которыхъ по большей части и не бывали въ Угріи, а также на основаніи собственныхъ знаній, составилъ краткій компендій географіи Угріи. Сознавая его неудовлетворительность, Бель обратился къ сотрудничеству своихъ учениковъ, уроженцевъ различныхъ краевъ Угріи [6]). Ежегодно, передъ

---

[1]) Много было имъ собрано и матеріаловъ для исторіи.

[2]) Перечень его работъ, какъ напечатанныхъ, такъ и оставшихся въ рукописи, см. у Гана, стр. 20, 24, 28—29, 30—34, 38, 51—52, 55—58, 59—65.

[3]) По-латыни, конечно, согласно нормамъ тогдашней latinitatis Regni Hungariae.

[4]) По Гану: переводы Freilingshausen и Arndt'a, предисловіе къ Библіи Крмана, въ изданіи которой участвовалъ и Бель, а также, по Tablic, Poësie Slowanske, II, 18—нѣсколько стихотвореній (стр. 66).

[5]) Стр. 66.

[6]) Вѣроятно, и въ этотъ періодъ жизни, какъ и позднѣе, Бель и самъ предпринималъ путешествіе по Угріи.

каникулами, онъ давалъ ученикамъ старшихъ классовъ подробную программу для собиранія свѣдѣній по географіи, этнографіи, исторіи, естественной исторіи и т. д., относящихся, какъ къ ихъ ближайшему мѣстожительству, такъ и вообще къ тѣмъ стóлицамъ, откуда они были родомъ, прося учениковъ обращаться за отвѣтами на пункты программы къ ихъ родителямъ, къ мѣстнымъ священникамъ, учителямъ и инымъ образованнымъ лицамъ [1]).

Накопленный такимъ путемъ матеріалъ и использовалъ Бель для пополненія и расширенія своего Компендія, [2]) изъ котораго въ послѣдствіи и выросъ грандіозный трудъ „Notitia Hungariae novae“.

Задача, которую поставилъ себѣ Бель, несомнѣнно, была чрезвычайно трудной для частнаго лица, обладавшаго, сравнительно, скромными средствами, связаннаго профессіональными обязанностями и, къ тому же, какъ лютеранскаго пастора, не возбуждавшаго особаго довѣрія въ католически настроенномъ правительствѣ и въ вліятельной католической части общества.

Что Бель собираетъ разныя свѣдѣнія объ Угріи, не могло, конечно, остаться тайной. О немъ стали распространяться подозрительные слухи. Въ 1720 г., желая заинтересовать въ задуманномъ предпріятіи болѣе широкіе круги, Бель опубликовалъ извѣщеніе о предположенномъ изданіи Notitia и приглашалъ сочувствующихъ къ поддержкѣ. Тогда неопредѣленные слухи вылились въ весьма обычную

---

1) Стр. 29—30.

2) Упомянутый уже ученикъ Беля, I. Томка-Саски въ 1753 г. издалъ въ Пресбургѣ подъ именемъ Беля: Bél M., Compendium Hungariae geographicum ad exemplar Notitiae Hungariae Novae historico-geographicae M. Bél, in partes 4 divisum (2-ое изданіе, исправленное и расширенное, вышло въ 1767 г., 3-ье—въ 1777 и 1779, 4-ое—въ 1792 гг.; см. Havass, Magyar földrajzi könyvtár, 1893, 37—38). Не вполнѣ ясно происхожденіе этого изданія. Ганъ полагаетъ, что Compendium есть извлеченіе изъ Notitia Беля. Врядъ ли это такъ. Notitiae бóльшей части стóлицъ остались ненапечатанными Белемъ. Неужели Томка-Саски использовалъ по смерти Беля всѣ его рукописи? Вѣроятнѣе всего, въ основу положенъ рукописный Компендій Беля, извѣстный его ученикамъ.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ Компендія дѣлались разнаго рода дополненія на основаніи иныхъ пособій, но были приложены старанія сохранить первоначальный текстъ Компендія: „Me cavisse quam diligentissime, ne quid ex labore hoc, curis multis de historia geographiaque Hungariae immortaliter meriti M. Belii, quod salva veritate retineri poterat, expungeretur“ (предисловіе ко 2-му изданію).

въ Угріи форму: Бель, де, лишь прикрывается научными цѣлями, на самомъ же дѣлѣ, онъ—шпіонъ, подкупленный какимъ-то сосѣднимъ правительствомъ, подробно изучаетъ Угрію и особенно ея укрѣпленныя мѣста, чтобы облегчить вторженіе непріятельской арміи [1]).

Обвиненіе дошло до палатина Н. Пальфи (Pálffy), вызвавшаго Беля къ себѣ. Дѣло, однако, приняло для Беля чрезвычайно благопріятный оборотъ, хотя въ обществѣ были увѣрены, что Бель будетъ преданъ суду, какъ notae infidelitatis reus.

Бель явился къ Пальфи съ рукописями, разъяснилъ свои планы, и Пальфи вполнѣ его понялъ и оцѣнилъ. Черезъ канцлера Цинцендорфа, Пальфи выхлопоталъ Белю аудіенцію у императора и короля Карла VI (III). Карлъ также призналъ важное значеніе предпринятаго Белемъ изданія, обѣщалъ поддержку и предложилъ посвящать ему издаваемые труды.

Такимъ образомъ, Бель получилъ возможность работать вполнѣ безпрепятственно.

Многократно самъ Бель путешествовалъ по Угріи [2]), изучая замѣчательныя мѣстности, производя измѣренія разстояній, собирая всевозможныя, нужныя для его цѣлей свѣдѣнія. При этомъ, онъ заводилъ знакомства съ могшими быть ему полезными людьми: мѣстными священниками, учителями, топографами, сто́личными чиновниками-помѣщиками и т. п., поддерживая и потомъ съ ними письменныя сношенія. Иногда онъ поручалъ нѣкоторымъ изъ нихъ составленіе описаній той или иной мѣстности [3]). Туда, куда онъ самъ не могъ почему-либо поѣхать, онъ посылалъ особыхъ лицъ, ознакомивъ ихъ предварительно съ дѣломъ и снабдивъ должными инструкціями [4]).

Такимъ образомъ, въ Notitia мы имѣемъ матеріалъ, исходящій изъ первоисточниковъ на мѣстахъ, провѣренный,

[1]) Стр. 37.

[2]) Нѣкоторыя указанія на путешествія Беля существуютъ. Такъ, въ 1726 г. онъ проѣхалъ отъ Пресбурга до Трансильваніи, въ декабрѣ былъ въ Сатмарской сто́лицѣ (Notitia c. Szatmáriensis). Отъ 30-хъ годовъ сохранились въ метрикѣ Пресбургской лютеранской церкви отмѣтки объ его отлучкахъ отъ своего прихода: въ февралѣ и съ 6-го августа по 14 сентября 1733 г., съ 9-го января по 21-ое февраля 1735 г., съ 12-го октября по 5-е декабря 1737 г. (стр. 36).

[3]) Такъ Bartholomaeides, Comitatus Gömöriensis notitia historico-geographica (Leutschoviae, 1805—1808) упоминаетъ, что нѣкій P. Lani въ 1731 г. составилъ для Беля описаніе Гёмёрской сто́лицы.

[4]) Объ этомъ самъ Бель заявляетъ въ докладѣ королевской канцеляріи 26-го января 1729 г. Комарнская сто́лица упоминаетъ о I. Матулаи (J. Matulay), изъѣздившемъ, по порученію Беля, предѣлы означенной сто́лицы (стр. 37).

къ тому же, хорошо изучившимъ свою родную страну ученымъ. Понятно то довѣріе, которымъ пользовались труды Беля въ XVIII и XIX вв. въ Угріи и внѣ ея.

Для исторической части Белю пришлось работать въ архивахъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ. Много надо было имѣть личнаго обаянія, чтобы преодолѣть упорное нежеланіе дворянства открывать кому-нибудь свои архивы [1]). Большое количество документовъ, генеалогическія таблицы, находящіяся въ его работахъ, свидѣтельствуютъ объ его успѣхѣ и среди этого дворянства [2]).

Въ 1723 г. Бель издалъ посвященный Карлу VI (III) проспектъ своихъ будущихъ работъ: „Hungariae antiquae et novae Prodromus cum specimine, quomodo in singulis operis partibus elaborandis, versari constituerit auctor M. Belius Pannonius, Norimbergae, in folio (18 + 204)“ [3]).

1-ыя 18 стр. „Dedicatio и Praefatio ad lectorem amicum“.

Проспектъ „Hungaria antiqua divisa in libros quatuor“ занимаетъ стр. 1—62.

„Hungaria nova divisa in libros tres:“ Планъ общаго обозрѣнія Угріи: Liber I. Historicus; liber II. Geographicus (стр. 65—68). Для образца описанія отдѣльныхъ стóлицъ—Historia comitatus Scepusiensis (стр. 69—124):

Pars prior generalis:

Membrum I. Phisicum: de situ, natura et opportunitatibus terrae Scepusiensis; Membrum II. Politicum: de incolis et magistratibus comitatus Scepusiensis.

Pars II. Specialis:

Membrum I: de Sede Majori, quae et Inferior dicitur. Membrum II: de Sede decem lanceatorum. Каждый Membrum снабженъ подробнымъ оглавленіемъ (Synopsis) и разбитъ на Sectiones, а Sectiones—на §§-ы. Въ концѣ—tabula itineraria и карта стóлицы.

---

[1]) См. выше стр. 5 пр. 4.

[2]) Бель выражаетъ особую благодарность дворянству Турчанской стóлицы, предупредительно пошедшему ему въ этомъ направленіи навстрѣчу (стр. 36—37).

[3]) Въ виду рѣдкости книги считаемъ не лишнимъ сообщить вкратцѣ ея содержаніе.

Liber tertius Physicus занимаетъ стр. 125—204 и состоитъ изъ краткихъ плановъ главъ. Въ иныхъ главахъ, для образца, дано подробное описаніе нѣкоторыхъ достопримѣчательностей: Caput I. De coeli et soli Hungarici natura; c. II. De fluviis Hungariae; c. III. De lacubus; IV. De admirandis aquis V. De thermis; VI. De acidulis; VII. De montibus et silvis; VIII. De antris et specubus; IX. De metallis et fodinis; X. De salinis; XI. De vineis et vino; XII. De materia medica, quam gignit Hungaria, sive historia Simplicium Hungariae; XIII. De re rustica [1]).

Въ заключеніе—планы Epimetra: I. De re vestiaria Hungarorum; II. De populis Hungariae eorumque moribus.

Императоръ и король, которому Бель поднесъ роскошный экземпляръ, выразилъ Белю благодарность, назначилъ ему ежегодную субсидію въ 400 гульденовъ [2]) и приказалъ Штатгальтерскому Совѣту обратиться оффиціально къ сто́лицамъ съ приглашеніемъ, по требованію Бела, сообщать нужныя послѣднему свѣдѣнія. Знаменитому тогда математику и картографу С. Миковини [3]) было поручено изготовленіе картъ для Беля.

Prodromus встрѣтилъ общее сочувствіе въ Угріи и лестные отзывы въ заграничной печати [4]).

Успѣхъ Беля прославилъ его имя, и вскорѣ многіе образованные люди въ Угріи и за границей вступили съ нимъ въ непосредственныя сношенія и переписку; образовалось, по выраженію Гана [5]), какъ бы маленькое ученое общество, центромъ котораго сдѣлался Бель [6]).

Въ теченіе шести мѣсяцевъ 1724 г. было закончено Описаніе Сабольчской сто́лицы [7]), въ томъ же году начато

---

[1]) Копія съ этой главы, очевидно, Белемъ вполнѣ приготовленной для печати, имѣется въ Nemzeti Múzeum, fol. lat. № 1570 (см. ниже).

[2]) Белю она, впрочемъ, была выдана только одинъ разъ (стр. 39).

[3]) Сынъ лютеранскаго пастора въ селѣ Абелова, Новоградской сто́лицы.

[4]) М. пр. въ ученомъ журналѣ Nova Lipsiensia: „Nihil addimus, quam ut clar. Belii fortunam, quam experti sunt eius in simili antecessores, secundum vires, que integras adprecemur, ut Hungariam suam, cui scribendae sive sermonis elegantiam, sive ordinem ac rerum apparatum spectes, non imparem se ostendit, felici tandem pactu integram promat“ (стр. 39).

[5]) Стр. 40.

[6]) Въ Угріи—врачи, поджупаны, суперинтенденты (м. пр., въ сто́лицахъ Абауйварской, Сатмарской, Спишской, Шаришской); епископъ Доминикъ Пассіонеи, папскій нунцій въ Вѣнѣ, епископъ Бенцони въ Далмаціи, архіепископъ Фонтанини въ Римѣ, многіе ученые въ Берлинѣ, Галле, Лейпцигѣ и т. п. (l. c.).

[7]) См. ниже.

Описаніе Угочской, но, вообще, составленіе Описаній и, тѣмъ болѣе, изданіе ихъ сильно затянулось.

Одной изъ причинъ было увеличеніе количества матеріала въ слѣдствіе той благопріятной перемѣны, которая произошла въ положеніи Беля. По первоначальному плану все изданіе должно было состоять изъ 4-хъ частей въ 6-ти томахъ; въ вышедшихъ при жизни Беля 4-хъ томахъ помѣщены были Описанія лишь 10-ти сто́лицъ, такъ что, если бы Белю удалось закончить свое дѣло, то всего составилось бы не 6, а 10 или даже болѣе томовъ. Описаніе Угочской сто́лицы готово было лишь въ 1730 г., остальныхъ же—въ теченіе 30-хъ годовъ [1]).

Другой причиной было замедленіе со стороны сто́лицъ и цензуры.

Бель пожелалъ, чтобы его Описанія сто́лицъ были, до напечатанія, въ рукописи разосланы въ подлежащія сто́лицы, которыя должны были выбрать особыя комиссіи для разсмотрѣнія Описаній, послѣ чего рукописи съ замѣчаніями комиссій возвращены были бы обратно. Въ такомъ смыслѣ Штатгальтерскій совѣтъ и послалъ предписанія сто́лицамъ. Но только шесть сто́лицъ въ непродолжительное время вернули рукописи вмѣстѣ съ своими замѣчаніями, не всегда, впрочемъ, особенно благопріятными для Беля [2]). Бо́льшая же часть отнеслась къ Описаніямъ Беля весьма несочувственно. Иныя сто́лицы прямо заявляли, что считаютъ Описанія совершенно некуда не годными, исполненными ошибками и недостойными напечатанія [3]); иныя же, не смотря

[1]) Судя по „Pro memoria“ Беля, Описанія всѣхъ сто́лицъ были при жизни уже изготовлены имъ для печати: „Hinc comitatus per me *elaborati* historice, physice et geographice ac singuli *in manuscripto apud me existentes* ordine sequenti edendi erunt“—далѣе перечень остальныхъ сто́лицъ Угріи, Описанія которыхъ не вошли въ первые 4 тома (стр. 52).

[2]) Къ сожалѣнію, судя по словамъ Гана, текста этихъ замѣчаній, повидимому не сохранилось; уцѣлѣли (да и то, неизвѣстно, всѣ ли) только отвѣтныя донесенія сто́лицъ—въ донесеніяхъ упомянуты лишь нѣкоторыя изъ замѣчаній. Выдержки изъ донесеній напечатаны Ганомъ (стр. 40—46).

[1]) Донесеніе Гевешской сто́лицы 16-го ноября 1736 г.: „Quod siquidem idem opus per deputatos nostros revisum — — quam plurimis defectibus laboret, ita ut reflexionibus desuper faciendis sibi ipsis insufficientes esse viderentur“; Шопронской—31-го Марта 1738 г.: „Considerato historico Beliano opere occurebant — — reflexiones variae, quae nos ad omissionem potius eiusdem, quam editionem permovissent“; Нитрянской — 17-го Января 1733 г.: „Posteaquam scriptoris M. Bel opus — — nobis pro revisione eiusdem — — intimatum praexstitisset, quandoquidem deputati — — nostri nobis repraesentassent opus illud, sive in addito sive in omisso spectetur, tot

на напоминанія Штатгальтерскаго совѣта, старались уклониться отъ разсмотрѣнія и елико возможно откладывали представленіе замѣчаній.

Трудно, конечно, не ознакомившись съ замѣчаніями сто́лицъ, рѣшить, насколько правы сто́лицы, и насколько Описанія Беля изобилуютъ ошибками и какого рода [1]). Судя, однако, по выдержкамъ изъ донесеній сто́лицъ, причины такого отношенія ихъ къ Описаніямъ Беля были иныя.

Съ одной стороны, дворянамъ-чиновникамъ сто́лицъ просто не было никакой охоты возлагать на себя излишній, притомъ еще даровой трудъ [2]). Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ донесеніяхъ ясно проглядываетъ недовольство на автора, дерзавшаго касаться сокровенныхъ тайнъ генеалогическихъ и имущественныхъ отношеній [3]).

Въ донесеніяхъ сто́лицъ иногда попадаются и отдѣльныя

---

et tantos involvere defectus, quod facilius quis novum desuper librum conscribere videretur, quam ut huius errata corrigi, omissa suppleri, admissa vero sive male posita emendari oporteret".

[1]) Вѣроятно, сто́лицы больше всего обращали вниманіе на сообщенія Беля по исторіи и генеалогіи дворянскихъ фамилій и относительно ихъ имущественныхъ правъ. Этнографическая сторона ихъ, конечно, мало интересовала.

[2]) Весьма откровенно въ этомъ смыслѣ заявляли сто́лицы Нитрянская, Шаришская (5-го февраля 1737 г.). и Оравская (26-го марта 1738 г.).

[3]) Шопроньская сто́лица: „Gratiosis Excelsi Consilii intimatis satisfacturi, revisionem suscepimus, illaque peracta memoratum opus unacum annotatis observationibus, interposita nihilominus eatenus protestatione, ne idem aliquando in quocunque casu pro argumento in praeiudicium et damnum huius comitatus assumi valeat, remittimus"; Шаришская: „Такъ какъ въ трудѣ Беля идетъ рѣчь объ имущественныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ дворянскихъ фамилій, то необходимо сличить данныя Беля съ документами этихъ фамилій, противъ чего послѣднія протестуютъ" (у Гана передано по-мадьярски только содержаніе донесенія); Земплинская, 13-го марта 1737 г.: „Ingenue fatemur. quod cum idem scriptor in privatorum iura semet immittat, quorum omnium exactam notitiam non haberemus, sed neque ad productionem eiusmodi iurium, ut abinde ad notitiam substratae materiae deveniri valeat, quempiam stringere in nostra auctoritate positum esset, opus illud citra complures errores ad rectam censuram minus assumi posse praevidemus"; Гонтская, 7-го іюня 1736 г.: „Sub membro eodem, ubi de incolis et magistratibus, ita et subsequenter in aliis sectionibus de oppidis, arcibus, castellis et pagis — — tractaretur, ibidem nominatae nonnullae illustrissimae et nobiles familiae, dominia, arces, castella et bona possessionaria, quasi pro certo et indubitate iam ex paterna, iam autem ex materna aut uxorititia, vel alia quapiam successione tenere et possidere dicuntur. Cum autem privatum unius vel alterius recentiorum illustrium Dominorum comitum, baronum et nobilium ius universitati huic non sit notum (nisi aliunde haec dominus author sciat), deductionem intuitu praenarratarum condescensionum notitia et sentimento nostris confirmare non possumus" и т. п.

замѣчанія по существу, но они собственно не опровергаютъ Беля, а вызваны только религіозной нетерпимостью [1]).

Цензура сочиненій Беля и разсмотрѣніе замѣчаній столицъ была возложена королевской Канцеляріей на двухъ гофратовъ, часто весьма затягивавшихъ дѣло, такъ что Бель неоднократно долженъ былъ жаловаться на это. Кромѣ того, цензора дѣлали Белю возраженія по историческимъ, генеалогическимъ и т. п. вопросамъ, въ которыхъ Бель былъ, несомнѣнно, компетентнѣе ихъ [2]). Главнымъ же образомъ они, конечно, должны были слѣдить, чтобы не были помѣщены какія-либо замѣчанія, предосудительныя съ политической точки зрѣнія [3]), особенно же затрагивающія такъ или иначе достоинство католической церкви. На послѣднее обращали особое вниманіе и Штатгальтерскій Совѣтъ и Придворная Канцелярія [4]).

---

[1]) См. напримѣръ, въ донесеніи Гевешской ст.: „In puncto eo, ubi templum S. Urbani in oppido Gyöngyös helveticis concessum fuisse praeeunteque ludimagistro exercitia frequentari appositum haberetur, longe a vero abesse sicque fidei orthodoxae religionisque catholicae praeiudicium experiri necessum esset. Nam ab immemorabili et diuturno, saecula quod excedit, tempore semper romanocatholicorum usui, per quos ex fundamentis aedificatum conspicitur, deserviebat, ludimagistrum vero non modo praeire, tanto magis exercitia practicare, sed nequidem morari et se ostendere Gyöngyösini, oppido quippe ab eximia veri Dei cultus religione, zelo et fide catholica commendato, concessum sit, nisi quod semel iterumque, sub iugo videlicet turcico intestinisque tumultibus praetactum templum violenter abreptum sectae suae ditionis fuisse memorarentur“. Какъ бы то ни было, фактъ, сообщенный Белемъ, сама же стóлица подтверждаетъ.

[2]) Стр. 47.

[3]) Такъ, по ихъ докладу, Канцелярія обратила вниманіе Беля, чтобы онъ, говоря о возстаніи Ракоци, не употреблялъ слово „bellum—quia hoc tantum inter pares suscipi solet“, но лишь „motus“ или „seditio“ (стр. 48).

[4]) Въ докладѣ Императору объ Описаніи Веспримской стóлицы (неизданномъ) Штагальтерскій Совѣтъ цитируетъ слова Беля: „G e c s e, viculus exilis episcopatus Vesprimiensis, incolitur ab hominibus religionis ex catholica, reformata et lutherana mixtis, *ita tamen invicem concordi, ut quum evangelici soli gaudeant exercitio divini cultus, reliqui cum eis non dissideant*, quin ad preces diurnas simul quotidie confluant, nonnisi sacrorum causa ad suos subinde coetus catholicis et reformatis excurrentibus“ и добавляетъ: „Quia vero haec et nefors aliae — — hinc inde sparsim factae expositiones orthodoxam religionem catholicam graviter laederent, quae unice per hoc regnum — — a primordio eiusdem publice recepta haberetur, et cui unicae et soli per totum hoc regnum exercitium cultus divini ubique competeret, reliquae siquidem sectae nonnisi clancularie irrepsissent et, introductae per temporum iniurias et vicissitudines, toleratae hucusque fuissent — —.

Ideo ne per similes expositiones, religionem tangentes, fidei nostrae unicae salvificae iniuria vel praeiudicium quoquo modo inferri aut imminere possit, Consilium Locumtenentiale Regiae Maiestati Vestrae Sacratissimae humillime suadendum esse existimavit, quatenus authori — — serio et distinctim iniungeretur, ut in scribenda eadem historia circa religionem factas quasvis expositiones illico expungere et exmittere, neque in decursu eiusdem operis ullam

Наконецъ, всѣ препятствія были преодолѣны. 24-го января 1733 г. появилось объявленіе о подпискѣ на Notitia. Въ 1735 г. вышелъ въ Вѣнѣ I томъ Notitia Hungariae novae historico-geographica (in folio, 10+696), содержащій въ себѣ Описаніе Пресбургской сто́лицы; въ 1736 г.—II (10+587): окончаніе Описанія Пресбургской сто́лицы, Описанія сто́лицъ Турчанской, Зволенской. и Липтовской; въ 1737 г.—III (22+642): Описанія сто́лицъ Пештская—Пилишская—Шолтская. IV томъ, въ виду смерти Карла VI (III), напечатанъ былъ лишь въ 1742 г. (12+768): столицы Новоградская, Тековская, Нитрянская и Гонтская.

Описанія остальныхъ сто́лицъ, приготовленныя уже Белемъ къ печати, такъ и остались лежать въ рукописи. Лишь значительно позднѣе графъ I. Батьяни издалъ, какъ начало V тома, Описаніе Мошоньской сто́лицы (71 стр. [1]). Годъ изданія намъ неизвѣстенъ.

Всѣ Описанія, какъ напечатанныя, такъ и не напечатанныя, составлены по одному и тому же плану, изложенному въ Prodromus [2]).

Кромѣ свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ, историческихъ, естественно-историческихъ, Бель сообщаетъ родословныя знатныхъ фамилій каждой сто́лицы, даетъ списки наджупановъ, поджупановъ и другихъ видныхъ мѣстныхъ чиновниковъ въ хронологическомъ порядкѣ, публикуетъ написи и иные документы. Въ pars specialis перечисляетъ, по округамъ, населенныя мѣстности сто́лицы, часто даетъ свѣдѣнія объ ихъ исторіи, о мѣстныхъ достопримѣчатель-

---

amplius de religione mentionem facere audeat vel praesumat. Censoribus autem — — committeretur, ut huic rei serio invigilent, circa exmissionem similium expositionum, religionem tangentium, sedulo curam gerere velint“ (стр. 46—47). Такого же рода предостереженіе было сдѣлано Белю и ранѣе и повторено потомъ Канцеляріей: „Quia vero passim frequens mentio religionis occurrit, eundem auctorem minime latere potest, quod statim ab initio suscepti operis eo nomine serio commonitus fuit, ne negotium religionis quodammodo attingat, verum ea unice, quae ad materiam geographicam et prosapiorum in regno Hungariae spectant, scribat: idcirco praetactam cautelam hic quoque repeti et ut a modo imposterum id diligenter observetur, commoneri“ (стр. 48). Датъ обоихъ документовъ у Гана нѣтъ.

[1]) Flegler, Op. cit., стр. 149. Кромѣ того, въ 1777 г. типографомъ и книгопродавцемъ Ландерeромъ издано: M. Bél, Compendiolum Regnorum Slavoniae, Croatiae, Dalmatiae, Galliciae et Lodomeriae, Magnique Principatus Transilvaniae geographicum. Supplementis et notis brevibus illustratum. Posonii et Cassoviae, in 8°, 6+170+28 (Havass, Op. cit., стр. 42).

[2]) См. выше (стр. 246—247).

ностяхъ, упоминаетъ, какимъ владѣльцамъ принадлежатъ тѣ или другіе поселенія и т. п.

Не столь послѣдовательно помѣщаются свѣдѣнія о народности и религіи жителей отдѣльныхъ поселеній: въ Описаніяхъ однихъ сто́лицъ такихъ замѣтокъ больше, въ иныхъ—очень мало [1]).

Часть рукописей Беля, въ количествѣ 82-хъ томовъ—преимущественно, Описанія сто́лицъ—купилъ въ 1767 г. у вдовы его за 1600 гульденовъ графъ Іосифъ Батьяни (Batthyányi), архіепископъ Калочскій, потомъ примасъ Угріи. Въ 1770 г. онъ отправилъ рукописи Дунаемъ изъ Пресбурга въ Колочу. По небрежности судовщиковъ рукописи въ той или иной степени были подмочены [2]). Изъ Калочи онѣ потомъ перевезены были въ Будапештъ, гдѣ Батьяни поручалъ разнымъ лицамъ привести рукописи въ порядокъ и приготовить къ изданію, но, по словамъ Гана, неудобочитаемость текста, испорченнаго водой, помѣшала этимъ лицамъ исполнить желаніе примаса [3]), а смерть послѣдняго въ 1799 г. положила конецъ такимъ попыткамъ. Изъ Будапешта рукописи вернулись въ Пресбургъ, а оттуда въ Остригомъ (Esztergom, Gran).

Въ XVIII и XIX вв. дѣлались копіи съ оригиналовъ Описаній тѣхъ или иныхъ сто́лицъ, которыя и можно найти въ разныхъ библіотекахъ Угріи. По Гану, Описанія различныхъ сто́лицъ хранятся въ библіотекахъ: Національнаго Музея въ Будапештѣ, евангелическаго лицея въ Пресбургѣ и примаса Угріи въ Остригомѣ [4]), но у него нѣтъ ни слова о томъ, какія изъ этихъ рукописей—оригиналъ [5]) Беля, какія—позднѣйшія копіи. По Гавашу, нѣкоторыя Описанія находятся еще въ библіотекѣ бароновъ Меднянскихъ, въ Раковицѣ, Нитрянской сто́лицы [6]).

Изъ рукописей Національнаго Музея нами разсмотрѣны

[1]) Надо, впрочемъ, сказать, что мы не знаемъ неизданныхъ описаній сто́лицъ въ оригиналѣ—возможно, что подобнаго рода замѣтки выбрасывались списывавшими, почему-либо считавшими ихъ ненужными. Наиболѣе такихъ замѣтокъ сохранилось въ Описаніи Земплинской сто́лицы—списокъ съ него сдѣланъ по заказу А. Сирмаи, цѣнившаго и Беля, и понимавшаго, конечно, значеніе подобныхъ указаній (см. ниже).

[2]) Въ какой именно, никто изъ мѣстныхъ ученыхъ, кажется, не потрудился навести справки.

[3]) Кромѣ Описанія Мошоньской сто́лицы (см. выше, стр. 251).

[4]) Стр. 54.

[5]) Или оригиналы (см. выше, стр. 243).

[6]) Magyar földrajzi könyvtár, стр. 35.

Описанія тѣхъ сто́лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ нашемъ изслѣдованіи:

1) Fol. lat, № 3371—comitatus Szabolcsensis, 51 листъ [1]). Эта рукопись, хотя и не оригиналъ Беля, но была, повидимому, въ его рукахъ. Въ разныхъ мѣстахъ рукописи сдѣланы однимъ и тѣмъ же почеркомъ поправки и дополненія; на 1-мъ листѣ, опять таки тѣмъ же почеркомъ, вверху написано: „Pisonii, anno 1724 d. 7 Maÿ inch (oatum)", и на послѣднемъ: „Finitum die 3 Nov. 1724 inter sexcentos labores alios". Врядъ ли эти приписки и поправки могли быть сдѣланы кѣмъ-либо инымъ, какъ авторомъ.

2) Fol. lat., № 274—comitatus Zempléniensis, 202 лл. На 1-мъ листѣ: Ex bibliotheca Antonii Szirmay de Szirma, Zempléniensis comitatus Notitia historica, politica per M. Belium a. 1732⁰ (ut ex pag. 263 apparet) conscripta, sed inedita. Ex Autographo in Bibliotheca Card. Prim. Principis Jos. à Batthyán reposito describi procurata sumptibus et usibus A. Szirmay de Szirma, Pestini anno 1793— —, quo Ludovicus XVI innocens mortuus" [2]).

3) Fol. lat., № 3375—comitatus Ugocsensis, 24 лл. На верху 1-го листа: M. Belii, ab anno 1724 usque 1730. Другой списокъ Описанія Угочской сто́лицы находится въ концѣ рукописи Fol. lat., № 297, 83 лл. Ранѣе помѣщены Описанія другихъ 4-хъ сто́лицъ.

4) Fol. lat., № 3379, лл. 76. Въ началѣ—comitatus Bihariensis, затѣмъ—двѣ иныхъ сто́лицы, въ концѣ—comitatus Máramorosiensis (л. 64a—65b).

5) Fol. lat., № 3783—comitatus Sárosiensis, лл.? Два другихъ списка, менѣе полные—fol. lat., № 269, лл. 92 и fol. lat., № 273, лл. 71. Въ обоихъ послѣднихъ Описанію Шаришской сто́лицы предшествуетъ Описаніе Тренчинской.

6) Fol. lat., № 3211, лл. 58 и fol. lat., № 268, лл. 124—два списка: Descriptio historico-geographica comitatus Abaúj-váriensis.

Рукописи Описаній этихъ сто́лицъ находятся также и въ Остригомѣ.

---

[1]) По Гану, Описаніе Сабольчской сто́лицы имѣется лишь въ Остригомѣ.

[2]) Далѣе вклеена раскрашенная гравюра—арестъ Людовика XVI въ Вареннѣ.

7) Въ Остригомѣ же имѣется и Описаніе Бачъ-Бодрогской стóлицы. Въ Національномъ Музеѣ есть лишь передѣлка его Дюриковичемъ—fol. lat., № 3382, 63 лл.: Notitia comitatuum Bács-Bodrog, articulariter unitorum, historico-geographica, a M. Belio a. 1735 elaborata et G. Gyurikovits a. 1847 г. aucta.

Описанія Сатмарской, Торнянской и Унгварской стóлицы находятся только въ Остригомѣ, Спишской же, кромѣ напечатаннаго въ Prodromus, рукописныя въ Остригомѣ и Пресбургѣ.

По словамъ Гана, нигдѣ не существуетъ экземпляра Описанія Бережской стóлицы, хотя оно, очевидно, должно было быть составлено Белемъ. Въ Національномъ Музеѣ имѣется рукопись fol. lat., № 3377, лл. 54: Topographica descriptio comitatus Bereghiensis auctore Chr. Laurentsik, parocho oppidi Munkács, revisa per J. Bentsik, bibliothecarium Primat., inter manuscripta M. Belii in bibliotheca Primatiali conservata. Какъ видно изъ записи на рукописи, Лавренчикъ былъ католическимъ парохомъ въ Мукачевѣ въ 1817—1833 гг. и составилъ Описаніе, по просьбѣ Бенчика, въ виду неполноты рукописнаго Описанія Беля [1]).

Какъ мы уже упомянули, въ Національномъ Музеѣ находится копія съ трактата Беля: „De re rustica", fol. lat., № 1570, лл. 120: „M. Belÿ Hungari, Tractatus de re rustica Hungarorum. Transsumptum, coeptum ex primo exemplari mss. d. 30 Januarii, finitum die 26 Febr. 1764".

Оставшіяся послѣ покупки Батьяни у вдовы Беля рукописи были позднѣе пріобрѣтены извѣстнымъ историкомъ Адамомъ Колларомъ, библіотекаремъ Придворной библіотеки въ Вѣнѣ, и сохраняются въ настоящее время въ Вѣнѣ же, въ Государственномъ архивѣ, всего XIX томовъ. Однородный съ Описаніями матеріалъ находится въ слѣдующихъ томахъ: X—Notitiae ad com. Abaujvar, Marmaros et Thurócz; XVI—Notitia de Ugocsa, Kraszna, Arad, Szathmár, Marmaros; Varia notata ad comit. Borsod, Zemplin, Abaujvár et Thurócz pertinentia. Descriptio comit. Neograd, Temes, Torna, mediocris Szolnok, Ungvar. Item Abaujvar, districtus Cserhat et processus Szikszó;

---

[1]) Въ смыслѣ ли неполноты по содержанію или дефектности экземпляра?

XIX—Notitia comit. Szabolcs, Bars, Sáros, Turócz et districtus Kővár.

Какъ видно изъ предыдущаго, изученіе рукописнаго наслѣдія Беля совершенно еще не начато. Оно должно лежать на обязанности мѣстныхъ венгерскихъ ученыхъ, могущихъ безъ излишней затраты времени пересмотрѣть находящіяся сравнительно недалеко другъ отъ друга книгохранилища Будапешта, Остригома, Пресбурга и Вѣны.

Необходимо выяснить, какія изъ рукописей являются собственноручнымъ оригиналомъ Беля, какія, по крайней мѣрѣ, имъ лично пересмотрѣны, исправлены и дополнены.

Затѣмъ, надо попытаться поврежденныя водой мѣста рукописей возстановить путемъ сравненія съ копіями—возможно, что въ XVIII в. эти мѣста были еще не столь неудобочитаемы. Наконецъ, очень важно опредѣлить какую стадію развитія Описаній представляетъ та или иная рукопись: есть ли она—первоначальный текстъ Описанія или уже вновь переработанная Белемъ, причемъ необходимо установить, сдѣланы ли въ ней измѣненія по самостоятельному почину Беля или же въ слѣдствіе замѣчаній стóлицъ и настояній цензуры. Только послѣ такихъ предварительныхъ работъ можно окончательно опредѣлить, что̀ изъ крупнаго вклада въ науку, внесеннаго Белемъ въ первой половинѣ XVIII в., уцѣлѣло для пользованія въ XX в.

М. Белю приписываютъ авторство извѣстной поговорки: „Extra Hungariam non est vita, et si est vita, non est ita!“, ему принадлежитъ восклицаніе: „O cara patria, quae me genuisti, dulcis Pannonia!“. Горячей любовью къ Угріи проникнуты всѣ его сочиненія, горячая любовь къ родинѣ поддерживала его неутомимую дѣятельность, дала ему силы работать всю жизнь такъ напряженно и такъ разносторонне, создать столько, сколько не могутъ часто создать и цѣлыя сообщества ученыхъ людей. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ сходство со многими дѣятелями первоначальнаго славянскаго возрожденія.

Съ гордостью вспоминаетъ Бель о славныхъ моментахъ угорской исторіи, о герояхъ стараго времени, восхваляетъ тѣхъ, которые идутъ по ихъ стопамъ: „Maiorum vestigiis

insistunt, avos, patres, consanguineos sibi velut exemplaria proponentes fervetque in eis herculeus Pauli Kinisii sanguis", восклицаетъ онъ въ Описаніи Веспримской стóлицы [1]). Бичуетъ онъ тѣхъ, которые утрачиваютъ старые доблестные нравы, не заботятся о развитіи своихъ способностей на пользу отечеству: „Dolendum, quod nequeant exercere eas dotes, quas natura pulchra suggessit. Haerent complures ad stivam obscuraque agricolatione praeclaram obnubilant nobilitatem" [2]).

Возмущается онъ нападками и клеветами на Угрію иностранцевъ, совершенно не знающихъ и не дающихъ себѣ труда узнать его отечество. Опровергнуть эти клеветы, показать Угрію въ истинномъ свѣтѣ—это онъ считаетъ своимъ долгомъ, какъ патріотъ, эту цѣль должна достигнуть его Notitia Hungariae novae.

Превратныя сужденія иностранцевъ, говоритъ онъ въ Посвященіи Карлу VI (III) Prodromus'a: „Haec erat— — caussa illa, quae me ad istas consilii rationes (— —quod ad Hungariae Tuae decus et gentis nostrae pertinet ornamentum, in litteras referre adgressus sum— —) suscipiendas invitavit; nempe integer atque incorruptus patriae amor et boni civis officium, quod est tueri natalis soli dignitatem". Въ Praefatio ad lectorem amicum, тамъ же: „Accedebant frequentes atque molestae auctorum extraneorum querelae, quibus silentium de patria sua iniquius exprobrare et vix non barbarici notam inurere, consueverunt— —.Detergendas pro virili rebar maculas istas, ne florentissimi olim regni imago nostra etiam culpa ad posteros, luto adspersa, transmittatur.— —Hoc (раскрытіе достоинствъ Угріи) vero ut audeam, praeter amoris natalis soli, quo quidem ulli cesserim, summorum virorum auctoritas effecit, monentium frequenter et serio, ne deessem patriae".

Бель сознаетъ себя членомъ „угорской націи, natio hungarica, populus hungaricus, magyar nemzet". Эта „угорская нація", главнымъ образомъ, представлена была дворянствомъ. Многіе „угорскіе" дворяне въ тогдашнія времена далеко не всегда были вполнѣ ознакомлены съ мадьярскимъ языкомъ— господствовалъ въ Угріи языкъ латинскій, бывшій для нея

---

[1]) Стр. 68.
[2]) Ib.

не мертвымъ, а живымъ [1])—но и они отождествляли понятія „hungarus" и „magyar", считали себя членами того мадьярскаго народа, который создалъ государство и игралъ въ немъ руководящую роль.

Понятно, что и Бель, какъ „hungarus=magyar", восхищается мадьярскимъ языкомъ, превозноситъ качества мадьярскаго народа (т. е., главнымъ образомъ, дворянства) [2]:

Der ungarische Sprachmeister [3]): „Da man sonst bei einer Sprache deren Gravität, bei einer andern deren Anmuth und so weiter bei der dritten zu rühmen pflegt: so ist unser ungarische Mundart diejenige, welche alle diese Eigenschaften überflüssig besitzet. Spricht ein Spanier nach seiner Grandezza prächtig und gravitätisch, so ist ein Ungar capabel ihm diesfalls die Stange zu halten. Kann ein Franzose mit schmeichelhaften Redensarten die Gemüther hinterschleichen und einnehmen: so ist ein Ungar, zumal ein tugendsamb beredtes Frauenzimmer im Stande, mit ihrer einnehmenden ungarischer Zunge nicht nur einen Menschen, sondern auch wilde Thiere zu bezwingen" [4]). „Pollet sane Hungaricus sermo non copia modo, sed perspicuitate et nativo quodam robore, ut quod animo concepisti, fuse possis et insigni cum elegantia, sine ulla peregrinarum vocum admixtione, edisserere" [5]).

„(Hungari), qui omnes viri nobiles sunt, culti admodum mores et magnificentiam compositi" [6]). „Hungari— —haud

---

[1]) Ср. Csaplovics, Gemälde von Ungern: „Die lateinische Sprache ist (напечатано въ 1829 г.) in Ungarn—wie man weiss—im steten Gebrauche. Sie ist gleichsam als eine *allgemeine Verbindungssprache* zu betrachten. Seit jeher verlegte sich Alles, was mehr als Elementarschulen besuchte; sie diente als Vehikel für alle Wissenschaften allen Völkerschaften. — — Die Sprache der *Magyaren* verhielt sich bis zum J. 1790 so wie die Sprachen der übrigen Völkerschaften, gleichsam nur *incognito* im Lande. Man nahm darauf, als auf die Sprache der Ungelehrten im öffentlichen Geschäftsleben so gut als keine Rücksicht" (I, стр. 218—219).

[2]) Не было ли здѣсь извѣстной и, можетъ быть, значительной доли дипломатіи, рѣшить, конечно, трудно. Ср. J. Vlček, Dejiny literatúry slovenskej, I, 1889, стр. 16.

[3]) См. выше, стр. 241, пр. 4.

[4]) Стр. 67.

[5]) Notitia, I, стр. 50. Съ неменьшей, впрочемъ, реторикой превозноситъ Бель и свою родную рѣчь: „Neque enim, si quid ex vero judicare poterimus, Hispanicae gravitate majestateque, blanditie ac facilitate Gallicae, Anglicae sublimitate efficacitategue, Germanicae sensus et emphaseos ubertate, lenitate ac suavitate Italicae, denique Hungaricae imperiosa illa severitate quidquam coucedit; ita absolutarum est qualitatum, si viri ea utantur docti, eloquentes et od socialitatem nati efformatique" (предисловіе къ „Grammatica Slavico-Bohemica" Долежала, Пресбургъ, 1746. См. J. Vlček, Dejiny literatúry slovenskej, I, стр. 16.)

[6]) Comitatus Scepusiensis, Prodromus, стр. 81.

quidem numero, dignitate tamen Slavis omnino sunt potiores. Nobilitas profecto omnis Hungarici est sanguinis, referens aviti moris decus, cum castigatum severitate, tum comitate contemperatum, haud adfectata" [1]). „Nullum enim iam discrimen inter Hungaros (вполнѣ ословачившимися) et Slavos dispicias— —, quamquam illi semper heroico quodam et facilioris vitae desiderio spirituque elatiore distingui ab his nitantur" [2]) и т. д.

Выше мы приводили слова Беля о постепенномъ умаленіи мадьяръ, вытѣсняемыхъ словаками или претворяемыхъ послѣдними въ словаковъ [3]). Добавимъ еще цитаты:

„Faecunditate generis (Slavi) antecellunt Hungaris atque ubi semel posuere sedes, ita brevi invalescunt, ut sementis ritu satos, non natos crederes. Coloniae, ante nos viginti aut triginta annos positae, ita iam domestica pube increverunt, ut novas iterum colonias, tamquam apes examina, possint deducere" [4]).

Но словаки, по его мнѣнію, опасны и для нѣмцевъ:

„Gens (Germanorum)— —eo forte infelix, quod decrescat in dies, brevi, nisi suarum rerum satagat, Slavis penitus concessura. Hi enim, non ruri modo, sed in urbibus etiam atque oppidis valentiores in dies facti, spem de se faciunt, ut ex parva, quam diximus, Saxonia, Slavoniam brevi efficiant, nisi iam effecisse putandi sunt" [5]).

О поглощеніи словаками мадьяръ Бель, какъ будто, говоритъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, хотя опредѣленно въ этомъ смыслѣ и не выражается. Между тѣмъ, у него находится одна фраза, которую можно приписать симпатіямъ его къ родному племени: „Non paucos (Hungaros) in nobilitate videas *linguam et mores Slavorum suos sibi fecisse; quod adeo nihil habet vitii, ut mereatur etiam commendationem*" [6]).

Какъ бы то ни было, когда идетъ у Беля рѣчь о народныхъ массахъ, онъ особенно восхваляетъ словаковъ:

„Inde a Ludovicorum imperatorum aetate usque ad nostra haec tempora Slavi heic insidebant. Ut audiendi non sunt, antiquitatis et historiarum ignari, qui, uti ignobiles ortus, ita turpia incrementa genti adfingunt, olim validissimae, iam vero

---

[1]) Comitatus Neogradiensis, Notitia, IV, стр. 26.
[2]) Comitatus Sárosiensis, ms. fol. lat. № 3783.
[3]) Стр. 100, пр. 3.
[4]) Comitatus Pest, Pilis, Solt, Notitia. III, стр. 27.
[5]) Comitatus Zoliensis, Notitia, II, стр. 403.
[6]) Comitatus Zoliensis, Notitia, II, стр. 401.

in iis censendae, quae sunt Hungariae nostrae multo omnium usitatissimae“ [1]).

„Post Hungaros natio altera Slavica est, priore multismodis copiosior et, si dicendum, quod res est, etiam laboriosior. Fit ea diligentia, ut et hic lucriosiores habeantur ii vici, quos Slavi, quam quos Hungari habitant. Colunt enim agrum frumentarium eo scrupulosius, quo est difficilioris agricolationis. Nam et arationes instituunt adcuratiores neque parcunt laetamini, ne habeant necessum messes accusare“ [2]). „Amant heri Slavos, undecunque confluentes, quod et solerter atque opinione celerius instruunt vicos, et agricolationi magna virium contentatione vacant“ [3]). „Laborum sunt tolerantissimi, rusticationis potissimum, quae passim cultu vineatico et agricolatione absolvitur. Utrumque operarum genus magna procurant industria, si ita ager ferat. Quantumvis autem laboriosissima sit natio, agit tamen hilariter, diebus inprimis festis, et si quae sunt a laboribus vacationes“ [4]).

„Slavi — — pauci humiles, proceri plures sunt, utrique robusti navandisque belli rebus magis, quam aliae gentes apti“ [5]).

„Slavis solidior (quam Germanis) indoles et ad litterarum studior aptior contingit. Proinde videas plerosque eorum primam aetatem, etsi postea ad colendum rus et perdiscendas artes illiberales accedant, in scholis extrahere atque illic ita imbibere linguam Latinam, ut subinde rem rusticam facientes ant in sutrina desudantes, latine invicem confabulentur“ [6]) и т. д.

Отношеніе Беля къ угрорусамъ, напротивъ того, презрительное, онъ упрекаетъ ихъ въ глупости, невѣжествѣ, грубомъ суевѣріи, склонности къ бродячей жизни и къ грабежамъ.

„Praeter Slavos, Sarmatas quoque habet terra nostra. Ruthenos vulgo dicunt, a Russis huc propagatum. — —Slavis solidior — — invicem confabulentur [7]). — — Sed Ruthenorum natio stupidior est, quam ut credi possit, nescio, na-

---

[1]) Comitatus Posoniensis, Notitia, I, стр. 53.
[2]) Comitatus Hontensis, Notitia, IV, стр. 550.
[3]) Comitatus Pest, Pilis, Solt, Notitia, III, стр. 27.
[4]) Comitatus Posoniensis, Notitia, I, стр. 53.
[5]) Comitatus Sárosiensis.
[6]) Comitatus Scepusiensis, Prodromus, стр. 81.
[7]) См. предшествующую выдержку.

turane, an educationis vitio? Sed revera utrinque destitutos perhibent, qui eos penitius norunt. Proni sunt ab latrocinia, quippe quibus infesta reddunt itinera“ [1]).

„(Slavi) Ruthenos et numero antestant et natalium dignitate“ [2]).

„Rutheni — — atrox et ignobile genus, Hungariae olim subrepens atque eodem loco diu perstare nescium“ [3]). „Karasz— —hoc unico infelix, quod a vagabunda Ruthenorum plebe insídeatur“ [4]). „Tass— — agro gaudet laxo admodum, ita fertili, sed qui partem maximam a Ruthenis, fece hominum, colitur negligentius“ [4]).

„Rutheni ruditatis habent plurimum“ [5]).

„(Rutheni), quod incultiore ingenio sint, obsidere itinera et viatores infestare, qua poterunt, pensi nihil duxerant. Inconditi enim ipsorum plurimi sunt et omnium virtutum ignari; aliquatenus equidem tincti religione Graecanica, pietatis tamen ignari“ [6]). См. также ниже выдержки изъ Описанія Земплинской сто́лицы.

Подобные отзывы отчасти слѣдуетъ объяснить дѣйствительно низкимъ уровнемъ, на которомъ стояли угроруссы. Но извѣстную роль сыграли, конечно, какъ вышеупомянутое, распространенное въ Угріи высокомѣрное отношеніе къ угроруссамъ [7]), такъ и личные взгляды лютеранскаго пастора на соединенныхъ съ католической церковью исповѣдниковъ восточнаго обряда и ученаго человѣка на необразованную массу.

Въ нашемъ изслѣдованіи мы многократно приводили показанія Беля о пребываніи въ томъ или другомъ поселеніи той или иной народности. Но какъ же отличалъ онъ русскихъ отъ словаковъ? Не руководился ли онъ различіемъ вѣроисповѣданій?

Мы думаемъ, что на этомъ вопросъ слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Полагаемъ, что и Бель, и лица, отъ которыхъ онъ получалъ свѣдѣнія, обращали вниманіе не на

---

1) Comitatus Scepusiensis, Prodromus, стр. 80—81.
2) Comitatus Abaújváriensis, ms. fol. lat., № 3211.
3) Comitatus Szabolcsensis, ms. fol. lat., № 3371.
4) Ib.
5) Comitatus Ugocsensis, ms. fol. lat., № 3375.
6) Comitatus Sárosiensis.
7) См. выше, стр. 110.

вѣроисповѣданіе, а именно на языкъ, которымъ говорилъ народъ, придавали значеніе именно тому, какъ народъ называлъ себя и свой языкъ, русскимъ или словацкимъ.

Изъ весьма многихъ мѣстъ Описаній видно, что Бель вообще очень интересовался рѣчью народа, стремился не только опредѣлить языкъ вообще, но отмѣчалъ и діалектическія разницы въ произношеніи одного и того же языка въ разныхъ мѣстностяхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ относительно словацкаго и русскаго языковъ:

„Dialectus (Slavorum) mirum in modum variat. Poloniae adfines idioma loquuntur fere Polonicum; Rutenicum contra, qui comitatum Sarosiensem accolunt; soli isti, qui intimiora comitatus tenent, propius ad Slavonismum vulgarem accedunt“ [1]).

„Bartfa — —. Hodie Slavi Germanis mixti sunt ac hi sane ex Polonorum contagio ore loquentes crasso et incondito; Eperies — — cives Germani, partim Slavi, Hungari pauci — —. Slavi imitantur partim Polonos, partim Russos adscistitio loquendi, qui parum leporis, inconditi et crassi multum admixtum habet“ [2]).

„Hámor — — incolae Slavi sunt, crassi fere et Ruthenici oris“ [3]).

„Lingua (Ruthenica) quoque Slavica, sed quae proxime Moscoviticam dialectum accidit“ [4]).

„Rutheni — —, quamvis lingua eadem (cum Slavis) sunt, diverso tamen loquendi modo, Russico magis seu Moscovitico, quam Polonico“ [5]).

Въ иныхъ случаяхъ Бель опредѣленно говоритъ не о народности, а о языкѣ населенія:

„Lenardvágás, Slavis Lenhardovce — — constat colonis — — *linguae* Slavicae, quamvis corruptae“; Dobo — — coloni *linguae* Slavicae“[6]).

Márk, Karcsand — — incolis Hungaris, Slavis mixtis; за ними: Falkus — — pari *lingua* et mixtura“[7]).

Вообще ничто не давало намъ повода для подозрѣнія,

---

[1]) Comitatus Scepusiensis, Prodromus, стр. 80.
[2]) Comitatus Sárosiensis.
[3]) Comitatus Abaújváriensis, ms. fol. lat., № 3211.
[4]) Comitatus Scepusiensis, Prodromus, стр. 80.
[5]) Comitatus Sárosiensis.
[6]) Comitatus Sárosiensis.
[7]) Comitatus Zempliniensis, ms. fol. lat. № 274.

чтобы Бель тамъ или здѣсь отдѣлялъ словаковъ отъ русскихъ по религіи[1]).

Но, съ другой стороны, Бель, какъ и Сирмаи считалъ, что всѣ русскіе, eo ipso, — уніаты[2]): „Olaszi — — pagellus — —, incolunt eum Rutheni, suo gaudentes delubro; Pritulyán — — cum delubro Ruthenico; Puczák — — incolitur a Ruthenis — —, quibus et delubrum est; Szerdahely — — advenae Rutheni, Hungaris mixti, quibus et delubrum est“[3]). Въ слѣдствіе этого изрѣдка онъ употребляетъ „Rutheni“ въ смыслѣ „уніатовъ“: „Huszt — — cives — — Hungari — —, partim sunt secuti religionem Reformatam, partim Rutheni, suo ritu sacra facientes“[4]); „K. et N. Bari — — incolae — — confessionis Helveticae, licet et his Rutheni quoque admisceantur“[5]).

Въ заключеніе печатаемъ выдержки изъ неизданныхъ Описаній Беля, могущія, какъ намъ кажется, представить извѣстный интересъ[6]).

---

[1]) Есть нѣсколько мѣстъ въ Описаніи Земплинской стólицы, гдѣ Бель опредѣляетъ только религію населенія, но не народность. Въ этихъ случаяхъ, вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ или переписчика, или даже самого Беля: совершенно ясно, что населеніе — словацкое „Mernik — — incolae Rutheni, *lutheranis* mixti“; тотчасъ за нимъ: „Thót-Kajňa — — incolae Rutheni, *Slavis lutheranis* mixti“; „F. Szitnicze — — incolis *Slavis lutheranis*; за ней: A. Szitnicze — — suppar priori — — colonis *lutheranis*“ и „Kosarócz — — coloni *lutherani*“, Hosszúmező“ (Izbugya) — — pagus *religionis catholicae*, Modra et K. Kemencze — — incolae *catholici*“: за ними: Helmeczke — — tuguria *Slavica religionis catholicae*, Jaszenó — — *Slavi catholici*“ и т. п.

Особенно ясенъ пропускъ: „Tóth Jablonya — — colonia *Slavica*“; за ней — Tóth Kriva — — eiusdem *religionis* colonia“. Очевидно, въ оригиналѣ при Tóth Jablonya стояла или colonia Slavica *lutherana*, или colonia Slavica *religionis catholicae*, иначе получилась бы полная безсмыслица.

[2]) Въ двухъ мѣстахъ Описанія Земплинской ст. можетъ показаться, что Бель говоритъ о русскихъ *католическаго* (т. е. римско-католическаго) вѣроисповѣданія: а) Sztropkó — — (Oppidani) Slavi sunt iidem, Polonis et Ruthenis mixti, *fidei omnes catholicae*“, но „*fidei omnes catholicae*“ относится къ подлежащему—„Slavi“; б) „Agyidócz“ — — pauculis Ruthenis catholicis“—вѣроятнѣе всего здѣсь или пропущено, или подразумѣвается „graeci ritus“.

[3]) Comitatus Zempliniensis; по конструкціи Беля, „quibus“ относится къ подлежащему.

[4]) Comitatus Máramorosiensis, ms. fol, lat. № 3379.

[5]) Comitatus Zempliniensis.

[6]) Хотя нѣкоторыя цитаты изъ нихъ уже помѣщены въ нашемъ изслѣдованіи, мы не считали возможнымъ исключать эти строчки, чтобы не нарушить связи изложенія.

Comitatus Szabolcsensis.

Membrum II.

§ I. Quinam, prisca illa aetate, regionem hanc omnem, qua a Carpatho in vastam circa Tibiscum planitiem diffunditur, populi coluerint, alibi diximus. Nunc videamus, quales iam Comitatus noster inquilinos habeat. Hungari ergo indigenae sunt, iam tum a duce *Szabólts* hic collocati, sed variis postea, quemadmodum historiae loquuntur, obnoxii vicissitudinibus. Nam ut conversiones illas taceamus, quae antiquis temporibus longeque remotissimis a memoria nostra evenerunt, certe, posteaquam infelix coepit esse Hungaria, non exterorum modo hostium impressionibus, sed civium etiam,quod saepissime evenit, discordiis atque caedibus mutuis, nescio, qua fati malignitate, plurimum semper Szaboltsensibus inflicta est calamitas. In primis, capto a Turcis diuque possesso *Varadino*, perpetuis sanguinolentae gentis incursionibus fatigabantur nostri: quas, quod inultas pati nequiverunt natura ad bellum facti homines, subinde ad arma convolabant. Varie autem, uti fit, praeliorum cadente alea diminuebantur incolae, hinc tumultuariis conflictibus adtriti, illinc abducti in atrocem foedamque captivitatem; quibus rebus fiebat, ut regio, incolis pedetentim exinanita, ad vastam redigeretur solitudinem. Est enim hoc in malis Hungariae reponendum, ut, si quod propugnaculorum, (quae) fortalitia vocant, occupavit semel hostis immanissimus, totam, quae ei late circumposita est, regionem depopuletur atque pessundet. Hinc urbium, arcium, vicorumque rudera, passim iis locis iacentia, quae iniquissima gens aut incolebat olim, aut vicinitate contingebat. Idem istud malum Comitatum quoque Szaboltsensem adflixit, et incolis, et flore pristino exuit, iamque in causa est, ut multis modis pauciores habeat colonos, quam pro amplitudine provinciae (habere potuerit). Enimvero, si regio, tam late porrecta, ad eum modum coleretur, atque iisdem frequentaretur vicis et inquilinorum copia, quem aliquando maiores nostri istic viderunt, iste Comitatus in lautissimis iure haberi posset. Nemo itaque mirabitur, si pauciores, quam putarat, *Hungaros*, apud Szaboltsenses recensuerimus: nondum enim pristinae illae clades ita sunt obliteratae, quin earum extantia adhuc vestigia possint notari.

§ II. Mores gentis consimiles sunt iis, quos in aliis

Comitatibus memoravimus. Nam est hoc in laudibus *Hungarorum* nostrorum, inprimis, qui intimius regionem colunt, ut prisci moris tenaces sint, neque patrios ritus et consuetudines migrent. Certe, qui nobili loco sunt nati, generis dignitatem mordicus tuentur, nec quidquam molestius ferunt, quam si praerogativam suam laedi videant. Quia enim prisci illi Hungari, non, sicuti hodie fieri videas, pecuniis, sed sanguine et rebus, pro rege et patria fortiter gestis, nobilitatis parare solebant axioma, turpe atque indecorum ducunt eorum posteri, si tanto partam impendio praeeminentiam negligerent: nisi forte in degeneres inciderint posteros haec istiusmodi maiorum merita. Si usquam alias, heic olim inprimis virorum innotuit fortitudo. — —

Contra, rustici, et qui sunt illiberalius educati, multum simplicitatis videntur prae se ferre. Victus eis simplex, vestis negligenter facta, potissimum armentariis, qui peronem pedi, pelles corpori reliquo, circumdant. — —

Neque id fieri potest aliter a gente pauperrima, et quae, si rei pecuariae quaestum excipias qui tamen neque omnium est neque lucrosus semper, nihil habet residui, quam quod vitae sufficiat quomodocunque sustentandae. Quibus res familiaris lautior contigit, liberalius et vivunt, et amiciuntur. Inprimis uxores suas, dum iuvenculae sunt et forma valent, decore vestiunt. Equidem, saepe miratus fui rusticum Hungarum hirto intonsoque ore Satyrum credidisses, uxorem ductitasse, cum venustate commendabilem, tum vestitam ultra agreste illorum decorum. Sollicissime vero observant suas istas Camillas, neque poterunt ferre, si vel ob iter cum aliis sermonem misceant: adeo illi suas sibi uxores habere volunt, sed et aliis relinquunt intemeratas, more longe laudatiore, quam id apud exteras gentes fieri videas, ubi plerumque, etiam in ultima plebe, matrimonii obtentus promiscue libidini consuevit patrocinari. Ceterum rustici Hungari, ab iis cladibus, quarum mentio iniecta est, residui et horum posteri, iure hereditario dominis suis obstricti sunt, iisdemque legibus tenentur, quibus reliqua Hungarorum servitus, de qua alibi ex instituto (?). Atque his pene omnibus religio Calviniana est.

§ III. Hungaris, quod diximus, adtenuatis, ne regio inculta prorsus iaceret, *Rutheni* in supplementum dati sunt. Atrox et ignobile genus, Hungariae olim subrepens atque eodem

loco diu perstare nescium. Quia enim iure hereditario nulli sunt obnoxii, sedes, cum lubet, immutant et susceptis susque deque migrationibus, alibi aestatem, hiemem alibi, transmittunt. Quod tunc inprimis faciunt, cum vel heros indipiscuntur, non undequaque commodos, vel a tributis immunes se praestare volunt: quae res non dominis tantum terrestribus, sed et provinciae universae omnino damnosa est: illi enim[1]) annuo reditu aut tributariis eorum operis frustrantur, haec vero praestando censui, qui publice imperatur, impar redditur, quando, quos in censum retulit, vicos, cum is percipiendus est, vacuos incolis inanesque deprehendit: id, quod inter calamitates, cum plurium, tum huius inprimis Comitatus referendum omnino est.

Comitatus Zempliniensis.

Membrum II.

§ II. Etsi olim *Hungari* partem comitatus potiorem obtinebant, hodie tamen paucissimis locis tenentur. Hinc atque inde per Submontanam et Interamnanam oram atque circa confluxum Bodrogi et qua vallis ab Ujhely versus Szalanczam, nonnullos sparsim offendimus, sed raro et illic solos, quin Slavis atque Ruthenis Polonisque essent permixti. Equidem in pagis Czigand atque Karád vix alii incolunt, praeter Hungaros, sed eos a commixtione nil aliud liberat, quam quod loco habitant tam abstruso tamque difficili, ut nemo vel accedere alius, multominus miscere cum ipsis velit, alioquin hi etiam sensim paulatimque incipiunt collabi.

Dici enim nequit, quantopere natio Hungarica deficiat. Nam vel migrant sedibus Slavis relictis, antequam aequum rehabeant, quem eis dederant olim pro eisdem, vel, si manent et cohabitant, non propagantur. Quum aliis ternam quaternamque et senam prolem videas, Hungaris vix singula binaque est. Eadem quoque societate Slavorum non in mores eorum modo, sed linguam transit, maioribusque sensim morientibus, ipsa paulatim in Slavos degenerat. Sed et seniores qui sunt, olim linguae

---

[1]) Rustici istiusmodi *taxales* dicuntur, eo quod *domino terrestri* annis singulis *taxam unius imperialis* solvant, aut tributarias operas dierum duodecem praestent, cetera ab omni onere, quod rusticis hereditariis incumbat, liberi.

eius ignari, nunc Slavice ita multi sermocinantur, tamquam Slavi nati esse viderentur. Neque aliud retinent a sua gente, quam quod et ipsi adhuc linguam illius callent et vestitu pari incedunt, quamvis et hunc sensim commutent cum moribus, quos noviter induunt. Nullum enim iam discrimen inter Hungaros et Slavos dispicias, sive connubia spectes, sive consuetudines alias, quamquam illi semper heroico quodam et facilioris vitae desiderio spirituque elatiore distingui ab his nitantur.

§ III. *Germanorum* vix aliqui modici iidemque advenae vel milites, rude donati ideoque sorte pressi, Tocaini quaestus aut opificiorum causa nidulantur. Contra *Slavi* ubique vel maxime convalescunt. Quemadmodum deficiunt Hungari, ita Slavi proficiunt, etsi non tam opibus, quam colonia. Vix unum vicum videas sine Slavis, iique vel olim iam hic consederant et familia copiosa sunt propagati, vel advolant quotidie alii, Oravi, Vandali, Russi, Poloni, infinita morum, et sermonis diversitate, atque iidem, qua civitatem cum Hungaris iniverunt, eorum non tantum linguam curate addiscunt, sed aemulantur studium, industriam, mores, vestitum, reliqua. Id plurimum conservationi Hungaris est, quod Slavi hic in Hungaros degeneres propagant, si non sanguinem Hungaricum, saltem sermonem, et mores secus. Nisi Hungari a Slavis conservarentur, Hungari multo citius deficerent. Id unicum in gente Slavica, quae huc confluit, adprobare nequeo, quod sede, quam delegerunt, contineri nequeunt, sed vagorum instar pecorum loco durant, donec esca est, ea consumpta, pergunt ultro, et modica qualibet adversa tempestatula vel nimirum herorum severitate vel communi temporum sorte pertaesi, diffugiunt, vesana spe alibi facilius nidulandi, eamque dum nusquam consequuntur, manent nusquam, sed perpetuo vagantur. Id licet et Hungarorum multi factitent, nihilo tamen sunt feliciores Slavis, quin potius nullam eiusmodi gente Slava simul et Hungara reperiri hac regione miseriorem aliam. Caeterum lingua Slavorum undecunque venerint, hac in ora Ruthenica plurimum conformatur. Sed etsi mores vestesque Ruthenas imitantur, qui cum illis habitant, interea dum Ruthenis ita miscentur, inspirant eisdem quoque consultudinem vagandi, quum alioquin gens haec difficilius migret locum, quem delegit, nisi mandato deducta, uti in vico Szerdahely, et alibi vidimus.

§ IV. Ex iis, quae dicta sunt, facile est ad colligendum Ruthenos quoque Comitatum nostrum tenere. Ii nihil sunt aliud, quam reliquiae Sarmatarum, qui olim iam hic incolebant. Manserunt enim imprimis, qui abstrusos et montosos illos recessus habitabant. Neque turbabantur locis gentibus, quae potentiores supervenerant, sorte ingratis, praesertim, quod ipsi rudes facile se iugo quorumvis fortiorum subiecerant, sed quod subinde et isti alios super alios, vel ex cultioribus, vel etiam horridis Moschis miscebantur. Theodorus Foederovits, Dux Albae Russiae, cum multis centenis familiis deducta in Hungariam colonia montes Lupi impetravit exstirpatisque iisdem Ruthenos post se reliquit, uti id ex Claustro D. Nicolai Graeci Ritus in Ungvariensi Comitatu disci potest. Ab illis aeque religionem antiquatam, quam adhuc colunt, moresque feros hauserunt. Erant enim olim moribus efferatis, latrocinarique passim, insidere vias, et mercatores aliosque homines, quos offenderant, depraedare, exuere interficereque pensi nihil plane ducebant.

Certe moti motibus quibusvis, sive civilibus, sive externis et bellis aegre aliquos admiserunt milites, quin perimerint, ideoque tutius (se) habebant semper, quam alii. Id praecipue in more ipsorum positum erat, quod nullis inter se viis tritis commeabant, sed, prout sunt agiles, quilibet, quo proficisci contendebat, viam sibi, qua volebat, per abstrusa et densissima silvarum aperiebat, ea re nil morabatur, quin locum, quem petiit ipse, attingeret. Alios autem perigrinos, cum aviarent, plerumque ex inproviso adoriebantur, et occupabant. Eiusmodi viarum morem nos inter eos adhuc passim observavimus, neque dum indolem illam efferatam ipsi penitus deposuerunt, quin hodie nam eandem exercerent, si liceret.

Sed quod post Deum, sedente ad Clavum Regni Augustissimo Carolo nostro omnes Hungariae partes, quiete, a saeculis inaudita, disciplinaque, cuilibet loco conformi, diriguntur, hic etiam audet nemo turbare pacem, quin severe in omnes, qui vel modice saltem excedant et aliqua minima latrocinii indicia foveant, publica statim magistratus auctoritate animadvertatur. Itaque tuta et hic ubique itinera sunt, tuti transitus, sed et fide Religioneque in Deum accesserant, propius ad Romanos seu Catholicos. Nam quod olim rigidius, ad Ritus suos adstricti, infantes nunquam recens natos, sed post annum biennium, interdum et tardius ex sacro lavacro sus-

cipiebant, hodie id plurimi improbarunt, amplexi unionem Ecclesiae Catholicae, etsi non penitus eodem modo, conformius tamen paulo, quam antea, neque ea tarditate lavacri perfruuntur.

Sed Rutheni etiam hac in ora duorum sunt generum; alii obtinent fines Comitatus versus Provinciam Saarosiensem, alii versus Ungvariensem. Utramque oram incolae adpellant *Krajnam*, hoc est fines seu oram finitimam, quorum hic utraque montibus partim apertis, partim silvestribus constat, editis tamen et subinde aliis super alios altioribus, quos a parte Ditionis Homonnensis nominamus *montes Lupi*, atque inter eiusmodi et alios montes editos, interiectis eiusmodi profundissimis vallibus incolunt Rutheni nostri utriusque generis. Hi ergo Rutheni, qui propius ad Saarosienses accedunt, propiores quoque moribus melioribus sunt. Et praeter quam, quod in sanctissimo lavacro Catholicis paulum accedunt, etiam in connubiis sepulturisque ab antiquo ritu remittunt, nam quod ad connubia attinet, olim vel iusto teneriori aetate puellas, quinquennes, sexennes, et id genus viro immaturas sibi spondebant, translatique in aedes parentum, cum matribus concumbebant, dum filiae maturescerent, vel maturas invitis ipsis parentibusque coniugabant sibi raptu. Nimirum dum votorum causa ad *Krasznobrod* vel alias etiam, uti adhuc moris est, religiosa peregrinatione, vulgo Processione excursabant, publice, quam quis adamarat, virginem, licet redamantem parentibusque invitis et contrariis raptabant adactoque sacerdote copulabantur. Eo tamen amplius modo vel non audent nubere iam prohibiti, vel nolunt ipsi, quamvis non desint, qui, paternis moribus inescati, difficulter abstinent, qui sive trahantur desiderio eiusmodi connubiorum lavacrorumque, vel exerceant, dum poterunt. Saltem non desunt, qui Baptismum in aliquot menses quoque, imo in annum differant.

Contra illi, quos Ungvariensibus diximus viciniores, tenaciores sunt quoque horum omnium, et, dum licet, usque huc rapiuntur adultiores, et adolescentium vices matres supplent, dum ipsaemet virum valeant amplecti, alioquin nuptias utrinque ritu fere eodem dignoque, qui hic inseratur, celebrant. Sponsus qui est, eodem die, quo nuptias instituere destinaverat, iuvenes sui similes, quanta poterit frequentia, convocat, iisdemque comitibus cristatis et equis iniectis, ipse etiam

eques et exornatus, praeeunte vexillifero atque musica ad domicilium sponsae proficiscitur. Atque ea occasione, qua iter facit, inter choreas et applausus acclamationesque sociorum adeo sibi superbit, ut nemini, quantumvis hero, via cedat, sed regis instar sibi ea die viam, sibi praecedentem, honoremque vindicat. Et revera a suis comitibus rex habetur compesciturque severe, qui eum hac dignitate colere nolit. Et quia iuventus ipsa plerumque capestice satur et ebria licentius eiusmodi solemnitate exorbitat, deviari consuevit a quolibet, ne efferata eadem licentia in molestias ducatur. Aloquin, ubi ad parentes sponsae perventum est, post aliquas modicas caerimonias, inter quas sponsa illico obnubitur et serto velo imposito sponso redditur, ad aedem sacram Ritus gratia, pari equitum et musicae comitatu sponsus pileatus cum sponsa exornata ducitur et reducitur. Redeunti autem sponsae mater pronuba panem, vola tritici, silliginis, hordei vel etiam avenae alteriusque seminis leguminisque perspersum onustamque capiti manum imponit datoque voto omnis generis felicitatis benedicit. Tum pariter inter choreas et concertus musicae accumbatur mensae, peractisque omnibus sponsa deducitur praeeuntibus amicis et faeminis ad ipsum thorum. Atque ea occasione, dici nequit, quantis convivae et iuventus, *Parobkos* vocant, distringuntur laetitiis et gaudii indiciis. Post aliquot dies sponsa, dum ad suos parentes redit, iteratis ibidem excipitur conviviis, quem ritum ipsi adpellant *Pridani*.

Haec de nuptiis. Sepulturam instituunt hoc modo. Impositum tumbae cadaver defertur in delubrum nec operculatur prius, quam a singulis amicis oscula extrema accipiat. Peractis enim iustorum solennibus prodeunt ex ordine parentes aut consanguinei patensque cadaver osculo devovent humo singuli et postea coopertum imponunt sepulcro. Longum foret omnia, quae inaudita aliis sunt, enarrare. Est enim plebs infinitis dedita superstitionibus. Alioquin rudis ipsa disciplinam qualemcunque rigidam ex ore suorum sacerdotum amplectitur. Ieiuniis multo acrioribus intendit, quam aut Traces, aut Graeci. Potissima anni parte furfurica, Hungaris czibere, ipsis *Kiszel*, faba item, leguminibus, aqua et sale incoctis, aut pomis vescitur. Ovis, lacte, caseo, butyro aut id genus pingui esculento nequidem extra ieiunia nimium gaudet. Pisces adhibet, dum adsunt, sed nec eos saepius. Carnes autem multi ne

semel in anno vident. Ceterum panis ex avena est, lolli et fabis mixta, vestis gausape et cento, perones pro calceis, et pro domibus tuguria, fumantibus interne furnis, et tenui squallidaque supellectile. Faeminis ipsorum non eadem ubique vela sunt, sed aliae obnubunt caput more Slavorum, Hungarorum aliae, alii appendunt a sincipite lemniscos, cornuorum specie.

Comitatus Sárosiensis.

Membrum II.

§ II. Slavi— —pauci humiles, proceri plures sunt, utrique robusti navandisque belli rebus magis, quam aliae gentes apti. Ea re fit, ut cum vires exercendi modo careant, latrociniis deduntur, tametsi id factitent magis Rutheni [1]).

Hi enim, quod incultiore ingenio sint, obsidere itinera et viatores infestare, qua poterunt, pensi nihil duxerant. Inconditi enim ipsorum plurimi sunt et omnium virtutum ignari; aliquatenus equidem tincti religione Graecanica, pietatis tamen ignari (— —; они пришли сюда при Людовикѣ I, sub ductu Francisci Querkovicsy), montosas silvisque obductas et usque ad adventum eorum incultas plagas inundarunt, exstirpatisque arboribus non domicilia sibi solum fixerunt, verum agros et prata improbo et indefesso labore exciderunt. Ea de causa, tunc ab omnibus Datiis et alia Decimarum praestatione immunitati, hodie quoque eadem libertate fruuntur totumque fere Dominium Makovicza constituunt. Ubi quia commode subsistere non poterant, etiam in bona nobilium effusi, simili operae pedem fixere, uti Franczvagas, Valhvagas, Palvagas, in bonis Kapianis Vagas, Petervagas, Mathevagas, quibus nomen dederunt Hungari ab illis, qui primum et sub cuius dieta opus exstirpationis factum, uti adhuc Lenartvagas, Paalvagas, Andrevagas essent. Unde ob copiam Ruthenorum dignum videbatur Dominium Makovicza insigniri titulo Ducatus, quo novis etiam temporibus familia Rákóczy usa.

Ceteroquin modo vestitus victusque accedunt Slavis, et quamvis lingua etiam eadem sint, diverso tamen loquendi modo, Russico magis seu Moscovitico, quam Polonico.

---

[1]) Horum (Ruthenorum) ingenium ii quoque ex Slavis aemulantur, qui Poloniae fines habitant; si tamen hi non Polonis potius, quam Slavis sini accensendi (Comitatus Scepusiensis, Prodromus, стр. 81).

Comitatus Abaújváriensis.

Membrum II.

§ I. Colunt regionem Hungari potissimum, avitum genus et pulsis subactisve primis incolis hic collocatum. (Первоначальное населеніе) Sarmaticum genus quoddam fuisse oportet, quod, subactum licet ab Hunnis — — et Hungaris posterioribus, permansit tamen in suis sedibus, montanis potissimum, sicuti id ex Sarmatarum et Ruthenorum, heic adhuc colentium reliquis liquido colligas, quippe qui et linguae dialecto et moribus a genuinis Slavis multum discreti, Sarmaticam produnt originem, non alio commodius, quam ad primos regionis incolas, *Slavos*, qui Ruthenos et numero antestant et natalium dignitate, dici oportere: quippe, uti linguae dialecto, ita moribus etiam et convictu a Ruthenis discreti vetustatemque referentes, multis se indiciis ostentantem. — — Certe Slavos tardius in has oras accessisse pronum foret demonstrare, nisi ea de re iudicium dictum fuisset saepius.

§ II. Hungari (очень ослаблены нападеніями турокъ, татаръ, поляковъ), et, quod turpe dictu est, Hungarorum etiam incursionibus. — — Ita — — certe multum deminutis Hungaris, Slavi — — montium lustra habitantes, iuxta et Rutheni, succedebant — —.

De re rustica Hungarorum.

Для образчика приводимъ и одинъ параграфъ изъ трактата Беля „De re rustica Hungarorum“.

Вотъ перечень главъ Трактата:

Prolegomena. De negotiis rusticis generatim. De re pecuaria Hungariae. De pecudibus maioribus. De pecudibus minoribus. De pecoris Hungarici comparatione, conservatione et usurpatione. De curis agrorum. De foenisecio, messe, trituratione, granariis et distractione. De negotiis domesticis seu villaticis. De villis Hungaricis. De adminiculis et hominibus villaticis. De animantibus villaticis. De hortis agrestibus. De hortis olitoriis. De pomariis. De viridariis. De hortis medicis. De apibus. De venatione. De aucupio.

Каждая глава разбита на §§-ы по народностямъ.

De villis Hungaricis [1]).

§ 5. A Slavis non multum differunt Russi. Adfinis namque et lingua Russorum Slavicae est, et modus villas exstruendi seu exaedificandi. Nam neque Russi fabris egent lignariis et structuram ducunt Slavicae haud multum dissimilem. Ex trabibus aedes construunt iisque non edolatis, si nodosae sint, sed uti sunt adlatae ex montibus, si illud excipias, quod in ligaturis compacturisque aliqua modica obtruncatione opus habet. Deinde, quod in montibus Russi plerumque villas ponunt, non ita cohaerent, ut Slavicae, sed hinc inde, ubi cui opportunus videtur locus, iacto modico fundamento, domum exstruunt. Praeter hypocaustum unum, dormitorium unum, uno stabulo, plus non adstruit, nisi facultate pollent, paucis cortes adiungant, quum pecude careant. Hinc lupis a tergo et fronte libera transeundi facultas, canibus perniciosa non raro esse solet.

Descriptio comitatus Bereghiensis.

Descriptio comitatus Bereghiensis, составленное Лавренчикомъ въ дополненіе неполнаго Описанія Беля, не особенно богато содержаніемъ.

Вотъ, для примѣра, три параграфа:

§ II. *Hungari*, qui meridionalem potissimum incolunt comitatus plagam, sunt tenaces veterum institutorum. Vivunt suo quodam et inveterato ritu, nulla cultus habita ratione, sunt oris crassi, compacto corpore, laboris, rusticationis patientes et pro modulo suo hospitales. At qui nobiles et ruri praetoriisque suis habitant, veri Hungari sunt excelsioris animi, qui referunt omnino prisci moris insigne decus.

Post Hungaros altera natio *Ruthenica* est, priori copiosior, sed, si dicendum, quod res est, ignavior et segnior, moribus degit suae genti familiaribus, panis fagopyraceus ex zea mays, fabae, phaseoli, solana tuberosa ei cibus gratissimus est. Educat pecus domesticum, ut sit, quod partim sub iugum mittat, partim ad victum et amictum sufficiat. Vestes Ruthenis cum Hungaris eaedem sunt fere, nam utrisque lacernae perones placent; Hungari tamen cuneatis pileis, rotundis Rutheni utuntur.

---

[1]) § 2. Hungari, § 3. Germani, § 4. Slavi, § 6. Croatae, § 7. Valachi.

Germanorum hac ora gens multae in curanda oeconomia est industriae, onerum tollerans et reipublicae utilis. Vivit parvo, perpetuis laboribus durata atque rem familiarem curat diligentissime. Patentalibus provisa, à laboribus dominalibus libera est.

Slavi cultu, victu, sermone et toto vitae actu multum a prioribus distant, colunt agrum frumentarium accuratissime et diligentissime, ne habeant necessum messem accusare.

Bohemi Sophiopolitani a laboribus dominalibus pariter exemti, rus, quo gaudent, colunt ad stuporem. Castigati his sunt mores, amictus cultior, victus melior.

§ III. Incolarum comitatus huius occupatio tota fere agricolationis laboribus absolvitur, quae sicuti late patet, ita hos quidem res pecuaria, alios frumentaria, vineaticus cultus alios delectat. Montium incolae rusticum genus cum rem agrariam, nunc pecuariam impensius colunt. Quem hinc fructum collegerunt, in oppida invehunt, Munkatsinum praesertim, cuius hebdomadarios mercatus frequenter faciunt. Boves et equos rarius montium incolae vendunt, vaccas saepius, frequentius, qui planam regionem incolunt; porcos quoque ad eadem loca propellunt. Qui serendis frugibus et fagopyro (zeae mays) dediti sunt, ita anni operas dispescunt, ut nulla hora ipsis sine occupatione difluat.

Quod ager tulit, excussum in parte ad oppidorum mercatus deferunt. Sunt praeterea, qui rei apiariae cum fructu student, et quibus piscium et cancrorum mercatura in lucris est, ut butyri, casei, lini proventum taceamus. Ex vino autem qualis proventus sit, nemo non existimare potest. Id caeterum fatendum, quod multi improbo labore coactum vinum aut aere exiguo, antequam maturus erit in vite vel dolus prodigere cogantur, aut, quod saepe fit, mutuis conviviis exsorbeant.

§ IV. Agrestes hi labores fuere. Non desunt, qui opificiis pro regionis ingenio communibus iis et neccessariis distinantur. Oppidorum Munkáts et Bereghszáz incolae singulares sunt mechanici et illiberalium artium studiosi, sua contubernia, suos coetus habentes et ab optimo Rege iuribus peculiaribus donati. Iudaei nimirum quantum multiplicati cum mercibus quaestum faciunt. Qui e plebe rustica studia literarum excolant, pauci sunt. Oppidani perpauci liberos suos ad scholas mittunt, nobiles adolescentiam formant melioribus literis.

№ 4. Объ архивахъ Угріи и о нѣкоторыхъ серіяхъ архивныхъ документовъ [1]).

Не будетъ, думаемъ, вполнѣ безполезнымъ сообщить хотя бы краткія свѣдѣнія объ угорскихъ архивахъ, по скольку въ нихъ находится матеріалъ для изученія прошлаго угроруссовъ.

Прежде всего слѣдуетъ остановиться на архивахъ епархій Пряшевской и Мукачевской, какъ имѣющихъ спеціальное значеніе для угорской Руси.

Объ архивѣ Пряшевской епархіи распространяться не приходится: послѣ выдѣленія въ 1821 году части приходовъ Мукачевской епархіи въ самостоятельную епархію Пряшевскую, въ Пряшевъ были переданы документы Мукачевскаго архива, относящіеся къ означеннымъ приходамъ.

Архивъ Мукачевской епархіи находится въ Унгварѣ и занимаетъ въ резиденціи епископа одну весьма большую комнату, уставленную шкафами, въ которыхъ по отдѣламъ и, въ каждомъ, по номерамъ разложены документы, не совсѣмъ впрочемъ, въ должномъ порядкѣ.

Лишь въ 1907 г. мы были допущены въ архивъ, благодаря просвѣщенной любезности преосвященнаго епископа Юлія (Фирцака), давшаго намъ разрѣшеніе. Къ сожалѣнію, это было уже въ концѣ нашего пребыванія въ Угріи, и мы могли пробыть въ Унгварѣ только три дня, ознакомив-

---

[1]) На основаніи слѣдующихъ работъ: F. Zimmermann, Ueber Archive in Ungarn. Ein Führer durch ungarländische und siebenbürgische Archive (Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde, Neue Folge, XXIII, 1890, стр. 617—746); Pauler Gy., A magyar királyi országos levéltár (Magyar könyvszemle, Uj folyam, 1892—1893, стр. 122—130): Tagányi K., I. A régi országos levéltár, 1897 (13 стр.); II. A magyar udvari kanczelláriai levéltár, 1898. (25 стр.). Az erdélyi udvari kanczelláriai levéltár, 1898, (12 стр.) (въ A. m. kir. országos levéltár ismertetése), а также и на основаніи личнаго знакомства съ нѣкоторыми архивами.

шись лишь съ индексомъ архива и съ очень ограниченнымъ числомъ особо заинтересовавшихъ насъ документовъ.

Индексъ или Repertorium состоитъ изъ трехъ толстыхъ томовъ in folio, въ кожаномъ переплетѣ. Въ немъ, по алфавиту главныхъ именъ каждаго документа или по руководящимъ его словамъ [1]), передано вкратцѣ содержаніе отдѣльныхъ документовъ [2]), указанъ отдѣлъ архива и №.

Въ первомъ томѣ—буквы съ *A* до *H* (исписано 466 стр.), во второмъ—съ *I* до *Q* (исписано 412 стр.), въ третьемъ—съ *R* до *Z* (исписано 304 стр.).

До 1807—1808 гг. индексъ писанъ одной и той же рукой, потомъ—приблизительно, до половины 20-хъ годовъ XIX в.—разными почерками. Новѣйшіе документы въ него не занесены.

По устному сообщенію венгерскаго ученаго, д-ра А. Годинки [3]), индексъ составленъ Годермарскимъ [4]) и Хорватомъ въ 1820 г. Судя по нижеприводимой записи въ индексѣ, первому принадлежитъ основная часть индекса до 1807—1808 гг., подъ руководствомъ же послѣдняго сдѣланы позднѣйшія дополненія.

Важнѣйшіе отдѣлы архива въ алфавитномъ порядкѣ: Agriensia; Apostatarum acta; Cathalogi dioecesani et decanatuum; Consistorialia; Contributionalia; Ecclesiarum et aedificiorum acta in genere; Ecclesiastica in genere; Fundationalia; Graeci ritus non unitorum acta; Juridica; Litteraria in genere; Monastica; Nominationes, confirmationes, installationes episcoporum; Politica; Privilegia et protectionales; Proventus in genere; Regulationis acta in genere; Religionaria; Urbarialia; Vacantiae et conditiones in genere.

Кромѣ того, какъ видно изъ записи на оборотѣ заглавной обложки, многія, и иногда интересныя серіи документовъ остались не внесенными въ индексъ: De ecclesiarum parochorum, cantorum aut aliorum servitorum fundis; De ecclesiis, il-

---

[1]) Поэтому иные документы занесены въ двухъ, трехъ мѣстахъ.

[2]) Подъ каждой буквой въ хронологическомъ, не строго выдержанномъ порядкѣ.

[3]) О немъ см. выше, стр. 37, пр. 2.

[4]) О Годермарскомъ помѣщены въ индексѣ подъ буквой *H* нѣкоторыя свѣдѣнія: „Hodermárszky Martinus, qui anno 1784 in Cassoviensi Regia Academia juridica anni secundi praelectionibus terminatis Budae fine linguae germanicae condiscendae (былъ отправленъ), приглашенъ затѣмъ въ Мукачевъ, какъ consistorialis fiscalis“ (адвокатъ, юрисконсультъ).

larum benedictionibus, episcoporum residentiis, parochorum, presbyterialistarum, seminariorum et cantorum aedificiis nec non praeviorum supellectili; De praesentis; De vacantiis, candidationibus, collationibus et installationibus abbatum, praepositorum, canonicorum, vicariorum, archi- et vicediaconorum, concursibus pro beneficiis parochialibus, parochorum, coadjutorum, capellanorum, administratorum formatis investituris ac syndicorum constitutionibus et mutationibus eorumque eatenus instantiis ac aliorum commendationibus, a beneficiis suspensionibus, cassationibus vel spontaneis resignationibus, ordinandorum commendationibus, ordinatorum cathalogis; De conscriptionibus, regulatione districtuum et parochiarum; De ecclesiarum, ecclesiasticorum, canonicorum, vicariorum, parochorum et cantorum omnis generis proventibus, laboribus diurnis praestari solitis, nec non rationibus ecclesiarum; De militaribus, in specie et parte graeco-catholicos tangentibus; De litterariis in specie, quae omnia secundum comitatus et initiales possessionum litteras; De congregationibus et informationibus cleri dioeceseos et servitorum, quae cujusvis anni secundum comitatus et districtus; De excessibus, defectibus cleri et servitorum ac parochianorum; De privatorum privatis scriptis, correspondentiis, quae iterum secundum alphabetum cognominum et possessionum distributa sunt et sine Repertorio facile reperiri possunt, ad Repertorium non intrarunt ac proinde ope ejusdem haud quaerenda venient“.

Документы архива относятся, главнымъ образомъ, къ XVIII и началу XIX в., болѣе ранняго времени—довольно мало, изъ XVII в. преимущественно litterae scultetiales, litterae keneziatus, сохранявшія свою силу до урбаріальной регуляціи Маріи Терезы, рѣдко—иного содержанія; отъ предшествующихъ столѣтій—лишь единицами и то болѣе въ позднѣйшихъ копіяхъ.

Такая бѣдность архива старыми документмми вполнѣ объясняется превратностями судьбы епископской каѳедры и ея представителей [1]), но, несомнѣнно, свою лепту внесъ и приведшій архивъ въ порядокъ тотъ же Годермарскій—ненужные для практической цѣли документы т. е., именно,

[1]) Наиболѣе важныя грамоты сдавались на храненіе въ loca credibilia; см. ниже.

конечно, болѣе древніе были имъ отобраны и сожжены: „(Hodermárszky) archivum hoc, ab initio episcopatus hujus indigestum, a multis *inutilibus, longa annorum serie congestis actis*, quae tamen, tamquam *non necessaria* adinventa fuerunt, combusta sunt; repurgare— —(et) in ordinem redigere coepit— —.Idem archivum usque annum 1803 inclusive, cum sibi adjunctorum successivorum adminiculo effective ad debitam suam consistentiam perduxit" [1]).

Къ счастью, одна изъ древнѣйшихъ грамотъ Мукачевской епархіи сохранилась и въ оригиналѣ [2]), и въ нѣсколькихъ позднѣйшихъ копіяхъ [3]). Это—декретъ Владислава II 1491 г. [4]) въ пользу епископа Іоанна, жаловавшагося на священниковъ и крестьянъ, отказывавшихся платить епископу „proventus, (qui) sibi et dictae ecclesiae ex vetusta consuetudine provenire debent" [5]).

Любопытно, что и въ эту грамоту вкрался подлогъ: „Exposuit nobis fidelis noster reverendus Ioannes episcopus Ruthenorum in claustro b."—далѣе нѣсколько словъ выскоблено, и по разурѣ иной рукой и иными чернилами написано „Michaelis Archangeli in Maramař"; за этимъ—продолженіе первоначальнаго текста: „ritu graecorum fundato commorans" и т. д. Такъ какъ при подчисткѣ уцѣлѣла часть буквы *N.*, то очевидно, въ оригиналѣ было: „Nicolai confessoris" т. е. въ Мукачевскомъ.

Поддѣлку замѣтилъ еще въ Лучкаи въ 40-хъ годахъ XIX в. [6]), и его слова напечаталъ Дулишковичъ въ 1875 г. [7]). Она ясно видна простому глазу, особенно же отчетливо выступаетъ на снимкѣ, сдѣланномъ для насъ въ 1907 г. однимъ Унгварскимъ фотографомъ [8]).

---

[1]) Продолженіе записи индекса о Годермарскомъ.

[2]) На бумагѣ, 33×27 сант.

[3]) Proventus in genere № 4 и Religionaria, sub voce Ruthenorum, № 216.

[4]) Datum in suburbio civitatis nostrae Albae Regalis, die Dominica proxima ante festum ad vincula beati Petri Apostoli, a. D. 1491-mo, regnorum nostrorum anno Hungariae etc. secundo, Bohemiae vero vigesimo primo.

[5]) Напечатанъ у Базиловича, Brevis notitia fundationis Theodori Koriathovits, I, стр. 22—23.

[6]) Historia Carpatho-Ruthenorum, II, cap. 41, p. 173. Объ этомъ рукописномъ трудѣ Лучкаи см. Мат. I, стр. 19—20.

[7]) Историческія черты Угро-Русскихъ II, стр. 68, пр. ***.

[8]) Чрезвычайно удивило насъ, какъ увѣреніе А. Годинки, будто оригиналъ грамоты 1491 г. находится въ архивѣ Пресбургскаго капитула, capsa № 11

Не мѣсто здѣсь, конечно, распространяться, когда и для какой цѣли сдѣланъ былъ подлогъ: судя по почерку, вѣроятно, не особенно поздно, ни въ какомъ случаѣ не въ XVII и XVIII вв. Подлогъ, очевидно, находится въ связи съ борьбой за власть Мукачевскихъ епископовъ съ архимандритами монастыря св. Архангела Михаила въ Грушовѣ, Марамарошской сто́лицы. Скажемъ только нѣсколько словъ о попыткѣ использовать подложный текстъ грамоты въ 1735 г.

Послѣ кончины послѣдняго православнаго епископа Досиѳея въ 1733—1735 гг., православное духовенство Марамарошской сто́лицы, побуждаемое Драговскимъ (Kövesliget) священникомъ Стойкой, не желая подчиниться уніатскому Мукачевскому епископу, Симеону Ольшавскому, пыталось въ 1735 г., но безъ успѣха, выбрать изъ своей среды преемника Досиѳею [1]). Въ числѣ копій грамоты 1491 г. есть одна, засвидѣтельствованная Марамарошской сто́лицей и выданная въ 1735 г. тому же Стойкѣ. Сто́лица или не замѣтила, или не хотѣла замѣтить [2]) подлога, ибо называетъ грамоту „instrumentum— —non abrasum, non cancellatum nec in aliqua sui parte vitiatum". Очевидно, на основаніи этой грамоты Стойка и его сторонники хотѣли доказать, что нѣкогда угрорусскіе епископы имѣли свою резиденцію и въ Марамарошской сто́лицѣ

О нѣкоторыхъ позднѣйшихъ документахъ мы упоминали въ Мат. V, стр. 107 и выше стр. 12, пр. 2.

Пользуясь случаемъ, сообщимъ еще письмо цензора русскихъ книгъ въ Будинѣ, А. Рагаци, вѣроятно, къ епископу Андрею Бачинскому о смерти великой княгини Александры Павловны [3]).

(A Munkácsi gör. kath. püspökség története, (стр. 202, пр. 1)—тамъ его нѣтъ—такъ и то, что онъ, г. Годинка, и не подозрѣваетъ о подлогѣ. Вообще онъ, повидимому, совсѣмъ не пользовался епархіальнымъ архивомъ, но странно, что онъ не обратилъ вниманія ни на Лучкаи, ни на Дулишковича. См. наше „письмо въ редакцію", по-мадьярски — напечатано въ сентябрьской книжкѣ 1910 г. журнала Századok (Столѣтія), органа венгерскаго историческаго общества—magyar történelmi társulat.

[1]) Мат. I, стр. 25—26, II, стр. 40.

[2]) Объ антикатолическомъ настроеніи Марамарошскаго дворянства и поддержки имъ православныхъ см. Мат. II, стр. 32, пр. 1, 34, пр. 4, 36 и пр. 1, 38, 49.

[3]) Politica № 710. Другого документа объ Александрѣ Павловнѣ (Politica, № 602, 1799 г.) намъ никакъ не удалось разыскать.

Ваше Превосходительство,
Господинъ Ласкавѣйшій!

Вчера рано ѡ полъ 6 часѣ велика Княгиня Руська Алеѯандра Павловна, по тѧшкомъ дѣтородіи хотѧй оуже мало лѣпше сѧ чула, оумерла, который оударъ Егѡ Высочеству Палатину толь чувствителенъ бѣ, что оумлѣлъ, но крови пущенной ѡчувствовалсѧ, и заразъ до Віенны ко Брату ѿишолъ — говорѧтъ, что разными ѣдлами, лучше суще, й ѣсти желавше ю погубили—что извѣстивши Милости порученный со лобзаніемъ рукъ остаю.

Вашего Превосходительства
в' Будинѣ 5 марта по нашему
1801.

Покорнѣйший слуга
Александеръ Рагаци т. р.
Цензоръ.

Обратимся теперь къ другимъ архивамъ Угріи, въ которыхъ данныя объ угорской Руси встрѣчаются лишь между прочимъ.

1) На первомъ мѣстѣ, по богатству и разнообразію матеріаловъ, стоитъ, конечно, Государственный [1]) архивъ (Országos levéltár) въ Будапештѣ, составившійся изъ разныхъ отдѣльныхъ архивовъ, находившихся не только въ Угріи и Трансильваніи, но и внѣ предѣловъ короны св. Стефана [2]).

До 1526 г. государственный архивъ Угріи хранился въ Будѣ, въ такъ называемомъ domus Tavernici (Schatzmeister), и погибъ при занятіи Буды турками. Въ послѣдующее время важнѣйшіе документы общегосударственнаго значенія вручались сеймомъ палатину подъ его расписку и по его смерти должны были также подъ расписку переданы его преемнику. Вмѣстѣ съ ними у палатина сберегались иные документы, возникавшіе въ силу его оффиціальной дѣятельности. Этотъ-то „палатинскій архивъ“ (nádori levéltár)

---

[1]) Ország значитъ и d. Land и d. Staat. Въ настоящее время чаще употребляется въ послѣднемъ смыслѣ.

[2]) Помѣщается Государственный архивъ въ Будѣ (Ofen), въ крѣпости (vár), недалеко отъ королевскаго дворца, въ старомъ, тѣсномъ и довольно заброшенномъ зданіи, принадлежащемъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Уже рѣшено, впрочемъ, построить новый домъ, спеціально для архива, со всѣми современными удобствами, нѣсколько десятковъ шаговъ отъ прежняго. Какъ намъ говорили служащіе въ архивѣ, заблаговременно дѣлаются приготовленія къ переноскѣ документовъ, и все будетъ закончено не позже зимы 1912 г.

былъ, такъ сказать, зерномъ, изъ котораго, въ послѣдствіи, выросъ государственный архивъ.

Такъ какъ особаго зданія для архива не было, и всѣ документы лежали въ собственномъ домѣ палатина, то, естественно, значительная ихъ часть утратилась, а другіе перешли въ семейные архивы палатиновъ, гдѣ потомъ нѣкоторые и были найдены. Разрозненные документы палатинскаго архива начинаются съ 1554 г., со времени палатина гр. Ѳ. Надажди (Nádasdy), а болѣе послѣдовательно и непрерывно—съ 1655 г. съ палатината гр. Фр. Вешеленьи (Wesselényi).

Сеймъ 1723 г. 45-мъ §-омъ постановилъ учредить Государственный архивъ, въ которомъ были бы сосредоточены всѣ государственные документы изъ архивовъ другихъ государственныхъ учрежденій, а также изъ архивовъ общественныхъ и частныхъ, но только въ 1765 г. былъ осуществленъ этотъ параграфъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ: въ Государственный или Земскій архивъ (archivum regnicolare) вошли архивъ палатинскій, съ уцѣлѣвшими въ немъ общегосударственными документами (ország iratai), и архивъ земскихъ судей (ország biró, Landesrichter), а также доставленные по почину въ 1755 г. палатина гр. Л. Батьяни (Batthyányi) многіе документы изъ архивовъ „вѣрогодныхъ учрежденій" (loca credibilia) [1]), Пресбургской камеры и нѣкоторыхъ магнатскихъ фамилій. Этотъ, какъ его теперь называютъ, „старый Государственный архивъ (régi országos levéltár), былъ весьма невеликъ и занималъ всего три комнаты.

Нынѣшній, по широкому плану устроенный, Государственный архивъ возникъ лишь въ 1875 г. Кромѣ „стараго" Государственнаго архива, въ него постепенно поступали отдѣльные архивы не только изъ Угріи и Трансильваніи, но также изъ Вѣны, Загреба и Рѣки (Fiume).

Въ 1878 г. былъ утвержденъ проектъ новой внутренней организаціи архивнаго матеріала, но лишь первый, по проекту, отдѣлъ, такъ называемый „дипломный" (diplomatikai osztály), созданъ до настоящаго времени. „Дипломный отдѣлъ" заключаетъ въ себѣ всѣ грамоты до 1526 г. изъ всѣхъ прежде отдѣльныхъ архивовъ, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ.

---

[1]) О нихъ см. ниже.

Документы позднѣйшаго времени распредѣлены по слѣдующимъ отдѣламъ:

II. Отдѣлъ Канцеляріи (Kanczellariai osztály), въ который вошли архивы старый Государственный и королевскихъ канцелярій угорской и трансильванской.

III. Отдѣлъ королевскаго Штатгальтерскаго Совѣта (helytartótanácsi osztály).

IV. Отдѣлъ королевской угорской Камеры (kincstári osztály).

V. Отдѣлъ королевской угорской Куріи (táblai osztály).

VI. Отдѣлъ королевскаго трансильванскаго Правительства (Excelsum Regium Gubernium — erdélyi főkörmányszéki osztály).

Кромѣ того, въ Государственномъ архивѣ находятся, какъ депозиты, архивы нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій [1]).

Бóльшая часть документовъ регистрована еще въ старое время, для разныхъ ихъ серій составлены подробные реперторіи или elenchi, съ изложеніемъ краткаго содержанія отдѣльныхъ документовъ и съ перечнемъ упомянутыхъ въ каждомъ лицъ и мѣстностей, а къ эленхамъ—алфавитные индексы. Во II отдѣлѣ находятся также копіи индексовъ „locorum credibilium" [2]).

2) Многіе капитулы и конвенты имѣли общегосударственное значеніе, какъ бы замѣняя королевскую канцелярію [3]).

Довѣренные отъ нихъ, вмѣстѣ съ королевскими уполномоченными (homo regius), посылались для производства слѣдствій, присутствовали при вводѣ во владѣніе, при размежеваніи помѣстій и т. п. Они вели объ этомъ протоколы и составляли грамоты, имѣвшія полную юридическую силу.

Кромѣ того, предъ капитулами и конвентами совершались

---

[1]) Точно также и въ Національномъ Музеѣ (Magyar nemzeti múzeum); въ Музеѣ есть и иныя собранія документовъ, преимущественно пожертвованныя разными лицами.

[2]) Лелесскаго конвента—10 томовъ, Остригомскаго капитула—30, Пресбургскаго (вмѣстѣ съ Рабскимъ—Győr)—12, Ясовскаго конвента—12, Ягерскаго капитула—5, разумѣется, только „archivi regnicolaris" каждаго.

[3]) Всего таковыхъ было до XVI в. въ Угріи, Трансильваніи и Хорватіи 29 капитуловъ и 37 конвентовъ. Послѣ нашествія и при господствѣ турокъ весьма многіе были разрушены, и документы ихъ погибли, уцѣлѣли они преимущественно въ сѣверныхъ и западныхъ столицахъ Угріи. Часть разрушенныхъ была впослѣдствіи возстановлена.

разнаго рода сдѣлки, они принимали документы на храненіе, выдавали съ находившихся въ ихъ архивахъ, а также съ представляемыхъ сторонами—послѣ провѣрки ихъ подлинности—документовъ достовѣрныя копіи (transsumpta authentica) и т. п., исполняя, такимъ образомъ, обязанность и общественныхъ нотаріатовъ [1]). Поэтому они носили названіе „вѣрогодныхъ учрежденій, вѣрогодныхъ архивовъ—loca credibilia, hiteles levéltárok“,—и понятно, что ихъ „земскіе или государственные архивы, archiva regnicolaria“ обладали и обладаютъ громаднымъ количествомъ цѣннаго историческаго матеріала.

Кромѣ „archivum regnicolare“, каждый капитулъ и конвентъ имѣлъ и свой собственный, частный архивъ.

Документы, относящіеся къ угрорусской территоріи, находятся, преимущественно, въ архивахъ слѣдующихъ „locorum credibilium“:

а) Лелесскаго конвента (Lelesz, на югѣ Земплинской стóлицы), кругъ дѣятельности котораго распространялся на стóлицы Земплинскую, Унгварскую, Бережскую, Угочскую и Мараморошскую. Древнѣйшіе документы относятся къ XIII в., протоколовъ болѣе 100 томовъ.

б) Ясовскаго конвента (Jászó, въ Абауйварской стóлицѣ, около Кошицъ)—для стóлицъ Абауйварской, Спишской, Шаришской, и, кажется, отчасти Земплинской.

в) Пресбургскаго коллегіальнаго капитула. Въ его архивѣ, между прочимъ, находятся древнѣйшія грамоты Мукачевской епархіи.

г) Ягерскаго капитула (Agria, Eger, Erlau, въ Гевешской стóлицѣ), съ 1557 г. часто заступавшаго мѣсто Лелесскаго конвента. Еще бóльшее значеніе, чѣмъ „archivum regnicolare“, имѣетъ Ягерскій архіепископскій [2]) и собственно-капитульный архивъ. Ягерскому епископу подчинены были католическіе приходы сѣверо-восточныхъ, русскихъ и русско-словацкихъ стóлицъ, а со времени введенія уніи до 1777 г.—и Мукачевская епархія [3]).

д) Примаса Угріи и его капитула въ Остригомѣ

---

[1]) Только въ 1874 г. „loca credibilia“ лишились права совершать нотаріальные акты, но за ними было оставлено право выдавать засвидѣтельствованныя копіи съ документовъ ихъ архивовъ.

[2]) До 1804 г.—епископскій.

[3]) См. Мат. II, стр. 49—55.

(Strigonium, Esztergom, Gran). „Archivum regnicolare“ капитула имѣетъ грамоты съ XII в. Съ 1556 г. дѣятельность капитула распространялась на всю Угрію. Архивъ примаса состоитъ изъ двухъ отдѣленій—архивъ свѣтскій—документы, касающіеся земельныхъ владѣній примаса—и церковный—по дѣламъ церковнаго управленія. Послѣдній, равно какъ и собственно-капитульный, для насъ болѣе важны.

3) При широкомъ самоуправленіи сто́лицъ, архивы ихъ, понятно, не могутъ быть обойдены занимающимися угорской Русью. Архивы сто́лицъ, которыхъ мы касались въ нашей работѣ, находятся: Абауйварской въ Кошицахъ (Cassovia, Kassó, Kaschau), Бачъ-Бодрогской въ Зомборѣ (Zombor), Бережской въ Берегсасѣ (Beregszász), Бигарской въ Великомъ Варадинѣ (Magno-Varadinum, Nagy-Várad, Gross-Wardein), Земплинской въ Шаторалья-Уйгель (Sátoralja-Újhely), Мараморошской въ Мараморошскомъ Сиготѣ, Сабольчской въ Ниредьгазѣ (Nyíregyháza), Сатмарской въ Надь-Кароль (Nagy-Károly), Спишской въ Левочѣ (Leutsovia, Lőcse, Leutschau), Торнянской въ Торнѣ (Torna), Угочской въ Великомъ Севлюшѣ (Nagy-Szőllős), Унгварской въ Унгварѣ, Шаришской въ Пряшевѣ.

4) Болѣе ограниченное значеніе имѣютъ архивы городскіе; наиболѣе важны архивы Бардѣёва (Bártfa), Кошицъ, Пряшева и Мараморошскаго Сигота.

5) Не должны быть оставлены безъ вниманія и архивы магнатскихъ и дворянскихъ фамилій, владѣвшихъ болѣе или менѣе крупными доминіями, населенными вполнѣ или отчасти угроруссами. Таковы: гр. Баркоци (Barkóczy) въ Павловцахъ (Pálócz) Унгварской сто́лицы, гр. Другетовъ (Drugeth de Homonna) въ Гуменномъ (Homonna) Земплинской сто́лицы, Палоци (Pálóczy) въ Пинковцахъ (Pinkócz) Унгварской сто́лицы, бар. Переньи (Perényi) въ В. Севлюшѣ Угочской ст., Погань (Pogány) въ Урмезѣвѣ (Ürmező) Мараморошской ст., гр. Стараи (Sztáray) въ Михалёвцахъ (N. Mihály) Земплинской ст., бар. Стойка (Sztojka) въ Слатинѣ (Szlatina) Мараморошской ст., Чичеръ-Оросъ (Orosz Csicser) въ Государственномъ архивѣ, гр. Шёнборнъ-Бухгеймъ (Schönborn-Buchheim), владѣльцевъ Ракоціевской Мукачевской и Св. Нико-

лаевской доминіи (Munkács et Sz. Miklós - Чинадѣево)—въ Мукачевѣ.

6) Громадное количество копій съ документовъ находится въ рукахъ изумительно трудоспособныхъ и вполнѣ преданныхъ наукѣ мѣстныхъ историковъ: Бережской столицы—г. Ѳ. Легоцкаго (Lehoczky T.) и Марамороѣской—г. I. Михальи (Mihályi J.), охотно дѣлящихся и своими знаніями, и копіями съ пріѣзжими учеными. У того и у другого есть и интересныя собранія древностей, особенно у перваго, составившаго настоящій музей предметовъ доисторическаго времени изъ раскопокъ въ Бережской столицѣ. Чрезвычайно будетъ жаль, если ихъ сокровища также безслѣдно изчезнутъ, какъ исчезли собранія покойныхъ проф. И. Бидермана [1]), протоигумена о. А. Кралицкаго [2]) и директора евангелическаго лицея въ Сиготѣ С. Силадьи [3]).

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о серіяхъ тѣхъ документовъ Государственнаго архива, на которые намъ преимущественно приходилось ссылаться въ настоящемъ изслѣдованіи:

1) Урбаріальные документы времени Маріи Терезы.

О нихъ см. Мат. V, преимущественно вторую главу, „Урбары и урбаріальная регуляція", стр. 5—21, а также выше, стр. 16—19.

2) Conscriptiones dicales.

Въ Отдѣлѣ королевской угорской Камеры, подъ общимъ заглавіемъ „conscriptiones dicales", хранится громадное собраніе переписей Угріи разныхъ годовъ XVI—XVII вв. [4]), въ 64-хъ томахъ, бóльшею частью in folio.

Переписи носятъ заглавія: „conscriptiones et regestra

---

[1]) По наведеннымъ въ Грацѣ и Инсбрукѣ справкамъ, все досталось его вдовѣ и теперь неизвѣстно гдѣ.

[2]) Мы сами въ 1890 г. видѣли у него громадный сундукъ съ документами, кое-что онъ разрѣшилъ намъ списать. Въ 1907 г. въ Мукачевскомъ монастырѣ намъ сообщили, что послѣ его смерти *ничего* не осталось.

[3]) Часть бумагъ продана была, кажется, чуть не на вѣсъ наслѣдникомъ, часть—валяется въ пыли на чердакѣ лицея. Весьма немногое издано нами въ Мат. I, стр. 21—26.

[4]) Немногочисленныя переписи до 1526 г., ранѣе находившіяся въ старомъ камеральномъ архивѣ, переданы въ „дипломный" отдѣлъ.

dicarum; connumeratio dicarum, connumeratio portarum; Regni portarum conscriptio; regestrum connumerationis domorum et contributionalis dicae; regectrum de rectificatione domorum colonicalium et inquilinariarum; ratio nobilium jobbagionalium; ratio nobilium unius sessionis, qui sunt in dica connumerati, sicuti coloni" и т. д.

Такія переписи стóлицъ Угріи производились óрганами самихъ стóлицъ, въ цѣляхъ раскладки королевской, принятой сеймомъ подати—*dica*, мад. *rovás* [1]). Разверстывалась она по домамъ—„дымамъ"—лат. *fumus*, мад. *füst* или по портамъ—лат. *porta*, мад. *kapu* [2]). Слова *porta, kapu*= ворота, метонимически—крестьянскій дворъ—обозначали полный крестьянскій участокъ, какъ податную единицу, тягло. Количество дѣйствительныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, составлявшихъ одну порту, опредѣлялось разно въ разное время [3]).

Нами было разсмотрѣно 24 тома, содержащихъ переписи слѣдующихъ стóлицъ: Абауйварской—всего 40 переписей, съ 1532 до 1707 гг. (томы I, LXII, LXIII); Бережской—40, 1553—1697 гг. (тт. VI, VII, LXII, LXIII); Бигарской—8, 1552—1696 гг. (тт. VIII, LXIV); Земплинской—35, 1541—1696 гг. (тт. LVI, LVII, LVIII, LXII); Мараморошской—15, 1530—1605 гг. (тт. XXI, LXII, LXIII); Сабольчской—34, 1543—1696 гг. (тт. XLI, XLII); Сатмарской—30, 1548—1648 гг. (тт. LV, LVI); Спишской—43, 1538—1696 гг. (тт. XXXV, XXXVI, LXII); Торнянской—37, 1541—1696 гг. (тт. XV, XLVI, LXII); Угочской—24, 1541—1696 гг. (тт. XLVII, LXII, LXIII, LXIV); Унгварской—43, 1538—1696 гг. (тт. XXXVI, XLIII, XLVII, XLVIII, LXII, LXIII) и Шаришской—36, 1538—1696 гг. (тт. XXXIV, XXXVII, XXXIX, LXII), а также „Generalis Regni portarum conscriptio" 1534—1553 гг. (т. LXI).

---

[1]) На основаніи ихъ вносило и дворянство на военные расходы—главнѣйше на борьбу съ турками—т. наз. subsidium, „добровольное приношеніе". Сеймъ, обыкновенно, принималъ не общую сумму налога, а сумму взноса съ одного дома или порты.

[2]) Съ турецкаго.

[3]) См. Acsády, A dicalis összeirások gyüjteménye az országos levéltárban (Magyar könyvszemle, 1892/3, стр. 195—216). Ср. также Csaplovics, Gemälde von Ungern, Pest, 1820, II, стр. 233—234.

Не всѣ переписи имѣютъ, конечно, одинаковое значенiе. Многiя очень кратки, даютъ лишь количество портъ или домовъ, въ иныхъ находятся еще имена помѣщиковъ, съ указанiемъ, сколько портъ или ихъ долей принадлежитъ каждому въ томъ или другомъ поселенiи. Часто отъ одного и того же года встрѣчаемъ двѣ переписи, вполнѣ или почти вполнѣ тождественныхъ. Кромѣ того, большое число экземпляровъ написано весьма небрежно и неразборчиво.

За то иныя переписи являются весьма цѣннымъ матерiаломъ.

Въ нѣкоторыхъ—правда, далеко не часто—попадаются указанiя на народность крестьянъ того или другого села [1]). Вообще же, переписи даютъ списки сёлъ въ разные годы, сообщаютъ свѣдѣнiя о времени основанiя новыхъ поселенiй, объ исчезновенiи, по той или другой причинѣ, старыхъ [2]), о заполненiи ихъ вновь населенiемъ, а иногда содержатъ и другiя, часто весьма интересныя, замѣчанiя.

Кромѣ того, во многiя переписи занесены, какъ крестныя имена [3]), такъ и фамилiи (прозвища) крестьянъ, что̀, до извѣстной степени, и при соблюденiи большой осторожности, можетъ дать точку опоры для опредѣленiя ихъ народности [4]). Въ нашемъ распоряженiи имѣются списки фамилiй крестьянъ сёлъ [5]) слѣдующихъ сто́лицъ и годовъ: Бережской—1570, 1715, 1720, 1772—1774 гг.; Бигарской—1715, 1720, 1772—1774 гг.; Земплинской—

---

[1]) См. выше гл. VI.

[2]) Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что „deserta, desolata“, даже „totaliter“, не всегда слѣдуетъ понимать буквально: 1) могли въ томъ или иномъ поселенiи, „melioribus colonis desolato“ (Бель), остаться или недавно въ него проникнуть бѣдные люди, „vagi, profugi egenique“ (Бель), „qui propter paupertatem dicari non potuerunt“ (выраженiе переписей); 2) если часть села была въ непосредственномъ владѣнiи дворянства (fundi nobilitares), хозяйничавшаго на ней лично, черезъ батраковъ, наемныхъ людей или отдававшаго землю въ пользованiе лицамъ податныхъ сословiй, то, хотя бы эта часть и уцѣлѣла, до извѣстной степени, отъ погрома, опустѣли же только „fundi urbariales“, все-таки село заносилось въ разрядъ „possessiones desolatae“. Къ тому же, въ интересы, какъ сто́лицъ, такъ и отдѣльныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ входило показать число портъ нѣсколько меньшимъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо принимать въ расчетъ всѣ таковыя, (а также и иныя, напримѣръ, перечисленiе села изъ одной сто́лицы въ другую и т. п.) возможности.

[3]) Чаще въ латинской или мадьярской формѣ, рѣже въ иноязычной.

[4]) Объ этомъ см. ниже и приложенiе № 5.

[5]) Не всѣхъ, конечно, а лишь тѣхъ, о народности которыхъ можетъ возникнуть вопросъ.

1696, 1715, 1720, 1772—1774 гг.; Сабольчской—1566, 1574—1578, 1715, 1720, 1772—1774 гг.; Сатмарской—1715, 1720, 1772—1774 гг.; Мараморошской—1605, 1717, 1720, 1772—1774 гг.; Спишской—1696 г.; Угочской—1715, 1720, 1772—1774 гг.; Унгварской—1588, 1630, 1682, 1696, 1715, 1720, 1772—1774 гг.—всего болѣе 15.000 [1]).

3) Conscriptiones annorum 1715 et 1720—въ отдѣлѣ угорской королевской Камеры [2]).

Въ первой четверти XVIII в., послѣ окончанія Ракоціевскаго возстанія, одной изъ главныхъ заботъ правительства было пополненіе государственной казны безъ излишняго отягощенія населенія, истощеннаго предшествующими смутами и войнами. Постоянно, и раньше, и въ то время доходили со всѣхъ сторонъ до правительства жалобы на обремененіе податями, и, притомъ, не столько на *высоту* податей, сколько на то, что эти подати неправильно и *неравномѣрно* были распредѣлены между единицами самоуправленія: столицами, дистриктами и городами [3]).

Императоръ и король Карлъ VI (III) рескриптомъ 20-го сентября 1714 г. предложилъ сейму выработать принципы (modalitatem seu ideam) новой однообразной переписи всего податнаго населенія Угріи, его имущества и доходовъ. Сообразно съ данными этой переписи и должны быть потомъ распредѣлены между единицами самоуправленія „порты", тогдашній ключъ податной системы. Врученъ былъ сейму и проектъ основаній переписи.

---

[1]) Вмѣстѣ съ фамиліями, выписанными и изъ иныхъ документовъ.

[2]) См. Magyarország népessége a pragmatica sanctio korában 1720—1721. A kereskedelemügyi magyar kir. miniszter rendeletéből szerkeszti és kiadja az országos magyar kir. statisztikai hivatal, Budapest, 1896 (населеніе Угріи во время прагматической санкціи 1720—1721 гг.; по распоряженію министра торговли составило и издало венгерское королевское статистическое бюро); мадьярско-нѣмецкое изданіе I, 1—114*, II, 1—288; мадьярское изданіе I, 1—68*, II—III, 1—496, in folio. На этомъ трудѣ и основано дальнѣйшее наше изложеніе.

[3]) „Ouandoquidem super annuis contributionibus — — earumque repartitione continuae tam ex parte comitatuum et civitatum *ex praetensa distributionis improportione* onerum querelae et intuitu harum ab Augusta etium Aula ad magnates et proceres, in eiusmodi *repartitione* desudantes, iteratae de observanda eiusmodi repartitione intimationes benignaque mandata quovis fere anno hactenus intervenissent" (Инструкція сейма 1715 г., Népessége, стр. 15*—цитируемъ по мадьярско-нѣмецкому изданію). „Постоянно со всѣхъ сторонъ приходятъ жалобы, *non tam propter contributionale quantum*, quam eiusdem *inaequalem et inproportionatam repartitionem*" (королевскій рескриптъ, ib., стр. 13*). См. также рескриптъ 1720 г. (ib., стр. 23*, пр.). Ср. Csaplovics, Gemälde non Ungern, II, стр. 233.

Сеймъ серьезно занялся этимъ дѣломъ и къ веснѣ 1715 г. составилъ, какъ инструкцію для конскрипторовъ [1]), такъ и форму переписныхъ листовъ.

Кромѣ требованія болѣе подробныхъ свѣдѣній объ имуществѣ и доходахъ податныхъ сословій, предположенная перепись отличалась отъ предшествовавшихъ и тѣмъ, что ее должны были производить въ каждой сто́лицѣ не делегаты изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, а выборные другой сто́лицей конскрипторы—по два. Это было вызвано стремленіемъ обезпечить болѣе безпристрастное выполненіе дѣла. Кромѣ того, сеймъ вотировалъ сразу общую сумму налога, которая, по окончаніи переписи, должна была быть распредѣлена палатиномъ по сто́лицамъ и городамъ сообразно съ новымъ разсчетомъ портъ.

Перепись распространялась на податное населеніе свободныхъ королевскихъ городовъ, привилегированныхъ городовъ, мѣстечекъ и сёлъ собственно Угріи и „partium adnexarum“ [2]). Должны были быть также занесены и „villae desertae, cum distinctione tamen temporis, quo desolari coeperunt“ [3]).

Въ іюнѣ и іюлѣ сто́лицы выбрали делегатовъ-конскрипторовъ [4]).

Конскрипторы, прибывъ въ назначенныя имъ сто́лицы и вытребовавъ отъ поджупана нужные документы, прежде всего списки дворянскихъ (curiales, nobilitares) и крестьянскихъ (urbariales, portales) поселеній [5]), при участіи и пособіи

---

[1]) Въ ней, между прочимъ, значится: „Fiat nova et accurata conscriptio — —, ex qua demum per status et ordines elaboretur et declaretur, quot nimirum et quales colonicales integrae, mediae aut quartalisticae sessiones, non secus inquilini, fundi praeterea deserti, terrae arabiles, sylvae, prata, pascua et quaevis fixa et stabilia beneficia, per ignobiles possessa, *unam portam* constituere deberent“ (Op. cit., стр. 15*, пр.).

[2]) Части Угріи, во время смутъ отторженныя отъ нея трансильванскими князьями: сто́лицы Марамарошская, Средне-Солнокская, Краснянская и дикстриктъ Кёварскій.

[3]) Op. cit., стр. 15*, пр.

[4]) Въ сто́лицѣ Абауйварской производили перепись делегаты сто́лицы Липтовской, въ Бережской—Веспримской, въ Бигарской—Пештской, въ Земплинской—Нитрянской, въ Марамарошской—Гонтской, въ Сабольчской—Бѣлградской (Stuhlweissenburg), въ Сатмарской—Тековской (Bars), въ Угочской—Веспримской, въ Унгварской—Оравской, въ Шаришской--Баранявской. Въ 1720 г. также были распредѣлены делегаты (Op. cit., I, стр. 19*—20*, 27*).

[5]) Иныя сто́лицы, ссылаясь на привилегіи дворянства, отказывали въ предъявленіи первыхъ (Op. cit., I, стр. 22*).

мѣстныхъ стóличныхъ чиновниковъ, объѣзжали сёла стóлицы, допрашивая подъ присягой крестьянъ о требуемыхъ инструкціей данныхъ и занося ихъ въ переписные листы вмѣстѣ съ крестными именами и фамиліями (прозвищами) главъ хозяйства, дѣлая относительно каждаго села и общія „observationes“ — о качествѣ пахотной земли, луговъ, получаемаго изъ виноградниковъ вина, объ удобствѣ или неудобствѣ сбыта сельскихъ продуктовъ, о возможности имѣть посторонніе заработки, вообще, о такъ называемыхъ „beneficia et maleficia“.

Въ теченіе довольно короткаго времени—не болѣе 8-ми недѣль—перепись вездѣ была закончена, къ октябрю мѣсяцу конскрипторы явились въ Пресбургъ и представили палатину начисто переписанные экземпляры переписей отдѣльныхъ стóлицъ, дистриктовъ и городовъ, за своими подписями и печатями.

Еще во время производства переписи и по ея завершеніи были подаваемы со стороны стóлицъ протесты и жалобы на излишнюю строгость конскрипторовъ, на превышеніе ими инструкцій, на то, что они, во многихъ случаяхъ, полагаясь на клятвенныя заявленія мѣстныхъ жителей, не провѣряли ихъ показаній объ ихъ имуществѣ и доходахъ [1]).

Особенно же и правительство, и общество было поражено незначительнымъ числомъ податного населенія сравнительно съ пространствомъ страны. Какъ бы изгладилась изъ памяти бурная исторія Угріи съ XVI до начала XVIII в., были забыты посѣщавшія ее заразныя болѣзни—все это, конечно, страшно разрѣдило населеніе [2]).

Тогда же было рѣшено произвести новую, провѣрочную перепись, но наступившая турецкая война 1716—1717 гг.

[1]) Послѣдней причиной оффиціально мотивировано повтореніе переписи въ 1720 г.: „Ouandoquidem ex reportatarum conscriptionum instituta revisione et subsecutis observationibus apparet plurimos errores ex eo potissimum intervenisse, quod exmissi conscriptores plerumque ad simplicem duntaxat et communiter dolosam fatentium revelationem neglecta agrorum, pratorum, vinearum et his similium conscribendarum appertinentiarum oculari inspectione vel ad scribarum etiam duntaxat, penes se habitorum, relationem aut complurium incolarum, ex diversis possessionibus in unum locum citatorum dicta, ob brevitatem eotum habiti temporis, conscriptiones ipsas peregerint“ (Op. cit., стр. 25*, пр.).

[2]) И тогда, и позже мало кто былъ знакомъ со всей страной, освѣдомлены были только со своей и, можетъ быть, ближайшими стóлицами. Замѣчая въ нихъ рѣдкость населенія, были убѣждены, что другія мѣстности имѣютъ населеніе гораздо болѣе густое (Op. cit., I, стр. 23*).

прервала проготовленія, и лишь послѣ ея окончанія въ 1718 г. работы возобновились.

Совѣтомъ министровъ были пересмотрѣны инструкція и форма опросныхъ листовъ, измѣнены на основаніи опыта переписи 1715 г., сдѣланы болѣе точными и опредѣленными [1]), усилена отвѣтственность конскрипторовъ за недобросовѣстное и небрежное производство переписи. Императоръ и король рескриптомъ 26-го апрѣля 1720 г. повелѣлъ палатину, графу Н. Пальфи, разослать инструкцію и опросные листы въ сто́лицы, которыя должны были опять выбрать делегатовъ-конскрипторовъ.

Съ іюня по октябрь мѣсяцъ длилась перепись, въ ноябрѣ мѣсяцѣ чистовые ея экземпляры были уже сданы палатину.

Обѣ переписи, однако, оказались непригодными для той цѣли, для которой они предпринимались, т. е. для правильнаго, соразмѣрно платёжнымъ силамъ населенія, распредѣленія податей. Главная причина, по справедливому замѣчанію Ачади, заключалась въ томъ, что въ аристократической Угріи наиболѣе зажиточные и богатые классы, духовенство и дворянство—nobiles possessionati были освобождены отъ податей [2]). Той же привилегіей пользовались и многочисленные, менѣе обезпеченные нисшіе слои дворянства: армалисты, предіалисты, однодворцы (nobiles unius sessionis) и т. п. Въ податные списки не заносились и недворяне (ignobiles), жившіе и хозяйничавшіе на находившихся въ непосредственномъ владѣніи дворянъ земляхъ (fundi nobilitares, curiales).

Кромѣ того, даже въ переписи 1720 г. замѣчается отсутствіе однообразнаго пониманія конскрипторами инструкцій, почему переписи отдѣльныхъ сто́лицъ являются далеко не соразмѣрными величинами [3]).

Наконецъ, по нашему мнѣнію, для дѣятелей того времени должно было быть крайне затруднительнымъ разнообразныя данныя рубрики переписныхъ листовъ отдѣльныхъ поселеній свести въ одну общую для сто́лицы сумму, кото-

---

[1]) Въ виду этихъ измѣненій, провѣрочная, какъ предполагалось, перепись превратилась въ новую, результаты которой во многомъ отличаются отъ результатовъ переписи 1715 г. (Op. cit., I, стр. 28*).

[2]) Op. cit., I, стр. 21*.

[3]) Op. cit., I, стр. 22*, 31*.

рая могла бы дать основаніе къ опредѣленію числа портъ, приходящихся на нее.

Но, несмотря на малое практическое для своего времени значеніе, переписи 1715 и 1720 гг. являются весьма цѣнными историческими памятниками, дающими богатый матеріалъ для изученія соціально-экономическаго положенія податныхъ классовъ Угріи въ концѣ первой четверти XVIII в.

Со статистической, преимущественно, стороны использованы означенныя переписи извѣстнымъ историкомъ-статистикомъ, покойнымъ И. Ачади (Acsády Ignácz), которому Венгерское статистическое Бюро поручило выполнить поставленную министромъ торговли тему: изобразить внутренное состояніе Угріи во время Прагматической Санкціи: „Diese—Epoche schliesst die Zeit der bewegten, zerstörenden Kämpfen ab und eröffnet die Periode der friedlichen, civilisatorischen Arbeit im Leben der ungarischen Nation“ [1]).

Работа была вызвана приближавшимся празднованіемъ „Милленіума“, тысячелѣтія занятія мадьярами ихъ нынѣшняго отечества (honfoglalás). „Милленіумъ“, вообще, породилъ множество трудовъ о современномъ и прошломъ Угріи, имѣвшихъ цѣлью отмѣтить блестящія стороны венгерской націи (magyar nemzet) и подчеркнуть, какъ вообще ея культурный прогрессъ, такъ, особенно, успѣхъ, къ концу Милленіума, „великой венгерской національной, венгерской государственной идеи“ (nagy magyar nemzeti eszme, magyar állam eszme)—созданіе изъ полиглотной Угріи монолитнаго „magyar ország“.

Задачей Ачади было выяснить: „In welch numerischer Kraft unsere Nation aus den äusseren und inneren Kämpfen der vorigen Jahrhunderte hervorgegangen, was von ihr an Menschenmaterial und Vermögen geblieben, und im Besitze welches materiellen und geistigen Kapitals sie jenen Weg betreten hat, der sie mit der vollen Entfaltung der intellektuellen und politischen, moralischen und wirthschaftlichen Tätigkeiten zur Höhe ihrer heutigen Entwicklung geführt hat“ [2]).

Успѣхъ, хотя и доселѣ далеко неполный, этой „великой

[1]) Op. cit., Vorwort, стр. 7.
[2]) L. c.

національной идеи“ относится къ послѣднимъ 50-ти, (передъ переписью 1890 г.), преимущественно же къ послѣднимъ 25-ти годамъ конца Милленіума. Ачади, въ доказательство, приводитъ процентное отношеніе разныхъ народностей Венгріи въ 1720, 1840 и 1890 гг.[1]).

	1720	1840	1890
magyar	45,59%	45,98%	52,63%
német	13,26%	11,41%	11,64%
tót vagy ruthén	17,82%	20,07%	16,45%
szerb-horvát . .	4,26%	6,61%	2,98%
oláh	19,17%	15,46%	14,81%
egyéb (иные) . .	—	0,47%	1,49%

„Das ernsteste, schwerste Hinderniss der Verbreitung des Ungarthums war die ständische Verfassung selbst.— —Noch ist es kein halbes Jahrhundert, dass die ständische Verfassung in Ungarn aufgehört hat und 1890 finden wir unser Vaterland in einen wesentlich anderen Zustande, als 1840 oder in dem im Wesen identische Zustände aufweisenden Jahre 1720.— —Eigentlich entfallen kaum fünfundzwanzig Jahre, nicht einmal ein Menschenalter, auf jene Zeit, in welcher der konstitutionelle ungarische Staat seine eigener Interessen wahrt, und schon in dieser kurzen Zeit haben sich die Nationalitätenverhältnisse wesentlich geändert. Heute nimmt das Ungarthum nicht nur um Einzelne, sondern um Hundertausende zu“ [2]).

Мы позволили себѣ это отступленіе, чтобы охарактеризовать направленіе труда Ачади, господствующее и въ венгерскомъ современномъ обществѣ.

„Magyar népessége“ вышло въ двухъ изданіяхъ: мадьярско-нѣмецкомъ и мадьярскомъ. Въ мадьярско-нѣмецкомъ изданіи отсутствуетъ третья, спеціальная часть, напечатанная только по-мадьярски, какъ заключающая въ себѣ детальныя данныя по мѣстной исторіи столицъ, которыя, по мнѣнію Статистическаго Бюро, менѣе представляли интереса для иностранной публики.

Въ 1-ой части Ачади, изложивъ исторію переписей

---

[1]) Отвѣтственность за первые два столбца лежитъ на Ачади, за послѣдній— на офиціальной статистикѣ.
[2]) Op. cit., I, стр. 84*—86*.

1715 и 1720 гг., дѣлаетъ общіе статистическіе выводы относительно количества населенія Угріи въ 1720—1721 гг., количества отдѣльныхъ поселеній и распредѣленія населенія, раздѣленія его на классы, о его передвиженіи, національности, о его средствахъ къ существованіи—земледѣліи, промышленности и торговли. Для Трансильваніи, на которую не распространялись переписи, онъ основывался на однородныхъ документахъ, близкихъ къ 1720 г. Для провѣрки и пополненія данныхъ, Ачади привлекаетъ и перепись 1715 г., и иные матеріалы, пользуясь въ широкой степени догадками и предположительными вычисленіями.

Въ 2-ой части помѣщены таблицы—по отдѣльнымъ сто́лицамъ и по отдѣльнымъ поселеніямъ—въ которыхъ сведены цифровыя показанія—для Угріи только изъ переписей 1715 и 1720 гг. (для каждой—отдѣльныя таблицы), а для Трансильваніи—изъ иныхъ документовъ 1720—1721 гг. [1]).

Въ 3-ей части сгруппированы, по сто́лицамъ, замѣчанія конскрипторовъ 1715 и 1720 гг. объ отдѣльныхъ общинахъ, о количествѣ запустѣвшихъ поселеній, о времени, когда они были покинуты жителями, объ основаніи новыхъ, и т. п., а, также, разнаго рода ихъ observationes. Использованы здѣсь Ачади не только переписи 1715 и 1720 г., но и иные, могущіе служить къ дополненію и разъясненію данныхъ переписей документы [2]).

---

[1]) Рубрики таблицъ слѣдующія: 1) Name des Comitats und der Gemeinde; 2) Zahl des Haushaltungen nach dem Rechtszustand der Bevölkerung: a) Adelige; b) Bürger in Marktflecken; c) Leibeigene; d) Kleinhäusler; e) Taxalisten, Freigelassenen; f) Andere; 3) Vor der namentlich angeführten Bevölkerung haben: a) ungarische; b) deutsche; c) slovakische oder ruthenische; d) serbisch-kroatische; e) walachische Namen; 4) Wirtschaftlicher Zustand: a) Ackerland, Rodeland von wie viel Kübeln; Wiesen, Weinland—von wieviel Tagewerken, Zahl der Mühlen; b) Einkommen aus Mühlen, Fleischbänken, Handel und Gewerbe, aus anderen Quellen—in Gulden und Denaren.

[2]) Къ сожалѣнію, Ачади весьма и весьма часто не сообщаетъ точныхъ указаній, какой именно, гдѣ и за какой сигнатурой хранящійся документъ онъ цитируетъ, ограничиваясь неопредѣленными выраженіями: „одна перепись, одно сообщеніе, одинъ урбаръ“ и т. п. Нѣтъ возможности ни провѣрить Ачади, ни самому ознакомиться съ интереснымъ, по выдержкѣ или ссылкѣ у него, памятникомъ. Есть и такой случай: Ачади упоминаетъ о переписи Шаришской сто́лицы 1705 г., въ которой поименно перечислены всѣ домохозяева (7.384 хозяйствъ), хранящейся въ Національномъ Музеѣ, mss. fol. lat. № 1002 (III, стр. 361). Мы затребовали означенную рукопись. Подъ данной сигнатурой оказалось совершенно другое—сколько помнится, сборникъ разныхъ распоряженій XVIII в. о расквартировкѣ и продовольствіи войскъ. По словамъ г. библіотекаря, д-ра Альдаши, любезно наведшаго по нашей письменной просьбѣ справки, подходящей рукописи вообще въ Національномъ Музеѣ не имѣется!

Для настоящей нашей работы имѣли значеніе, во-первыхъ, замѣчанія конскрипторовъ о запустѣніи различныхъ поселеній и новомъ занятіи ихъ жителями, во-вторыхъ, крестныя имена и фамиліи (прозвища) податныхъ обывателей городскихъ и сельскихъ общинъ, записанныя конскрипторами, согласно инструкціямъ 1715 и 1720 гг. [1]).

Ачади, желая выяснить этнографическій составъ населенія Угріи, также обратилъ вниманіе на имена и въ 3-ей рубрикѣ таблицъ приводитъ относительно каждой общины, сколько среди ея обывателей носятъ мадьярскія, нѣмецкія, румынскія и т. д. имена, а также, въ I и III части, на основаніи этихъ данныхъ, вычисляетъ % каждой національности въ отдѣльныхъ столицахъ, дистриктахъ и городахъ, а также во всей Угріи.

При этомъ онъ оговаривается: „In obiger Zusammenfassung ist der Name mit der Nationalität identifizirt, aber einzig und allein der Kürze halber, aus technischem Gesichtspuncte“ [2]). Далѣе, однако, онъ высказываетъ положеніе, съ которымъ мы никакъ не можемъ согласиться: „Ich glaube zwar, dass so wie heute in den meisten Fälle der Familienname sich mit der Nationalität deckt, dies zu Anfang des vorigen (XVIII) Jahrhunderts noch eher und in viel bestimmter Form der Fall war, als heute. In unserer Zeit hat dieses Vaterland verhältnissmässig sehr viele gut ungarisch gesinnte Bürger, welche fremde Familiennamen führen, und umgekehrt giebt es viele walachisch, slovakisch etc. gewordene Ungarn, deren Familienname ungarisch ist. Hingegen prägte sich vor hundertachtzig Jahren in den meisten Fällen die Nationalität, respective die Muttersprache mit ziemlicher Bestimmtheit im Namen aus und es kann als Regel gelten, *dass wer damals einen ungarischen Familiennamen besass, auch der Muttersprache nach ein Ungar war,* wer einen deutschen, serbischen, slovakischen, walachischen Familiennamen führte, auch der Muttersprache und Nationalität nach Deutscher, Serbe, Slovake, Walache war“ [3]).

---

[1]) Кое-гдѣ, впрочемъ, конскрипторы ограничились лишь цифрами: столько-то крестьянъ, столько-то бобылей, ремесленниковъ и т. д. (Op. cit., II, стр. 21).

[2]) Op. cit., I, стр. 79*.

[3]) L. c.

Онъ, правда, признаетъ, что были и исключенія: „In ein—zwei Komitaten kommt es vor, dass die Konsriptoren von einzelnen Dörfer bemerken, es sei ein walachisches oder ruthenisches (гдѣ?) Dorf, trotzdem ihre Einwohner ungarische Namen führen [1]. — — Es kann auch schon damals Slovaken gegeben haben, die ganz magyarisirt, oder Ungarn, welche walachisch geworden waren“. [2]. Въ III части, основываясь на „одномъ сообщеніи Сабольчской стóлицы 1720 г.“ [3]), упоминающемъ объ исключительно или въ большинствѣ заселенныхъ русскими сёлахъ, въ которыхъ, по переписи 1720 г., преобладаютъ мадьярскія фамиліи, соглашается, что „въ дѣйствительности населеніе не было настолько мадьярскимъ, на сколько объ этомъ свидѣтельствуютъ мадьярскія имена. Во многихъ сёлахъ стóлицы жили тогда русскіе“ [4]).

Забываетъ также, какъ будто, Ачади о своемъ же замѣчаніи относительно Средне-Солнокской (Közép - Szolnok) стóлицы: „Румыны, иммигрировавшіе сюда изъ Трансильваніи и изъ другихъ мѣстностей и составлявшіе, по заявленію стóлицы, значительную часть населенія, стояли на такой низкой степени развитія, что даже не имѣли собственныхъ именъ и фамилій (?!). Въ эту же (1720 г.) перепись слѣ-

---

[1]) Op. cit., I, стр. 80*.

[2]) Op. cit., I, стр. 79*—80*.

[3]) Неясное выраженіе Ачади, „одно сообщеніе 1720 г., egy 1720—iki kimutatás“ ввело въ заблужденіе г. Томашівськаго (Етн. карта, стр. 215, пр. 7). Это—*не* перепись 1720 г., а составленный самой стóлицей, по требованію конскрипторовъ, перечень общинъ съ податнымъ населеніемъ; „Series locorum portalium inclyti comitatus de Szabolcs, occasione revisionis conscriptionis eiusdem inclyti comitatus exhibita die 21 X-bris 1720“, за печатью стóлицы и съ подписью: „Universitas praelatorum, baronum, magnatum et nobilium comitatus de Zabolcs“. Документъ вложенъ въ экземпляръ переписи 1720 г., вмѣстѣ съ другими заявленіями и протестами. Причина, почему стóлица сочла нужнымъ отмѣтить, какія сёла вполнѣ или отчасти заняты русскими, объяснена въ концѣ: русскіе и румыны, по словамъ стóлицы, были непостояннымъ, бродячимъ населеніемъ, бѣднѣйшей частью жителей, и это обстоятельство должно было быть учтено конскрипторами: „Quarum (possessionum) seriem, ex antiquis regestis et protocolis excerptam — —, respectu possessionum pro moderno rerum statu populosarum, sed ob libertinorum Ruthenorum et Valachorum, partim erga conventionem dominorum suorum terrestrium pro placito sibi temporis spatio taxam dantium liberamque expleto tempore nutui suo captam transmigrationem habentium, partim vero, diurno labore obstrictorum, aeque licitum abitum, *inhabitationi, depopulationi* expositarum — — accomodatam esse adtestamur“. Несомнѣнно, бѣднѣйшее русское населеніе, согласно инструкціи 1720 г. не была конскрипторами занесена въ перепись, но и въ тѣхъ сёлахъ, гдѣ, по „Series“, живутъ *только* русскіе, имена крестьянъ, за рѣдкими исключеніями—*мадьярскія* (см. слѣд. приложеніе).

[4]) Op. cit. III, стр. 369.

довало занести всѣхъ отдѣльныхъ лицъ податного сословія съ точнымъ обозначеніемъ ихъ фамилій и крёстныхъ именъ. Для выполненія предписанія инструкціи, конскрипторы, чтобы выйти изъ затрудненія, тутъ же сами окрестили безыменныхъ людей(!). Назвали поденщика (napszámos) — Napszámos, кузнеца (kovács)—Kovács, вообще, каждаго по его занятію. Затѣмъ, они эти фамиліи вписали въ изготовленныя сообщенія о сёлахъ, которыя, въ слѣдствіе того, полны людей съ мадьярскими именами. Конскрипторы сдѣлали это, впрочемъ, не по политическимъ соображеніямъ и были настолько добросовѣстны, что вездѣ отмѣтили, какое село вполнѣ румынское. Такихъ сёлъ было 53“ [1]).

Если это не есть только предположеніе Ачади, и онъ основывается на заявленіи или стóлицы или конскрипторовъ, [2]) то такой modus procedendi послѣднихъ сильно подрываетъ значеніе по мадьярски звучащихъ именъ, какъ свидѣтельствýющихъ о мадьярской національности ихъ носившихъ. Подобные случаи могли имѣть мѣсто и въ другихъ стóлицахъ, но, конечно, не въ слѣдствіе первобытной дикости крестьянъ, какъ довольно наивно полагаетъ Ачади, а, или потому, что нѣкоторые крестьяне не имѣли фамилій или прозвищъ, а лишь имя и отчество, или потому, что конскрипторы не умѣли или не давали себѣ труда разобрать и передать на бумагѣ чуждыя ихъ слуху иноязычныя фамиліи. Въ томъ, что конскрипторы первой четверти XVIII в. не руководились при этомъ националистическими тенденціями, мы совершенно, впрочемъ, согласны съ Ачади.

Думаемъ, однако, что подобный образъ дѣйствія конскрипторовъ являлся не общимъ правиломъ, а скорѣе исключеніемъ,—но возможность этого не слѣдуетъ упускать изъ виду.

Какъ бы то ни было, рубрика распредѣленія именъ по языкамъ народностей представляла бы весьма много интереснаго и—конечно, cum grano salis—могла бы служить до нѣкоторой степени опорой для сужденія о географическомъ распространеніи самихъ народностей.

Къ сожалѣнію, выкладки Ачади вызываютъ къ себѣ мало довѣрія.

---

[1]) Op. cit., III, стр. 340.

[2]) Въ самой, впрочемъ, переписи ничего подобнаго нѣтъ. Откуда это взято авторомъ, отвѣтить не можемъ.

Онъ заявляетъ: „Hier muss ich den Umstand besonders hervorheben, dass die Feststellung der Namen in den einzelnen Gemeinden ohne Vorurtheil und Tendenz geschah, je nachdem die Namen lauteten, oder lesbar waren. — — Ich muss jedoch wiederholen, dass die Zählung der Namen — — mit der grössten Rigorosität und Genauigkeit geschehen ist, wovon sich Jedermann überzeugen kann, der die im Landes Archiv wem immer zur Verfügung stehenden Original-Konskriptionen mit unseren Daten vergleicht" [1]).

Нисколько не думаемъ заподозрѣвать добросовѣстность и безпристрастіе Ачади [2]), но, прежде всего, не можемъ признать его достаточно компетентнымъ. Чтобы рѣшить, какой народности принадлежитъ то или другое имя, изъ запаса корней какого языка оно возникло, нужно не только быть основательно, научнымъ образомъ, ознакомленнымъ съ даннымъ языкомъ, а, въ настоящемъ случаѣ, съ нѣсколькими языками— кромѣ мадьярскаго и нѣмецкаго, еще съ румынскимъ, русскимъ, словацкимъ, сербо-хорватскимъ,—но и съ народной ономастикой. Ни перваго, ни, тѣмъ болѣе, второго мы не имѣемъ основанія предполагать у Ачади. Между тѣмъ, вся работа произведена, очевидно, имъ самимъ [3]): нигдѣ нѣтъ никакого намека, чтобы онъ ее поручалъ ученымъ лингвистамъ или хотя бы обращался къ таковымъ за содѣйствіемъ и совѣтомъ. Ни словомъ онъ также не упоминаетъ о своемъ методѣ, о своихъ пріемахъ.

Къ тому же, распредѣленіе именъ по языку народностей не проведено послѣдовательно: имена русскія и словацкія занесены въ общую подрубрику—„tót vagy ruthén nevü" (съ русскимъ или словацкимъ именемъ). Первоначально, какъ видно изъ формы карточекъ для подготовительныхъ работъ, авторъ хотѣлъ русскія имена подсчитать отдѣльно отъ словацкихъ: на карточкахъ—двѣ подрубрики: „tót nevü (slovakisch Namige) и „ruthén névü" (ruthenisch Namige) [4]), но это оказалось для него, очевидно, не подъ силу—при окончательной обработкѣ обѣ подрубрики, безъ объясненія при-

---

[1]) Op. cit., I, стр. 80*.
[2]) Да и преувеличеніе количества мадьяръ нарушало бы стройность его вывода (см. выше стр. 293).
[3]) Черновой трудъ, думаемъ, исполненъ помощниками Ачади, по его указаніямъ.
[4]) Op. cit., I, стр. 33*

чины, соединены въ одну: „In der Nationalitätenrubrik *mussten* die Slovaken und Ruthenen in eine Rubrik zusammengefasst werden“ [1]). Какъ бы для оправданія себя, онъ далѣе высказываетъ совершенно невѣрное положеніе: „Was indess die separate Feststellung der Zahl der Slovaken und Ruthenen nicht hindert, denn die beiden Nationalitäten wohnten *nur ausnahmsweise in denselben Gegenden* gemischt“ [2]). И вотъ, въ концѣ концовъ, у него оказывается, что *словаки или русскіе* составляютъ въ сто́лицахъ Земплинской 56%, Сабольчской — 0,3%, Сатмарской — 0,4%, Спишской—64.5%, Торнянской—4,41%, Угочской—21,79% [3]); въ Унгварской—*словаковъ* совсѣмъ *нѣтъ* (!), только русскіе—74,96% [4]), въ Шаришской—*русскихъ нѣтъ* (!), только словаки—83,91% [5]).

Всѣ эти соображенія, уже a priori, привели насъ къ убѣжденію, что на означенную рубрику въ трудѣ Ачади полагаться довольно рискованно [6]). Когда же, въ 1907 г., мы ознакомились съ подлинными конскрипціями, пришлось удивиться тому произволу, съ какимъ Ачади, безъ всякихъ колебаній, пріурочиваетъ имена—иногда вполнѣ непонятныя, иногда, очевидно, искаженныя [7])—къ той или иной народности.

Приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ [8]):

Tisza Keresztúr [9]). Въ 1720 г.: Becsi, Huszty, Kósa,

---

[1]) Op. cit., стр. 35*.
[2]) L. c.
[3]) Op. cit. (мад. изд.), III, стр. 399, 369, 373, 376, 380, 383.
[4]) Op. cit., стр. 385.
[5]) Op. cit., стр. 361.
[6]) Съ такимъ же недовѣріемъ отнесся къ выводамъ Ачади и г. Томашівський (Етн. карта, стр. 183—184).
[7]) Конскрипторы, вѣдь, были не мѣстными, а чужими людьми, часто не знавшими языка народности или народностей, населявшихъ сто́лицу. Самъ же Ачади указываетъ, что весьма многія названія поселеній занесены въ переписи въ искаженной формѣ: „Die Konskriptoren, die nicht aus dem betreffenden Komitate stammten und die Namen der meisten gemeinden damals zuerst hörten, als sie daselbst erschienen, den Namen nach der Aussprache der Ortsbewohner niederschrieben und oft so verdrehten und verstümmelten, das es zuweilen Wochen lang dauerte, bis der richtige Name ermittelt werden konnte“ (Op. cit., I, стр. 35*). Въ этомъ случаѣ Ачади далеко не вполнѣ правъ: вѣдь конскрипторы получали списки поселеній отъ самихъ сто́лицъ (могли быть, конечно, и исключенія). Искаженіе названій—послѣдствіе неурегулированнаго тогдашняго мадьярскаго правописанія. Но странно то, что Ачади, замѣчая искаженія *мѣстныхъ названій*, не подумалъ о еще болѣе возможномъ искаженіи *личныхъ именъ*.
[8]) Преимущественно изъ Угочской сто́лицы—копіи съ переписей еще въ 1907 г. сдѣлана была для насъ архиваромъ, д-ромъ Р. Мароти.
[9]) Угочской ст., по Лексикону—мадьярское село.

Kozma, Menyhárt, Miklós, Nagy, Székely, Varga—по Ачади, всѣ имена—мадьярскія (даже Menyhárt!). Въ 1715 г.—тѣже имена, лишь на одного Kósa и на одного Miklós больше—мадьярскихъ именъ оказывается, по Ачади, лишь восемь, а три—словацкія или русскія.

A. Sárad [1]). Въ 1720 г.: Borsos (2), Csíp, Darabont, Dávid, Dobos, Fekete, Karaszlai, Molnár, Okos (2), Orosz—всё, по Ачади, мадьярскія имена. Въ 1715 г.—тѣже имена, нѣтъ лишь Orosz, лишній Puskas и еще одинъ Darabony—у Ачади—три имени словацко-русскихъ. Puskás—слово мадьярское, Darabont, Darabony можетъ быть и мадьярскимъ и румынскимъ.

Въ Rusz-Polyána [2]) въ 1715 г., по Ачади, девять словацко-русскихъ, семнадцать румынскихъ именъ. Въ 1720 г. Ачади не насчитываетъ *ни одного* румынскаго имени, лишь тридцать словацко-русскихъ. На самомъ же дѣлѣ, три—по всей вѣроятности, румынскія—фамиліи 1715 г. (всего носило ихъ 13 человѣкъ) повторяются и въ 1720 г. (у 14-ти человѣкъ), причемъ пятеро имѣютъ въ оба года одно и то же крестное имя и фамилію [3]).

A. Karaszló [4]). Въ 1715 г.: Babics, Domján, Lengyel, Maruska, Siketh; по Ачади, два мадьярскихъ имени—очевидно, Lengyel и Siketh, одно сербско-хорватское—конечно, Babics—хотя оно могло быть одинаково и русскимъ и румынскимъ [5]), словацко-русскими, значитъ, Ачади считаетъ Domján и Maruska.

Въ 1720 г.: Arva, Babics (2), Boris, Demján, Karaszlai, Katona, Könnyü, Maruska, Süketh, Sztanko, Zán (2)—всего 13 [6]). Изъ нихъ, по Ачади, десять мадьярскихъ именъ, шесть—словацко-русскихъ, сербо-хорватскаго *ни одного*—Babics, слѣдовательно, считается уже словацко-русскимъ. Мадьярскими именами могутъ быть: Arva (если это не Arvai, t. e. Оравецъ, изъ Оравской сто́лицы), Katona, Könnyü, Süket; къ нимъ, вѣроятно, Ачади причислилъ Karaszlai и Pap (2)—всего 7;

---

[1]) Той-же ст., по Лексикону—русское село.
[2]) Мараморошской ст., по Лексикону—румынское село.
[3]) См. слѣдующее приложеніе.
[4]) A. Karaszló и послѣдующія сёла Угочской сто́лицы. A. Karaszló, по Лексикону—русское село.
[5]) Băbiciu. См. Cihac, Dictionnare d'étymologie daco-romaine, Francfort, 1879, II, стр. 4.
[6]) У Ачади,—16; даже, если считать двухъ Pap—ruthenici sacerdos и minister, то число coloni, jobbágyok не 16, а 15.

словацко-русскія—Babics (2), Demján, Maruska и Sztanko—5; остаются Boris (Боришъ) и Zán (2)—которое имя Ачади считалъ мадьярскимъ, которое—словацко-русскимъ?

K. Tarna [1]). Въ 1715 г. имя Fülovich (Филовичъ) отнесено къ словацко-русскимъ, въ 1720 г. оно—сербо-хорватское.

Batár [1]). Въ 1720 г.: Fekete, Holyák, Káplár, Kapta, Skarampota—всего пять [2]), изъ нихъ три или два, по Ачади, словацко-русскихъ. Кромѣ Holyák (Голякъ), мы бы затруднились еще одно или два причислить къ словацко-русскимъ.

Можетъ ли Skarampota (Шкарампота, Скарампота) быть объяснено изъ словацкаго, русскаго или мадьярскаго языковъ?

Csarnató [3]). Въ 1715 г.: Fekete, Kádár, Kopasz, Kovács, Kuttya, Molnár, Oláh, Orosz(2), Sólla, Sórban (4), Szelestyey, Tatár (3), Vajnágy; по Ачади, пять изъ нихъ словацко-русскія, остальныя—мадьярскія. За носящихъ словацко-русское имя счёлъ Ачади, конечно, четырехъ Sorbán [4])—на самомъ дѣлѣ имя румынское—а кого пятаго?

Kirvá [5]). Въ 1720 г.: 3 Kirvai (т. е. родомъ изъ села Kirva, вѣрнѣе всего—русскіе) и Lengyel (ляхъ, полякъ, т. е. предки котораго, или онъ самъ пришелъ изъ Польши—Галичаны)—у Ачади четыре мадьярскихъ имени.

K. Gércze [6]). Въ 1715 г.: Bora (4), Csonka, Dobó, Fattyú, Fejes (2), Hermán (3), Kaka (2), Kis (2), Márkus, Máthé, Orosz, Tolvay, Tortok, Turczy—по Ачади, десять словацко-русскихъ, остальныя—мадьярскія имена. Мы бы отказались опредѣлить первыя. Почему Hermán причислено или къ мадьярскимъ (по мадьярски—Ármin) или словацко-русскимъ?

Въ 21-мъ поселеніи Сабольчской стóлицы, по „Series locorum portalium", вполнѣ или преимущественно русскихъ, въ переписи 1720 г. Ачади нашелъ только мадьярскія имена.

---

1) По Лексикону—русское село.
2) У Ачади 6.
3) По Лексикону—русское село.
4) Въ 1720 г.: Dankó, Demkó, Sorbán (3), Tatár (3), Vajnághi (2)—пять словацко-русскихъ, т. е. Dankó, Demkó и 3 Sorbán, пять мадьярскихъ—3 Tatár (!), 2 Vajnághi (т. е. „изъ Vajnágh", изъ Вунѣева—русское село Мараморошской стóлицы).
5) По Лексикону—русское село.
6) По Лексикону—румынское село.

Около 20-ти изъ нихъ мы бы сочли славянскими или румынскими: Bodák, Bogoméry (Богумиръ), Brodán (вѣроятно, рум. Prodán), Damoczky, Dohora, Duhona, Dunkunszky, Horbács (Горбачъ), Ignáth (по мадьярски было бы Ignácz), Kazup (Козубъ), Kolinics (Колиничъ, Калиничъ), Kornicski (Корницкій), Lipocska (Липочка), Muka, Obleda, Orbán (рум.), Pleha, Sibrik (Шибрикъ, Сибрикъ), Timko (2), Zapko (Цапко) [1].

Ограничимся лишь этими немногими образцами пріемовъ Ачади, хотя могли бы увеличить ихъ число до сотенъ. Общее впечатлѣніе наше таково, какъ будто бы Ачади и не думалъ лингвистически разобраться въ находившемся у него подъ руками матеріалѣ, а просто, по своему усмотрѣнію, распредѣлилъ имена по подрубрикамъ, соображаясь, приблизительно, съ территоріальнымъ распространеніемъ народностей Угріи. Научнаго значенія эта сторона труда Ачади, по нашему мнѣнію, не имѣетъ никакого [2].

---

[1]) См. приложеніе № 5.

[2]) Мы не задавались, конечно, провѣркой вообще книги Ачади, но и во второй рубрикѣ нашли много ошибокъ, какъ при подсчетѣ общаго числа жителей каждаго поселенія, такъ и при распредѣленіи ихъ по подрубрикамъ.

Такъ, въ Угочской столицѣ:

A. Karaszló. Въ 1720 г. у Ачади 16 jobbágyok (coloni), въ переписи—13 coloni, 1 ruthenicus sacerdos, 1 ruthenicus minister. Двухъ послѣднихъ Ачади долженъ бы отмѣтить въ подрубрикѣ—иные; Csarnató. Въ 1715 г. у Ачади jobbágyok 14, zsellérek (inquilini) 5, въ переписи coloni 15, inquilini 4; въ 1720 г. jobbágyok 8, zsellérek 2, въ переписи coloni 7, inquilini 2, advena 1; Batárcs въ 1715 г. jobbágyok 29, въ переписи coloni 27; Fekete Ardó въ 1720 г. jobbágyok 17, zsellérek 6, въ переписи coloni 16, inquilini 7, extranei 2; Gyula въ 1715 г. у Ачади jobbágyok 21, zsellérek 3, въ переписи coloni 20, inquilini 7; K. Gércze въ 1715 г. jobbágyok 18, zsellérek 5, въ переписи coloni 14, inquilini 9; Rákócz въ 1715 г. jobbágyok 51, zsellérek 7—coloni 54, inquilini 5; Túr-Terebes въ 1715 г. jobbágyok 16, zsellérek 7—coloni 14, inquilini 10, coloni in fundo nobilitari residentes 2; въ 1720 г.: jobbágyok 19—coloni 16; Turcz въ 1715 г. zsellérek 7—inquilini 10, extraneus 1; въ 1720 г. jobbágyok 39, zsellérek 4—coloni 35, inquilini 6; Hetény въ 1715 г. jobbágyok 11, zsellérek 3—coloni 9, inquilini 4, extraneus 1 и т. д.

Advenae, extranei должны бы быть занесены въ подрубрику egyéb—иные, но они, по крайней мѣрѣ въ Угочской ст., бо́льшей частью пропущены или же на 1, 2 увеличили у Ачади число jobbágyok. Въ Királyháza, однако, гдѣ по переписи 6 extranei, у Ачади 1 занесенъ въ подрубрику zsellérek, 5—въ egyéb. Въ Сатмарской столицѣ, по переписи 1715 г., въ Lugos было 16 advenae—у Ачади въ подрубрикѣ egyéb является цифра 17; въ Császári 23 advenae, въ Peniszlek—36, въ Vasvári—14—у Ачади всѣ эти цифры перенесены въ подрубрику jobbágyok.

По словамъ Ачади (II, стр. 2), горожане небольшихъ мѣстечекъ (mezövárosi polgárok, oppidani) въ иныхъ переписяхъ имеnуются oppidani въ другихъ—coloni. Вѣроятно, поэтому въ N. Szöllös, въ которомъ, по переписи 1715 г., 33 coloni, у Ачади находимъ 33 polgárok; въ немъ же въ

Замѣтимъ еще, что нѣкоторые разряды именъ, несомнѣнно *мадьярскихъ по формѣ*, не указываютъ на *мадьярскую національность* ихъ носившихъ, а лишь на то, что эти имена или фамиліи-прозвища даны крестьянами-*мадьярами* пришельцамъ, которые могли быть и мадьярами, но могли быть и русскими и словаками, и румынами и т. д.

Таковы:

а) Мадьярскія прилагательныя, образованныя отъ названія мѣстности, откуда человѣкъ былъ родомъ или откуда переселился: Bereznai—изъ Березнаго, Czéglédi—изъ Цегледа, Izai—изъ Изы, Máramorosi—изъ Марамороша и т. д.

б) Собственныя имена въ мадьярской формѣ, замѣняющія фамиліи (вѣроятно, это—имя отца или дѣда): Lukács, Miklós, Pál и т. д.

в) Названіе народовъ въ мадьярской формѣ: Lengyel, Orosz, Tót, и т. д.

г) Фамиліи, обозначающія занятіе, ремесло—объ этомъ говорилось выше: Kovács, Napszámos, Szabó и т. д.

4) Urbaria et conscriptiones отдѣльныхъ доминій или ихъ частей.

Извѣстная часть податного населенія, какъ мы видѣли, оставалась незатронутой общегосударственными переписями. Переписи же и урбары доминій захватывали всѣхъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, по скольку возможно было получить съ нихъ какой либо доходъ деньгами, натурой или работой.

„Am zweckentsprechendsten erwiesen sich in dieser Hinsicht die gleichzeitigen grundherrlichen Konskriptionen, die *Urbarien*, welche viel vollständiger und die Urbarialbevölke-

---

переписи 1720 г. 35 coloni, 8 inquilini, у Ачади же нѣтъ ни одного polgár, ни одного jobbágy, а 49 zsellérek (!).

Не поручилъ ли Ачади черновую работу—занесеніе данныхъ переписей на карточки—неподготовленнымъ, неопытнымъ или неаккуратнымъ людямъ, а самъ не потрудился тщательно провѣрить всѣ карточки? Правда, слова Ачади какъ бы исключаютъ такое предположеніе: „Die gewissenhafte Ausfüllung dieser Zählblätter, sodann die genaue Superrevision jedes derselben und die Vergleichung ihrer Daten mit dem Original — — bildeten den ersten Abschnitt des langwierigen Operats der Aufarbeitung" (I, стр. 34*). Но если подобныя ошибки попадаются, и въ довольно значительномъ количествѣ, во 2-ой рубрикѣ, то почему же мы можемъ думать, что ихъ нѣтъ и въ 4-ой рубрикѣ, гдѣ въ цифрахъ представлено экономическое положеніе податныхъ классовъ?

rung in viel weiterem Kreise umfassen, als die Steuerkonskriptionen. Der Staat hob nur von jenen Urbarialisten Steuer ein, die irgend ein steuerbares immobiles Vermögen oder einen sichern Erwerb hatten. Hingegen bezog der Grundherr in Geld oder Arbeit von Jedermann, der unter seiner Macht stand und auf seinen Besitzungen wohnte, irgend ein Erträgniss. Um über seine Einkünfte eine Orientirung zu erlangen, liess der Grundherr die Urbarialisten und ihre Dienstleistungen auf das Genaueste konskribiren, und diese Urbarialconskriptionen, Urbarien umfassen einen viel weiteren Kreis der Bevölkerung, mit Ausnahme einiger Krüppel, Bettler, u. dgl., die ganze Bevölkerung" [1]).

Во многихъ изъ нихъ имѣются имена крестьянъ. Кромѣ того, въ нихъ, какъ исходившихъ отъ лицъ, болѣе близкихъ къ народу, можно больше найти разнаго рода замѣчаній, характерныхъ для положенія послѣдняго, а также иногда имѣющихъ и общеисторическое значеніе.

Такъ, въ урбарѣ Мукачевской доминіи 1570 г. [2]), при селѣ Oroszvég, помѣщено цѣнное свидѣтельство, доказывающее, что подложная грамота 1360 г. отъ имени князя Θеодора Коріатовича [3]) составлена *раньe 1579 г. и тогда уже считалась подложной:* „Nonam vini et frugum (incolae) dant episcopo Ruthenico. Eidem episcopo Ruthenico loco decimae porcorum singulis annis dant porcos 7. *Privilegia episcopi Ruthenici vel monasterii ejus,* quemadmodum agnoscitur ex litteris privilegialibus parochialibus, parocho ecclesiae S. Spiritus in possessione Ivani fundatae, *jam in hoc, quam in aliis juribus,* quae sibi episcopus Ruthenus vindicat, *minus justa reperiuntur. In sola gratia Caesareae Majestatis stat, quid et quantum illis concedatur uti*".

Только недавно, уже по окончаніи печатанія изслѣдованія, мы получили заказанную лѣтомъ копію съ документа, который слѣдовало бы использовать для VI главы.

Это—„Specificatio bonorum, ad Dominium Homonna spectantium", XVII в., безъ года, по-мадьярски [4]). Въ немъ, между прочимъ, отмѣчена народность крестьянъ болѣе чѣмъ

---

[1]) Op. cit., I, стр. 37*.
[2]) Fasc. 18, № 24.
[3]) См. наши Мат. III.
[4]) Fasc. 31, № 15.

ста сёлъ средней и сѣверо-восточной части Земплинской стóлицы.

Сообщаемъ выдержку въ русскомъ переводѣ [1]):

„Перечень принадлежащихъ Гуменному (Homonna), расположенныхъ въ Крайнѣ (Krayina) сёлъ и стоящихъ особо подъ крайниками (krainik) округовъ (processus), по порядку:

Orozzsagh (русь, русскіе): 1) *округъ* (járás) *крайника Andras Zaiachko*—Chertesz (Csertész), Habura, Borow (Borró), Palotta, Vidrany, Kalino, Mezeó-Labarcz, Nijago, Rokitto (Rokitócz), Kraznibrod, *A. Chiebenie (A. Csebinye), F. Chebenie, Chabalocz (Csabalócz), Virawa, Olsinko, Vilagh, F. Jablonka, A. Jablonka, *Telepocz, Rakitowecz (Homonna-Izbugya Rokitó), Hoztowicza; 2) *округъ крайника Hricz Kluchka*—Klanicza (Kolonicza), *Topolia, Kolbasso, Ruzka, Polena, *Zmerekocz (?), Prizlup, Ladomer, Zwiala (Zuella), Oztroznicza, Ztarina, Jallowa, Sztakcheny, Pczioljna, Chiukalocz (Csukalócz), Parihusocz, Kalna, *Roztoka (Kalna Rosztoka), Polianka (конечно, Nechvál), Pichnye, Zubna, Zmelnik (Szomolnik), *Kriwa (?), Rovnina (Runyina); 3) *округъ крайника Mihal Belenźky*—*Rozgiel (?), *Zboyna (*Zboj [2]), Kriwa (Ulics Kriva), Vlics, Klenowa, Michaylo; 4) *округъ крайника Ricz Inoczy*,—*Inocz, *Ztezna (?), Biztra (Orosz), *Smugicz, Dubrawa, Hrabocz (Orosz), Ztriócz (Sztrihócz), Hrabe Roztoka.— — Ublia принадлежитъ сюда же, но отчислена къ Унгвару"

Далѣе, между словацкими сёлами, во „*2-мъ округѣ умершаго крайника Istwan Nemet*—Zuchoo (Szukó), Roskocz, Repeó, Ilyka (Sztropkó Olyka), Kriwa (Olyka)—эти пять сёлъ—русь (oroszsagh)".

Поименованныя сёла, въ настоящее время, всѣ—русскія, по Лексикону—также, кромѣ Nechvál Polyánka и Miháljó—словацкихъ: выше мы говорили о сомнительности показаній Лексикона относительно двухъ послѣднихъ сёлъ [3]).

Слѣдовательно, границы сплошной русской территоріи въ

---

[1]) Названія сёлъ печатаемъ точно по оригиналу, ставя въ скобкахъ современную форму въ тѣхъ случаяхъ, когда могло бы явиться какое-либо недоразумѣніе. Звѣздочкой обозначаемъ села, пропущенныя въ Лексиконѣ: *Telepocz, вопросительнымъ знакомъ—не разысканныя нами на картахъ, вѣроятно, въ XVIII в. уже исчезнувшія: *Rozgiel (?).

[2]) Въ elenchus—Zboj.

[3]) Стр. 123, 127.

этой части сто́лицы съ конца XVIII в. и донынѣ являются такими же, какими были и въ XVII в. [1]).

Въ свою очередь, сёла, въ настоящее время и по Лексикону словацкія, словацкія же по „Specificatio":

„Tootsagh (словенство, словаки:): 1) *округъ крайника Mathe Koskoczy*—Koskocz, *Jeblonya, Kriva (Tót), *Hankocz, Lubisse, Veliepolia, Udwa, Keórtvelyes (F. Körtvélyes), Rowna, *Agydocz, Papinna, Kohanocz, *Bella (Cziroka), *Hozzumezeó (Izbugya), Modra, N. Kemencze, K. Kemencze, *Helmeczke, *Jeszeneó, Laczfalva; 2) *округъ умершаго крайника Istwan Nemet* [2])—Totsàgh: *Hrubo, Zopkocz (Szopkócz), *Baskocz, *Chernyna (Csernina), *Jankocz, F. Ladiskocz, A. Ladiskocz, Lukachiocz, *Vitesocz (?), *Jasinocz, *Karna, *Geregenye, Volowa (Tót), *Grosocz, Mislinye, Zawatka, Topolioka, Lezkocz, *Hegedwsfalva, Szalubina (Zsalobina), *Behanocz (?), Matthiasocz.

Русскія же, по Лексикону сёла: перваго острова—Hazinna (Hazsina), Petticse, Porubka [3]), отдѣльно лежащее Brezto (Homonna) и въ выступѣ между Рус. Кайней и Петеёвцами Pakozto, Petrocz (Orosz), Stephanocz и Turczocz—всѣ, по „Specificatio"—словацкія.

Сравнивая данныя „Specificatio" съ данными М. Беля [4]), Лексикона и съ нынѣшней этнографической картиной мы видимъ въ нихъ новую опору для высказаннаго нами выше предположенія [5]); какъ относительно устойчивости основной русско-словацкой границы, такъ и относительно поздняго времени русской колонизаціи средняго, въ XVII в. словацкаго, Земплина [6]). Наибольшій разливъ ея относился къ первой четверти XVIII в., что̀ и засвидѣтельствовано Описаніемъ Беля. Постепенно этотъ наносный русскій элементъ уступалъ словацкому, и, поэтому, очертанія русско-словацкой границы, по „Specificatio", ближе къ очертаніямъ ея въ 1773 г., чѣмъ во время Описанія Беля, и почти совпадаютъ съ нынѣшними.

---

[1]) Только отсутствующее въ Лексиконѣ село *Valiaskocz, теперь русское, по „Specificatio"—словацкое, но оно было, очевидно, малолюдно, ибо названо „praedium".

[2]) Послѣ пяти выше перечисленныхъ сёлъ.

[3]) Такъ же, какъ и находящееся въ выступѣ у Maskócz, русское нынѣ и по Белю, *Gdedaczio (Dedasócz).

[4]) Выше стр. 174.

[5]) Стр. 113, 175—176.

[6]) А также, вѣроятно, и запада Унгварской сто́лицы.

„Urbaria et conscriptiones“, такимъ образомъ, заслуживаютъ внимательнаго изученія, которое нами только начато.

„Urbaria et conscriptiones“ хранятся въ Отдѣлѣ угорской королевской Камеры—всего 239 fasciculi, въ каждомъ до 50-ти и болѣе №№. Къ нимъ имѣются elenchi—26 томовъ in folio и къ каждому—алфавитный индексъ.

5) Въ томъ же Отдѣлѣ находится еще болѣе громадное собраніе—1.880 слишкомъ fasciculi, въ каждомъ—много №№ разнообразныхъ документовъ — „Neoregistrata“, elenchi къ которымъ составлены въ концѣ XVIII, въ началѣ XIX в. Индексы эленховъ, въ 90-хъ годахъ, по приказанію директора архива Паулера, были оторваны отъ послѣднихъ и переплетены особо. Нами просмотрѣны индексы на буквы *O* и *R*, и отмѣчены сигнатуры документовъ, въ которыхъ упоминаются названія поселеній отъ корня *„рус“*. или *„Rutheni“*.

№ 5. Прозвища [1]—фамиліи крестьянъ [2].

Первоначально мы предполагали здѣсь въ широкомъ размѣрѣ использовать находящійся въ нашихъ рукахъ матеріалъ по угрорусской ономастикѣ. Разросшійся объемъ предшествующихъ приложеній и экскурсовъ заставилъ насъ отказаться отъ этого намѣренія и ограничиться лишь самымъ необходимымъ для иллюстраціи нѣкоторыхъ страницъ нашего изслѣдованія.

Мараморошская столица [3].

Не беремся разграничить русскія и румынскія фамиліи въ сёлахъ долины р. Русковой, не считая себя въ достаточной степени къ этому подготовленными, да и врядъ ли подобная задача въ данномъ случаѣ разрѣшима съ полной увѣренностью.

Несомнѣнно, часть фамилій безусловно румынскія: Botiz, Csora, Kimpán, Osztás [4], Prodán [5] и т. п.; часть—столь

---

[1]) Первая рубрика въ печатной урбаріальной таблицѣ озаглавлена «Імѧ тай Прꙋзвище» (Мат. V, стр. 72).

[2]) Печатаемъ фамиліи точно по оригинальнымъ документамъ или по сдѣланнымъ съ нихъ архиваромъ Государственнаго архива, д-ромъ Р. Мароти, копіямъ. Сомнительное чтеніе отмѣчаемъ *знакомъ вопроса*: Eloda (?). Собственныя имена приводимъ преимущественно лишь тогда, когда они занесены въ данномъ документѣ по большей части въ народной русской или румынской формѣ, но не сплошь въ мадьярской или латинской. Въ спискахъ фамилій изъ переписей 1715 и 1720 гг. отмѣчаемъ фамиліи, повторяющіяся въ обѣихъ *звѣздочкой*: * Holyák: *Цифры въ скобкахъ* обозначаютъ количество крестьянъ, носившихъ одинаковое имя или фамилію.

Не всегда можно установить съ точностью, какъ звучали въ дѣйствительности тѣ или иныя фамиліи. Орѳографія XVIII в. въ Угріи была не вполнѣ устойчива и послѣдовательна. Къ тому же нѣкоторые писцы держались орѳографіи не мадьярскихъ, а латинскихъ памятниковъ (вообще о мадьярской орѳографіи, см. предисловіе къ картамъ). Поэтому, относительно фамилій, смыслъ которыхъ неясенъ, всегда возможны сомнѣнія: Buczela=Буцела или Бучела? Hanusz—Hanudz—Hanus—какъ произносилось? Kósán=Кошанъ или Кожанъ? Simko=Шимко или Симко? и т. п.

[3]) Къ стр. 47—48.

[4]) Botez—baptizare; cioară—corneille noir; cămpean—campanus (Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco—romaine, I, 1870); ostași—militer (Antonescu, Dictionnaire roumain—français).

[5]) Часто встрѣчающееся у румынъ собственное имя.

же безусловно—русскія: Hrintsuk, Kozak, Moroz, Rusznák и т. п. Но такія, какъ Babics, Dupik, Marko, Petrik и т. д. могли быть и русскими, и румынскими, Kovács—и румынской, и мадьярской и т. п., иныя же не легко поддаются объясненію, являются въ документѣ искаженными, или же нѣтъ увѣренности, что онѣ правильно прочтены: Bagalo, Eloda (?), Severa (?) и т. п.

Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даютъ указанія собственныя имена, исключительно или преимущественно употребляющіяся у румынъ или занесенныя въ документы въ народной румынской формѣ: Dán, Dumitr, Lupul, Pintye, Prodán, и т. п. Нѣтъ, однако, ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ смѣшанныхъ русско-румынскихъ сёлахъ и русскіе получали при крещеніи румынскія имена—особенно, если священниками были румыны. Въ урбаріальныхъ таблицахъ и въ переписяхъ доминій помѣщики-румыны могли передавать имена русскихъ крестьянъ въ народной не русской, а румынской формѣ: вм. Mitro—Dumitr, вм. Danilo—Dan и т. п.

Не вдаваясь въ подробности, а вглядываясь въ общую картину, нельзя, однако, не придти къ заключенію, что, судя по фамиліямъ и собственнымъ именамъ, Русково въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII в. было смѣшаннымъ румынско-русскимъ селомъ, съ преобладаніемъ румынскаго элемента, а въ 1715 и 1720 гг. оно, какъ и Русскова Поляна [1])—также румынско-русскимъ, но безъ явнаго преобладанія румынъ.

Русково:

Урбаріальная таблица: Ardelán Jon, Jonás, Mihál, Miklós; Argzelán György; Babics Alexa, Jon-Szimion, Lupul; Bliszkoka Veszilcze; Bodnás Fedor, Gavrille, Mihaly, Nikora; Bojko Hosztán; Botisko-je (vidua); Botiz Alexa (2), Nekita, Pavel-Prikop, Pintye, Vaszily; Bumbás Fedor, Ivan, Jakob, Nekita (2), Vaszily; Csonka Nekita; Csora György; Drozd—Droz—Drosz Hrihor, Ivan (2), Maxin, Mikajlo, Pintye, Thoma, Vaszily; Dupik Fedor; Griska Hrihor (2); Hinits Petro; Holler Fedor; Hrintsuk Hrihor; Jebak Veszilcze; Jurika Andréj-Alexa, Jakob (2),

[1]) Урбаріальной таблицы для этого села не сохранилось.

Maxin; Kimpán János; Kitzura Dán; Kosztelyán Kosztye; Kovacs Kurile, Lupul, Voszalie; Kozak Gavrilla, Fedor; Kozup Ihnáth; Lekcsa—Leksa—Letcsa Ignath, Prikop (2); Miska Kosztán; Moroz Ivan; Olár Fedor; Ordeko-je vidua; Osztás Nekita, Timofi; Papp Dumitru, Ivan (2), Vaszalie (2); Petrik Iván, Virtik; Prodán Marko, Marko alias Nekita; Rinka Fedor; Rusz Iván, Jur, Keline (inquilina), Kurile, Prikop, Szimion, Zacharie; Rusznák Onufri; Sátra Fedor; Szavko Kozma, Maté; Szinko Gaurilla, Jura; Sztanko Thoma; Trecska Iván.

Перепись 1715 г.: Bilcžik *Alexa, Simeon; Bodnar Alexa, Simeon; Botiz *Iwan; Bumbar *Dan, Iwan, *Szaul; Droz—Drosz Györgi, *Luka, *Lupul, Stephan; Dupik *Iwan; Hauriss Jur; Hinics Vaszely; Hornicžar *Stephan; Jurika Alexa; K.— —ais (?) Prodan; Kovács *Alexa, Dumitr, *Gregori; Kozak Fedor; Leksa Dumitras; Marko Nikora; Pap *Toma; Parda Iwon; Petrik Waszil; Penyaszko—Pinyeszko Alexa, Fedor, Kira; Rukowancsik Griga; Szenko Waszily; Sztanko Prodan.

Перепись 1720 г.: Bilcsik *Alexius, Botiz Demetrius, *Johannes, Philippus; Bumbar *Daniel, *Szawl; Drosz Georgius, *Lukacs, *Volphangus; Duppek *Johannes; Hinics Ladislaus; Hornicsar Stephanus; Jurik *Alexander; Kovács *Alexander, *Gregorius, Paulus; Pap *Thomas; Osztaš Jacobus; Simko Petrus.

Руссвова Поляна:

Перепись 1715 г.: Bagalo Vertolome; Eloda (?) Lupul; Gergely *Jur, Nikora; Hajduk *Petrass; Kurak Iwan; Micsurka Mihajlo; Petrik Jur, Nekita, Nikolaj, *Szimeon *Toma; Severa (?) *Andráss, Dan, Grigori, *Illya, Iwan, Mateg, Nekita; Veszkan Veszi; Vojna *Makszim; Volostjuk *Illya, Iwan, *Luka, Petras.

Перепись 1720 г: Bagalo Oniphri; Csurka Mihally; Drosz Ladislaus; Gregorius *Jur; Hajduk *Petrus; Holószcsuk Jur; Kirmosa (?) Nicolaus; Kurak Franciscus; Micsurka Johannes, Mathias, Petrus; Petrik Demetrius, Ladislaus, Oniszim, Onophri, *Simeon, *Thomas, Volphangus; Popovics Nicolaus; Severa (?) *Andreas, *Elias, Nicolaus, Prodan, Timofej; Vojna Demetrius, Michael, *Maxim; Voloszcsuk *Eliaš, *Lukacs, Nekiphur.

Иную картину даютъ урбаріальныя таблицы двухъ сёлъ сѣверной части столицы, лежащихъ одно подлѣ другого, Рѣчки и Киличина. Хотя и здѣсь попадаются не русскія фамиліи, но, если обратить вниманіе и на собственныя имена, то получается опредѣленное впечатлѣніе, что населеніе обоихъ сёлъ — русское, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и другія данныя. Нынѣ Рѣчка и Киличинъ—также русскія.

Рѣчка:

Babets Alexa, Danilo, Jatzko, Luka, Vaszily; Bastrán Kuzma; Bela Ivan; Bihaj Alexa, Ivan; Czendra Ivan, Thoma; Gelbits Matyi; Ivanya Andri; Ivasko Iván, Stefan; Katrán Fedor; Kentyur Hrehor, Mihaj; Kheminecz Ivan; Korda Hrehor, Jurko, Timko; Kraha Ivan; Lentsur Ivan (2), Petre, Szimjon, Timko; Marecz Timko; Mendras—Mendrats Andri, Timko; Mez Jaczko; Peszdejtsák Alexa, Ivan; Radics Stefan; Román Ivan; Sajka Andri, Timko; Sobi Román; Uhren Simon; Zubanits Ivan, Jaczko.

Киличинъ:

Bagdély Baszily; Balega Mihaj, Mikula; Barát Kapicza [1]); Barkoczi László [2]); Burduly Vaszily; Chimly Kuzma, Prokup, Timko; Csornéj Andri, Fedor, Mihaj, Petro, Stefan; Evantza — Evántzu — Ivántza Stefán, Temko, Vaszily; Gogilyka Ivan, Petro, Vaszily; Gyiretsuk Andri, Fedor; Jantsek Hretz; Kanyuk Mihaj; Kondrat Makszim; Kovály Luka, Stefán; Kundrat Hretz, Luka (2), Vaszily; Lenya Fedor, Ivan (2), Kuzma, Mihály (2), Szemjon; Lusevits Matyi; Makarita Ivan, Timko: Marinetz Danilo, Lesza, Luka, Vaszily (2); Pajdúk—Pojdák Hrecz, Iván, Mihaj, Stefán; Popaden Ivan; Popadinetz Fedor; Popovits Fedor (2), Vaszily; Rustsák Peter; Ruszin Fedor; Soketa Ivan; Sopják Alexa, Ivan, Jurko, Vaszily; Stsur Alexa, Iván, Jaczko; Szacskuly Iván (2); Szászin Iván, Vaszily; Szekeres Prodán; Szemko Iván, Jatzko, Mikula; Szenetza Petro, Stefan; Sznasek Vaszily; Szo-

---

[1]) Гдѣ имя, гдѣ фамилія?
[2]) Domini Andreae Fekete—мадьяръ, слуга помѣщика мадьяра.

lyanek Ivan (2), Luka; Tominetz Vaszily; Zubanits Hretz (2), Ivan, Jatzko, Marko, Roman.

Перейдемъ теперь къ русскимъ сёламъ на русско-мадьярской пограничной чертѣ и среди сплошного мадьярскаго населенія.

Во всѣхъ ихъ, по урбаріальнымъ таблицамъ, имѣются мадьярскія фамиліи, въ бо́льшей ихъ части—послѣднія преобладаютъ, иногда почти исключительно. Выше [1]) указывали мы на невѣрность заключенія Ачади, будто въ XVIII в. „der Familienname sich mit der Nationalität deckt". Всѣ данныя указываютъ на *русскую* народность означенныхъ сёлъ, и слова Ачади находятъ, такимъ образомъ, полное опроверженіе.

Часть носившихъ мадьярскія имена были, какъ уже говорилось [2]), переселившіеся съ сѣвера потомки обрусѣвшихъ иословачившихся мадьяръ. Другую часть составляли русскіе пришельцы, имѣвшіе, конечно, собственныя русскія прозвища—фамиліи, но получившія въ мадьярской средѣ новыя прозванія, то по мѣстности, откуда они прибыли, то по имени отца, то по ихъ народности (Lengyel, Orosz), то по ихъ ремеслу [3]). Въ послѣдствіи, при смѣнѣ, можетъ быть, поколѣній, эти прозванія, какъ преимущественно употреблявшіяся окружавшей ихъ мадьярской массой, вытѣснили у ихъ потомковъ первоначальныя русскія прозвища—фамиліи. Кромѣ того, ставъ по необходимости двуязычными, они откликались и на обычныя мадьярскія эпитеты: Fejér (бѣлый), Fekete (черный), Kis (малый), Nagy (большой), и т. п. Можетъ быть, сначала эти эпитеты употреблялись вмѣстѣ съ русскимъ прозвищемъ [4]) крестьянъ, а потомъ и безъ послѣдняго.

Вотъ, думается, наиболѣе вѣроятное объясненіе факта существованія крестьянъ, мадьяръ по имени, но преимущественно говорящихъ по русски и считающихъ себя русскими.

Нѣтъ необходимости, конечно, публиковать фамиліи крестьянъ всѣхъ подобныхъ русскихъ сёлъ [5]). Ограничимся лишь нѣкоторыми примѣрами.

---

[1]) Стр. 294.
[2]) Стр. 157, пр. 6.
[3]) См. выше, стр. 302.
[4]) Такъ, въ урбаріальной таблицѣ села (Nyír) Lugos имѣется Gliba и Nagy-Gliba.
[5]) Только въ Сабольчской сто́лицѣ печатаемъ имена крестьянъ по переписи 1720 г. изъ *всѣхъ* сёлъ, по заявленію самой сто́лицы въ „Series locorum portalium", вполнѣ или преимущественно русскихъ. Исключеніе это допущено въ виду значительной древности такого категорическаго свидѣтельства.

Сообщимъ также и фамиліи изъ переписей 1715 и 1720 гг. Во многихъ сёлахъ въ 1720 г. очень мало тѣхъ фамилій, которыя упомянуты въ переписи 1715 г., что подтверждаетъ отмѣченную выше подвижность населенія въ началѣ XVIII в. [1]). Въ иныхъ сёлахъ, какъ Велятинъ, Чорната, и др., гдѣ въ урбаріальныхъ таблицахъ имѣются русскія фамилія, по переписямъ, особенно по переписи 1715 г., совсѣмъ таковыхъ нѣтъ. Очевидно, крестьяне, носившіе русскія фамиліи, прибыли сюда позже 1715—1720 гг.

Для болѣе удобнаго оріентированія читателей распредѣляемъ фамилій по тремъ рубрикамъ: а) славянскія, respectivé—русскія (**С.**), б) мадьярскія [2]) (**М.**).

Къ этимъ рубрикамъ мы относимъ такія фамиліи, которыя, съ перваго взгляда, безъ всякихъ натяжекъ, могутъ быть объяснены изъ одного изъ славянскихъ [3]), или изъ мадьярскаго языковъ. Остальныя фамиліи мы отнесли къ в) третьей рубрикѣ (**О.**). Сюда вошли фамиліи румынскія, нѣмецкія и т. д., фамиліи не такъ легко могущія быть истолковаными изъ мадьярскаго или славянскихъ языковъ, фамиліи, очевидно искаженныя; наконецъ, фамиліи, хотя бы славянскаго корня, но весьма обычныя у мадьяръ [4]). Несомнѣнно, изъ третьей рубрики, при помощи небольшого измѣненія внѣшней формы фамилій, возможно выдѣлить еще многія въ первую или во вторую группу, но мы предпочли лучше увеличить эту неопредѣленную рубрику, чѣмъ навлечь на себя упрекъ въ произволѣ.

Угочекая столица [5]).

Въ семи сёлахъ: Батаръ, Бочковъ, Гетеня, Карачфальва, Кекенюшъ, Чедрегъ и Шашваръ— лежащихъ въ русскомъ выступѣ [6]) или въ видѣ островов— русскихъ по Лексикону, но litterae testimoniales родной языкъ— русскій, но крестьяне одинаково владѣли и мадьярскимъ,

---

[1]) Стр. 159.

[2]) Вмѣстѣ съ тѣми четырьмя ихъ категоріями, которыя не свидѣльствуютъ непремѣнно о мадьярской національности ихъ носившихъ (см. стр. 302).

[3]) А также обычно употребляющіяся у малоруссовъ.

[4]) Какъ Kovács.

[5]) Къ стр. 58, пр. 4.

[6]) Кромѣ Бочкова, прилегающаго къ русской границѣ.

почему и были выданы имъ урбары на обоихъ языкахъ. Въ трехъ сёлахъ: Велятинъ, Новоселица и Чорната знаніе крестьянами мадьярскаго языка не отмѣчено, урбаръ выданъ только русскій [1]).

Батаръ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Polyák, Rádik, Szereda (2), Verinkoj **М.**: Árdánházi, Dudás, Dulfalusi (2), Fejsza (2), Gábor (2), Kapta, Kokass, Lengyel, Major, Maramarosi, Obsitos, Orosz, Szőllősi (2), Tuzess, Üveges; **О.**: Karaba, Kosán (3), Stefán (2), Surin (2).

Перепись 1715 г.: **С.**: *Hoják [2]), Polturák; **М.**: Dobrokay, Kis, Németh, Ország, Pipa, Szőlősi.

Перепись 1720 г.: **С.**: *Holyák; **М.**: Fekete, Káplár, Kapta; **О.**: Skarampota.

Бочковъ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Ivácsko, Krávics, Muha, Vukács (2); **М.**: Deák (2), Fejér, Hajdu (2), Virasztó; **О.**: Bodzog, Hanusz, Hardzsigán, Homza, Kozma, Paksnik.

Перепись 1715 г.: **С.**: *Lemes (2); **М.**: *Pap, Virasztó; **О.**: Hanudz (3), Kovács.

Перепись 1720 г.: **С.**: *Lemes; **М.**: *Pap; **О.**: *Hanus—Hanucz (3).

Гетеня:

Урбаріальная таблица: **С.**: Danilo, Lemák (2), Lukanics, Rároszki (2), Timko; **М.**: Bereznai (2), Brodi, Czeglédi, Dobonyi, Dudás, Halász, Fanta, Ilosvai, Papp (2), Szüts, Svább, Toth, Varju (2); **О.**: Budok, Csobán, Dancs, Szakay (2), Zsupány.

Перепись 1715 г.: [3]) **С.**: Polyák; **М.**: Boczó, Hoszú, Oláh (3), Orosz (3), Sipos, Szeg; **О.**: Budó, Dávid, Simon.

Карачфальва:

Урбаріальная таблица: **С.**: Dubik, Nohács (2); **М.**: Baglé, Bujdosó, Homoki, Kerekes, Major (2), Oláh, Orosz, Pap alias

---

[1]) Выше, стр. 58—59.
[2]) Голякъ, см. перепись 1720 г.
[3]) Въ переписи 1720 г. Hetény пропущено.

Orosz, Páp (2), Puskás, Rostás, Tóth (2); **O.**: Borcsik (4). Severa.

Перепись 1715 г.: [1]) **C.**: Ivanyina, Petrik; **M.**: Fekete, Hatházy, Nagy, Orosz (2), Pap, Sárady, Szalvay; **O.**: Borcsik,

Кекенюшъ:

Урбаріальная таблица: **C.**: Holyák, Lemák (3), Mondits, Moroz (3), Terebják (2); **M.**: Barna (3), Borsi, Csinos, Csomaj, Csordás, Deák, Fekete (2), Göde, Görbe (5), Huszti, János, Kardos, Lengyel, Makó alias Nagy, Obsitos, Oláh (2), Orosz, Orosz alias Izai, Peleskei, Sánta, Szabó alias Téglás, Szalai, Tatár, Tóth, Varjú (2); **O.**: Kósa, Koszta, Miska, Tonko, Simon.

Перепись 1715 г. **M.**: *Berkes, *Futott, Hoszú, *Husztÿ, *Kaliba, Orosz, Pethő, *Szabó, Tar; **O.**: Kósa.

Перепись 1720 г.: **M.**: *Berkes, *Futott, *Huszty, Kajiba, *Szabó, Tótth.

Чедрегъ:

Урбаріальная таблица: **C.**: Burja, Rusiló (3); **M.**: Dobrai (2), Sándor, Szőllősi, Tót (2), Trücsök, Vig; **O.**: Kasu.

Перепись 1715 г.: **M.**: *Orosz (2); **O.**: *Kovács.

Перепись 1720 г.: **M.**: *Orosz; **O.**: Kovács.

Шашваръ:

Урбаріальная таблица: **C.**: Czapko, Gazdik, Ilyku, Kaucsik, Kozák, Lemák (7), Panyusztik, Verbics; **M.**: Juhász (2), László, Lovász, Major (2), Miklós (2), Mojszi, Molnar, Oláh (2), Orosz (5), Pusztai, Szőllősi, Tüzes, Üveges, Varga, Varju, **O.**: Bolya, Buczela, Iszák, Ivó, Lela, Makár, Sporta, Szirincsa, Terente.

Перепись 1715 г.: **C.**: Kublik; **M.**: *Adorján, *Csordás, Fazekas, *Fekete (2), Ferencz, Ficzay, Hoszú, *Lipcsey, Molnár, *Nagy, Szép, *Szücs (2), Tóth (2), Varga, Varju; **O.**: Kósa, Szakany.

Перепись 1720 г.: **M.**: *Adorján, *Csordás, *Fekete, *Lipcsei, *Nagy, Por, Szentkirály, *Szücs (2).

---

[1]) Въ переписи 1720 г. Karácsfalva пропущено.

Велятинъ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Babin, Divinetz, Holyák (4), Horbjanszki, Klopotár (3), Krajnoczki, Lápa, Lemák, Osztinka (3), Pelustyik, Popovics (2), Riczik, Skavarics, Szimko, Szláva, Szvitlik, Tarnoczki; **M.**: Bedő, Csernatői, Csorba, Deák (2), Demján, Dienes, Dimjon, Fanta, Fejér (13), Foris (3), Györgye (3), Hegedüs, Hiripi, Kádár, Karabényos (2), Kecskés, Kiralyházi, Kiss (10), Köböl, Kövesligeti, Lukacs, Magyar (2), Margit (4), Márkos (2), Márkus (5), Miklós (2), Molnár (4), Oláh (10), Orosz (3), Papp (8), Potrohos (2), Puskás, Révész (3), Röth, Szuhai (2), Szegh, Tóth, Vajnági (2), Varga; **O.**: Berecz (3), Czifra (4), Famtsu, Hamka, Hanka, Hauka (2), Jáger, Kobja, Koszta, Lomé (3), Pliszka (3), Pujka (2), Puka, Szaletra, Turcza, Zlegan, Zubáll.

Перепись 1715 г.: **M.**: *Darvay, *Djenes (3), Dolhay, Dudas, *Fanta, *Fejér (14), Foris (4), Gernyésy, *Gorzó (2), Illés, Kecskés (2), *Kis (5), Lengyel (3), *Magyar (2), Margith, Markos, Márkus (2), Molnár, *Oláh (10), *Pap (2), *Potrohos (2), *Révész, Szeklenczey, Tálos, Wojnágy; **O.**: Bereczk, *Czifra, Dobos, Hanka, Kozma, *Lázár, Lermágh, Melánka, *Pliszka (3), Sidó (2).

Перепись 1720 г.: **M.**: *Darvay, Demjén, *Dines (3), *Fánta, *Fejér (6), *Fóris (2), *Gorzó, *Kecskés, *Kis, *Magyar, *Markus, *Oláh (2), *Pap, *Potrohos (2), *Revész, Szitás (3); **O.**: *Czifra, *Lázár, *Pliska.

Новоселица: [1])

Урбаріальная таблица: **С.**: Babivács—Pobivács (2), Cserenka, Kuzma, Lemák (2), Mondits, Szvitlik (2), Velicska, Vocska, Zsába; **M.**: Farkas (2), Papp, Pataki, Szálkai (4), Szaniszló, Takács, Tatár, Tóth; **O.**: Dobák, Murga, Sutka.

Чорната:

Урбаріальная таблица: **С.**: Biszaha (3), Bogass, Duszin, Ivácsko, Koskovics, Kosztroba, Lemák (2), Szlivanics; **M.**: Kádár, Orosz, Papp, Regéczi (2), Szidai (2), Szidei (4), Tarnóczi, Tatár, Tordai, Turczai, Vajnági (2), Váradi; **O.**: Csorbán (3), Fojoka (2), Pliszka (2).

---

[1]) Въ переписяхъ 1715 и 1720 гг. пропущена.

Перепись 1715 г.: **М.**: Fekete, Kádár, Kuttya, Molnár, Oláh, Orosz, Szalestyei, *Tatár (3), Vajnágy; **О.**: Kopasz, Kovács, Sólla, *Sorbán (4).

Перепись 1720 г.: **С.**: Dankó, Demkó; **М.**: *Tatár (3), *Vajnaghi (2); **О.**: *Sorbán (3).

Бережская столица [1]).

Квасово:

Урбаріальная таблица: **С.**: Hapák (3), Ignáty, Khimimecz, Turanin (2), Timko, Varcsák, Velicsko; **М.**: Almási, Banyai, Bilkei (5), Juhasz, Kerekes, Molnár, Orondi, Papp, Rostas, Salanki, Tarpai (2), Tóth (2).

Перепись 1715 г.: **М.**: Béres (4), Nagy.

Перепись 1720 г.: **М.**: Bencze, *Béres (3), Csontos, Molnár, Nagy, Szabó, Vas.

Гомокъ [2]):

Урбаріальная таблица: **М.**: Bélnyesi, Egresi, Fejes, Fekete, Kis, Lengyel, Major, Orosz (2), Rósa, Turi, Vékony; **О.**: Mekles.

Чума [2]):

Урбаріальная таблица: **М.**: Czimbalmos, Illyés, Kis, Pap (5); **О.**: Halcsa, Holcsa, Kapitán (4), Sarán.

Про Квасово мы высказались, что, судя по фамиліямъ крестьянъ, въ немъ „и русскіе и мадьяры были одинаково представлены“ [3]). Какъ мы видимъ, десять лицъ носятъ фамиліи рубрики **С.**, восемнадцать — рубрики **М.**, но мы думаемъ, что 5 Bilkei были русскіе переселенцы изъ русскаго села Бѣлки (Bilke) той же столицы.

Земплинская столица [4]).

Дамоцъ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Bartko, Kormilla (2), Kozák, Miczik, Olsavszki, Ondercsák, Siska (2), Szajko, Tetko, Zelenák (2); **М.**: Csizmadia, Csonka, Helmeczy, Lengyel, Lukáts,

---

[1]) Къ стр. 82.
[2]) Homok и Csoma въ переписяхъ 1715 и 1720 гг. пропущены.
[3]) L. c.
[4]) Къ стр. 84.

Nemes, Rácz, Siket, Szabó (2), Tóth (3); **О.**: Bodnár, Buxar, Cseto.

Перепись 1720 г.: **М.**: Burda, Csonka, Fekete, Pap; **О.** Karany, Cidar (?), Onda.

Добра:

Урбаріальная таблица: **С.**: Hribovszky, Katrincsák (2), Onder, Ondercsak, Radvánszki, Szotak; **М.**: Csonka, Hajdu, Harangozó, Kertész, Molnár, Szitas, Tóth (6); **О.**: Kozma, Liga (3), Náhori, Naver, Pasztor (2).

Перепись 1715 г.: **С.**: Kupin, *Likusics; **М.**: *Dobray, Ferencz, Kiss, *Tott.

Перепись 1720 г.: **С.**: Fettyko, *Kupin, *Lajkusics, Radvanszky; **М.**: Bika, *Dobray, Kajla, Kertesz, Paloczy, *Tott (3).

Сердагель:

Урбаріальная таблица: **С.**: Danko, Davidovszki, Havriltsák, Koleszár (2), Koritar, Koszáltsek, Prebihajlo, Roman; **М.**: Ardó, Csepregi, Czompoly, Deák (2), Egri, Helmeczi, Juhász, Kanász, Kiss, Lukáts, Siros (3); **О.**: Benyó, Bodnár, Bónis, Kováts, Onda, Steczó.

Перепись 1715 г.: **М.**: *Bires, Czompa, Farkas, Feke, Kiss, Nagy (3), Sandor, Szuhay; **О.**: *Boritza, Hajcz (?), Ocza (?).

Перепись 1720 г.: **М.**: *Bires, Madarák, Sandor; **О.**: *Borisa, Kodora, Szluhay.

Чеке:

Урбаріальная таблица: **С.**: Ihnat, Kozka, Kuchta, Renko; **М.**: Buxai, Csizmadia, Derczo (2), Kemecsi, Tóth (2), Varga; **О.**: Cham.

Перепись 1715 г.: **С.**: *Lehany; **М.**: Csori; **О.**: *Notha.

Перепись 1720 г.: **С.**: *Lehan; **М.**: Szarvas, Toth; **О.**: Basztor, *Nuta.

По переписи 1715 г., въ Нехваль-Полянкѣ [1]) восемь крестьянъ носятъ малорусскія фамиліи: Popovics, Puzo, Mihnevat, Matycsat (2), Rebracsat (3); особенно характерны три послѣднихъ [2]). Фамиліи остальныхъ семи могутъ быть и

---

[1]) Къ стр. 123.

[2]) О таковыхъ см. Франко, Причинки до української ономастики (Наук. Збірн., присв. пр. М. Грушевському, 1906, стр. 200 и сл.).

словацкимя и русскими: Benyo, Jacsko (д. б. Jaczko), Kovács (4), Soltisz, такъ что правильнѣе считать село русскимъ, какимъ оно и указано у Беля.

Сатмарская и Бигарская стóлицы [1]).

Вашвари:

Урбаріальная таблица: **С.**: Puhács (3), Szlivka (2); **М.**: Apay, Aranyos, Bródy, Dolmányos, Endrédy, Fületlen, Huszty, Kardas, Kiss (2), Madarász, Nagy, Obsitos, Olah (2), Pálinkás, Petey, Sárközy, Szaniszlay (2), Ujbárdy (2), Üveges, Veres (2); **О.**: Berkán, Bogya, Brodán, Grád (3), Guszkay, Holloka (2), Jager, Kacziba, Moldován, Peter, Rakrincza.

Перепись 1715 г. [2]): **С.**: *Danko; **М.**: *Barna, Baroczi, *Csap, Czibar, *Kiss, László, *Löcs, Lukács, Marton, Orosz; **О.**: Filiga.

Перепись 1720 г.: **С.**: Cserestanko (2), *Danko, Dulo; **М.**: *Barna, Butos, *Csap, Dersy, Husty, Képiró, *Kiss (2), Löcsy, Maday, Nagy, Sandor, Taliga; **О.**: Bodnár, Bukács, Cifar, Roža, Szaklan, Vaszika.

Держъ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Dulo, Labics, Skripak (2), Sztanko (2); **М.**: Balog, Béres, Brodi (3), Demeter, Farago, Hideg, Kapos, Kiss, Kövér, Maday (4), Magyar, Melles (2), Mester, Molnár, Munkácsi (2), Nagy (3), Orosz (2), Papp (2), Pocsi, Puskás, Sándor, Szabó (2), Szakáts, Szalko, Szegedi, Tóth (2), Ujfalusi; **О.**: Bába, Bárány, Bodnár, Diczko, Kozma, Lentsés, Maxin, Mohacs, Mohocs, Noska, Orbán, Rák, Szomár, Vaker, Vékső, Zekan, Ződ.

Перепись 1715 г.: **М.**: *Csordás, Fekete, *Orosz, Sánta.

Перепись 1720 г.: **М.**: *Csordás, Gemsy, Maday, Nagy, *Orosz, Szalkay, Szantó, Vaji; **О.**: Juras, Mokités (?), Puka.

Пенисленъ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Balatko, Csernák, Deruha, Kriváts, Mikita, Mudra (4), Szcsoka (2); **М.**: Ács, Barna, Csor-

---

[1]) Къ стр. 86—90.
[2]) Всѣ въ рубрикѣ: advenae.

dász, Győri, Hegedűs, Kárászi, Király (2), Kiss (3), Könnyű (2), Lengyel (2), Mészáros, Molnár (3), Nagy, Orosz (5), Papp (2), Pócsi, Rácz (3), Rontó, Sáfrány, Szarvas, Szeles, Szőke, Szűcs (3), Tamás (2), Tóth (3), Verő; **O.**: Bába, Csoha, Juhos, Kelevojda, Küzmös, Moleta, Orbán, Romáz.

Перепись 1715 г. [1]): **С.**: Balatko, Piszánko (3); **М.**: *Bárdi, Csordas, Karaszy, Katona, Keóvezdi, Királý, Kis (3), Lakatos, Löked, Madai, Marmarosi, *Meszaros, Munkachi (3), Napkorj, Nimethi, Nyredházi, Orosz. *Pap, Pusztay, Szöcs, Vák; **О.**: Bodnár, Deczi, Keleboda, Kelevoda.

Перепись 1720 г.: **М.**: *Bardi, Malathi, *Meszaros, Nyalka, *Pap, Thótt, Ury, Vadócz.

Ачадъ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Hudák, Michalczó, Pankó, Tomsik; **М.**: Antal, Bacsi (2), Balog (5), Béres, Bojte, Börharang, Böszörményi, Csató, Csovargó, Demeter, Dersi (2), Fekete, Fülöp (2), Hajdu (2), Hegedűs, Hideg, Huszti, Jakab, Juhász, Katona (2), Kerte (2), Kiss, Kocsis, Konyári (2), Kopis (2), Koszoros, Kovásznay, Krajczáros, Lakatos (3), Lassu, Molnár (2), Nagy (4), Nagyehető (2), Német (2), Oláh, Orosz (2), Ori (2), Pap (2), Rácz, Rigo (2), Rontó, Sándor, Sipos, Siros, Somogyi (2), Sovány, Szabó (3), Szántay, Szarka (3), Szeles, Szőke, Szűcs, Szvinyari (2), Tóth (3), Ujfalusi (3), Üveges; **О.**: Balasko, Balega, Bárány, Bele, Bilág, Dohona, Foldi, Fuczkó, Gelegán, Kelevajda, Korámos, Lekka, Orbán, Rinyó, Szipináló, Szpináló.

Перепись 1715 г.: **С.**: Csorvák; **М.**: Juhasz, *Kiss, Kaptány, Lassó, *Nagy, Oroszy, Postai, Tót, Sipos, *Szarka, Varady; **О.**: Baliga, Banko, Bogoméry, Dorvage, Finka.

Перепись 1720 г.: **С.**: Bereczky, Blaga (2), Bulacs, Dankó (2), Szubik, Tinko; **М.**: Antal, Balogh, Béres, Cserváky, Deday, Dórogy, Fekete, Horvath, Huszti, *Juhasz, Kertész, Kiss (2), Kracsay, Molnár (2), *Nagy, (3), Nyiri, Nyiregyhazi, Orosz, Palotas, Pap, Pócsi, Puskas, Rostas, Sikos (2), Szabó, *Szarka, Szeklenczey, Szinaló, Szüke, Tóth (2), Vajnaghy, Varday, Veress (2); **О.**: Bele, Czine, Ducsos (?), Kupreska, Vontza.

---

[1]) Всѣ въ рубрикѣ: advenae.

Сабольчская столица [1]).

а) Вполнѣ русскія поселенія:

Béltek: Balogh, Csőz, Dohora, Erényi, Faragó, Fehér, Fekete (2), Kiss, Kosznjo, Nagy (3), Napkori, Obleda, Orosz (2), Pap (2), Szép, Szopora, Verő.

Bully: Biháry, Bodák, Damoczky, Jancsy, Kiss, Kovács, Kurta, Méhes, Orosz, Pap, Sztécsó, Szűcs, Torma, Totth (2), Verebb.

Keres: Fekete, Kecskás, Orosz, Szalla.

Pilis: Almásy, Baktay, Bonis, Cziló, Csehil, Dercsy, Duhona, Hegedüs, Kövesdy, Molnár, Nagy, Ragoss, Sánta, Zapko.

(Mária) Pócs: Balkány, Kevély, Kiss, Kucsmás, Pócsy, Rácz, Tótth (2).

Szabolcs: Agárdy, Barna, Csinálosy, Farkas, Koró, Máthé, Molnár, Muka, Széles, Varró.

Timár: Balkányi, Bugyi, Deák, Kerülő, Kucsmás, Oláh, Rácz, Sörfőző, Szakmáry, Szilágyi.

Új-falu: Hegedüs, Kiss, Kovács, Sulyok, Szöke.

б) Почти исключительно русскія:

Balsa: Barna, Fejess, Kecskés, Kiss, Kovács, Mészáros, Nagy, Oláh, Orosz, Polinczy, Rabb, Rostás, Tótth, Vargha.

Gelse: Balogh, Biress, Budai, Demeter, Fekete (2), Kiss (4), Kozma, Mádai, Majlátt (2), Moricz, Nagy, Nógrády, Oláh, Öveges, Páll, Parasznai, Ruszka, Sikett, Szőke, Tótth (2).

Karasz: Borsoss (2), Bródy, Dajka, Dany, Dunkunszky, Fekete, Ihell, Illyés, Kiss, Kocsányi, Kopini, Kovács (2), Lapocska, Lengyel, Nagy (2), Pleha, Szomár, Szűcs, Tótth.

Èr-Kenéz: Ács, Antall (2), Baba, Bogoméry, Gáll, Horváth, Kiss, Kövér, Lököss, Molnár, Nagy, Oláh, Török, Vargha.

в) Преимущественно русскія:

Ajak: Farkas, Lisztes, Vöröss.

Aranyos: Dömötör, Forró, Hegedüs, Kulka, Medve, Molnár, Sánta, Szűcs, Tótth.

Bessenyöd: Kiss, Orosz (2), Szabó, Száraz, Talpas.

[1]) Къ стр. 171.

Levelek: Ács, Apjok, Bedő, Csanak, Csutora, Fekete (3), Horbács, Juhász, Kazup, Kertész, Nagy, Nyiregyházy, Orbán, Orosz, Pucsi, Puskás, Siket, Szomár, Sztóczó, Tokár (2), Vargha, Vincze.

Lövő-Petri: Bíró, Vargha, Vígh.

Napkor: Bodnár, Csirke, Czifra, Domokos, Kolinics, Kondor, Lörincz, Mogyorósy, Nagy, Sánta, Szőke (2), Timko.

Rácz (Új) Fehértó: Aszalos, Bácsy, Balogh, Borzás (4), Brodán, Farkas, Hegedüs, Hidegh, Ignáth, Imre, Jekss, Juhász, Kiss (2), Kozma, Lengyel, Marko, Mészáros, Nagy, Oláh (2), Orosz (2), Poór, Posta, Rácz, Szabó, Szilágyi, Tótth (2), Török, Varga, Vassady.

Thass: Fazekas, Fogarasy, Kiss (2), Kornicski, Martha (2), Orosz, Szántói, Szilágyi (2), Szücs, Tar.

Viss: Csizmazia, Juhász, Orosz (2), Rácz, Sibrik, Takács, Tótth (2), Vass.

Zalkod: Fazekas (2), Kiss, Lénárd, Medgyes, Nagy, Orosz, Szabó, Szücs.

Перейдемъ теперь къ остальнымъ поселеніямъ, относительно которыхъ находятся въ изслѣдованіи ссылки на это приложеніе.

Унгварская стóлица [1]).

Бaранинцы:

Урбаріальная таблица: **С.**: Benyovszky János, Vaszily; Botelka Fedor, Hricz, János; Danko Basilius; Hakavetz Stephanus; Haraczko Vaszily; Hibalov Vaszily; Horbács Stofán; Horod Joannes; Iranyov Olexa; Joskó Jankó; Kosztraba Janko, Joannes; Kunik Jaczkó; Labko Mihály; Lapko Michael; Petrunyov jllyko, Palko; Popovics Fedor; Ruscsák Olexa, Vaszily; Ruszinko Mihajlo; Seszterak Mikula; Szmolyak Mitro, Pavel; Szvittyak Ivan; Tirpak Joannes; Tarancsics Jaczko; Wyalka Waszily; **М.**: Balla György, István, János, Mihaly; Fa Iván; Molnár János; **О.**: Benyovszki Torday; Grillo Jaczkó, Vászily; Kota Illyes.

Перепись 1715 г. [2]): **М.**: Ballya, Lengyel, Szilvassy.

[1]) Къ стр. 74—75.

[2]) Въ переписи 1720 г. Baranya, какъ „possessio nobilitaris", пропущена.

Часловцы:

Урбаріальная таблица: **С.**: Hanits György; Klutska György; Laczkó Jankó, Prokop; Merko Ivan (2), Mihály, Petro; Neviczki Andras, Andreae relicta; Podojmitz Petro; Rusztsanszki Havrilo; Szerednyanszki Sandor; Szmetanka János; Zubaty Olexa, Petro. **М.**: Fazékas, Hamás, Kiss, Lengyel, Lukács, Pataki (2), Pinkóczy (2), Tóth. **О.**: Hunyka, Kukta, Punyko, Rebress (2), Vayhul (2).

Перепись 1715 г.: **С.**: *Neviczky, *Pirovcsak; **М.**: *Balass, *Kelemen, *Orosz (3), Tóth.

Перепись 1720 г.: **С.**: Klimcsak (2), *Neviczky, *Pirovcsak (2); **М.** *Balas, *Kelemen, Kis, Máthé, *Orosz (3), Szabo.

Въ виду того, что въ Часловцахъ бо́льшее число лицъ, чѣмъ въ Баранинцахъ, носятъ фамиліи рубрики **М.**, мы остереглись отнести Часловцы къ русскимъ сёламъ. Но такъ какъ въ Часловцахъ изъ всѣхъ крестьянъ съ фамиліями рубрики **С.**—50°/о, а **М.**—только 28,1°/о, то возможно, все таки, что и въ Часловцахъ русскіе преобладали [1]).

Изъ остальныхъ трёхъ сомнительныхъ пограничныхъ сёлъ, въ Долгомъ и Минаѣ, по фамиліямъ крестьянъ, русскіе преобладали [2]), въ Радванкѣ же оба элемента, русскій и мадьярскій, были одинаково сильны:

Долгое:

Урбаріальная таблица: **С.**: Gyurindák, Jevcsák, Koszti, Popovics, Ternovszki; **М.**: Kertész, Szabó, Szijártó; **О.**: Frizkó, Galagyi, Ganczó, Hresán, Panczó.

Перепись 1715 г. [3]): **С.**: Szkuba; **М.**: Kovács, Lutay, Szalon; **О.**: Klistyo.

Минай:

Урбаріальная таблица: **С.**: Fedovics Laczko; Honics Olexo; Mudrej—Madrej; Novák; Szmolyák Vasil; Timko Hricz; **М.**: Kis, Tóth, Veres; **О.**: Gyuri, Kovács, Marti, Stefan, Tronko (3).

Перепись 1715 г. [4]): **С.**: Franko, Holyák, Oléxo; **М.**: Orosz, Toth.

---

[1]) Въ Баранинцахъ 1-хъ—75,6°/о, 2-хъ—14,6°/о.
[2]) Нѣкоторыя фамиліи въ рубрикѣ **О.** могли имѣть и русскіе.
[3]) Въ переписи 1720 г. пропущено.
[4]) Въ переписи 1720 г пропущено.

Радванка:

Урбаріальная таблица: **С.**: Beli, Fulics, Galajda (2), Krucsik, Popovics, Prokop; **М.**: Gecsi, Hegyes, Juhász (2), Majoros (2), Mákó, Rakoczy; **О.**: Buro.

Перепись 1715 г. [1]): **С.**: Hriczko, Ribjak, Román, Szabrics; **М.**: Szücs, Török.

Если бы вполнѣ отождествить имена съ народностью, то въ 1774 г. были бы Баранинцы, Часловцы, Долгое, Минай преимущественно русскія (въ **О.**—могутъ быть славянскія фамиліи), Радванка же—мадьярско-русская.

Торнянская стóлица [2]).

Гачава:

Урбаріальная таблица: **С.**: Cserbak, Cserveni, Fedor, Hodermarszky, Hriczo, Hrontsák, Korcsák, Koleszar (6), Petro (2), Polyák (3), Popovics, Poraczkj, Potsatko (2), Rusznák, Spák (3), Stoszak, Szikora; **М.**: Gherenda, Kormos, Kurucz, Magyar (3), Patsai, Szabó (2), Varga (2); **О.**: Kovács, Liszonyi, Matora, Pavok, Senkan (?), Sztaisz (?), Toriszko, Vernár (3).

Хорватикъ:

Урбаріальная таблица: **С.**: Cservenyák, Csirszkiana relicta, Hollyák, Hornyák (2), Ihnát, Kostyó (2), Lisovszky (3), Oczelak, Popadics, Skibo, Szedliczky, Tiliczky; **М.**: Arvay, Azima (2), Banyász, Csizmadia, Drotoss (2), Hegedus, Hevéri, Juhász (2), Magyar, Pallai (4), Szabó, Tóth (5), Varga; **О.**: Czingilingi, Pasztor.

Въ Гачавѣ въ рубрикѣ **С.** 73,8%, въ рубрикѣ **М.** 26,2%; въ Хорватикѣ—въ первой 39%, во второй—56,1%. Хорватикъ теперь мадьярское село; возможно, что и въ концѣ XVIII в. въ немъ было извѣстное количество мадьяръ.

Бачъ-Бодрогская стóлица [3]).

Куцура:

Перепись 1715 г.: *Szima Kúczurácz, *Milisza Manojlovics, *Nésa Vojatovics, Radoje Kulpinécz, Makszin Kuczuran.

---

[1]) Въ переписи 1720 г. пропущено.
[2]) Къ стр. 91—92.
[3]) Къ стр. 92.

Перепись 1720 г.: *Szima Kuczuranin, *Miliszar Manojlovics, Vrannya Kollár, Osztán Vrannácz, Radoja Kobilecz, Makszin Mánojlovics, *Nesa Vujatovics, Sztepan Gyaptsics, Gajin Kulyanin, Veszelin Gyuricsics, Sztanko Kollár, Gyuka Petakovics, Bosa Tuczalovics.

Керестуръ:

Перепись 1720 г.: Czvijó Sztari knéz, Vaszalia Keresztúracz, Doja Kovács, Makszim Goloszelanin, Pána (?) Polyenin, Radosza Strasá, Sztojen Dhurdsa, Kosics Mila, Kriszta Keresztúrácz, Ugris Metkóvics, Demeter Kovács.

Перепись 1720 г.: Radoszan Strasa, Radoszav Ugrissin, Riszta Markovics, Nikola Beresanyin, Dobrosav Serenysanin, Mittar Cservencsanin, Szveja Feldvárácz, Misko Feldvárácz, Jovan Hajduk, Boja Szrémácz, Sztojan Csurcsin, Palko Hedszusanin (?), Hrinnyak Sztarikucz (!) [1], Uglessa Jurissan.

Урбаріальныхъ документовъ для этихъ сёлъ не имѣется. Въ настоящее время у русскихъ крестьянъ въ Куцурѣ и и Керестурѣ обычны мадьярскія фамиліи: Árvai, Erdélyi, Kécskés, Munkácsi, Nyarádi, Sós, Szabados, Szilágyi и т. п. [2]

---

[1]) Вѣроятно „sztari knez“.

[2]) Bács—Bodrog vármegye monographiája, II, стр. 406 (переводъ въ Slov. Pohl'. XIX, стр. 556).

КАРТЫ, ПОПРАВКИ И РАЗЪЯСНЕНІЯ.

Для изготовленія картъ [1]) мы обратились къ наиболѣе близкимъ по времени къ Лексикону картографическимъ изданіямъ: отдѣльныя карты шести сто́лицъ [2]) скопированы съ картъ атласа Гёрёга 1802—1811 [3]), общая же синоптическая [4])—съ карты Липскаго 1806 г. [5]).

Для удобства оріентированія, мы добавили на картахъ названія нѣкоторыхъ городовъ и мѣстечекъ, пропущенныхъ въ Лексиконѣ, заключивъ эти названія въ скобки.

Пріуроченіе названій Лексикона къ той или иной мѣстности на картѣ во многихъ случаяхъ было довольно затруднительнымъ и потребовало значительнаго количества времени, отчасти въ слѣдствіе весьма большого числа ошибокъ въ Лексиконѣ, главнымъ же образомъ—въ виду несовпаденія административнаго раздѣленія сто́лицъ Угріи въ 1773 г. съ ея раздѣленіемъ въ началѣ XIX в. [6]).

---

1) Отпечатаны онѣ были еще въ Апрѣлѣ 1909 г. и, въ количествѣ около 80 экземпляровъ, разосланы интересующимся вопросомъ лицамъ

2) Мараморошской, Угочской, Бережской, Унгварской, Земплинской и Шаришской. Для Спишской сто́лицы мы сочли излишнимъ составить особую карту; въ Лексиконѣ упомянуто лишь 14 ея сёлъ съ господствующимъ русскимъ языкомъ. Эти русскіе острова показаны на общей картѣ.

3) Görög, Magyar átlás, azaz magyar, horvát és tót országok vármegyei 's szabad kerületei és' a' határ-őrző katonaság' vidékinek közönséges és különös táblájі, Viennae, 1802—1811. Нами внесены многія поправки по гораздо болѣе точной картѣ Липскаго. Карты атласа Корабинскаго 1804 г., слишкомъ мелкія по формату, да и вообще не особенно удачныя, не годились для нашей цѣли.

4) На ней добавлены также вполнѣ или отчасти и тѣ сто́лицы, въ коихъ сёла русскія или смѣшанныя не занимаютъ болѣе или менѣе сплошной территоріи, а являются лишь отдѣльными островами. Въ виду малаго масштаба карты, мы перемѣтили острова цифрами, списокъ же названій сёлъ даемъ ниже.

5) Lipszky, Mappa generalis regni Hungariae partiumque adnexarum, Croatiae, Slavoniae et Confiniorum Militarium, Magni item Principatus Transylvaniae, Pesthini, A. MDCCCVI.

6) Объ этомъ см. выше, стр. 2 пр. 2. Особенныя трудности представляло нанесеніе на карты поселеній съ тождественными или почти тождественными названіями: Ábrahámfalva и Ábrahányfalva, Gerált и Girált, многочисленные Bisztra, Bukócz, Poruba,

Въ Лексиконѣ названія городовъ, мѣстечекъ и сёлъ, всѣ безъ исключенія, имѣются лишь въ рубрикахъ linguâ latinâ, linguâ hungaricâ и, по бо́льшей части, въ одной и той же, мадьярской или мадьяризованной формѣ. Въ виду этого, мы и на нашихъ картахъ держались той же *мадьярско-латинской*, такъ сказать, *оффиціальной* номенклатуры.

Кромѣ желанія въ трудѣ, основывающемся на *оффиціальномъ*, какъ Лексиконъ, документѣ, сохранить *оффиціальную* номенклатуру, насъ побудило къ этому еще и то обстоятельство, что въ рубрикахъ linguâ ruthenicâ, linguâ slavonicâ названія помѣщены *далеко не всегда* и весьма часто *въ искаженномъ видѣ* [1]); нерѣдко въ нихъ прямо повторено мадьярское названіе. Кромѣ того, установленіе правильной формы русскихъ названій, какъ это видно изъ разъясненій, предпосланныхъ Списку ихъ, надолго задержало бы изготовленіе картъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончаніе изслѣдованія.

И въ мадьярскихъ названіяхъ въ Лексиконѣ имѣется весьма много отклоненій отъ современной намъ мадьярской орѳографіи [2]): онѣ состоятъ, главнымъ образомъ, въ пропускахъ надстрочныхъ знаковъ надъ долгими гласными [3]) и въ неправильномъ сочетаніи буквъ для обозначенія свистящихъ и шипящихъ звуковъ [4]). Многое, по возможности, было испра-

---

Porubka, Rosztoka и т. п.; часто въ одноименныхъ поселеніяхъ употребляются различные языки. Для болѣе надежнаго оріентированія пришлось на нашемъ экземплярѣ атласа Гёрёга цвѣтными карандашами предварительно отмѣтить поселенія отдѣльныхъ въ Лексиконѣ округовъ (processus) сто́лицъ и дистриктовъ доминій.

[1]) Becskov вм. Bocskov или Bicskiv, Biloy Czrokj вм. Bila Czerkov, Bobovics, вм. Boboviscse, Csinadüo вм. Csinagyijevo, Huklvy вм. Huklivy или Huklive, Sesina, вм. Szvinya, Szmoknik вм. Szmolnik, Tereczoe вм. Tereszva, Volya Laborsky вм. Volya Laborszka и т. п.

[2]) Особенности мадьярской графики: различаются долгіе и краткіе гласные: *a—á, e—é, i—í, o—ó, ö—ő, u—ú, ü—ű*; *cs*=*ч*, *cz*=*ц*, *s*=*ш*, *sz*=*с*, *ssz*=*сс*; *z*=*з*, *zs*=*ж*, *y* обозначаютъ мягкое произношеніе предшествующаго согласнаго: *ny*=ň, *ly*=*l'*; *ty*=*t'*, и т. д.; *gy*=*d'*; иногда *y*=*i*.

[3]) Balasvagas вм. Balázsvágás, Beczallya вм. Béczallya, Krivoscsany вм. Krivoscsány, Lofalva вм. Lófalva, Szalok вм. Szalók и т. п. Особенно часто опущенъ знакъ ' въ суффиксахъ *ó* и *ócz*: Gerlacho вм. Gerlachó, Medvedocz вм. Medvedócz и т. п. Замѣтимъ, что формы названій, свободныя отъ ошибокъ, но не совпадающія съ ихъ современнымъ написаніемъ, сохранены нами въ неизмѣненномъ видѣ: Várallya вм. Váralja и т. п.

[4]) Bistra вм. Bisztra, Bécs вм. Bés, Hassina вм. Hazsina, Medvecza вм. Medvezsa, Semvis вм. Semviz, Settek, вм. Zsettek, Snakó вм. Sznakó, Sverszó вм. Sverzsó, Szaszvasár вм. Százvásár и т. п. Для звука *ч* въ Лексиконѣ употребляются сочетанія *cs* и *ts*; вездѣ ставимъ *cs*, какъ принято въ настоящее время.

влено раньше изготовленія картъ, по Реперторію Липскаго [1]), Географіи Феньеша, и, отчасти, по церковнымъ схематизмамъ, нѣкоторыя же, въ значительной степени повторяющіяся и въ этихъ трудахъ, замѣчены были лишь въ послѣдствіи и исправляются ниже [2]).

Названія столицъ и ихъ округовъ (processus) [3]) приведены въ мадьярско-латинской формѣ Реперторія Липскаго, названія рѣкъ—отчасти по Реперторію, отчасти по атласу Гёрёга.

Для удобства предварительныхъ работъ, карты атласа Гёрёга были увеличены въ $2^1/_2$ раза, нужная же часть карты Липскаго скопирована въ натуральную величину. Послѣ нанесенія нами на нихъ названій, онѣ, въ тѣхъ же размѣрахъ, были изготовлены начисто для фотоцинкографіи [4]), сдѣлавшей съ нихъ клише въ уменьшенномъ видѣ.

Выполнены карты начерно и начисто нашимъ давнишнимъ пріятелемъ и сослуживцемъ по Институту Императрицы Маріи, Павломъ Петровичемъ Нечаевымъ [5]). Безъ его внимательнаго и, скажемъ откровенно, сердечнаго отношенія къ дѣлу мы не имѣли бы никакой возможности осуществить предпоставленную задачу. Затрудняемся выразить словами нашу ему признательность.

---

[1]) Lipszky, Repertorium locorum objectorumque in XII. tabulis mappae regnorum Hungariae и т. д. occurentium, Budae, 1808.

[2]) Тамъ же остановимся и на нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ, выяснившихся уже послѣ того, какъ были изготовлены клише и напечатаны карты.

[3]) Число и границы округовъ каждой столицы, какъ уже сказано, взяты изъ картъ атласа Гёрёга.

[4]) Окраинныя части столицъ, не имѣющія поселеній съ русскимъ языкомъ, были, ради увеличенія масштаба, опущены при окончательной обработкѣ картъ.

[5]) Карта Мараморошской столицы начисто начерчена Ѳ. А. Юцевичемъ, которому приносимъ благодарность.

Необходимыя поправки и разъясненія.

1) Мараморошская стóлица.

а) Село Lonka (Лугъ, III)[1], нанесенное на картѣ на *лѣвомъ* берегу р. Тисы, находится, на самомъ дѣлѣ, на *правомъ*.

б) Въ Верховинскомъ (I) округѣ имѣется пять небольшихъ русскихъ сёлъ: Имшадь или Верхняя Колочава (Imsád), Негровецъ (Nigrovecz), Горбъ (Horb), Старое Село (Sztáre Szelo) и Лазы или Нижняя Колочава (Lázi), лежащихъ близко другъ къ другу по теченію р. Тереблы (Talabor) и составляющихъ одну общину подъ общимъ именемъ Колочавы (Kalocsa). Въ Лексиконѣ есть только Kalocsa; по техническимъ соображеніямъ мы помѣстили на картѣ всѣ пять отдѣльныхъ сёлъ, заключивъ названія ихъ въ скобкахъ.

Точно также, въ Сиготскомъ (III) округѣ въ Лексиконѣ находится лишь Bocskó (Бочковъ); по тѣмъ же соображеніямъ поставили на картѣ K. и N. Bocskó. Обѣ части одного, въ сущности, села раздѣлены р. Шопуркой (Sopurka)[2].

2) Угочская стóлица.

а) На картѣ Botár (II), должно быть Batár, на картѣ Csedrek, должно быть Csedregh.

б) На картѣ, какъ и въ Лексиконѣ Heteni (II), правильнѣе—Hetény, но мы сохранили форму Heteni, часто встрѣчающуюся и въ другихъ документахъ[3].

---

[1]) Римскія цифры обозначаютъ округа на нашихъ картахъ.

[2]) Német Bocskó, на лѣвомъ берегу р. Тисы—позднѣйшее поселеніе, но существовавшее уже во время Корабинскаго: „Ausserdem (K. u. N. Bocschko) befindet sich auch jenseits oder am l. Ufer der Theiss ein deutsches Bocschko, welches von königl. Arbeitern — — bewohnet wird“ (стр. 60).

[3]) Въ текстѣ пишемъ Hetény.

в) На картѣ K. и N. Rákócz (I), въ Лексиконѣ лишь Rákócz. Въ 1773 г. существовало только одно село Раковецъ (Rákócz). K. Rákócz, по русски Лазы—позднѣйшее поселеніе. Съ его основаніемъ Раковецъ сталъ въ мадьярскихъ документахъ называться N. Rákócz [1]).

3) Сатмарская сто́лица.

Вмѣсто Ders должно быть Derzs.

4) Бережская сто́лица.

а) Вмѣсто Balás-f. (II) должно быть Balázs-f., вмѣсто Kenderecske (III)—Kendereske, вмѣсто Kloczkó-f. (I)—Klocskó-f.

б) На картахъ Корабинскаго, Липскаго и Гёрёга ошибочно на мѣстѣ N. Belebele (=Белебово, I) поставлено K. Belebele (=Цимбрилово), а на мѣстѣ K. Belebele—Czimbrilova. Ошибка попала и на нашу карту: K. Belebele (Цимбрилово), на самомъ дѣлѣ, лежитъ нѣсколько юго-восточнѣе, на р. Обавѣ, сѣвернѣе Глинянца (Iglincz) [2]).

в) Къ сѣверу отъ Мукачева, въ долинѣ р. Вызницы (Viznicze) существовали въ XVII в. три Вызницы (I): Верхнія Вызницы (F. Viznicze), Среднія Вызницы (Középső Viznicze) и Нижнія Вызницы (A. Viznicze). Въ XVIII в. Среднія и Нижнія Вызницы соединены были въ одну общину, подъ названіемъ Среднихъ Вызницъ [3]). Такъ какъ въ XIX в. Középső Viznicze переименованы были въ Alsó Viznicze, то на нашей картѣ, во избѣжаніе недоразумѣнія, мы помѣстили оба прилагательныхъ: Köz. (A.) Viznicze.

---

[1]) Szirmay, Notitia comitatus Ugochiensis: „Rákócz, olim Rakolcz, Ruthenis Rakovecz, pagus populo frequens, pariter ex ordinatione publica: quod nova colonia Láz, nunc Kis-Rákócz dicta, ab inferiori antiqua possessione, jam Nagy-Rákócz nuncupata, quadrante milliaris distet, in duas communitates divisus" (стр. 88).

[2]) N. Belebele въ Лексиконѣ нѣтъ.

[3]) Lehoczky T., A Beregmegyei görögszertartású katholikus lelkészségek története a XIX. század végeig (исторія уніатскихъ парохій Бережской сто́лицы до конца XIX в.), Munkács, 1904 (стр. 104).

5) Унгварская столица.

а) Въ Лексиконѣ находится только Szlatina (III), на картѣ—K. и N. Szlatina [1]).

б) При десяти сёлахъ въ рубрикѣ господствующаго языка въ Лексиконѣ ничего не отмѣчено. Изъ нихъ—восемь въ Середнянскомъ (III) округѣ: Bacsava (Бачава), Baranya (Баранинцы), Császlócz (Часловцы), Csertész (Чертежъ), Czigányócz (Цыгановцы), Dengláz (Деньковцы), Dubróka (Дубровка), Gajdos (Гайдошъ) [2]) и два—въ Унгварскомъ (IV): Bukócz (Буковецъ) и Dubrinics (Дубриничъ).

6) Земплинская столица.

а) Въ Лексиконѣ, у Липскаго и Гёрёга, и на нашей картѣ Csabócz (III), должно быть, однако, Czábócz [3]) (Цабовъ). Вмѣсто Piskorócz (VI) должно быть Piszkorócz (Пискоровцы), вмѣсто Proszácz (VI)—Proszács (Просачъ), вмѣсто Sterkócz (V)—Szterkócz (Стерковцы), вмѣсто Ternóka (III)—Tarnóka (Тернавка).

б) Въ Лексиконѣ находится только Szitnicze (V), на картѣ A. и F. Szitnicze [4]).

в) Во Врановскомъ округѣ Лексикона [5]) имѣется словацкое село Porubka; полагаемъ, что это Kis Poruba=Kő Poruba (Kamenna Poruba) [6]) въ Стропковскомъ округѣ, на мѣстѣ которой мы ее и поставили; не будучи, однако, вполнѣ въ этомъ увѣрены, отмѣтили ее знакомъ вопроса: Porubka (?).

в) Въ Михалёвскомъ (IV) округѣ существуютъ два села со сходнымъ [7]) названіемъ: русское Тополя (Topolya),

---

[1]) См. выше относительно сёлъ Мараморошской столицы (б).

[2]) Село Гайдошъ раздѣлено потокомъ на двѣ части. Въ 1773 г. и позднѣе часть его входила въ Бережскую ст., часть—въ Унгварскую. Въ Лексиконѣ въ перечнѣ сёлъ Бережской ст. Гайдошъ—русское село. Теперь все село—въ Унгварской столицѣ.

[3]) Въ настоящее время, оффиціально, также Csábócz.

[4]) См. выше относительно сёлъ Марамарошской столицы (б).

[5]) Обнимаетъ округа Уйгельскій (III) и Стропковскій (VI) нашей карты.

[6]) Czambel, Slovenská reč.

[7]) Особенно по-мадьярски.

въ сѣверо-восточномъ углу стóлицы, и словацкое Тополяны (Topolyán), къ сѣверу отъ Михалёвецъ (N. Mihály), въ Лексиконѣ же въ Михалёвскомъ округѣ [1]) имѣемъ лишь словацкое село Topolya. Думаемъ, что въ Лексиконѣ просто ошибочно написано Topolya вмѣсто Topolyán. На карту мы нанесли и Topolyán и Topolya, заключивъ названіе послѣдняго, какъ, отсутствующаго, по нашему мнѣнію, въ Лексиконѣ, въ скобкахъ, при Topolyán же, въ виду возможности сомнѣнія, поставили знакъ вопроса.

г) Въ томъ же Михалёвскомъ округѣ Лексикона находится русское село Ruszkócz, Ruszkowcze. Такого села въ IV и V округахъ нѣтъ, поэтому Ruszkócz мы и не помѣстили на карту. Потомъ только мы замѣтили, что Михалёвскій округъ Лексикона захватываетъ и нѣсколько сёлъ Стропковскаго (VI) [2]). Очевидно тогда, что Ruszkócz есть искаженное Roskócz (Рошковцы), прилегающее къ упомянутымъ въ предшествующемъ примѣчаніи сёламъ. На карту оно должно быть нанесено между Orosz Bisztra и Szukó.

7) Шаришская стóлица.

а) Вмѣсто Balasvágás (II) — Balázsvágás, вм. Csernina (VI)—Czernina, вм. Dukócz (V)—Dukafalva [3]), вм. Hajszlin (IV)—Hazslin, вм. Kruslyó (IV)—Kruzslyó, вм. Matissova (II)—Matiszova, вм. Sztrocsin (VI)—Szorocsin, вм. Turina (I)—Tuhrina, вм. A. F. Tvaroszcza (IV)—A. F. Tvaroscza.

б) Ressó (Решовъ IV) не русское, а *словацко-русское* село [4]); соотвѣтственнымъ образомъ должно быть измѣнено его условное обозначеніе, какъ на картѣ Шаришской стóлицы, такъ и на общей картѣ всей территоріи.

---

[1]) Processus Nagy-Mihály обнимаетъ Михалёвскій (IV) и Оградзанскій (V) округа нашей карты.

[2]) Pravrócz (Правровцы), Repejő (Рѣпеёвъ) и Varihócz (Вариховцы).

[3]) Мы, случайно, забыли выписать подлинное мадьярское названіе и, исходя изъ словацкой формы Dukovcze, на основаніи многочисленныхъ аналогичныхъ случаевъ, составили предполагаемую мадьярскую. Въ 1909 г., сознавая ненадежность аналогіи, мы, при проѣздѣ черезъ Будапештъ, справились еще разъ съ Лексикономъ.

[4]) Это—нашъ недосмотръ при черченіи оригинала картъ для изготовленія клише въ цинкографіи.

в) Въ Маковицкомъ округѣ въ Лексиконѣ имѣются два русскихъ поселенія: Hutta и Üveg-Hutta. На картахъ мы нашли Hutta (около Sztebnik) и Hutka (около Niklova). Затрудняясь, какое названіе Лексикона слѣдуетъ пріурочить къ какому поселенію, мы помѣстили Üveg-Hutta около Niklova, а Hutta—около Sztebnik, но и то и другое со знакомъ вопроса. Оказывается, что надо ихъ переставить. Въ Hutta, по Лексикону, есть parochus graeci ritus, по схематизмамъ [1]) же, именно Hutka (Гутка) у Niklova была прежде парохіей, а въ Sztebnik-Hutta (Стебницкая Гута) даже и церкви нѣтъ и не было.

2) Въ Лексиконѣ есть въ processus Desőffianus [2]) словацкое село Lescsina. Очевидно, это было очень маленькое поселеніе: ни на одной картѣ его не встрѣчается, только въ Реперторіи Липскаго имѣемъ: „Liscsini hungarice, Lysčiny vel Lysyny slavice, praedium comitatus Sárossiensis“. Поэтому мы и не могли его обозначить на картѣ. Наконецъ, въ tabella universalis Шаришской стóлицы нашлось точное указаніе, гдѣ оно лежало: „Palocsa cum praediis Leszcsina et Kozelecz“.

---

[1]) См., напримѣръ, Schem. Eperies. a. 1839.
[2]) Обнимаетъ сѣверную часть Широцкаго (III) и почти весь Верхне-Торисскій (II) округъ.

Signorum explicatio [1].

I. In tabula synoptica:

1) Eae partes tabulae, quibus continentur loca, ubi *principaliter lingua ruthenica vigeat, nullis lineis* obducuntur.

2) In *craticulae* speciem distinctae sunt eae, quarum in locis populosis *praeter ruthenicam alia quoque lingua usitata est* [2]; idem rarius factum est in eiusmodi quoque partibus, in quibus loca, *ubi lingua ruthenica vel sola vel cum alia sit in usu, ab iis locis, ubi aliae tantum vigeant linguae, distinguere* per artis rationes *non licuerit*: ##

3) Quae vero partes *lineolis directis* sunt inductae, earum in locis populosis *linguae ruthenicae nullus est usus*: |||||

• —civitas sive oppidum.

II. In tabulis singulorum comitatuum:

□—civitas sive oppidum, • —pagus.

Lingua, quae in singulis locis principaliter viget, hoc modo designatur:

Lingua ruthenica—lineâ subductâ: <u>Veresmart.</u>

„ slavonica—lineâ non subductâ: Miglész.

„ hungarica — ×××××× : Páczin, Processus Tiszahátensis.

×××××× ×××××××× ××××××××××××

---

[1]) Въ Лексиконѣ для заглавій и пояоненій принятъ оффиціальный латинскій языкъ, на нашихъ картахъ послѣдовательно проведена мадьярско-латинская оффиціальная номенклатура. Поэтому мы сочли болѣе подходящимъ и для поясненія условныхъ обозначеній на картахъ прибѣгнуть также къ латинскому языку, по возможности, сохраняя фразеологію Лексикона, далекую, конечно, отъ классическаго латинскаго языка. Отчасти мы руководились и желаніемъ облегчить неславянскимъ ученымъ пользованіе нашими картами.

[2]) Eodem modo distinctae sunt illae partes, ubi de lingua in locis earum vigente in Lexico nihil aliud exstat, nisi „*lingua slavo-ruthenica*", quod, quid sibi velit, non prorsus liquet (см. выше, стр. 3, пр. 5).

Lingua valachica—~~~~: Szarvaszó, Processus superior.

" germanica — vvvvvv: A. Schönborn.
vvvvvvvvvvvvvvv

" slavo-ruthenica, ruthenica et slavonica— — —: Radoma, Ressó.
— — — —

" hungarico-ruthenica, hungarica et ruthenica — xxx —: Fancsika.
xxx———

" germanica et ruthenica — vvv———: Rónaszék.
vvvvv ———

" germanica et slavonica — vvv vvv: Héthárs.
vvv vv

Civitates oppidaque, quae in Lexico non exstant, et pagi, quorum de lingua, quâ maxime utantur, nulla ibidem mentio facta est, uncis includuntur: (Mező Kászony), (Baranya).

Sunt autem, quae licet in Lexico legantur, tamen, quibusnam hodie locis reverâ exstantibus potissimum attribuantur, non propsus liquet—his omnibus interrogationis nota adscribitur, uncis inclusa: Porubka (?).

Abbreviationes:

A. = Alsó; F. = Felső; K. = Kis; N. = Nagy; Sz. = Szent; -f. = falu sive falva; -h. = háza; -m. = mező; -p. = patak sive pataka.

Списокъ сёлъ въ переномерованныхъ на общей картѣ островахъ.

1) Ósztur nya—lingua ruthenica (comitatus Scepusiensis); 2) Lipnik, Folyvárk—l. ruth. (ib); 3) Százvásár—l. ruth. (ib); 4) Olysavicza, Podprocs, A. Répás, Toriszka—l. ruth. (ib.); 5) Žavadka—l. ruth. (ib.); 6) Helczmanócz, Kojsó, Porács, A. et F. Szlovinka—l. ruth. (ib.); 7) Falucska—l. ruthenica et slavonica (c. Tornensis); 8) Horváthi—l. ruth. et slav. (ib.); 9) Hugyaj—l. ruth. (c. Szabolcsensis); 10) Lugos—l. ruth. (c. Szatmáriensis); 11) Pocs, Gyulaj—l. hungarica et ruthenica (c. Szabolcs.); 12) Acsád—l. hung. et ruth. (c. Bihariensis); 13) Béltek—l. hung. et ruth. (c. Szabolcs.); 14) Pilis—l. ruth. (c. Szabolcs.), Czászári, Derzs, Vasvári—l. ruth. (c. Szatmár.); 15) Peniszlek—l. ruth. (c. Szatmár.); 16) Ér-Kenéz—l. ruth. (c. Szabolcs.), Selénd—l. ruth. (c. Bihar.); 17) Ó-Pállyi—l. hung. et ruth. (c. Szabolcs.); 18) N. Peleske, Saar—l. ruth. (c. Szatmár.); 19) Keresztúr—l. ruth. (c. Bácsiensis); 20) Kuczura—l. illyrica et ruthenica (ib.).

Comitatus:
I. Scepusiensis.
II. Sárosiensis.
III. Zempliniensis.
IV. Unghváriensis.
V. Bereghiensis.
VI. Máramorosiensis.
VII. Ugocsensis.
VIII. Szabolcsensis.
IX. Abaujvariensis.
X. Tornensis.
XI. Szatmáriensis.
XII. Bihariensis.
XIII. Bácsiensis.
NB. Nullus locus populosus in Lexico invenitur.
Galicia
Tabula Synoptica.
Milliaria Geographica.
C. Gömöriensis
C. Borsodiensis
C. Hevesiensis
Transylvania
Cassovia
Eperiesinum
Leucsovia
Késmárk
Unghvár
Munkács
N. Berezna
Huszt
M. Szigeth
Szatmár
N. Károly
Debrecinum
Patakinum
Petrovaradinum
Neo-Planta

I Processus Verchovinensis.
II. . . Inferior.
III. . Szigethiensis.
IV. . Kaszóiensis.
V. . Superior.
Comitatus Máramorosiensis.
Milliaria Geographica.
GALICIA
TRANSILVANIA
Comitatus Beregh
Comitatus Ugocsiensis
Comitatus Szathmariensis
Processus Kaszóiensis
Processus Superior
HUSZT
VISK
TECSŐ
HOSSZUMEZŐ
SZIGETH

I. Processus Munkácsiensis.
II. Processus Kászonyensis.
III. Processus Superior.
IV. Processus Tiszahátensis.
Galicia
Comitatus Unghváriensis
Comitatus Máramorosiensis
Comitatus Ugocsensis
Comitatus Szatmáriensis
Com. Szabolcsensis
Latorcza F.
Szernye F.
Tibiscus F.
Comitatus
Bereghiensis.
Milliaria Geographica.

I. Processus Cis-Tybiscanus.
II. Processus Trans-Tybiscanus.
Comitatus Bereghiensis
Comitatus Maramorosiensis
Comitatus Ugocsensis.
Comitatus Szathmáriensis
Tybiscus F.
Borsova F.
Túr F.
I
II
A. Karaszló
F. Karaszló
A. Sárad
F. Sárad
Rákócz
Eölves
H. Gongova
K. Csongova
Komjáth
Salánk
Illonok-Új-f.
Fekete-p.
Verbőcz
Egres
Szöllös-Vég-Ardó
N. Szöllös
Veresmart
Rakasz
H. Kupány
Verécze
Kirva
Veléthe
Király-h.
Csarnató
Fere-h.
Jós-Új-f.
Gödény-h.
H. Tarna
Bocskó
N. Tarna
Tisza-Keresztúr
Karácsf.
Máty-f.
Tisza-Újlak
Tisza-Újhely
Fancsika
Sásvár
Szirma
Heteni
Fekete Ardó
Csepe
Csoma
Tivadar
Farkas-f.
Péterf.
Forgoláng
Batár
Nevetlen-f.
Gyula
Komlós
Batarcs
Tamásváralja
Turcz
N. Gércze
K. Gércze
Dabólcz
Babony
Halmi
Kökényesd
Csedreg
Almás
Túr-Terebes
Milliaria Geographica.

I. Processus Szobránczensis.
II. Processus Kaposiensis.
III. Processus Szerednyensis.
IV. Processus Unghváriensis.
Comitatus Zempliniensis
Galicia
Comitatus Beregh
Comitatus Zemplin
Com. Szabolcs
Comitatus Unghváriensis.
Milliaria Geographica.
Unghvár
Szobráncz
Kapos
Szerednye
N. Berezna
Perecseny
Unghvári
Unghvár F.
Ungh F.
Lyuta F.
Turya F.
Laborcz F.
Tisza F.
Uzsok
Volosanka
Luh
Zahorb
Lubnya
Bisztra
Sztavna
Domasina
Kosztrina
Viska
Szucha
Huszna
Ticha
Lyuta
Orosz Mocsár
Rosztoka
Csernoholova
Zaussziha
Mircse
Uj Kemencze
Szmerekova
Vulsinka
Lipócz
Turicza
Rakó
Polena
Turja Bisztra
Dubrinics
Kemencze
Domonya
Rahoncza
Antalócz
Kibler
Horlyó
Helmecz
Lehócz
Valkaja
Dubróka
Orlyava
Bacsava
Andrásócz
Szerednye
Gujdos
Hutta
Petrócz
Huszák
Karcsava
Németi
Tarnócz
Jenke
Bező
Lakárt
Ighar
Pinkócz
Lakárt
Radvancz
Jerény
Minaj
Ketergény
Czigányócz
K. Szlatina
Laaz
Hosszúmező
Palágy
Jaczócz
Dubrovka
Vinna
Kalusza
Hunkócz
Benetine
Várallya
Tibava
Ruszka
Strajnyán
Jessenő
Hliviscse
Reviscse
Jesztreb
Kraska
Rebrin
Pálócz
Palyin
Szerednye
Visoka
Tegenye
Kerész
Mogyorós
Vajkócz
Mátyócz
Palló
Csicser
Bajan-h
Kapos
Csepely
Buda-h
Salamon
Csap
Zahony
Jeszenő
Szürte
Orosz Komoroc
Tiba
Korumlya
Kolibabócz
Ördög Poruba
Dereckopa
Konyus
Hornya
Bunkócz
Ublya
Tarna
Jaslócz
Vásáros

I. Processus Submontanus.
II. Processus Insulanus.
III. Processus Ujhelyensis.
IV. Processus N. Mihályensis.
V. Processus Göröginyensis.
VI. Processus Sztropkoviensis.
Galicia
Comitatus Sárosiensis
Comitatus Abaujvariensis
Comitatus Unghensis
Comitatus Zempliniensis.
Milliaria Geographica.
Homonna
Sztropko
N. Mihály
Ujhely
Zemplén
Terebes
Szinna
Sztara
Király Helmecz
Tokaj
Laborcza

Comitatus
Sárosiensis.
Milliaria Geographica
I. Processus Tarczensis inferior.
II. Processus Tarczensis superior.
III. Processus Sirokiensis.
IV. Processus Szekcsoviensis.
V. Processus Taplensis.
VI. Processus Makoviczensis.
Galicia
Comitatus Scepusiensis
Comitatus Abaujváriensis
Comitatus Zempliniensis
Bártfa
Kurima
Szvidnik
N. Saaros
Eperiesinum

Часть XXVIII. Прокопія Кесарійскаго. Исторія войнъ Римлянъ съ персами, Вандалами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго, Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891.

" XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора, архіепископа Едесскаго. Издалъ И. Помяловскій. 1892.

" XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892.

" XXXI. Вып. 1. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ Г. Форстена. Выпускъ 2-й. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Прѣснякова. 1893.

" XXXII. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ рускомъ языкѣ. Часть I. С. Булича. 1893.

" XXXIII. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ I. Борьба изъ-за Ливоніи. Изслѣдованіе Г. Форстена. 1893.

" XXXIV. Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. 1544—1648. Томъ II. Борьба Швеціи съ Польшей и съ Габсбургскимъ домомъ. 30-лѣтняя война. Изслѣдованіе Г. Форстена. 1894.

" XXXV. Житіе Св. Аѳанасія Аѳонскаго. Изд. И. Помяловскій. 1895.— Житіе Св. Григорія Синаита. Изд. И. Помяловскій. 1894.

" XXXIV. Ѳеодорита, епископа Киррскаго, отвѣты на вопросы. Изд. А. Пападопуло-Керамевсъ. 1895.

" XXXVII. Августалы и сакральное магистерство М. Крашенинникова. 1895.

" XXXVIII. Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt W. Wassiliewski et V. Jernstedt. 1896.

" XXXIX. Психологія Джемса. Пер. И. И. Лапшина. 1896.

" XL. Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II (1762—1774). Изслѣдованіе Н. Д. Чечулина. 1896.

" XLI. Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. Изд. Пападопуло-Керамевсъ. 1896.

" XLII. Проекты реформъ по запискамъ современниковъ Петра Великаго. Н. Павлова-Сильванскаго. 1897.

" XLIII. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ въ XVI в. С. Рождественскаго. 1897.

" XLIV. Сборники псточниковъ по Трапезундской имперіи. Собралъ Пападуполо-Керамевсъ. Часть I. 1897.

" XLV. Введеніе въ изученіе соціологіи Н. Карѣева. 1897.

" XLVI. Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Б. Тураева. 1898.

" XLVII. Протопопъ Аввакумъ А. К. Бороздина. 1898.

" XLVIII. Изъ исторіи Аѳинъ. 229—31 годы до Р. Хр. С. Жебелева. 1899.

" XLVI. Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ Русскаго Путешественника". В. В. Сиповскаго. 1899.

" L. Выпускъ 1-й. Житіе иже во святыхъ отца нашего Арсенія Великаго. Издалъ Г. Ф. Церетели. 1899. Вып. 2-й. Житіе преподобнаго Паисія Великаго и Тимоѳея, патріарха Александрійскаго повѣствованія о чудесахъ св. Великомуч. Мины. Издалъ И. Помяловскій. 1900.

" LI. Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи. М. И. Ростовцева. 1899.

" LII. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. С. Ѳ. Платонова. 1899.

" LIII. И. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія. Т. I. 1899.

" LIV. Вып. I. В. Н. Перетцъ. Матеріалы къ исторіи апокрифа. 1899. Вып. II. В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія Т. I. 1900.

" LV. Э. Д. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти Т. I. 1900.

" LVI. А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Аморійской династіи. 1900.

" LVII. Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета. 1900.

Часть LVIII. А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. 1901.
» LIX. Б. М. Меліоранскій. Георгій Кипрянинъ и Іоаннъ Іерусалимлянинъ. 1901.
» LX. Очерки бытового театра Лопе де Веги Д. К. Петрова. 1901.
» LXI. И. И. Лаппс. Великое княжество Литовское (1569—1586). 1901.
» LXII. И. Л. Лось. Сложныя слова въ польскомъ языкѣ. 1901.
» LXIII. Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти Т. II. 1901.
» LXIV. В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія. Т. III. 1902.
» LXV. Б. Тураевъ. Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи. Вып. 1, 2, 3 и 4. 1902.
» LXVI. А. А. Васильевъ. Политическія отношенія Византіи и арабовъ за время Македонской династіи. 1902.
» LXVII. М. Ростовцевъ. Римскія свинцовыя тессеры. 1903.
» LXVIII. Н. Лосскій. Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. 1903.
» LXIX. Б. Варнеке. Очерки изъ исторіи древнеримскаго театра. 1903.
» LXX. Н. К. Козьминъ. Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. 1903.
» LXXI. С. Жебелевъ. Ахаіка. Въ области древностей провинціи Ахаіи. 1904.
» LXXII. В. Новодворскій. Борьба за Ливонію между Москвою и Рѣчью Посполитою (1570—1582). 1904.
» LXXIII. Пл. Гр. Васенко. „Книга Степенная царскаго родословія“ и ея значеніе въ древнерусской исторической письменности. Часть I. 1904.
» LXXIV. И. Холоднякъ. Carmina sepulcralia latina epigraphica. 1904.
» LXXV. С. Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи Т. I. Спб. 1904.
» LXXVI. Житія двухъ вселенскихъ патріарховъ XIV в. Изд. Пападопуло-Керамевсъ. 1905.
» LXXVII. А. Маленнъ. Рукописное преданіе Загадокъ Альдгейма. 1905.
» LXXVIII. Н. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма. 1906.
» LXXIX. К. Тіандеръ. Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое Море. 1906.
» LXXX. И. Лапшинъ. Законы мышленія и формы познанія. 1906.
» LXXXI. А. Петровъ. Генриха Итальянца Сборники формъ. I—II. 1906—1907.
» LXXXII. Д. Петровъ. Замѣтки по ист. старо-испанской комедіи. 1907.
» LXXXIII. П. Митрофановъ. Полит. дѣятельность Іосифа II. 1907.
» LXXXIV. Сборникъ статей въ честь В. И. Ламанскаго.
» LXXXV. М. Поліевктовъ. Балтійскій вопросъ въ русской политикѣ послѣ ништадтскаго мира. (1721—1725). 1907.
» LXXXVI. Е. В. Тарле. Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи. 1907.
» LXXXVII. И. Замотинъ. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ 20—30-хъ гг. 1907.
» LXXXVIII. А. Ону. Выборы 1789 г. во Франціи и наказы 3-го сословія. 1908.
» LXXXIX. Н. Ястребовъ. Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ. 1908.
» XC. А. Прѣсняковъ. Княжое право въ древней Руси. 1909.
» XCI. Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Часть первая. 1909.
» XCII. Chichmareff. Guillaume de Machaut. T. II. 1909.
» XCIII. Н. Каринскій. Языкъ Пскова XV в. 1909.
» XCIV. Д. К. Петровъ. Россія и Николай I въ стих. Эспронседы и Россетти. 1909.
» XCV. Varia graeca Sacra. Изд. А. Пападопуло-Керамевсъ. 1909.
» XCVI. С. В. Рождественскій. Матеріалы для исторіи учебныхъ реформъ въ Россіи, I. 1910.
» XCVII. В. В. Сиповскій. Очерки изъ исторіи русскаго романа, т. I, Вып. 1-й 1909.
» XCVIII. В. В. Сиповскій. Очерки изъ исторіи русскаго романа, т. I, Вып. 2-й 1910.
» XCIX. И. И. Лапшинъ. Проблема чужого я. Спб. 1910.
» C. Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи Ч. II. 1911.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.